Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
КАБИНЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА
в 1924 году

СБОРНИК СТАТЕЙ
под редакцией Ф. РОТШТЕЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1925

27 типография
„КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ“
Остоженка, 10.
Главлит № 35.513.
Тираж 5000.

К83т
327
К83т

Георгий Чичерин

Ленин и внешняя политика

Еще не настало время изложить в виде стройной системы внешнюю политику Владимира Ильича. Уже давно всеми признано, что у Советской республики имеется стройная выработанная система внешней политики. Она является еще большей новизной, чем советская система внутренней политики. Никогда до Октябрьской революции не делалось попытки установить программу внешней политики социалистического государства среди капиталистических. Но и сам Владимир Ильич никогда не излагал в виде систематически разработанного плана всю внешнюю политику Советской республики. Ее стройность и цельность была в его голове. Свои взгляды в этой области он излагал в бесчисленных конкретных случаях в пределах этих последних. Лишь несколько общих принципов, лишь некоторые основные концепции его внешней политики излагались им в общей форме. Только впоследствии, когда все материалы по нашей внешней политике за период, когда он руководил делами, будут собраны и систематизированы, и когда целый ряд острых вопросов наших дней отойдет в историю, можно будет восстановить стройную систему внешней политики Советской республики, как ее понимал Владимир Ильич.

В тот период, когда Владимир Ильич принимал активнейшее участие во всех деталях государственной жизни, я в области своей работы находился с ним в почти непрерывном контакте. В первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич давал всегда в своих разговорах самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости.

667009

Впервые я вошел с ним в контакт по внешней политике в период споров после германского ультиматума. Для всех нас перелом от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден, и в момент моего первого разговора с Владимиром Ильичем я еще не успел подчиниться необходимости подписания „похабного" мира. Однако, перелом во мне совершился, и я поехал в Брест-Литовск. Когда мы доехали до одной из последних станций перед Псковом, нам пришлось стоять почти сутки, вследствие невозможности ехать дальше в обстановке бегущей царской армии. Тут мы получили от Владимира Ильича телеграмму приблизительно такого содержания: „Вы колеблетесь. Это недопустимо". Мы ответили ему, что мы задержаны против нашей воли и при первой возможности мы двинемся дальше.

Мы вернулись из Бреста в момент эвакуации правительства из Петрограда (ныне Ленинград) в Москву. На новом месте я сразу вошел в самый близкий контакт с Владимиром Ильичем, и до самого момента покушения на него я работал, собственно говоря, вместе с ним. Его неподражаемый политический реализм нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям. После Брестского мира германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно продвигались вперед, в особенности со стороны Украины, еще не имевшей границы, так как границ губерний немецкие войска не признавали. Благодаря личному вмешательству Владимира Ильича, были предотвращены некоторые выступления, носившие характер паники или отчаяния. Вместо этого наше правительство, по рекомендации Владимира Ильича, обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров. Так было положено начало тем переговорам, которые завершились в августе дополнительными соглашениями с Германией и началом эвакуации оккупированных областей немцами. За всеми перипетиями этих переговоров Владимир Ильич тщательно следил, сочетая своевременные уступки с твердостью в тех случаях, когда надо было положить предел чрезмерной требовательности противной стороны.

Пребывание в Москве, этой революционной столице, графа Мирбаха, представителя победоносной военной монархии, естественно, вело к постоянным трудностям и иногда к почти безвыходным ситуациям. Владимир Ильич обнаруживал при разрешении этих постоянных трудностей тот-же неподражаемый политический реализм, который внушил ему необходимость подписания Брестского договора. Но, считаясь

постоянно с фактом нашего тяжелого положения и с необходимостью уступок, Владимир Ильич всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять твердость. „Это требование нелепо“,— иногда заявлял он. Между прочим, происходили частые недоразумения при переговорах об обмене военнопленными. Владимир Ильич, лично вмешиваясь в детали этих переговоров, устанавливал пределы, за которыми уступки являлись излишними.

Самым тяжелым моментом было убийство графа Мирбаха, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичом. Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву, и, считая необходимым отклонить требование германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда, Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результатов нашего ответа. Его чутье его не обмануло, и достигнутый компромиссный результат соответствовал тому, как он в разговорах со мной оценивал положение.

Когда в августе Антанта уже фактически вела против нас войну, заняв Архангельск, и продвигаясь от него к югу, действуя на востоке при помощи чехо-словаков и на юге толкая вперед „добровольческую армию“ Алексеева, Владимир Ильич сделал попытку использования антагонизма двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска шедшей вперед Антанты. После долгого совещания с Владимиром Ильичом, я лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным от'ездом Гельфериха.

Главным средством нашего дипломатического действия в Берлине в этот первый труднейший период было заинтересование германских деловых кругов в экономическом сотрудничестве с Советской республикой. Тов. Иоффе, блестяще проводивший эту политику, указывал германским деловым кругам, что, превратив Россию во вторую Украину, они тем самым превратят ее в пустыню и лишат себя же всех тех выгод, которые им могло бы дать экономическое сотрудничество с возрождающейся Советской Россией. В связи с этим Владимир Ильич впервые оформил конкретно свои планы привлечения иностранного капитала и предоставления ему крупных концессий. Я имел на эту

тему ряд чрезвычайно интересных разговоров с Владимиром Ильичом. Наконец, план предоставления иностранному капиталу концессий, разработанный, кажется, тов. Бронским, был одновременно включен и германскому правительству, и нашему американскому приятелю, полковнику Реймонду Робинсу, который его повез с собой в Америку.

Беспримерная трудность нашего положения в этот первый период зависела от того, что, с одной стороны, на нас оказывал давление победоносный германский империализм, а с другой стороны, давила на нас все более требовательная Антанта. Я помню посещение антантовских представителей по поводу занятия Владивостока японцами. Владимир Ильич тогда детальнейшим образом рекомендовал мне полу-дипломатический, полу-язвительный ответ на лицемерное заявление начинавшей свою интервенцию Антанты. Нашей главной заботой в то время было по мере возможности продлить передышку и отсрочить ожидавшиеся дальнейшие шаги Антанты против нас. При моих постоянных попытках соглашения с Антантой, которые, даже в случае неудачи, могли, по крайней мере, отсрочить угрожавший нам разрыв. Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне тончайшие советы, проявляя изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника. Опять-таки благодаря его личному вмешательству удавалось округлять возникавшие острые углы. Когда после газетного интервью французского посла Нуланса о грядущей интервенции мы потребовали его отозвания и заявили, что рассматриваем его, как частное лицо, мы сначала предприняли против него целый ряд репрессалий в роде лишения корреспонденции и т. д., но сразу же выяснилось, что мы этим можем сорвать ту передышку, которую мы всячески старались продлить. Владимир Ильич сейчас же вмешался, чтобы прекратить те излишние репрессалии, от которых можно было ожидать нежелательных результатов. Опять таки, после интереснейших разговоров с ним, я имел продолжительное свидание с начальником французской военной миссии генералом Лавернем, с которым мы тщетно старались столковаться. Франция, напрягавшая последние силы в отчаянной схватке, хотела во что бы то ни стало немедленно восстановить восточный фронт Германии, и все мои указания, как в разговоре с Лавернем, так и в других случаях, на невозможность для нас возобновления борьбы имели результатом лишь новые проявления стремления Антанты к созданию восточного фронта для Германии, хотя бы вопреки нам. Владимир Ильич в этих разговорах открывал мне глаза на громадное значение Франции для континентальной военной политики. Мне особенно памятен тот интерес, с которым Владимир Ильич отнесся к посещению маркиза Люберзака

(родственник которого в 1922 г. заключил известное соглашение со Стиннесом). Этот молодой французский офицер выражал восторг по поводу виденных им первых зачатков новой народной русской армии, т.-е. Красной армии. Одновременно, оценивая мировую роль Англии, Владимир Ильич внимательнейшим образом следил за нашими попытками договориться с ней чрез специально посланного к нам Локкарта. Одно время это соглашение казалось возможным, пока бунт чехо-словаков не направил политику Англии по линии активной интервенции. В беседе со мной Владимир Ильич предсказал, что Англия будет стараться по очереди договариваться со всеми против нас. Я ответил, что при своей гибкости Англия будет стараться договариваться и с нами. „С нами—последними, после других", — ответил Владимир Ильич.

Как только Антанта начала на нас открытое нападение, усиливая его конспиративной работой и попытками вызывать восстания внутри нашей собственной страны, Владимир Ильич считал нужным отвечать на это рядом сильных ударов. В такие моменты должна была применяться не гибкость, но мгновенное применение силы. Однако, и в эти моменты массовых арестов и т. п. Владимир Ильич всегда, где нужно, применял гибкость, предотвращая возможность лишнего осложнения. Сидевших в Вологде антантовских послов мы убедили в необходимости выехать, сначала предложив им переезд в Москву, от которого они отказались. В результате этого их выезд из России совершился корректным образом, что облегчило нам дальнейшие сношения с их государствами. Как раз в это время величайшего обострения с Антантой Владимир Ильич впервые настоял на том, чтобы мы обратились к Антанте с мирными предложениями. В первый раз через американского консула Пуля мы запросили Англию, чего она, собственно, хочет. Затем формальное мирное предложение мы переслали через дружественного нам секретаря норвежской миссии Христиансена.

В момент крушения Германской империи первым решением Владимира Ильича было предложение помощи германскому народу для ведения им народной войны против вторжения иностранного империализма. Но Германская республика пошла по другому пути. Как только я прочитал Владимиру Ильичу ленту моих разговоров по прямому проводу с Гаазе, он сказал: „Ничего не выйдет, это надо прекратить". Антанта в то время требовала, чтобы германские войска остались на своих местах, до прихода антантовских или союзных с ними войск, с тем, чтобы последним была передана власть. Выполняя решение Антанты, Германская республика активно участвовала в подготовке интервенции против нас. Такова была политика Гаазе и Каутского.

Но немецкие войска сами пошли домой, не считаясь с распоряжениями своего начальства.

Параллельно с уходом немецких войск создавались национальные советские республики. Тут впервые была осуществлена национальная программа Владимира Ильича. Она оказала серьезнейшее влияние и на наших противников, которые в это время стали путаться между поддержкой „единой неделимой“ белогвардейской России и развитием контр-революционных движений у малых национальностей. Это внутреннее противоречие антантовской политики, в особенности французской, сыграло для наших врагов роковую роль.

В течение всего периода интервенции Владимир Ильич настаивал на наших обращениях к противникам с мирными предложениями. Он нисколько не опасался вызвать этим впечатление слабости. Он считал это, наоборот, одним из сильнейших средств для оказания давления на воинствующий интервенционизм в странах Антанты.

Когда получились первые известия о предстоящем приглашении нас на конференцию на Принцевых островах, Владимир Ильич сейчас же признал необходимым, не дожидаясь получения этого приглашения, обратиться к Антанте с нашим собственным предложением. Тут впервые в развитой форме была проведена его мысль об апелляции к экономической выгоде самой Антанты. Эта мысль стала одной из главных во внешней политике Владимира Ильича и постепенно получила все большее развитие. В ноте 4 февраля 1919 г., явившейся результатом подробного обсуждения вопроса самим Владимиром Ильичом, мы впервые согласились на признание наших долгов, оставляя открытым способ проведения этого признания в жизнь и тут же предложили Антанте систему концессий на наши натуральные богатства. Дальнейшее развитие эта программа получила в наших предложениях, врученных американскому эмиссару Буллитту. Каждое слово наших предложений Буллитту было тщательно взвешено Владимиром Ильичом; тут же был назначен срок, после которого эти предложения теряли силу. Владимир Ильич тогда же говорил: „Если они сейчас не примут наших предложений, то другой раз они от нас таких выгодных условий уже не получат“.

Прошло несколько месяцев, и при активнейшем участии Владимира Ильича нами были сделаны мирные предложения нашим соседям, вновь образовавшимся буржуазным балтийским государствам и Финляндии. Тем самым был положен конец признанию нами советских правительств этих национальностей. Это был снова поворотный пункт нашей внешней политики, при котором обнаружились вся бесподобная гибкость и политический реализм Владимира

Ильича. Нам надо было считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик. И Владимир Ильич твердо и ясно положил начало политике мира и дружелюбных отношений с нашими соседями. Первая подписала с нами перемирие, а потом договор, Эстония. Я помню опять-таки, с какой внимательностью Владимир Ильич входил во все детали переговоров, устраняя ненужное сопротивление и идя на значительные уступки ради мира, но в то же время отвергая всякие преувеличенные домогательства противной стороны. Также настоял он в 1920 г., в виду колебаний других товарищей, на уступке нами Финляндии области Печенги.

С конца 1919 г. начинается полоса возобновления нами сношений с большими государствами Антанты. Тов. Литвинов в ноябре едет в Копенгаген, а в начале 1920 года тов. Красин едет в Лондон. Внимательнейшим образом следя, чтобы противная сторона не поставила нам какой-либо ловушки, и тщательно разбирая каждое предложение, Владимир Ильич в общем твердо держал курс на торговое соглашение с Англией. Когда в середине 1920 г. тов. Красин приехал из Лондона с 4-мя условиями Ллойд-Джорджа, Владимир Ильич настоял на их принятии в общих чертах в качестве основы для переговоров. В момент продвижения наших войск к Варшаве Владимир Ильич с чрезвычайной холодностью отнесся к ультиматуму Ллойд-Джорджа, считая, что он не может причинить нам слишком большого вреда. Как раз в этот период я имел с Владимиром Ильичом ряд интереснейших разговоров в связи с английским предложением конференции, которое в известный момент сделалось англо-французским предложением. Франция в этот момент держалась некоторое время (до внезапного признания Врангеля), довольно умеренного курса по отношению к нам и соглашалась на мировую конференцию вместе с Англией. Владимир Ильич вполне оценивал громадные выгоды для нас такого предложения; однако, тут было большое „но“: эта конференция должна была обсуждать отношения между нами и балтийскими государствами. Другими словами, Антанта держалась верховным арбитром в наших отношениях с нашими соседями. Из-за этого мы вполне правильно отказались от англо-французской конференции. Тогда же Владимир Ильич с глубочайшим интересом отнесся к первым попыткам налаживания экономического сотрудничества с германским капиталом.

При начатии переговоров с Польшей лично Владимиру Ильичу принадлежала замечательная мысль: предложить Польше больше территории, чем предлагали ей Клемансо и Керзон. И во время рижских переговоров Владимир Ильич по телефону обсуждал детали делавшихся предложений и

в конце-концов настаивал на подписании договора в его нынешнем виде.

Нечего говорить о том огромном интересе, с которым Владимир Ильич относился к каждому шагу нашей восточной политики. Я вспоминаю об его продолжительном свидании с первой афганской чрезвычайной миссией. Я вспоминаю дальше, как внимательно во время московской конференции с Турцией Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал меня по телефону о том, что было сделано за день, и с каким живым интересом он относился к судьбе этих переговоров. Он настойчиво проводил и политику вступления в дружественные отношения с персидским правительством.

В 1921 г. подписанию нами предварительного соглашения с Англией предшествовало у нас долгое обсуждение этого вопроса. Владимир Ильич категорически настоял на подписании. Однако, в 1921 году его личное участие в делах внешней политики становится значительно меньшим. Оно окончательно вытесняется коллективным обсуждением, при чем Владимир Ильич гораздо меньше прежнего входит в детали всех дел. Очень горячее участие он принимал, впрочем, в переговорах с „АРА“ и с Нансеном о помощи голодающим.

Хотя зимой 1921—1922 г. Владимир Ильич долгое время жил за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок. Его инициативе принадлежала мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нам кредитов. Когда перед нашим от'ездом в Геную мы обсуждали текст нашего выступления при открытии конференции, и когда при этом предлагались обличительные фразы в духе наших прежних выступлений, Владимир Ильич написал приблизительно так: „Не надо страшных слов“.

После моего возвращения осенью 1922 года из-за границы я пробыл в Москве 6 недель. Главным вопросом был турецкий, подготовлялась Лозаннская конференция. При живейшем участии Владимира Ильича была обсуждена и принята та программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним крупным вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о проливах с Владимиром Ильичом было последним, которое я с ним имел. Это было также моим последним свиданием с ним.

Примечание. Статья взята нами из книги у „Великой Могилы“ с соответствующего разрешения Г. В. Чичерина.

К. Радек

Итоги 1924 г. в области международной политики *)

Прошлый год считается в буржуазной, политической и экономической публицистике переломным годом. С этим фактом приходится считаться. Надо холодно оценить все аргументы, все доводы и факты, чтобы дать себе отчет о международном положении и тех затруднениях, с которыми в ближайшее время будет иметь дело рабочий класс в международном масштабе и СССР, в частности. Постараемся сначала спокойно проанализировать те действительные факты, на которые опирается утверждение буржуазной публицистики,—факты в области экономической,—чтобы во второй части перейти к их отражению в политике. Надо сказать, что в прошлом году мы, занимаясь вопросами так называемой эры демократизма и пацифизма, этих перемен в достаточной мере не видели; во всяком случае, не видели достаточно ясно насколько эти экономические перемены являются базой всего того периода, который мы переживаем. Есть три основных факта в мировой экономике за последний год, которые накладывают свой отпечаток на все международное положение. Первый факт — возрождение международного кредита путем значительного увеличения экспорта капитала. Второй факт—восстановление денежной системы в ряде капиталистических стран. И третий факт,— это есть факт недостаточного расширения промышленности, несмотря на два предыдущих факта. Как проявилось восстановление международного кредита? Достаточно назвать для этого одну цифру. Соединенные Штаты Америки вывезли за прошлый год капитала за границу в количестве 1 млрд. 200 млн. долларов, т.-е. 2 млрд. 400 млн. золотых рублей. Само собой понятно, что это есть переломный факт. Это есть не только рекордная цифра вывоза капитала после войны. Перед войной Америка вообще не была вывозящей капитал страной, а после войны никогда этот вывоз не

*) Доклад, читанный на заседании Коммунистической Академии 19/II 1925 г.

превышал 350 млн. долларов. В этом году он в 4 раза выше. Английский капитал не в состоянии в такой же мере следовать за американским капиталом. Английский вывоз стационирует, он находится приблизительно на уровне около 200 млн. фунтов, при чем из этих 200 млн. фунтов только 30% идет в страны, не являющиеся английскими колониями. Такой значительный вывоз капитала в первую очередь Америки и отчасти Англии позволил покрыть репарационный заем для Германии, Покрытие репарационного займа для Германии, займа в 800 млн. зол. марок, является крупнейшим политическим фактом. Еще два года тому назад директор Моргановского банка, Ламонт, в речи, произнесенной в Нью-Йорке, заявил, что заем для Германии является пока что фантастической идеей по той причине, что не найдется покупателей для этого займа, ибо широкие массы американской публики не имеют никакого доверия к твердости буржуазного режима в Германии. Тот факт, что этот заем в истекшем году удалось провести, имеет, понятно, громадное симптоматическое значение. Заем Моргановского банка в 100 млн. долл., заключенный Францией с целью остановки падения курса франка, имеет меньшее значение, так как концерн Моргановского банка не отражает отношения широких капиталистических кругов к состоянию франка. Кроме этих двух займов Америка снабжала капиталом целый ряд государств европейских, южно-американских. Помимо этого значительные массы капитала хлынули в частные европейские предприятия и по некоторым расчетам сумма этих частных сделок выше суммы сделок, заключенных европейскими государствами с американскими банками. В приведенную нами сумму 1 млрд. 200 млн. долл. не входят сделки, которые не заключались на бирже, не состояли в публичной продаже ценных бумаг, а состояли в том, что один или другой банк частным путем заключал сделку с частными фирмами. Таким образом, главный немецкий банк продал $^1/_4$ часть своих акций двум банкам,— английскому и американскому.

Что означает возрождение кредита в этих размерах, легко себе представить. Он открывает для капиталистических держав возможность получения отчасти основного капитала, но еще в больших размерах капитала оборотного, чтобы двинуть вперед промышленность.

Второй факт имеет не меньшее значение. Стабилизация центральных европейских валют происходит отчасти на основании американского и английского кредитов, отчасти же она осуществляется собственными силами европейской буржуазии. Например, стабилизация польской валюты произошла исключительно силами польской буржуазии, которая, с одной стороны, при помощи налогового пресса, а с дру-

гой стороны, при помощи частного кредита дала государству средства, необходимые для стабилизации валюты. В Германии стабилизация валюты произошла при помощи американского и английского капиталов, но скандал с выплатой 600 млн. золотых марок рурским предпринимателям из средств государства доказывает, что даже без американского займа германская буржуазия в целом на основе собственных рессурсов была в состоянии перед угрозой революции, которая посмотрела ей в глаза в 1923 году, кончить со старым денежным хаосом и провести новую стабилизацию валюты. Значение стабилизации центральных европейских валют—как вы знаете, в Австрии и Венгрии эта стабилизация проводится при помощи займов, предоставленных Лигой Наций,—значение этого сказалось после опыта стабилизации червонца. Это означает стабилизацию заработной платы, — при повышении же заработной платы наступает известное успокоение рабочих масс. Но насколько стабилизация валюты является уже фактом окончательным,—это вопрос. Напротив, если спросить—является ли возвращение С. Ш. Америки в Европу окончательным фактом,—на этот вопрос можно ответить утвердительно, ибо тут есть на-лицо причины, которые не исчезнут в ближайшие годы, а по всей вероятности, будут усиливаться. Превращение С. Ш. в кредитора имеет свою основу в аккумуляции капитала в Америке со времени войны и после нее. За 10 лет с 1914—1924 г.г. С. Ш. Америки, снабжая в войне Антанту, великолепно снаряжая войска, а после войны снабжая центральную Европу, получили перевес в торговых балансах Европы на 20 млрд. долларов. Из этой суммы половина осталась в Европе в качестве государственного долга европейских держав по отношению к С. Ш., но 10 млрд. долларов — 20 млрд. золотых рублей—вернулись в Америку. Аккумуляция капитала в Америке за 10 лет с 1912—1922 г.г. по опубликованным сведениям дала совершенно сногсшибательные результаты. „Нью - Йоркс Таймс“ от 16 января публикует соответствующие цифры; оказывается, что С. Ш., национальное достояние которых в 1912 г. равнялось 170 млрд. золотых долларов, насчитывают теперь 340 млрд. долларов. Если скинуть даже 50% на обесценение золота по сравнению с ценами других товаров, т.-е. на рост цен индекса товарного, то и так мы имеем, по крайней мере, рост национального достояния Америки на 50%. Америка имеет около половины золотого запаса всего мира, — неслыханно аккумулированное богатство, и имеет очень низкий учетный процент от 2—3%, который выгоден промышленному капиталу, но который очень невыгоден финансовому капиталу. Поэтому финансовый капитал стремится к вывозу аккумулированного золота за гра-

ницу. Этот фактор может выявляться более решительно и менее решительно, — тут возможны зигзаги, — но Америка появляется в качестве кредитора капиталистического хозяйства. Что касается стабилизации валют, то считать ее окончательной было бы большим легкомыслием. Состояние денежной системы европейских держав не зависит только от кредитов. Кредит этой денежной системы Европы пока только может быть оценен на известное переходное время. Самое же состояние этой денежной системы определяется в первую очередь торговым балансом, определяется, во-первых, тем, привозит ли данная страна больше, чем вывозит и, во-вторых, имеет ли данная страна скрытые доходы в виде доходов от помещенных за границей капиталов, доходов от работающих за границей банков, от фрахтов торгового флота и т. д. Если спросить—являются ли все эти факторы гарантией устойчивости денежной системы европейских держав,—то надо сказать, что до некоторой степени торговый баланс работает над устойчивостью этих денежных систем, и кроме того, для этого достаточно указать на следующие цифры. Германия имела в прошлом году пассивный торговый баланс, перевес ввоза над вывозом в 2 млрд. 700 млн. золотых марок. Англия имела перевес ввоза над вывозом в 340 млн. фунт. стерлингов, при чем английский капитал помещенный за границей уменьшился в сравнении с предвоенным временем и уже этот основной факт указывает на опасности, грозящие стабилизации валют. Таким образом, мы приходим к тем основным выводам,— насколько эти два первые фактора, названные мною, повлияли на поднятие производительности европейских держав. Надо сказать, что тут картина очень пестрая, но ничего утешительного для буржуазии она не представляет. Германия переживала летом минувшего года неслыханно острый кризис оборотного капитала. Он привел к тому, что германский государственный банк сократил кредиты, затем мы видим под'ем названной мною цифры в 2 млрд. 500 млн. золотых марок. Недочет в торговом балансе Германии доказывает, что, даже не уплачивая репарационных платежей, Германия не в состоянии продать за границей столько, сколько ей было бы нужно для того, чтобы постоянно держать в движении свою промышленность, — одним словом, что Германия стоит перед вопросом о рынках сбыта. Если обратить внимание на крупные руководящие капиталистические державы Европы, напр., на Англию, то мы видим, что там обнаруживается стационарное положение. Под конец года Англия уменьшает свою безработицу, а в начале нового года мы имеем новый ее рост. Английская безработица теперь еще находится на уровне 1.300.000 безработных. Если спросить себя, как выглядел вопрос о безработице

перед войной, то, сравнивая цифры нормальных времен Англии и хозяйственных кризисов 60—70—80 г.г., то можно сказать, что в так называемое нормальное время число безработных не было выше 2%, во время кризисов оно никогда не превышало 10%. Теперь Англия в момент, когда говорят о стабилизации капитализма, имеет больше 11% безработных, при чем это цифра общая, а если взять отрасли английской промышленности, специально связанные с мировой коньюнктурой,—назову только промышленность кораблестроительную, текстильную, металлургическую,— то в этих отраслях размер безработицы и теперь доходит до 20—30%. Английское правительство уплатило пособий для безработных за 1921 год 40 млн. фунтов стерлингов, половину той суммы, которую Соединенные Штаты Америки израсходовали за все послевоенное время на постройку своего флота. Эта цифра настолько громадна, что правительственный французский эксперт по английской экономике в своей книге о послевоенном кризисе, называя эту цифру, пишет, что в Англии правительственные круги не охотно говорят о политических последствиях безработицы, но английские руководящие круги считают, что эта безработица чревата возможностью революции. Если спросить себя, как выглядела мировая торговля в прошлом году, то тут нет окончательных цифр, но можно сказать, что за исключением Франции ни одна из крупных капиталистических держав не может говорить о том, что ей удалось преодолеть кризис сбыта. Для того, чтобы определить роль Англии в мировой торговле, достаточно назвать такие, напр., цифры: Англия, производя 85 — 95% предвоенного своего производства, имеет за границей сбыт, равный 60 — 70% довоенного. Таким образом, мы имеем здесь весьма серьезный факт, факт громадного кризиса международного капитализма. До войны значение мировой торговли для Америки было меньше, чем значение мировой торговли для Англии. Америка в лучшем случае вывозила 10% своего производства за границу. Это было причиной, почему американская буржуазия могла на известное время уйти из Европы, почему она могла бойкотировать СССР. Значение мировой торговли для Америки коренным образом изменилось с момента, когда она начала в больших размерах вывозить капитал. Само собой понятно, что вывозимый капитал еще не даст прибыли, если не будет решен вопрос о рынках для Германии. Без разрешения вопроса о мировом рынке вся эта стабилизация, в известной мере происходящая на западно-европейском участке капиталистического мира, находится под угрозой взрыва. Если спросить себя, что в общем итоге означают эти экономические перемены, в частности вопрос о стабилизации капитализма, то

надо, прежде всего сказать, что в этом вопросе в экономической литературе есть очень много мистики. С одной стороны, так называемая марксистская литература социал-демократии, а с другой стороны, отчасти и коммунистическая литература вводят в этот вопрос громадную путаницу. Недавно появился том, посвященный вопросам марксизма, в честь Каутского, с заглавием „Живой марксизм". Заглавие несознательно ироническое. В этом сборнике помещена статья господина Лейхнера о мировом кризисе. Что пытается дать в этой своей работе Лейхнер? Он ставит вопрос таким образом: что переживает мир после войны,—анормальный кризис, или нормальный кризис?

Лейхнер указывает, что в основе мирового кризиса лежит перепроизводство средств продукции, расширение промышленной базы капиталистического мира. Не подлежит сомнению, что это так. Англия, Америка, Италия, Япония и отчасти Франция перед войной значительно расширили в первую очередь свою тяжелую промышленность. Германия в период инфляции сделала то же самое. Период инфляции был периодом переоборудования всей германской промышленности, ибо германская буржуазия для избежания конкуренции, для избежания оплаты налогов, и под предлогом, что обогащение государства пойдет в государства Антанты, покупала тогда реальные ценности, в первую очередь машины. В основе кризиса лежит фактор, который везде приводит к кризисам. То, что мы называем сокращением покупательной силы Европы и всего мира, это то же есть фактор во всех кризисах. Так что, заканчивает Лейхнер, отличие послевоенного кризиса то предыдущих состоит в первую очередь в крушении денежной системы, в исчезновении кредита, а раз денежная система восстанавливается и кредит восстанавливается, то значит, мы имеем вполне нормальный кризис. Мы называем это мистикой. Само собой понятно, что никаких иных причин кризиса кроме обычных причин не было. Не было времени, которое бы создавало несуществующие в природе факторы. Ненормальность послевоенного кризиса состоит только в размерах диспропорции. Упали ли размеры этой диспропорции до предвоенных? И на это надо ответить: нет, не упали. Во-первых, если диспропорция средств производства по отношению к другим условиям производства так велика, что в продолжение многих лет целый ряд стран не в состоянии в некоторых отраслях промышленности использовать 20—30—40% насущных средств производства,— то это такие ненормальные размеры, что из таких ненормальностей рождается экономический застой. Основная международная проблема состоит именно в том, что перепроизводство средств продукции, расширение промышленного базиса всего капиталистического мира, ставит с неслы-

ханной остротой вопрос о рынках. Сюда необходимо прибавить также вопрос о покупательной способности, так как этот вопрос стоит еще достаточно остро. Центральная Европа, восточная Европа, юго-восточная и т. д.—не восстановили своей покупательной силы. Если сравнить сегодняшнее положение германских рабочих с их положением времени Рура, будет очевидно, что они находятся в лучшем положении, благодаря тому, что хотя заработная плата их низка, они получают 60—90% довоенной заработной платы, зато она более устойчива. Мелкая буржуазия не только в центральной Европе, но и во Франции очень значительна. Возьмите тот простой факт, что в стране рантье—во Франции—государственная рента имеет $^1/_4$, $^1/_5$ довоенной стоимости. Это показывает глубочайшую передвижку в национальном доходе; именно: во Франции и в Германии мелкая буржуазия в значительной части пролетаризировалась. То состояние, в котором теперь находятся капиталистические страны Европы,—есть состояние неслыханной диспропорции, которая будет являться источником новых крупных экономических и политических кризисов. Неверно, что капиталу безразлично, откуда он берет кредиты. Для экономического развития стран факт исключительной зависимости всего европейского капитализма от С. Ш. Америки имеет глубочайшие экономические и политические последствия, о которых, несомненно, еще придется говорить. Таким образом, если господин Лейхнер находит, что сейчас действуют нормальные факторы кризиса, то он не отдает себе отчета в размерах диспропорции. В этом проявляется его социал-демократический оптимизм, который должен служить основой для социал-демократической политики. Однако, с другой стороны, нельзя забывать того, что мы находимся в той фазе, когда стабилизационные тенденции капитализма в Западной Европе значительно сильнее выступают в данный момент: сильнее даже, чем тенденции революционные.

Мы попытаемся показать в той же политической части доклада, насколько этим стабилизационным тенденциям противопоставлены моменты другого специального характера. Но если мы хотим учесть реальную международную обстановку, то задача марксистской экономики заключается в том, чтобы выставить факты, не замазывая их, а, наоборот, выявить эти факты, как основу новой международной обстановки четко и подчеркнуть их. И ничего удивительного нет, что руководители Советской России, для которых эти вопросы имеют такое практическое значение, ибо они решают вопросы международной политической кон'юнктуры и принимают те или иные мероприятия,—нет ничего удивительного, что эти факты учитываются ими очень точно и они не пытаются их скрыть. Мы обращаем внимание на

речь тов. Сталина на Московской Губпартконференции, в которой он говорит: капитализм усилился настолько в Америке и Англии, что он в состоянии не только создать сносное положение для себя, но еще и борется, кромо того, за укрепление организма Франции и Германии. И само собой понятно, что это надо видеть, это надо учесть, ибо при практической политике (а мы теперь не только революционная партия, которая критикует и ободряет себя розовыми перспективами, а партия, которая должна вести реальную революционную политику)—замалчивать эти факты, прикрывать их рассуждениями, которые в конечном счете должны доказать, что факт не есть факт—это все ребяческая игра.

Теперь мы переходим к политическим последствиям этих стабилизационных попыток капитализма, производимых под руководством Америки и Англии. В истекшем году мы разобрали значение доклада Дауэса, Лондонской конференции и значение политики рабочего правительства в Англии,— мы оценили эти факторы, насколько они именно являются основой того, что мы называем эрой пацифизма и демократии, и какую об'ективную цель ставит себе, к какой цели идет буржуазия при этой политике на основе указанных экономических перемен.

Изложенное выше показывает, что вопрос о стабилизации капитализма будет решаться вопросом о рынках. Удастся ли мировой буржуазии в мировом масштабе в таких размерах увеличить рынок, чтобы он поглотил избыток производства, образующийся вследствие расширения промышленной базы капиталистических держав? В этом состоит весь экономический вопрос. Если мировая буржуазия сумеет создать такой рынок, который позволит ей пустить в движение производственные силы, находящиеся в ее распоряжении, то она революционный мировой кризис преодолеет. Возможно ли это теоретически? Теоретически это возможно. Ленин был вполне прав, когда в докладе на II-м Конгрессе Коминтерна сказал, что нет для буржуазии безвыходного положения. Ясно, что буржуазия, пока она у власти, будет искать выхода из положения и найдет этот выход. Вопрос о рынке является центральным вопросом. Как может буржуазия пытаться его разрешить? Во-первых, она должна пытаться преодолеть все силы, которые мешают восстановлению нормального капиталистического хозяйства. Какие силы мешают этому восстановлению? С одной стороны, революционная борьба пролетариата, а с другой стороны, те политические противоречия держав, которые являлись причиной всех послевоенных потрясений. Англия и Америка,—Англия как страна, вывозящая в первую очередь товары, Америка, как страна, вывозящая капитал,

являются теми странами, которые стараются подчинить своему влиянию политику меньших империалистических держав, мешающих восстановлению международного хозяйства. Политика Соединенных Штатов и политика Англии по отношению к репарационному вопросу являются именно одним из проявлений этой основной линии. С одной стороны, американская буржуазия при помощи займов, при помощи перспектив новых займов, принудила германскую буржуазию подчиниться и обязаться не только платить известные платежи союзникам, но и допустить контроль над исполнением обязательств, а с другой стороны, Америка и Англия пытаются подчинить своей воле Францию. Мы летом уже указывали, что план экспертов невыполним. Это теперь сделалось азбукой. Уже не только представители американского и европейского капитализма говорят об этом, но это видно и в речах государственных мужей и в государственных актах. Мы укажем только на такую вещь, что в последней ноте английского правительства в ответ на ноту французского министра финансов, в которой Франция спрашивает Англию согласна ли Англия с предложениями, которые делал Керзон Франции в 1923 году, отвечает следующим образом: „Мы не в состоянии предложить то, что предлагал Керзон в 1923 г.“. В чем тут дело? В 1923 году Керзон выразил согласие английского правительства принимать в качестве платежей от Франции германские обязательства по отношению к Франции. Теперь Англия отказывается от этого и заявляет,—вы хотите вместо того, чтобы платить нам из собственных средств, предложить, чтобы мы взяли от вас обязательства, которые Германия на основании доклада экспертов приняла по отношению к вам; но эти обязательства мы не можем считать реальной ценностью; деньги, которые вы уплатите, будут деньги, а что вам Германия должна будет уплатить и уплатит ли она, мы еще не знаем.

Мы летом пытались разгадать эту историю и пришли к убеждению, что дело идет о том, что англо-американский капитал дал психологически политическую передышку Франции. Наобещали снова громадные суммы в той надежде, что когда через два—три года явится новый кризис с этими уплатами, тогда Франция принуждена будет уступить. Не подлежит сомнению, что наша разгадка летом была правильной, но в данной момент Франция не в состоянии реализировать свои требования к Германии в области репарационных платежей и пытается возместить убытки, с одной стороны, борьбой за выгодный для Франции торговый договор с Германией, с другой стороны борьбой за уменьшение платежей Франции по отношению к Англии и по отношению к Америке. Политика Англии и

политика Америки по отношению к Японии имеют тот же характер. Япония, финансово зависимая от Англии и Америки, принуждена просить займы в Нью-Йорке и Лондоне, Япония имеет старые преимущества в Китае. И английская и американская политика на Дальнем Востоке стремится к одной той же цели, а именно, принудить Японию перестать быть помехой для развертывания торговли, для развертывания экономических предприятий англо-американского капитала на Дальнем Востоке. Представляет ли это собой пацифизм, в том смысле, как его проповедуют идеологи пацифизма? Понятно, ничего подобного. Эта политика,—представляющая собой стремление к пацификации, успокоению слабеющих капиталистических держав, которые пытаются не экономическими средствами отстаивать свое положение,—состоит таким образом, в попытке успокоить их экономическим принуждением, дабы они не помешали восстановлению международной торговли, восстановлению международного капитализма. Весь прошлый год прошел под знаком этого англо-американского сотрудничества, именно в целях устранить помехи—для стабилизации капитализма. Утверждение об англо американском сотрудничестве вызвало возражения в рядах коммунистов и бывших коммунистов. Так, бывший коммунист Ньюбольд напечатал статью, в которой он спрашивает, на какой планете живут люди в Москве, которые говорят об англо американском сотрудничестве в тот момент, когда Англия подготовляет новые законы о защите своей промышленности против американской конкуренции. В „Большевике“ есть статья одного из наших т.т., занимающегося вопросами международной экономики, который тоже делает вывод, что англо-американского сотрудничества не существует. Это—подход не диалектический. Весь капиталистический мир построен на конкуренции, но из этого не следует, что в известную историческую эпоху или в известный промежуток времени, страны, являющиеся конкурентами, не имели бы стоящих на первом плане общих целей, к которым они стремятся. Американский капитализм не будет развиваться в том темпе, в котором он развивался до сих пор, если не удастся на известное время обеспечить мир в его интересах. Господствующим вопросом буржуазии в данный момент является стабилизация капитализма, невозможная без упорядочения валют, укрепления международного кредита и открытия новых рынков Пока эти вопросы не разрешены, английский и американский капиталы не могут поставить в центре своей политики борьбы за то, кто будет первенствовать в этом стабилизованном капитализме. Другой вопрос — насколько противоречия, существующие в их системе, не принудят их отказаться от этой разумной политики; но цель они

имеют общую, и этой целью является устранение политических затруднений для развития капитализма, для стабилизации капитализма. И Америка и Англия, которые через несколько лет будут находиться в схватке друг с другом,— и Америка и Англия, противоречия которых в будущем явятся содержанием мировой политики,—они теперь являются державами, согласовавшими свои действия для того, чтобы добиться этой цели—создания условий для расширения мирового рынка. Пока что обе державы пытаются сговориться между собой по всем спорным вопросам—экономическим и политическим. Несомненно, что во многих из этих вопросов после войны происходит самая острая борьба между Англией и Америкой. Но это не устраняет того факта, что они пытаются тем или иным образом по возможности разделить выгоды и прибыль, для того, чтобы быть в состоянии подчинить общим интересам частные интересы англо-американского капитала, который в данный момент стоит перед центральным вопросом о рынках. Англо-американское сотрудничество в этом году пытается найти предлог к включению Франции в англо-американский блок. В печати было много разговоров о беседе господина Эррио с Чемберленом. Французский дипломат, который по этому поводу нас успокаивал, говорил, что, во-первых, он и беседовал-то только час, и полчаса ушло на разговоры о хорошей погоде; во вторых, что мы ошибаемся, считая, что у министров есть готовые идеи,—несмотря на все, они очень медленно думают, и прибавил, что даже если бы они больше, чем полчаса разговаривали, то не так скоро дела делаются, как вы думаете. Это—дипломат и очень опытный журналист. Он, пожалуй, прав, но дело не в том. А дело состоит в об'ективном положении и в его последствиях. Англия имеет промышленный кризис в колониях, обострение на египетском участке. Само собой понятно, что она пытается закрепить всю политику, закрепить свой тыл, освободиться от конкуренции. Конкуренция Англии и Франции на Ближнем Востоке усиливала там национальное движение. Всем известно, что Сирия находится под господством Франции. Оттуда шел подкоп под англичан и в Турции и в Аравии. Французское правительство в договоре с турецким правительством обязалось перевозить турецкие войска по ветке жел. дор. через Сирию, что должно было облегчить Турции перевозку войск через мосты. Теперь эти мосты испортились на Сирийской территории. Может быть, Эррио не знает, где Сирия и где мосты? Но кто-то их знает? Теперь они испортились. Турция не в состоянии их исправлять. Это есть факт политический, и Франция, которая поддерживала националистическое движение в Египте в самые обостренные моменты кризиса, теперь перестала его под-

держивать. С другой стороны, проконсул Англии в Палестине лорд Самуэль, который со своей стороны делал подкоп под французское господство в Сирии, бросает свое место, и теперь англичане и французы работают совместно против национального революционного движения на Востоке. Факт на-лицо, что заигрывание Франции с Турцией кончилось, и Турция чувствует себя совершенно изолированной. Таким образом, мы видим тут попытку выравнивания фронта, попытку, в которой козырем в руках Англии является тот факт, что Франция вынуждена теперь с Англией договориться на счет долгов. Если мы возьмем положение на Дальнем Востоке, то не подлежит сомнению, что Франция очень робко, но подставляет ногу англо американской кооперации на Дальнем Востоке. Чжан-Цзо-Лин имел от Франции в свое время поддержку при его военных операциях против У-Пей-Фу. Французский посол в Пекине очень часто в решительный момент портил игру. Теперь же там видно значительное понижение тона французской политики. Но, если взять все эти вопросы, не решая центрального вопроса о цели борьбы и ее последствиях, то надо сказать, что, если мы бы даже не знали и никаких Гельсингфорских конференций, не знали попыток Англии создать против нас блок на Балканах, не знали о соответствующей политике в Польше, то достаточно было бы продумать эти экономические факты, которые мы здесь, понятно могли только в самых кратких чертах установить, чтобы было ясно, что так как существует в мире только две крупных крестьянских страны с небольшой промышленностью, и при этом находящихся на известном культурном уровне, где можно очень значительно расширить рынки сбыта иностранных капиталистов, чтобы догадаться, что в центре всех вопросов стоят попытки согласованных действий англо-американского капитала против СССР и против Китая. Не подлежит ни малейшему сомнению, что наше международное положение ухудшилось, поскольку на-лицо обострение отношений, но зато мы усилились. Союзники думали, что нэп—это есть старая экономическая политика, возвращение к капиталистическому порядку. На самом деле, хотя нэп усилил буржуазию, но всетаки на основе товарного хозяйства и мы растем в силе. Не подлежит сомнению, что наша русская индустрия сделала значительный шаг вперед, тяжелая промышленность также развивается, сельское хозяйство, несмотря на неурожай, идет вперед, и этот факт уже сам по себе должен был обострить наше отношение к капиталистическому миру. Если вы будете следить за мировой капиталистической прессой, в первую очередь за прессой экономической, то вы увидите волну разочарования. В то время, как в 1921 году мы видели волну надежд

на то, что мы или скатимся, или вынуждены будем открыть ворота варягам, теперь этих надежд нет. Теперь говорят о том, что советская концессионная политика очень медленно двигается вперед, что очень мало концессий предоставляется иностранному капиталу и что, хотя большевики работают,— это надо признать,—но торговля с ними очень медленно развивается. Одним словом, возмущение большевиками за последний год очень сильно увеличилось. Но причины этого возмущения заключаются не только в росте нашей силы, но также и в росте их силы и в понимании ими того факта, что, если этот рост не должен уступить место новому срыву, то они должны приступить к решению русского вопроса, который они вначале не в состоянии были решить. Не подлежит никакому сомнению, что мы будем иметь дело с новым нажимом на нас с целью устранения монополии внешней торговли или, по крайней мере, пробивания бреши в монополии внешней торговли. Это есть нажим, во-первых, по линии внедрения капитализма в Россию и, во-вторых, по линии признания долгов. Вопрос о признании долгов имеет значение не только в том смысле чтобы они ожидали, что мы в состоянии в ближайшие годы уплачивать хотя бы незначительную дань, а в том, чтобы сейчас добиться от нас экономических уступок, именно в вопросе о монополии внешней торговли. И, наконец, 3-я линия—атака по линии отношения советского правительства к Коминтерну. Что касается Китая, то не подлежит никакому сомнению, что ни попытка пацификации Китая англо-американским капитализмом, ни попытка Японии при помощи Чжан-Цзо-Лина взять власть в свои руки не помогут стабилизации Китая в интересах иностранного капитализма. У-Пей-Фу был разбит Чжан-Цзо-Лином благодаря переходу на сторону Чжан-Цзо-Лина одного из командующих генералов У-Пей-Фу. Но Чжан-Цзо-Лин не был в состоянии чересчур отдалиться от своей базы—Манчжурии,— силы у него нехватало для этого, и мы видим попытку У-Пей-Фу привести в порядок свои силы на громадной территории, и, таким образом, если взять только эти два фактора, представляющие собой, с одной стороны, буржуазный господствующий слой севера, опирающийся на Японию, а, с другой стороны, военную клику, опирающуюся на буржуазный центральный китайский район, который, благодаря своему географическому положению, зависит от Америки и Англии,— то можно сказать, что нет никакой стабилизации в Китае. Изменения, происшедшие за последние месяцы, еще более показывают, что там наступают новые обострения гражданской войны. С одной стороны появление нового фактора, именно генерала Фен-Ю-Сяна, который перешел на сторону Чжан-Цзо-Лина и играет независимую роль, но неизвестно,

в каком направлении он еще будет действовать; затем 2-й фактор—военное усиление Гоминдана, которое произошло при помощи русского опыта; организация военных сил на юге Гоминдана, который теперь уже опирается на известное количество организованных дивизий, находящихся под руководством китайских офицеров, и, наконец, общий рост демократического движения,—все это очень много доказывает. Если цель союзников—это создание одного китайского правительства, которое бы было проводником капиталистического влияния,—то она не достигнута. Самый важный фактор, который указывает на поражение на Дальнем Востоке англо-американского капитала и который в свою очередь обостряет отношения,—это заключение русско-японского договора. Это есть пока что договор формального признания нас, но с нашим появлением начнется борьба между нами и американским капиталом, борьба, которая может привести к созданию на Востоке японско-русско-китайского блока, но которая может тоже привести к значительным уступкам и Америки,—уступкам, сделанным в целях ослабить нашу роль организаторов революционного движения на Востоке.

Мы думаем, что можно установить следующий факт. С одной стороны,—рост на ближайшее время капиталистической консолидации Западной Европы, благодаря притоку американского капитала, благодаря политике англо-американского сотрудничества. Насколько эта коалиция будет постоянной и насколько эта политика удастся,—зависит от того,—расширит ли она рынки. Можно это сделать только за наш счет и за счет Китая. Мы убеждены, что эти попытки разобьются о наш отпор, и что возможность нажима на Китай в больших размерах на ближайшее время исключена. Таким образом, остается перспектива, что после неудачи этого нажима на нас с целью вырвать монополию внешней торговли из наших рук, должны будут начаться распри в лагере англо-американского сотрудничества, распри, основанные на том, что Англия, нуждающаяся в дешевом сырье и хлебе, которые можно получить за промышленные изделия, имеет интересы более жгучие;—добиться сделки с нами: более жгучие, чем Америка, не зависящая от нашего хлеба и сырья. Этот факт даст возможность начать новые переговоры с Англией, когда она убедится, что мы никаких уступок их общему нажиму не делаем. Английское правительство, которое шло к власти под знаменем борьбы с нами, после очень любезно указывало нашей дипломатии, что по-английски не всегда так читается, как пишется. Во-вторых, англо-американская политика, стремящаяся прибрать к рукам все другие капиталистические державы, при переходящих успехах стабилизации иногда может направлять силы

против себя. Само собой понятно, что в момент, когда решаются вопросы о долгах, в момент, когда Франция нуждается в поддержке для борьбы, она в десять раз более сговорчива, чем в тот момент, когда она получит деньги, или когда из ее долгов большая часть будет скинута. Самый простой факт, что Германия могла себе позволить создать правительство, в котором есть два старых руководителя империалистическими силами Германии, помещики и представители промышленности,—это есть симптом довольно значительный. Известный немецкий буржуазный экономист, который писал книги по экономике и финансовым наукам,—да спасет вас бог от их прочтения,—в 44 году остроумно заметил, что не только должник зависит от кредитора, но и обратно, в известный момент и кредитор зависит от должника. Очень возможно, что именно стабилизационные успехи повысят силу самостоятельной политики Франции, Германии и Японии.

Основная карта союзников за все послевоенное время состояла в попытке разделить главные силы революции,—их три: западно-европейский пролетариат, Советская Россия и национальное движение Востока. Вы видите следующие маневры. В момент подготовки интервенции против нас английская буржуазия делает значительные уступки рабочему классу, указывает ему на национализацию шахт, рудников, затем на значительное повышение заработной платы, уменьшение рабочего дня, все это имело целью отделить западно-европейский пролетариат от Советской России. Второй момент—Ллойд Джордж решает с нами помириться: Генуэзская конференция и все прочее. Одновременно он пытается начать на Востоке войну с Турцией в надежде, что мы в нашей сделке с западно-европейским капиталом не поддержим Восток. И третий момент—Керзон пытается договориться с Турцией о нажиме на нас и своими аргументами подготовляет новое наступление против нас. Мы видим, что англо-американский капитализм проводит одновременно нажим на нас и на народы Востока, нажим на Китай, нажим на Турцию. Вы знаете, что даже по поводу патриарха Константинопольского очень разгорелись страсти во всей Европе. Даже в вольтерьянском Париже очень обижены за преследование Константинопольского патриарха. Этот момент означает, что Турция не желает уплачивать свои долги в золотом франке, а хочет уплачивать в бумажном франке. Сделка капиталистических держав с народами Востока не возможна. Она является второй линией, на которую вся эта политика может опираться, и по своему значению линия наиболее важная. В иностранной печати очень много толкуют о том, что Россия превращается в Азию, но все-таки не желают нам успехов на этом пути. Советская политика,

понятно, не имеет ни малейшего намерения эмигрировать из Европы, но не подлежит никакому сомнению, что мы на западно-европейском фронте находимся в положении обороны; там рабочее движение переживает сейчас период создания массовых коммунистических партий, и всякая попытка устроить искусственно новую волну революции в Европе обрекалась на неуспех уже по одному тому, что опыт 1919 года показал, что при самой высоко идущей волне революции существование так называемых социалистических партий обрекает на поражение эту революцию. Наша западная политика может итти только параллельно наростанию силы пролетариата и его способности брать власть. От того, что мы были бы принуждены держать войска в Польше или в Германии, от этого русская революция, пожалуй, не усилилась бы. Но если мы не нападем, ясно, что на нас нападут. Какими средствами,—это другое дело. Военными средствами союзники не могут напасть. Но не подлежит сомнению, что мы на Западе будем находиться под постоянным нажимом. Наша политика может быть активной только на Востоке и в смысле организации наших накопленных революционных массовых сил и в смысле порядка сделок с целым рядом государств, сделок, имеющих целью создание на Востоке анти-империалистского фронта.

Ближайшие перспективы сулят некоторое состояние равновесия: мы будем наступать на Востоке, на нас будут наступать на Западе, наступать дипломатически или путем экономического воздействия. Чем эта история кончится. По всей вероятности, тем, что от эпохи нащупывания, которая заменила эпоху военного нажима, мы перейдем к конкретным сделкам с иностранными государствами насчет денег, которые мы от них думаем получить, и насчет тех денег и концессий, которые нам придется им давать. Ближайшие годы будут годами детализации нашей политики, годами борьбы. У нас есть два пути добиться денег. Один путь— это есть обострение империалистических противоречий, при которых нам будут платить деньги за нашу нейтральность, и второй путь—рост нашей экономической силы, рост нашей способности справиться без иностранных денег, который укажет на то, что выгодно и можно давать нам деньги. Мы будем находиться теперь в периоде постоянной острой борьбы в отношении политическом. Вопрос, который у нас часто рассматривается с точки зрения внешней и внутренней хозяйственной и с точки зрения удержания политической власти,—это есть решающий вопрос во всех областях. Стоит проследить специально экономическую иностранную печать, чтобы увидеть, что недооценкой крестьянства ни один капиталистический орган не страдает. Все они, наоборот, убеждены, что шею сломит нам крестьянство, потому что мы

не сможем ему дать достаточного количества материалов по достаточно низкой цене. Все усилия международного капитала направлены на то, что крестьянство в своих собственных интересах, когда мы не получим за границей ни основного, ни оборотного капитала, когда мы не сумеем доставить ему достаточного количества товаров и понизить на них цену,—что тогда крестьянство будет союзником иностранной дипломатии в требовании уничтожения монополии внешней торговли. Это есть оценка русского положения в иностранной прессе, и, по мнению иностранного капитала,—это есть его главный козырь. И не подлежит ни малейшему сомнению, что здесь есть начало и конец всех иностранных происков. Само собой понятно, наши дипломаты будут писать ноты, мы будем писать статьи, об'ясняющие эти ноты, мы им будем угрожать, они нам будут угрожать,—но решится дело по существу в мастерской и в кооперативе. Если в 1918—19—20 г.г. красноармейский штык был главным дипломатическим инструментом, то теперь это—производительность труда, понижение накладных расходов и рост кооперации. Это общее положение с точки зрения нашей политики. С точки зрения международного пролетариата, это есть основное положение. Большевистские партии не рождаются под лозунгом большевизации экономики, большевизации политики. Большевистская умелая политика прежде всего зависит от правильного учета сил в своей стране, от уменья зацепиться за ежедневные интересы рабочего класса. Такие факты как барматовский скандал и т. д., имеют большое значение, но от одного недоверия к Бармату люди не делаются коммунистами. Коммунисты делаются только из доверия к программной тактике и к организованному усилению коммунистической партии. Мы еще пока находимся в самом начале, но мы можем сказать, что у нас есть сила, поднимающая коммунистическое движение во Франции, где сейчас зарождается массовая рабочая партия, пользующаяся доверием рабочего класса. Затем этот опыт находит благоприятный отклик в Англии благодаря тому, что английский рабочий класс все более убеждается, что тред-юнионы не в состоянии его защищать. Достаточно прочитать английские органы, которые никогда не занимались марксистской пропагандой и в которых сейчас веет новым духом, и мы увидим, что там приготовляются какие-то сдвиги, которые пойдут нам на пользу.

В Германии кривая идет вниз. На Балканах еще не совсем ясны колебания и настроения, но если у нас будет передышка, которая может быть будет длиться долго, то не подлежит сомнению, что эта передышка пойдет только в сторону подготовления новых боев.

Вот как мы себе представляем итоги прошлого года.

Спектатор

Мировая хозяйственная кон'-юнктура в 1924 году

1924 хозяйственный год—яркое отражение того неустойчивого положения, которое создалось после войны. Некоторые наиболее экспансивные натуры думали уже в 1921 году констатировать новое оживление мировой кон'юнктуры, однако прошел не только 1921, но и следующие три года и все-таки нельзя еще говорить об устойчивом, нормальном положении мирового хозяйства, хотя оно и переживало за это время несколько значительных под'емов. Наоборот, капиталистическое хозяйство не видало еще таких резких и частых колебаний кривой кон'юнктуры, как в последние годы. Мы присутствовали при необыкновенных скачках то вверх, то вниз кривой хозяйственной жизни. В особенности в 1924 году мы пережили сильный под'ем, резкий кризис и к концу этого года начинается как будто новый под'ем. И это совершенно естественно, так как мировая война уничтожила все запасы, в то же время оставила во многих странах производственный аппарат, который далеко не использовывается, так что при малейшем возникновении нового спроса начинают трещать все фабрики и заводы. Совершенно независимо от того, исходит ли этот спрос из глубоких и постоянных потребностей хозяйственного развития, будет ли он продолжительным или нет, предприниматели рады использовать производительный аппарат и сейчас же пускают в ход все предприятия, используя все свои рессурсы. Так как не приходится строить новые предприятия, то расширение производства возможно гораздо быстрее провести; но в то же время расширение в одних сферах само не создает достаточного основания для усиления работы в других отраслях хозяйства. Отсутствие рынка сбыта, вследствие обеднения широких масс населения в особенности в Европе и значительного сокращения, если не полного прекращения строительства, быстро кладет конец начинающемуся промышленному оживлению. За отчетный год в Европе мы видели инфляционное оживление, затем кредитный кризис и сильнейшее сокращение производства

и новое кредитное оживление. В общем основные вехи в экономике 1924 года—это стабилизация, по крайней мере, временная, валюты в Германии, которая, однако, началась только со второй половины отчетного периода, затем в Польше и в Венгрии, что вызвало в этих странах сильный денежный и кредитный кризис, вместе с этим и сокращение производства и рост безработицы; падение французского франка, которое, дав толчок хозяйственной деятельности в этой стране, подтачивало основы хозяйства не только в этой стране, но и во всей Европе; потом временная стабилизация курса франка, одновременно еще продолжающийся бросовый экспорт; лондонское соглашение относительно германских репарационных платежей, принятие плана Дауэса, которое дает Германии кратковременную передышку в больном вопросе о репарационных платежах, очистило почву для следующих мирных договоров, а также для похода американского капитала в Европу, с которым связано временное оживление хозяйственной деятельности в последней; начавшиеся переговоры о междусоюзнических долгах и кредитование Америкой Франции и Бельгии, благодаря чему временно стабилизировался франк; наконец, значительную роль в общем развитии хозяйства последнего полугодия сыграл неурожай, совершенно изменивший установившиеся после войны взаимные отношения между ценами на хлеб и на фабричные изделия, давшие Америке с ее высоким урожаем снова огромный перевес над Европой.

Наш анализ хозяйственного положения за 1924 год мы начнем с этого последнего момента, с характеристики мирового урожая. По предварительным данным Международного Сельскохозяйственного Института в Риме урожай главнейших хлебов представляется в следующем виде:

Площадь посева пшеницы в миллионах гектаров:

	1909—13 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Европа	29,3	24,5	26,0	26,1	26,5	26,5
Соединенн. Штаты	19 1	24,7	25,8	25,2	23,6	21,8
Канада	4,0	7,4	9,4	9,1	9,2	9,1
Индия	11,8	12,1	10,4	11,4	12,5	12,6
Аргентина	6,5	6,1	5,8	6.6	7,0	7,2
Австралия	3,1	3,7	3,9	4,0	3,8	4,0
Другие страны	6,0	6,0	6.4	6.1	6,5	—
Всего	79,8	84,5	87,6	88,5	89,1	—

В данный подсчет, как и в следующие таблицы, цифры, относящиеся к России, не приняты во внимание. Рассматривая эту таблицу, мы видим, что все страны, за исключением Соединенных Штатов, стремятся сохранить тот уровень, который был достигнут ими после войны. Только в Соединенных Штатах, начиная с 1921 года, сильное сокращение площади посева, что делается здесь совершенно сознательно с целью повышения цен. Однако как раз Соединенные Штаты имели в этом году неожиданно большой урожай, давший им почти рекордную цифру сбора. Общий мировой сбор пшеницы снова, за исключением России, представляется по тем же данным в следующем виде.

В миллионах квинталов:

	1909–13 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Европа	370,5	258,9	331,5	284,5	343,3	—
Соединен. Штаты	187,8	226,7	221,8	236,1	213,8	232,5
Канада	53,6	71,6	81,9	108,8	129,1	73,9
Индия	95,8	102,8	68,1	99,9	100,5	99,1
Аргентина	40,0	42,5	52,0	53,3	67,2	(50,2)
Австралия	24,6	39,7	35,1	29,8	34,2	—
Другие страны	49,8	45,9	55,5	47,8	57,5	—
Всего	822,1	788,1	845,9	860,2	945,6	—

Как видно из этих данных, устойчивые урожаи отмечались в Южной Америке и в Индии, менее устойчивые в Соединенных Штатах и в Канаде и совсем неустойчивые в Европе. Полных данных об урожае Европы за этот год не имеется. Предполагают, что он составит от 300—310 милл. квинталов, что означает уменьшение больше, чем на 10% по отношению к прошлому году. Общий мировой урожай исчисляется в 848 миллионов по сравнению с 946 млн. в прошлом году. Из всех стран только Соединенные Штаты показывают более высокий урожай, чем в прошлом году. В Канаде урожай упал почти на $^1/_2$.

Последние данные приводимые в бюллетене того же института за декабрь 1924 г., рисуют положение сельского хозяйства за 1924 г. след. образом: (см. таб. на стр. 4).

Сбор хлебов в миллионах квинталов:

	1924 г.	1923 г.	1918—1922 г.
Пшеница.			
Европа (27 стран)	292,7	340,7	286,4
Канада и Соединен. Штаты	311,4	342,9	319,0
Азия (5 стран)	109,5	112,6	101,5
Северная Африка (4 страны)	22,3	29,1	22,9
Аргентина	51,8	67,2	51,2
Австралия	38,1	34,2	27,5
Всего 40 стран	825,8	926,7	808,5
Рожь.			
Европа (23 страны)	168,2	211,3	179,4
Канада и Соединен. Штаты	19,8	21,9	24,2
Всего 25 стран	188,0	233,2	203,6
Ячмень.			
Европа (26 стран)	114,3	138,2	118,2
Канада и Соединен. Штаты	59,2	59,9	54,8
Азия (4 страны)	24,0	23,2	28,0
Северная Африка (4 страны)	17,8	23,0	17,9
Всего 36 стран	215,3	244,3	218,9
Овес.			
Европа (26 стран)	227,3	248,2	207,0
Канада и Соединен. Штаты	288,7	275,6	259,0
Азия и Африка (4 страны)	3,0	4,8	3,4
Всего 32 страны	519,0	528,6	469,4
Кукуруза.			
Европа (8 стран)	101,7	90,1	82,1
Канада и Соединен. Штаты	621,5	777,2	716,6
Азия и Африка (4 страны)	14,0	13,0	13,7
Всего 14 стран	737,2	880,3	812,4

Несомненно, что эти последние данные значительно ухудшают общую картину, полученную несколько месяцев тому назад. По сравнению с прошлым годом мировой сбор пшеницы дает уменьшение почти на 11%, ржи на 19,4%, ячменя на 12%, овса на 2%, и кукурузы на 16,3% Однако, по сравнению с средними послевоенными годами сбор пшеницы еще несколько выше почти на 3%, а сбор овса даже на 11%. Сбор других хлебов дает уменьшение на 2—10%.

Надо, однако, сказать, что снабжение Европы хлебом в этом году по крайней мере до июля было довольно удовлетворительным. Ввоз пшеницы в Европу [1]), который в среднем за пятилетие перед войной составлял 69,3 млн. квартеров и в 1923 году дошел до 70 млн., поднялся в 1924 г. до 76,0 млн. квартеров. Снабжение остальных стран было несколько менее удовлетворительно, но в общем ввоз всех стран был всего на 5% ниже ввоза прошлого года и приблизительно 16% выше довоенного ввоза. Вывоз экспортирующих стран значительно превысил вывоз прошлого года, так и экспорт их в довоенные годы, причем запасы к концу июля соответствовали приблизительно запасам прошлого года. Еще 1 ноября запасы пшеницы превышали запасы соответствующего времени прошлого года (290,75 млн. бушелей по сравнению с 274,69 млн. буш. 1 ноября 1923 года, 243,33 млн. буш. 1 ноября 1922 года и 231,89 млн. бушел. 1 ноября 1921 года).

Мировая торговля хлебом за три месяца от 1 августа по 31 октября представлена в следующем виде:

	Вывоз.		Ввоз.	
	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.
	В миллионах квинталов:			
Пшеница	46,3	45,6	35,0	34,5
Пшеничная мука . . .	9,1	9 3	5,5	4,2
Рожь	7,6	2,1	4,1	4,2
Ячмень	5,7	7,1	6,4	7,1
Овес	3,2	2,3	2,8	2,9
Кукуруза	58,6	52,6	54,4	55,8

Запасы хлебов в Соединенных Штатах и в Канаде определяются следующим образом. В последнюю неделю ноября 1923 года там находилось запасов 32,7 млн., в 1923 году—51,9 и в ноябре 1924 г.—50,6 млн. квинталов пшеницы. Запасов ржи было в ноябре 1923 года—4,99, в ноябре 1924 г.—5,47. Запасов овса было 5,5 и 14,9, а кукурузы—0,5 и 2,2 млн. квинталов.

[1]) The Carn Trade News от 10 и 20 ноября 1924 г.

Мировой сбор и снабжение хлебом Европы довольно удовлетворительны, во всяком случае не дают достаточных оснований для такого головокружительного повышения цен, какое мы наблюдаем в последние месяцы. Индекс движения цен на хлеб представляется в следующем виде (1913 г. = 100).

	Чикаго.	Миннеаполис.		Виннипег.	Чикаго.
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Кукуруза.
14—12—1923 г.	122,4	115,7	107,9	107,4	111,3
5— 9—1924 г.	139,2	154,5	190,8	166,5	186,4
12—12—1924 г.	181,9	224,3	180,4	181,2	194,4

Отсюда видно, что цены на хлеб поднялись весьма значительно, далеко обогнав общий уровень товарных цен, который в сентябре составлял в Соединенных Штатах всего 149, а в Канаде—153,8. В ноябре в Канаде он даже понизился до 150,7. Далее цены на рожь поднялись выше остальных цен. Это обстоятельство указывает на одну из причин повышения цен, на отсутствие экспорта из России. Появление ржи из России содействовало понижению цен в прошлом году. Несомненно, однако, что значительную роль играет также биржевая спекуляция. Поэтому в настоящий момент трудно сказать, как долго сможет удержаться этот весьма высокий уровень цен. Надо еще прибавить, что цены на продукты скотоводства, на мясо и жир, как и на масло, повысились далеко не в такой степени. Правда, цены на масло стояли в декабре 1924 года на 108,4% выше, чем в июне 1914 г., но они по отношению к ценам прошлого года поднялись всего на 14%. Цена на жир поднялась по отношению к прошлому году на 10%, а цена на мясо даже несколько понизилась.

Тем не менее несомненно улучшение положения сельского хозяйства Соединенных Штатов, ценность сбора хлебов которых поднялась по сравнению с прошлым годом на 8,6%. Это обстоятельство дало толчок и промышленной деятельности в последние месяцы отчетного года. Усиленный экспорт сельскохозяйственных продуктов и по повышенным ценам значительно улучшил торговый баланс страны и дал возможность сельскому хозяйству сделать ряд новых заказов.

Соединенные Штаты.

Переходя к анализу хозяйства Соединенных Штатов за 1924 год, приходится прежде всего констатировать, что именно в Соединенных Штатах мы имеем крайне резкие колебания кон'юнктуры за последние годы.

Общий характер кон'юнктуры отчетного года виден из следующей таблицы:

Показатели развития хозяйства Америки.
(Survey of Current Business, Nov. 1924).

	Среднее в месяц.				1924 год.									
	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.
	(1913 год = 100).													
Производство:														
Чугуна	120	54	87	130	118	120	135	126	102	79	70	74	80	97
Стали	135	64	114	144	144	151	166	132	104	81	74	101	112	129
Меди	99	39	81	121	131	129	128	130	129	125	127	131	125	—
Цемента (транспорт)	108	107	131	153	70	80	122	173	197	203	225	228	227	231
Антрацит	98	99	58	104	104	100	106	89	102	101	62	93	100	101
Мягкий уголь	119	87	85	114	127	115	100	74	78	76	81	87	103	117
Электр. энергия (доход станций)	283	312	349	407	488	472	448	429	417	399	382	386	—	—
Сырая нефть	178	189	224	292	273	268	288	287	298	286	295	298	288	—
Потребление хлопка	105	97	109	117	124	109	104	103	89	75	75	77	94	114
Невыполненные заказы стального треста	170	90	96	102	81	83	81	71	61	55	54	56	59	60
Запасы:														
Сырой нефти	127	152	234	287	321	323	327	331	334	339	343	349	350	—
Хлопка	155	198	153	125	149	132	113	92	74	59	45	44	84	161
Движение цен:														
Общий индекс:														
Оптовых цен	226	147	149	154	151	152	150	148	147	145	147	150	149	152
Розничных цен	203	153	142	146	149	147	144	141	141	142	143	144	147	149
Розничная цена мягк. угля	207	197	188	190	180	180	175	168	163	163	165	159	164	169
Цены сельскохозяйственных продуктов	205	116	124	134	134	134	128	128	127	128	130	137	129	136
Банкротства (сумма обязательств)	108	229	228	197	225	158	428	214	160	149	161	242	150	158
Торговля:														
Ввоз	294	140	177	212	198	223	215	217	203	183	185	170	193	208
Вывоз	331	181	154	168	191	177	164	168	161	148	134	160	207	255
Грузооборот	137	105	115	139	126	132	133	117	124	117	121	133	—	—

Американская статистика производит различные вычисления, характеризующие общую работу промышленности. В журнале „Федераль Резерв Бюллетень“ приводится измененный индекс работы промышленности за послевоенные годы. Мы оттуда берем только индекс, характеризующий исключительно работу фабрик. По этому индексу колебание кон'юнктуры за 1919 г. выражается следующими цифрами, при чем среднее за 1919 г. принято за 100: 108 (август) и 88 (февраль), или 23%; затем колебание 1920 г. выражается цифрами: 118 (март) и 75 (декабрь), или 57%; за 1921 г.—89 (октябрь) и 69 (февраль), или 29%; за 1922 г.—120 (ноябрь) и 82 (февраль), или 43%; за 1923 г.—138 (май) и 109 (декабрь), или 26% и, наконец, за отчетный год, который начинается 121 в январе, 123 в феврале и 127 в марте, потом падает в апреле до 122, в мае до 111, в июне до 96, в июле поднимается до 99, в августе до 104, в сентябре до 112 и в октябре до 121. Предполагая, что в последние месяцы кривая кон'юнктуры не превысит 127, мы будем иметь за этот год колебание в 32%. Другими словами, колебание этого года значительнее, чем колебание прошлого года и чем колебание 1921 года, что показывает, что в этом году состояние депрессии сопровождалось более резкими пертурбациями, чем даже в резко выраженном кризисном 1921 году. Хотя в этом году низший уровень—96% значительно выше, чем низший уровень 1921 г. и даже 1922 г., все же кон'юнктуру этого года следует отнести к наименее устойчивым.

Рассмотрим работу отдельных отраслей производства. Начнем с добывания угля. Добыча угля в миллионах малых тонн составляла:

Добыча угля в Америке за 1920 по 1924 г. [1]).
В миллионах малых тонн.

Месяцы.	Мягкий уголь.					Антрацит.				
	1920	1921	1922	1923	1924	1920	1921	1922	1923	1924
Январь	49,7	41,1	38,9	50,2	50,8	7,5	7,7	6,6	8,7	7,9
Февраль	41,1	31,5	42,4	42,2	45,7	6,4	8,0	7,1	7,8	7,6
Март	47,9	31,0	51,9	46,8	39,9	7,9	7,7	9,2	9,4	8,1
Апрель	38,8	28,2	16,3	42,6	29,5	6,3	8,0	0,0	8,1	6,8
Май	39,8	34,1	21,0	46,1	31,2	8,0	7,8	0,0	8,6	7,7
Июнь	46,1	34,6	23,1	45,5	30,4	8,3	8,1	0,1	8,7	7,7

[1]) Survey of current business.

Месяцы.	Мягкий уголь.					Антрацит.				
	1920	1921	1922	1923	1924	1920	1921	1922	1923	1924
Июль	46,0	31,0	17,6	45,1	32,3	8,3	7,3	0,1	8,3	7,8
Август	50,0	35,3	26,7	48,9	34,8	8,1	7,5	0,2	8,9	7,1
Сентябрь	50,2	35,9	42,5	46,2	41,0	4,6	7,4	5,1	2,9	7,6
Октябрь	53,3	44,7	46,7	49,2	46,8	8,1	7,9	8,9	8,7	7,7
Ноябрь	52,6	36,8	46,9	42,9	40,7	7,5	7,1	8,7	7,7	6,8
Декабрь	53,3	31,6	48,1	39,8		8,4	6,2	8,7	8,0	
Средняя за год .	47,4	34,7	35,8	45,4		7,5	7,5	4,6	7,9	

Добыча угля ярко отражает необыкновенные колебания кривой мирового хозяйства после войны. В то время как в 1920 году добыча мягкого угля превышала довоенную добычу (1913 год) на 19%, а в октябре 1920 года даже на 31%, в апреле 1921 года она понижается до 71% довоенного уровня. Потом она несколько повышается и в октябре того же года она снова превышает довоенный уровень на 12%. Таким образом, колебания в течение одного года составляют свыше 40%. В 1922 году под влиянием забастовочного движения, в особенности в антрацитных областях, добыча мягкого угля падает до 41%, в то время как добыча антрацита почти совсем сходит на нет; но уже к концу этого года добыча мягкого угля снова поднимается до уровня превышающего на 21% довоенный уровень. Таким образом, амплитуда колебаний в 1922 году гораздо более значительна чем в 1921 г. Добыча декабря превышает добычу апреля в 3 раза. В 1923 году добыча угля понижается относительно незначительно, однако, декабрьская добыча ниже январской на 26%. В 1924 году мы имеем колебания, за первое полугодие между 127 и 74% по сравнению с довоенным уровнем, т.-е. гораздо более сильные колебания чем в кризисный 1921 г. Отсюда напрашивается вывод, что положение в 1924 году еще менее устойчивое, чем оно было в 1921 г.

Для характеристики угольного рынка прибавим еще, что Америка в 1920 году вывезла довольно крупное количество мягкого угля. В среднем экспорт угля в месяц составлял в 1913 году 1499 тысяч больших тонн. В 1920 году 2866 тысяч больших тонн угля. В 1921 году экспорт понижается до 1722 тыс. тонн, в 1922 году до 919 тыс. больших тонн и в 1923 году снова поднимается до 1926 тыс. тонн. В 1924 году вывоз составлял в среднем за первые шесть

месяцев 1167 тысяч, в июле—1631 тыс., в августе—1393 тыс. и в сентябре—1503 тыс. больших тонн. Несмотря на понижение добычи, вывоз стоит на значительной высоте, что указывает на уменьшение внутреннего потребления. Прибавим к этому еще, что цены на уголь за первую половину текущего года опустились ниже, чем они стояли за все время после войны. Средние цены на уголь превышали в оптовой торговле довоенный уровень в 1921 году больше чем в два раза, в 1923 году в 2—$2^1/_4$ раза, а в июле 1924—161% и в сентябре—165% (1913=100).

Перейдем теперь к характеристике основных отраслей железоделательной промышленности, к производству железа и стали. Оно выразилось в миллионах больших тонн:

Месяцы.	Чугун.					Сталь.				
	1920	1921	1922	1923	1924	1920	1921	1922	1923	1924
Январь		2,4	1,6	3,2	3,0		2,5	1,9	3,8	3,6
Февраль		1,9	1,6	3,0	3,1		2,0	2,1	3,5	3,8
Март		1,6	2,0	3,5	3,4		1,8	2,8	4,1	4,2
Апрель		1,1	2,1	3,5	3,2		1,4	2,9	4,0	3,3
Май		1,2	2,3	3,9	2,6		1,4	3,2	4,2	2,6
Июнь		1,1	2,4	3,7	2,0		1,1	3,1	3,8	2,1
Июль		0,9	2,4	3,7	1,8		0,9	2,9	3,5	1,9
Август		1,0	1,8	3,4	1,9		1,3	2,6	3,7	2,5
Сентябрь	3,1	1,0	2,0	3,1	2,0	3,6	1,3	2,8	3,4	2,8
Октябрь	3,3	1,2	2,6	3,1	2,5	3,6	1,8	3,4	3,6	3,1
Ноябрь	2,9	1,4	2,8	2,9	2,5	3,1	1,9	3,4	3,1	2,9
Декабрь	2,7	1,6	3,1	2,9	2,96	2,8	1,6	3,3	2,9	3,4
Среднее за месяц	3,1	1,4	2,2	3,3	2,5	3,4	1,6	2,9	3,6	3,0

Как известно 1920 год считается рекордным годом. Однако средняя выплавка чугуна была ниже, чем за годы 1916 — 1918 г. и превышала выплавку чугуна в 1913 году на 20%. В 1921 г. средняя выплавка чугуна уменьшилась до 54% выплавки 1913 г. Колебания в течение этого года характеризуется следующими цифрами 94% в январе и 34%

в июле. В 1922 году выплавка чугуна сильно поднимается и достигает к концу этого года уровня, на 21% превышающего довоенный. Между началом года, когда выплавка чугуна составляла 64%, и концом его, когда она достигла 121%, колебание довольно значительное. В 1923 году выплавка чугуна еще больше повышается и достигает в мае 151% довоенного уровня; после этого она падает и в декабре опускается до 114% довоенного уровня. В 1924 году она временно опускается ниже уровня 1922 года, хотя остается выше производства 1921 года.

Надо, однако, сказать, что выплавка чугуна после войны недостаточно характерна для положения промышленности, так как сталь производится и из старого железа.

Производство же стали составляет в октябре 1920 года 144% довоенного производства. Потом оно понижается, в январе 1921 года до 100% и в июле того же года даже до 36%, после чего она поднимается, в ноябре до 75% довоенного уровня. В 1922 году она постоянно повышается с 75% в январе до 136% в ноябре. В 1923 году оно сначала повышается с 152% в январе до 167% в мае, после чего она идет постоянно вниз и опускается в декабре до 113%. Первые месяцы 1924 года снова показывают значительное повышение (январь—144%, февраль—151% и март в 166%), после чего производство стали быстро и сильно сокращается и уже в июне составляет только 81% довоенного уровня, т.-е. меньше половины производства за март. Колебания между высшей и низшей точкой за этот год несколько более сильны, чем за 1921 год; низшая точка кривой производства опускается до положения, на котором она находилась в феврале 1922 года.

Если в области тяжелой индустрии мы констатируем постоянные колебания, показывающие на неустойчивость современного производства, то в одной области происходит несомненный рост, что весьма характерно для тех внутренних процессов, которые происходят за эти годы в мировом хозяйстве. Мы говорим о добыче и потреблении нефти.

Добыча и потребление нефти выразились в миллионах баррилей:

В среднем в месяц.	Добыча	Потребление
1920	36.9	43,7
1921	39,1	43,7
1922	46,5	49,4
1923	61,0	59,5
1924 январь	56,4	62,3
„ февраль	55.5	59,1

В среднем в месяц.	Добыча	Потребление
1924 март	59,7	63,2
„ апрель	59,4	61,8
„ май	61,6	62,4
„ июнь	59,4	59,9
„ июль	61,1	61,1
„ август	61,7	61,0
„ сентябрь	59,6	62,5

Итак, потребление нефти показывает почти беспрерывный под'ем.

Иную картину дает производство меди, отражающее электрификацию, производство и транспорт. Оно сильно сократилось в 1921 году, по сравнению с 1920 г., потом оно поднялось и в этом году превышает довоенный уровень свыше, чем на 20%.

Для характеристики железоделательного рынка необходимо еще отметить экспорт железных изделий из Америки. В среднем в месяц торговля железными и стальными изделиями составляла:

	Экспорт.	Импорт.	Экспорт.	Импорт.
	В тыс. больш. тонн.		В процентах к 13 г.	
1920	412	36,6	180	138
1921	184	10,1	80	38
1922	139	60,8	61	229
1923	135	59,9	59	226
1924 январь	216	26,1	94	98
„ февраль	137	36,8	60	139
„ март	105	36,4	46	137
„ апрель	105	43,8	46	165
„ май	129	47,3	56	178
„ июнь	118	53,4	51	201
„ июль	110	25,4	48	96
„ август	117	39,7	51	150
„ сентябрь	109	36,3	48	137

Наконец, отметим еще движение цен. Что дает точный показатель положения рынка,—железные изделия. В среднем платили за четырнадцать важнейших железных и стальных продуктов за большую тонну: в 1920 г.—65,59 долл.; в 1921—40,74 долл.; в 1922 г.—37,86 долл.; в 1923 г.—44,55 долл.; в 1924 г. 4 января эти 14 продуктов стоили 43,06 доллара, после этого цена их, однако, быстро понижается и доходит 28-го ноября до 38,46 долл.; после этого она снова несколько повышается (26 декабря до 40,7 долл.). Самая низшая цена в 1921 г. в декабре месяце была 33,99 доллара; самая низшая цена в 1922 г. была в феврале (32,82), затем она поднялась и дошла в ноябре до 42,08 долл., в 1923 г. самая низшая цена составляла 41,17, а самая высшая 47,52 доллара. Самая низшая цена 1924 г. все-таки несколько выше, чем в 1921 и в 1922 г., но ниже, чем в 1923 г. А, главное, колебание цен в 1924 г. принадлежит к наиболее резким колебаниям всего данного периода.

Что касается легкой промышленности, то самым характерным является потребление хлопка как предмета широкого массового потребления. В этом отношении мы замечаем, что в 1920 году еще потребление хлопка превышает на 5% довоенный уровень, но в 1921 году оно понижается до 97%, а в следующие годы снова повышается до 109 и 117%, чтобы в отчетном году, начав с 124% в январе, опустится до 75% в июне. До такого низкого уровня потребление хлопка опустилось за все время после войны только два раза. Даже в тяжелом 1921 г. оно не опускается ниже 76% (в январе), и только в ноябре и декабре 1920 года оно составляет 69 и 61% довоенного потребления. Точно так же и потребление шерсти, составлявшее в 1923 году 121%, понизилось в июне 1924 г. до 70% против 122% в январе того же года.

Отметим еще внешнюю торговлю Соединенных Штатов. За последние месяцы вывоз значительно превысил ввоз. Развитие торговли за этот год видно из следующей таблицы.

	Среднее в месяц.		
	Ввоз.	Вывоз.	Превышение вывоза над ввозом.
	В миллионах долларов.		
1923 г.	316,0	347,3	31,3
1924 г. 1 квартал . . .	316,1	366,9	50,8
2 „	300,5	329,6	29,1
3 „	268,8	344,9	76,1
Октябрь	300,0	518,4	117,5
Ноябрь	296,0	494,0	198,0

Общее превышение ввоза над вывозом составляло за 11 месяцев 1923 года 236 млн. долларов, а за то же время 1924 года 869 млн. дол.

Несмотря на такое значительное улучшение торгового баланса Соединенных Штатов, курсы европейских валют за последние месяцы улучшились, хотя, конечно, нельзя говорить об ухудшении платежного баланса Америки. Это об'ясняется значительным экспортом капитала, который увеличился как раз за вторую половину отчетного периода. За текущий год экспорт капитала исчисляется в миллиард сто миллионов долларов, что значительно превосходит цифры прошлых лет.

По подсчетам одного крупного американского банка экспорт капитала составлял в 1919 году 268,2 млн. долларов, в 1920 году—448,7 млн. дол., в 1921 г.—603,2 млн. долларов, в 1922 году—750 и в 1923 г.—311,8 млн. долл. Таким образом за пять лет после войны Америка экспортировала всего 2.392 млн. долл., а за один этот год почти половину этой суммы.

По данным президента 1 го Национального банка общая сумма капитала в Америке за границей составляла около 15 миллиард. долл. по сравнению с 1 миллиард. долл. до войны. Отметим, что вся эмиссия этого года осталась ниже, чем в прошлом году. В 1923 г. средний выпуск капитала в месяц составлял 300 млн. долларов, за первые 10 мес. в этом году—274 млн. долл., из которых почти половина ушла за границу.

Бюджет на 1926 год предусматривает повышение расходов на 267 милл. долларов (или в 3.268 милл. долл.) и доходов на 39 милл. долл. (в 3.641 милл. долл.) по сравнению с фискальным годом 1924/25. Государственный долг понижен на 1.099 милл. долл. и составляет 21.250 милл. долларов.

Поход американского капитала в Европу составляет теперь для одних луч надежды, для других момент серьезной тревоги. Одни надеются, что Америка поможет Европе выбраться из состояния промышленного застоя; другие боятся американской конкуренции или закабаления народных масс.

Мы не намерены здесь разбирать весь этот вопрос. Скажем только, что индустриальные страны не могут расширять свое производство ввозом иностранного капитала, так как им недостает не производственного капитала, а рынка, который ведь не создается ввозом иностранного капитала. На полную же реорганизацию своего производства Америка им капитала предоставлять, конечно, не в состоянии.

На самом деле, излишек, оставшийся в Америке по платежному балансу 1923 г. относительно незначителен.

всего 152 милл. долларов. Кроме того, Америка может вывозить часть своего золота (к концу 1923 года там находилось 4,25 миллиард. долл. золотом); но все это хотя по сравнению с недостатком в Европе оборотного капитала весьма значительно, но для реорганизации производства далеко не хватит. Важнее, что общий экспорт в миллиардах долларов значительно ухудшил положение американской валюты по отношению к европейским, несмотря на то, что торговый баланс Америки значительно улучшился. Дальнейший экспорт капитала из Америки приведет к повышению курсов европейских валют выше их паритета и значительному усилению экспорта золота из Америки. Уже к концу этого года замечается известное напряжение на американском денежном рынке, уравнение с денежным рынком Англии, что свидетельствует о приближающемся истощении денежного рынка в Америке.

Англия.

Положение хозяйства Англии характеризуется работой основных отраслей промышленности и торговым оборотом, а также положением рынка труда. Что касается положения тяжелой промышленности, то в этом отношении 1924 год показывает значительное ослабление по сравнению с 1923 годом. Это уже можно констатировать по работе угольной промышленности, а также по производству чугуна и стали, как видно из следующей таблицы:

Месяцы.	Недельная добыча угля (в милл. англотонн.).		Месячная выплавка чугуна. (в тыс. англотонн).		Месячное производство стали. (в т. больших т.)	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Январь	5,20	5,20	568	637	634	694
Февраль	5,56	5,67	543	613	707	768
Март	**5,52**	**5,75**	**634**	**669**	803	**817**
Апрель	5,32	5,21	652	618	749	712
Май	5,12	5,46	**714**	651	**821**	810
Июнь	5,60	**4,67**	693	608	768	652
Июль	5,02	4,84	655	616	640	689
Август	**4,78**	4,81	600	589	**568**	**528**
Сентябрь . . .	5,38	5,11	**559**	**569**	695	645
Октябрь . . .	**5,63**	5,11	596	587	702	678
Ноябрь	5,62	5,24	598	584	750	674
Декабрь	**5,33**	4,93	627	580	653	551

1923 год был для Англии относительно благоприятным в виду рурских событий на континенте, ослабивших производительную способность Германии и Франции. Все же работа английской тяжелой промышленности не достигает

уровня 1920 года, хотя значительно поднимается над уровнем 1921 года, когда тяжелые социальные конфликты сильно понизили общий уровень работы страны. Что касается 1924 г., то мы замечаем, что высший пункт кривой кон'юнктуры этого года приходится на апрель месяц, при чем высший пункт добычи угля 1924 года немногим превышает высший пункт добычи угля 1923 г., который приходится на октябрь месяц. Высший пункт выплавки чугуна или производства стали ниже соответственных пунктов 1923 года, которые отмечены были в мае прошлого года. Низшие пункты приходятся для добычи угля на август, для выплавки чугуна на сентябрь и для производства стали тоже на август месяц, при чем низший пункт 1924 года несколько выше еще низшего пункта 1923 года, за исключением производства стали, где низший пункт этого года значительно ниже низшего пункта прошлого года. Это означает, что в общем и целом кривая кон'юнктуры этого года еще несколько ниже, чем кривая кон'юнктура прошлого года.

Для характеристики положения хозяйства Англии стоит еще привести данные о торговле основными продуктами. Ввоз хлопка и вывоз угля, железных изделий и хлопчатобумажных фабрикатов являются наиболее характерными признаками хозяйственной деятельности страны. В среднем в месяц ввоз и вывоз названных продуктов выразились следующими цифрами:

	Среднее за месяц.			
	Ввоз хлопка в тыс. цент.	Вывоз угля в мил. б. тонн.	Вывоз жел. изд. машин в тыс. т.	Вывоз хлопчатобумажн. изделий в мил. ярд.
1923 г.	1.597	6,0	414	596
1924 г. Январь	2.113	5,4	338	354
Февраль	1.351	5,1	338	397
Март	721	5,2	288	354
Апрель	330	5,1	337	378
Май	951	5,5	407	395
Июнь	558	4,9	325	346
Июль	637	5,5	340	384
Август	581	5,1	301	374
Сентябрь	603	5,2	202	339
Октябрь	1.835	4,9	309	371
Ноябрь	1.970	4,8	312	330

Вывоз угля, характерный признак не только для кон'юнктуры в Англии, но и для кон'юнктуры на континенте,

значительно уменьшился в этом году даже по сравнению с вывозом в 1922 г. За 11 мес. отчетного года вывоз угля составлял 56,48 млн. больших тонн, по сравнению с 73,57 млн. тонн за то же время в прошлом году и 58,24 млн. тонн за 11 месяцев 1922 года. Точно так же экспорт хлопчатобумажных изделий как и изделий из железа и стали, сильно понизился за этот год, при чем вывоз железных изделий в сентябре ниже половины среднего вывоза 1923 года.

Весьма характерным является вывоз машин из Англии. Так как вывоз машин из Англии свидетельствует о степени реорганизации производства во всей Европе и в колониальных странах, то мы остановимся на экспорте машин несколько подробнее. Торговля Англии машинами составляла:

В тысячах тонн.

	1911—13 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.		
						1 кварт.	2 кварт.	3 кварт.
Ввоз	93,3	89,8	54,9	45,7	53,8	14,1	15,8	14,0
Обратный вывоз. .	19,6	4,9	4,0	4,2	3,7	1,0	1,4	1,1
Вывоз англ. маш. .	711,2	461,7	506,3	401,4	432,5	103,8	115,7	118,4
Спец. вывоз текст. машин	157,6	—	157,0	154,4	138,8	24,8	26,4	25,6
Электрические машины.	24,5	—	18,2	16,7	21,0	7,7	7,5	7,3
Паровозы	44,6	43,3	—	32,2	34,6	8,1	7,3	4,5

Из этих данных видно, что вывоз машин за этот год был несколько выше, чем за прошлый год; вывоз текстильных машин был, наоборот, гораздо ниже, чем в прошлом году. Вообще средняя стоимость одной тонны машины упала в этом году по сравнению с прошлым годом. В прошлом году она составляла 105,3 фунта за тонну, а за первые 8 месяцев текущего года 96,8 фунта. Отметим далее, что сильно уменьшился вывоз машин в Европу. Перед войной ежегодный вывоз в Европу составлял 266,8 тыс. тонн, в 1923 г. всего 97,5. Наоборот, вывоз в колонии уже в 1923 году достиг уровня 1913 года. Он составлял перед войной 234,7 тыс. тонн, в 1923 году—227,6 тыс. тонн. Вывоз в другие страны упал более, чем на половину, вместо 476,4 тонн он равнялся 204,9 тыс. тонн. Не приходится еще особо отмечать, что вывоз новых кораблей крайне

сильно уменьшился. В 1920 году этот вывоз составлял 474,7 тыс. больш. тонн, в 1921 году—578,4, в 1922 г.—466,3, в 1923 году—173,4 и за 9 месяцев 1924 г.—100.7 тыс. больш. тонн.

Наконец, отметим изменения цен на железные и стальные изделия за этот год. Цены на лондонском рынке были:

	Литейный чугун № 111 шилл. за тонну.	Балки фунт. за тонну.
Январь 1924 г.	99,6	10,0
Июнь 1924 г. .	90	10
Нач. октября. .	80	9,15
20 ноября . . .	82	9,10
Нач. декабря. .	82	9,10

До середины ноября цены все понижаются. Таким образом, можно сказать в общем и целом на железоделательном рынке Англии господствует в течение этого года состояние депрессии.

Отметим еще торговлю Англии. Как по ввозу, так и по вывозу торговля значительно превышает соответствующие числа за предыдущие годы. Она выразилась в миллионах фунтов стерлингов:

	Ввоз.	Вывоз.	Превышение ввоза над вывозом.
1924.	1.279.8	935,5	344,3
1923.	1.096,2	885,8	210,4
1922.	1.003,1	823,3	179,8

Надо при этом принять во внимание, что в среднем по „Times“ цены за 1924 г. поднялись по сравнению с ценами за 1923 г. на 6%.

Торговый баланс Англии значительно ухудшился, однако курс фунта стерлинга как раз за последнее время показывает значительное улучшение. В январе 1924 года за фунт стерлингов платили 4,29 и $^3/_8$ доллара, в начале

октября—4,46, в начале декабря—4,68 и к концу декабря—4,75 долл.

Совершенно очевидно, что улучшение курса фунта произошло под влиянием экспорта капитала из Америки.

Отметим еще, что эмиссия капитала в этом году была несколько выше, чем в предыдущий год. За отчетный период выпущено было нового капитала на 223,5 млн. фунт. по сравнению с 203,8 млн. фунтов за 1923 год. На внутреннем рынке выпуск нового капитала составлял: в 1924 году—89,3, в 1923 году—67,6.

Наконец, отметим движение товарных цен, индекс прожиточного минимума и рост безработицы. Оптовые товарные цены держатся до июля на одном уровне с тенденцией к понижению. С тех пор они значительно поднялись, превышая довоенный уровень в июле по данным департамента торговли на 62,6 и в ноябре на 70,0%. Индекс прожиточного минимума уменьшился с января по май со 179 до 169, чтобы потом до ноября подняться до 181 [1]).

Движение безработицы характеризуется следующими данными:

	%% безраб. член. проф. союз.		%% застрахов. рабочих.		Общее число в млн.	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Январь	13,7	8,9	13,1	11,9	1,46	1,25
Май	11,3	7,0	11,2	9,5	1,26	1,12
Октябрь	10,9	8,7	11,7	11,1	1,35	1,28
Ноябрь	10,5	8,6	11,5	11,0	1,26	1,23
Декабрь	9,7	9,2	10,7	10,9	1,37	1,27

Так как метод определения количества безработных значительно менялся за этот период, то точного сравнения делать нельзя, однако и эти данные показывают, что о значительном улучшении рынка труда говорить не приходится, несмотря на то, что из года в год многие покидают Англию, уезжая за границу.

Финансовое положение Англии за время от 1 апреля по 31 декабря характеризуется следующими цифрами. Общие

---

[1]) По данным „Times“ цены на съестные припасы изменялись в течение этого года след. образом: индекс их выражался 31 декабря 1923 г.—в 169,1, в июле—159,4 и 31 декабря 1924 г.—178,1; цены на материалы были соответственно: 169,1, 172,2 и 180,1; а общий индекс: 169,1, 167,5 и 179,3.

расходы составляли 593,19 милл. фунтов по сравнению с 594,18 милл. за то же время прошлого года. Доходы уменьшились за это время в большей степени—с 533,28 милл. до 504,1 милл., так что дефицит прошлого года составлял 60,89 милл., а этого года 89,09 милл. фунтов. Государственная задолженность Англии, которая составляла к концу прошлого года 7.871 милл., уменьшилась за это время до конца 1924 г. приблизительно до 7.745 милл., при чем текущий долг упал с 860 милл. до 845,8 милл.

Франция.

Что касается положения Франции, то следует сказать, что из всех европейских стран Франция и Бельгия имели за последний год наиболее благоприятную кон'юнктуру. Это об'ясняется главным образом тем обстоятельством, что во Франции закончилась война с Германией, стали восстанавливаться нормальные отношения, затем этот год был последним для беспошлинного вывоза в Германию и, наконец, вследствие сильного колебания курса франка Франция в состоянии была вывозить по значительно пониженным, по сравнению с мировыми ценами, ценам, тем самым ей удалось завоевать себе положение на мировом рынке.

Развитие основных отраслей хозяйства во Франции видно из следующих данных. Средняя довоенная добыча угля составляла во Франции в январе 1913 г.—136 тыс. тонн, в январе 1923 г.—121 тыс. тонн, в январе 1924 г.—144 тыс. тонн и в октябре 1924 г.—152 тыс. тонн, при чем на долю Лотарингии приходилось 17 тыс. тонн, на долю северных областей Франции—88 тыс. тонн. (в январе 1913 г.—91 тыс. тонн). Таким образом, Франция имеет теперь гораздо более высокую добычу, чем до войны, при чем если исключить добычу в Лотарингии, то ее теперешняя добыча уже достигает довоенного уровня. Даже в разрушенных северных областях добыча почти доходит до довоенного уровня. Количество занятых рабочих за это время значительно увеличилось. В угольных копях Франции было занято в январе 1913 г. 203.208 чел., в январе 1923 г. насчитывалось 242.566 чел., в январе 1924 г.—286.804 чел. и в октябре 1924 г.—302.771 чел. Повысилось также производство кокса во Франции, которое составляло в январе 1923 г.—131 тыс. тонн, в январе 1924 г.—196 тыс. тонн и в октябре 1924 г.—230 тыс. тонн.

Предполагают, что общая добыча угля составит в этом году 49 милл. тонн по сравнению с 41 милл. тонн в 1913 г. Отсюда, однако, нельзя делать заключения, что Франция уже в достаточной степени снабжена углем. Не говоря

о том, что ее уголь не дает хорошего кокса, современные потребности Франции в угле совершенно другие, чем до войны. Ввоз угля во Францию сильно поднялся в этом году, хотя за последние месяцы показывает некоторое понижение. Так ввоз угля составлял в среднем в месяц в 1913 г. 1.927 тыс. тонн, в 1923 г.—2.584 тыс. тонн, в мае текущего года—3.291 тыс. тонн, в июле—3.261 тыс. тонн, и в октябре—2546 тыс. тонн.

Что касается развития железоделательной промышленности, то она характеризуется следующими данными:

	Выплавка чугуна. (В тыс. тонн).	Производство стали.
Среднее мес. произв. 1913 года	750	582
„ „ „ 1923 „	441	414
За первые 9 мес. 1924 года	633	570
„ октябрь „ „ „	660	609

Из выплавленного чугуна в октябре приходится на Эльзас-Лотарингию 257 тыс. тонн, а из производства стали — 206 тыс. тонн. В Эльзас-Лотарингии до войны добывалось 322 тыс. тонн чугуна в месяц и 188 тыс. тонн стали. Если вычесть производство Эльзас-Лотарингии, то мы получим для Франции 403 тыс. тонн чугуна и приблизительно столько же стали. Между тем, до войны Франция без Лотарингии добывала 434 тыс. тонн чугуна и 390 тыс. тонн стали. Таким образом, она производит теперь несколько больше стали, чем до войны и несколько меньше чугуна.

Торговля Франции значительно улучшилась. За первые 11 месяцев текущего года ввоз, как и вывоз, показывает наиболее значительное повышение, при чем ввоз увеличился по весу с 49,68 тыс. тонн до 51,76 тыс. тонн., а вывоз—с 22,08 тыс. тонн до 26,87 тыс. тонн, при чем по ввозу больше всего увеличился ввоз сырья (с 43 до 45 милл. тонн), а вывоз сырья увеличился с 18 до 22 милл. тонн. Вывоз готовых изделий тоже увеличился с 2,7 до 3,3 милл. тонн. По ценности вывоз поднялся с 14,66 до 22,65 м-дов франков. Общий вывоз по ценности возрос с 27,29 до 37,41 м-дов франков. За последние месяцы вывоз готовых изделий, наоборот, несколько уменьшился; в сентябре он составлял 395 тыс. тонн, в октябре—305 тыс. тонн и в ноябре—266 тыс. тонн. Таким образом, торговый баланс Франции, который в прошлом году был в значительной мере пассивным больше чем на 2 миллиарда франков, оказался за эти 11 месяцев текущего года больше чем на 1 миллиард активным.

Несмотря на это благоприятное положение торгового баланса—курс франка подвергся в этом году значительным колебаниям. Курс франка равнялся в январе 24% паритета, в феврале—только 23%, потом он поднимается и до-

ходит в апреле до 32%, после чего он опять понижается до июля, когда он составляет—26%, затем в августе он поднимается до 28%, чтобы в сентябре и октябре остановиться на 27%, в октябре он составлял 27,09%, за ноябрь даже поднялся несколько выше и доходил за вторую неделю до 27,34%. 23 декабря на Нью-Йоркской бирже платили за франк 5,405 центов, что при паритете в 19,30 центов составляет 28%.

Все же и во Франции положение далеко не твердое. „Франкфуртская Газета“ от 12 декабря 1924 г. приводит характерную корреспонденцию из Франции, которая начинается следующими словами: „Улучшение кон'юнктуры на французском железном рынке продолжалось только две недели, и уже снова наступает ухудшение, которое здесь проявилось менее определенно, чем в Бельгии и носит пока характер стабилизации“.

Французская промышленность стоит перед серьезной проблемой: восстановив почти целиком северные области, Франция, после присоединения Эльзас-Лотарингии, оказалась более богата производительными силами, чем она может использовать. В этом году, когда для нее открыт свободный вывоз в Германию, железоделательная промышленность работает с 75% нагрузки. А между тем с начала января 1925 г. свободный вывоз в Германию прекращается. Отсюда и ее сближение с Россией в надежде на наш рынок... Далее Франция принуждена продавать свои железные изделия на 70% дешевле Англии и на 10% дешевле Германии, поэтому еще нельзя серьезно говорить о промышленном под'еме во Франции. Так цена на балки в золотых марках за тонну была в начале ноября 1924 г.:

Англия.	Германия.	Франция.	Бельгия.
181.57	116.00	107.60	106.64

Конечно, при таких условиях Франция и Бельгия могут вывозить железные изделия. Но такой экспорт только разоряет эти страны.

Что касается финансового положения Франции, то основной вопрос заключается в ее внешних долгах, в особенности в так называемых междусоюзнических долгах. По подсчету, произведенному министром финансов, внутренняя задолженность Франции составляла 227,85 м-дов франков, внешняя задолженность—19.45 м-дов зол. франк., при чем правительственный долг в 30,81 миллиардов фр. не принят во внимание. Бюджет на 1925 год сводится без дефицита. Доходы даже несколько превышают расходы, если предполагающиеся поступления по репарации в размере 800 милл. действительно поступят. Общая сумма поступлений исчисляется в 32,48 м-дов, а расходы—в 32,46

м-дов. Франция, как известно, получила в Америке заем в размере 100 милл. долл. Однако, на самом деле, она получила 89 милл., так как заем был выпущен по курсу 94% за 100, и банк, перенявший этот заем, платил всего 89%. Этим займом Франция отчасти расплатилась по старым займам, которые она получала для поддержания курса валюты еще раньше. Последний внутренний заем дал 4.900 милл. франков.

Бельгия.

Бельгия вместе с Францией переживала в этом году различные колебания своей кон'юнктуры, но в общем успела значительно развить свою промышленность. Добыча угля в Бельгии то превышает довоенный уровень, то несколько ниже его. В начале этого года добыча угля в Бельгии значительно превышала довоенный уровень, потом она понизилась и в сентябре составляла всего 1.702 тыс. тонн по сравнению с средней добычей 1913 года в 1.911 тыс. тонн; в октябре добыча угля поднимается до 1.926 тыс., а в ноябре до 1.990 тыс. тонн. Наоборот, производство кокса в ноябре несколько ниже, чем в декабре; оно составляло в ноябре—318 тыс. тонн по сравнению с 332 тыс. тонн в октябре. Производство железа и стали значительно превышает довоенный уровень. Средняя выплавка чугуна в 1913 году была 207 тыс. тонн. В июле этого года она достигла 247 тыс. тонн, потом она понизилась и упала в сентябре до 239 тыс. тонн, в октябре опять поднялась до 246 тыс. тонн, а в ноябре понизилась до 219 тыс. тонн. Производство стали составляло перед войной 203 тыс. тонн, в октябре этого года—249 тыс., а в ноябре—210 тыс. тонн. В общем в действии находилось в течение этого года приблизительно 47 доменных печей. Производство готовых стальных изделий тоже уменьшилось с октября по ноябрь—с 215 тыс. до 182 тыс. тонн. Бельгия в свою очередь получила заем в Америке на 100 милл. долл., при чем выпущен был заем по 87,5% номинала. Проценты по нему составляют номинально 6, в действительности 7. Таким образом, Бельгии пришлось взять заем на довольно тяжелых условиях [1]).

---

[1]) Брюссельский корреспондент „Франкфуртской Газеты" сообщает от 11 декабря (в ном. от 15 дек.):

„Рынок железа и стали не показывает оживления. Цены отчасти идут вниз... Размер оборота на товарных биржах незначителен.

Угольный рынок явно ухудшается; увеличиваются запасы и закрываются предприятия, в особенности производящие уголь для промышленности... Производство стекол, в особенности зеркальных, работает удовлетворительно. Текстильный рынок тих; предприятия, однако, снабжены заказами в достаточном количестве".

Повидимому оживление в Америке ведет к ухудшению положения в европейских странах.

Германия.

Положение хозяйства Германии за этот год характеризуется как наименее устойчивое. Правда, Германия официально стабилизировала свою валюту уже в прошлом году. Но на самом деле колебание ее валюты продолжалось еще довольно значительно на мировых рынках и в этом году, так что о стабилизации можно говорить за последние месяцы после принятия плана Дауэса и притока денег из Америки.

Основные этапы стабилизации курса марки следующие. 13 октября 1923 г. был выпущен указ об образовании Рентного банка. 15 ноября начался выпуск рентных марок, и прекращена была выдача кредитов государству. 30 ноября 1923 г. был установлен официальный курс золотой марки равной биллиону бумажных марок. 14 декабря биллион бумажных марок был уравнен одной рентной марке. 7 апреля была прекращена выдача кредитов частной промышленности Имперским банком. 3 июня впервые Рейхсбанк удовлетворяет целиком спрос на иностранную валюту. 30 августа принят план Дауэса и 11 октября начинает действовать новый банк и германская марка об'явлена снова „имперской маркой". До начала мая германская марка еще котируется на Лондонской Бирже значительно ниже официальной котировки. Таким образом, о стабилизации марки можно говорить только с начала мая, но до начала июня Рейхсбанк фактически не выдает иностранной валюты. Мы обращаем внимание на эти моменты, так как принято обыкновенно считать, что введением рентной марки была установлена стабилизация в Германии. На самом деле этого, конечно, не было, и инфляция продолжалась, правда, кредитная, но вместе с ней продолжалось и обесценение германской валюты, хотя это обесценение выразилось не на внутренних, а на внешних рынках. Таким образом, следует признать, что эксперимент с рентной маркой не удался, конечно, не столько вследствие неправильной организации Рентного банка, сколько вследствие того, что выпуск рентных марок значительно увеличился в короткий срок и вызвал кредитную инфляцию.

Обозреватель хозяйственного положения Германии за 1923 г. во „Франкфуртской Газете" делает отсюда тот вывод, что необходима особенно осторожная кредитная политика на будущее. Как известно, теперь кредиты Имперского банка увеличены на 15%. „Франкфуртская Газета" считает, что в Германии совершена пока только техническая стабилизация и что ни в Германии, ни в мировом хозяйстве еще нет стабильных отношений. Что касается кредитов, которые Германия получила из Америки, то упомянутый

нами „Обозреватель“ во „Франкфуртской Газете“ исчисляет их до конца года в $1^1/_2$ миллиарда марок, при чем он определенно приводит в непосредственную связь оживление в промышленности с этими кредитами.

Как известно, за 1924 г. Германия пережила чрезвычайно сильный кризис, приведший к банкротству многих, даже старых предприятий и банков. Достаточно указать на тяжелое положение, в котором очутилось известное сталелитейное предприятие Беккер, или на банкротство крупных банков Франкфурта, Эссена, Дортмунда и Берлина. В общем число банкротств, как и число назначенных управлений, достигает в июне и июле своего максимума, затем несколько понижается. Так, число банкротств в январе отмечают всего только 31, в июле—1.173, затем в ноябре—599. Лучше всего положение хозяйства отражается на рынке труда. Число безработных членов профсоюза было:

	Вполне.	Частично.
	В %% ко всему числу организован. членов профсоюзов.	
Январь 1924 года	26,5	23,9
Февраль „ „	25,1	17,1
Март „ „	16,6	9,9
Апрель „ „	10,4	5,8
Май „ „	8,6	8,2
Июнь „ „	10,5	19,4
Июль „ „	12,5	28,2
Август „ „	12,4	27,5
Сентябрь „ „	10,5	17,5
Октябрь „ „	8,4	12,2

Отметим еще развитие внешней торговли Германии. За 11 месяцев текущего года ввоз составлял 8,0 м-дов марок, а вывоз—5,8 м-дов. Таким образом, ввоз превысил вывоз на 2,2 м-да, при чем за один только ноябрь месяц ввоз превысил вывоз больше, чем на 400 милл... По довоенным ценам ввоз составлял—80%, а вывоз—59%. В частности за первые 10 месяцев отчетного года ввоз с‘естных припасов составлял 68% довоенного, ввоз сырья—50%, полуфабрикатов—52%, готовых изделий—75,6%, а вывоз сырья—

25%, полуфабрикатов — 40% и готовых изделий — 56,6%. Таким образом, вывоз готовых изделий, который в прошлом году составлял $^2/_3$ вывоза 1913 г., значительно уменьшился за этот год [1]). Это не говорит за то, что Германия своим собственным вывозом будет в состоянии покрывать не только свой ввоз, но еще платить по своим заграничным обязательствам. Между тем, кредит из Америки отсрочивает, но не разрешает основной проблемы о репарационных платежах за границей.

Общая оценка хозяйственного положения Германии за последний год дается различными источниками в одном и том же смысле, что этот год надо отнести к наиболее „тяжелым годам хозяйственных кризисов". Так характеризует хозяйственный 1924 г. Берлинская торговая палата, в том же духе высказывается и „Франкфуртская Газета", точно так же вышедший в ноябре журнал „Виртшафтскурве", считает, что „теперешнее положение в Германии приняло характер нормальной депрессии"...

Остальные страны.

Место нам не позволяет остановиться подробней на положении остальных стран. Достаточно указать, что Австрия пережила за 1924 г. чрезвычайно тяжелый кризис, который по существу продолжался еще до конца этого года. Так, корреспондент „Франкфуртской Газеты" пишет ей от 13 декабря 1924 г., следующее: „Тяжелое настроение, которое уже с прошлой недели господствует на рынках, еще усилилось за эту неделю. Рынок опустел. Это тем менее может казаться странным, что общее хозяйственное положение уже продолжительное время неблагоприятно. Число безработных увеличилось за ноябрь месяц на 27.704 и достигло 115.684"...

О положении Чехо-Словакии можно повторить в общих чертах то же самое, что мы сказали об Австрии. И последняя пережила тяжелый кризис. Боялись даже за то, что она не сможет удержать своей валюты, и в последние месяцы замечается даже понижение производительной деятельности, по крайней мере уменьшение добычи угля. Так добыча каменного угля составляла в январе этого года 1.399 тыс. метрич. тонн, в июне—962 тыс., в июле—1.197 тыс. и в октябре—1.112 тыс. То же самое и добыча бурого угля упала с января по июнь с 2.004 тыс. до 1.356 тыс. метр. тонн. Потом она поднялась и составляла в октябре

[1]) Интересно отметить, что во ввозе Германии отдельные части света играют такую же роль, как до войны; между тем вывоз из Германии направляется теперь в большей мере в заокеанские страны, чем до войны; отсутствует рынок Европейской России...

1.789 тыс. метр. тонн. Но может быть еще более характерным следует считать уменьшение вывоза. В январе экспорт был еще менее значителен, чем за последние месяцы. В январе составлял всего 730 тыс. тонн, но в июне он достиг 1.203 тыс. и понизился в сентябре до 884 тыс., чтобы подняться в октябре до 910 тыс. тонн.

Эмиссия нового капитала составляла в первую четверть 58 милл. крон, за вторую—18 милл., а за третью—12 милл. крон в месяц.

Тяжелый кризис пережили также Польша и Венгрия в связи с стабилизацией валюты в этих странах. Точно так же Эстония, отчасти и Латвия. Не останавливаясь подробней на этих странах, мы только приведем данные, характеризующие торговлю их за последние месяцы.

	Польша.	Венгрия.	Латвия.	Эстония.
	(В тысячах валюты каждой страны).			
Средний в месяц.		В в о з.		
1923 год	93.040	35.250	17.655	777.690
1924 год:				
Январь	80.857	37.600	24.227	638.058
Февраль	107.163	44.100	16.874	510.944
Март	123.441	51.400	17.214	569.324
Апрель	140.450	59.000	18.264	748.507
Май	148.110	57.400	23.363	1.035.236
Июнь	112.136	48.500	15.953	642.132
Июль	96.697	59.600	27.256	977.575
Август	81.304	54.100	17.174	559.686
Сентябрь	112.578	—	—	444.543
Средний в месяц.		В ы в о з.		
1923 год	99.632	28.175	13.498	475.996
1924 год:				
Январь	96.818	32.300	7.929	624.506
Февраль	112.562	30.800	7.714	332.266
Март	113.211	44.500	5.902	398.427
Апрель	121.381	51.400	16.106	646.874
Май	124.979	45.700	13.125	657.040
Июнь	69.535	35.600	9.696	479.286
Июль	80.429	41.100	14.073	604.145
Август	63.431	34.500	23.051	818.428
ентябрь	93.739	—	—	726.653

Кризис отразился также и на положении заокеанских стран, например, Индии, Австралии, Южной Африки, как

это видно по данным торгового оборота этих стран. Он составлял:

	Индия.	Австралия.	Южная Африка.
	(В тысячах валюты каждой страны).		
Средний за месяц.	В в о з.		
1923 год.	185.088	11.088	4.584
1924 год:			
Январь	224.391	13.392	5.020
Февраль	179.645	11.804	4.675
Март	190.236	10.845	5.008
Апрель	192.722	9.822	5.685
Май	197.497	12.477	4.955
Июнь	179.847	10.737	5.123
Июль	188.519	13.335	5.494
Август	201.389	11.736	5.832
Сентябрь	215.071	11.511	5.680
Октябрь	205.066	12.378	6.490
Средний за месяц.	В ы в о з.		
1923 год.	273.941	8.973	3.044
1924 год:			
Январь	362.568	9.840	4.631
Февраль	349.201	15.407	3.265
Март	402.502	13.435	3.052
Апрель	295.256	9.079	2.882
Май	280.357	7.533	2.537
Июнь	284.609	6.328	2.025
Июль	246.144	6.747	2.384
Август	241.078	6.654	1.321
Сентябрь	272.153	10.807	1.794
Октябрь	292.000	14.422	2.524

Таким образом, мы приходим к заключению, что 1924 г. в мировом масштабе представляет из себя год депрессий, и только к концу его начинается некоторое оживление, вызванное главным образом походом американского капитала в Европу. И так как это оживление связано с кредитованием европейских стран, отчасти и заокеанских, то говорить об устойчивом положении начинающегося оживления еще не приходится. Ни размеры кредита, который Америка может предоставить и который не достаточен для поднятия хозяйства в мировом масштабе на более высокую ступень организации, ни рынок, находящийся в распоряжении европейской промышленности, не дают еще оснований предполагать, что в Европе начинается действительно продолжительный промышленный под'ем. Скорее всего мы имеем дело с новой формой кредитной инфляции, какую Европа переживала после войны уже несколько раз.

Движение заработной платы.

Движение заработной платы за данный год не поддается еще точному учету вследствие отсутствия полных материалов и вследствие еще меньшей точности тех данных, которые уже опубликованы. Официальная статистика вообще не только сильно запаздывает, но и дает, как известно, далеко не точные данные. В Германии Статистическое бюро прекратило даже вычисления номинальной заработной платы в реальную в виду того, что методы, которыми они пользовались при своих вычислениях, сильно оспариваются, и идут обсуждения по поводу введения новых методов исчисления. Тем не менее для характеристики положения рабочего класса за текущий год приходится пользоваться теми данными, которые имеются в нашем распоряжении. Из них в общем и целом можно констатировать следующее, что за первое полугодие, когда индекс прожиточного минимума понизился, положение рабочих несколько улучшилось; за второе полугодие, поскольку уже имеются данные, в некоторых странах наступает ухудшение в виду возрастающей дороговизны.

Соединенные Штаты. Устанавливаемая профсоюзами минимальная заработная плата, которая обыкновенно устанавливается к середине мая, составляла в этом году за час работы в центах, по сравнению с прошлыми годами:

	1913 г.	1920 г.	1923 г.	1924 г.
Строительн. дело.				
Каменщики	67,1	120,8	132,1	135,4
Штукатуры	64,9	115,4	130,6	139,0
Плотники	49,8	103,5	108,4	104,9
Маляры	47,1	104,4	110,8	101,8
Чернорабочие	29,7	75,4	72,8	67,5
Железн. и стальная промышлен.				
Конструктора	60,6	106,4	110,9	119,0
Проволочники	50,7	98,1	107,9	110,2
Жестянники	50,2	85,0	106,5	108,5

	1913 г.	1920 г.	1923 г.	1924 г.
Кузнецы	41,0	90,1	99,7	92,8
Котельщики	39,5	83,1	81,2	80,2
Формовщики	38,2	91,2	84,3	86.1
Машинная пром.	38,1	83,1	82,3	81,9
Типографск. дело.				
Наборщики при машине (При газетах.)	54,7	94,3	103,1	101.7
Ручные наборщики (При газетах.)	52,9	91,5	101,3	100,2
Наборщики при машине (В книжн. деле.)	52,1	91,0	106,2	97,3
Ручные наборщики (В книжн. деле.)	42,1	85,4	102,4	92,5

Судя по этим данным, только известные категории рабочих подняли свою заработную плату. Заработная плата других категорий значительно понизилась, хотя дороговизна за это время не показывает уменьшения.

Относительно заработной платы в текстильной промышленности имеются данные для прядильщиков и ткачей, при чем сравнение приводится только с 1922 годом. В 1922 году прядильщики получали 48 центов за час, а за первые 5 мясяцев 1924 г.—50 центов, а ткачи получали 48,3 и 48,8. Заработная плата женщин в этих отраслях промышленности почти не изменилась. Далее имеются данные о номинальной заработной плате рабочих в штате Нью-Йорк, которая составляла в неделю в январе 1924 г. 27,81, потом зарплата все время понижается и доходит в июле до 27,12. Так как между январем и июлем индекс стоимости жизни незначительно изменился, то, повидимому, реальная заработная плата понизилась. О движении заработной платы за последующие месяцы данных пока еще нет. Известно только, что в августе уже наступило некоторое повышение по отношению к июлю. Надо полагать, что за последние месяцы в виду значительного оживления промышленности заработная плата несколько повысилась.

Англия. Относительно движения заработной платы в Англии имеются наиболее полные данные для горной промышленности. По этим данным, заработная плата забойщиков в январе 1924 г. превышала на 51% довоенный уровень, в октябре того же года—на 53%. В таком же при-

близительно соотношении повысилась заработная плата остальных категорий подземных рабочих. Заработная плата надземных рабочих во многих случаях понизилась. Так, напр., заработная плата рабочих при машинах понизилась с 37—38% до 34—35% сверх довоенного уровня. Заработная плата остальных категорий, особенно подручных рабочих, несколько повысилась—с 33 до 34%, и малолетних рабочих с 31 до 33%. В общем заработная плата английских горнорабочих все время остается ниже довоенного уровня. Заработная плата в текстильной промышленности Англии несколько выше довоенного уровня и показывает в последние месяцы повышательную тенденцию. Так, в хлопчатобумажной промышленности она к концу января 1924 г. составляла 98%, к концу июля—106% и за третью неделю августа—105% довоенного уровня. В шерстяной промышленности она поднимается с конца января по конец июня с 118 до 133%, потом она опускается до конца июля до 12%. На этом уровне она остается и до конца августа. Ухудшение реальной заработной платы показывает также изготовление обуви, которая за третью неделю мая превышала довоенный уровень на 36%, за третью неделю августа всего на 25%.

Характерно движение заработной платы в Голландии. Здесь в январе текущего года она превышала довоенный уровень (строительное дело в Амстердаме) для квалифицированных рабочих на 73%, а для чернорабочих на 82%; в мае превышение заработной платы составляло 67 и 70%, в июне—67 и 75%.

Что касается движения заработной платы в Германии, то, как мы уже говорили, точных данных не существует. Приводимые журналом „Виртшафт унд Статистик" данные дают следующую картину:

Реальная зарплата в Германии в % к довоенной.

	Квалифицированные рабочие.		Чернорабочие.	
1924 г.	Во всей Германии.	В Берлине.	Во всей Германии.	В Берлине.
Январь	73,6	73,0	88,0	93,6
Февраль	78,2	77,0	92,0	95,7
Март	78,7	77,0	89,8	95,7
Апрель	81,3	89,2	90,2	95,7
Май	85,9	91,9	95,3	100,0
Июнь	91,0	98,6	99,6	106,4
Июль	89,8	97,3	98,3	104,3
Август	91,1	100,0	99,7	106,4
Сентябрь	88,9	98,6	97,2	106,4

Что касается заработной платы в октябре и ноябре, она определяется для нормального времени: 71 пфениг в час в октябре и 72 пфенига в ноябре для квалифицированных рабочих и 51 и 52 пфенига для чернорабочих.

К этому надо еще прибавить, что значительно удлинено рабочее время почти по всем предприятиям Германии.

О. Иоффе

Международное профессиональное движение в 1924 г.

Важнейшими экономическими факторами, предопределившими ход и развитие мирового профессионального движения в 1924 году, явились, в начале года, экономические последствия оккупации Рура, продолжавшие сказываться в дезорганизации экономической жизни Германии, в падении французской валюты, в свою очередь вызывавшей рост дороговизны, в некотором под'еме каменноугольной промышленности Чехо-Словакии, Англии, Бельгии и др. стран, стабилизации валюты в Германии, Польши и Венгрии, влекшей за собою увеличение налогов на рабочий класс, а во вторую половину года—план Дауэса, имевший громадные последствия для рабочего движения и Германии и всех европейских стран, а также постигший все северное полушарие неурожай, повлекший за собою рост дороговизны с'естных припасов.

Основным политическим моментом, сказавшимся на мировом профессиональном движении было пришествие к власти рабочего правительства в Англии, полусоциалистического левого блока во Франции, социал-демократического министерства в Дании, а на ряду с этим разгул фашизма и военной диктатуры в Италии и Германии и на Балканах и устойчивое реакционное правительство в Соединенных Штатах.

Начало года отмечается некоторым под'емом активности рабочего класса, казалось, начавшего переходить в контр-наступление после почти три года длившегося наступления капитала. Волна наступательных стачек в Англии и во Франции, отчаянная стихийная борьба германского пролетариата, анти-фашистские забастовки в Италии—вот был ответ рабочего класса на предпринятое предпринимателями уменьшение заработной платы, на дороговизну, на попытки удлинения рабочего дня и т. д. Но уже к концу года эта волна спадает. Сначала во Франции—французские рабочие долго выжидают исполнения левым

блоком его предвыборных обещаний в области социального законодательства и улучшения экономического положения рабочего класса, и лишь в самом конце года, в декабре, происходит новая вспышка—стачка рабочих консервных фабрик Дуарненэ, начавшаяся как экономическая борьба, но в конце принявшая политический характер. К осени спадает боевое настроение и у английских рабочих, разочарованных неудачей на выборах и приходом к власти консервативного правительства. Стачечное движение в Германии, продолжающееся и под прессом Дауэса, к концу года после некоторого улучшения экономического положения германского рабочего тоже идет на убыль. Неудачная стачка бельгийских горняков (Боринаж) на некоторое время привела бельгийских рабочих к бездействию.

Рассмотрим важнейшие события профессионального движения и деятельность профессиональных рабочих организаций в международном масштабе и по отдельным странам. Начнем с деятельности международных профессиональных организаций — Амстердамского Интернационала Профсоюзов и Красного Профинтерна.

Деятельность Амстердамского Интернационала.

Год начинался, казалось, необычайно благоприятно для Амстердамского Интернационала. Победа рабочей партии в Англии, а затем левого блока во Франции, учтенная, как победа принципов международного реформизма, необычайно окрылила деятелей и II и Амстердамского Интернационалов. И даже через пять месяцев после прихода Макдональда к власти, когда реформисты Франции, Германии и друг. стран успели уже с неудовольствием заметить, что английские реформисты, работающие во славу собственной буржуазии, задевают экономические интересы их „национальной“ промышленности, Мертенс на Венском Конгрессе Амстердамского Интернационала заявлял: „Момент наивысшего развития реакции позади. Демократия побеждает повсюду. В первый раз в истории великого государства мира в нем укрепилось рабочее правительство. То же самое мы видим в Дании... Завтра или послезавтра демократия снова будет победносной. Амстердамский Интернационал гордится своей работой“.

Но при всей своей гордости Амстердам на том же Венском Конгрессе не может скрыть постигающих его неудач. Реформистское профессиональное движение во всех странах переживает глубочайший кризис. По самому благожелательному подсчету в 1924 году в амстердамских организациях насчитывается всего 15 миллионов организованных

рабочих вместо 24 миллионов в 1920 году. А по существу и цифра в 15 миллионов является значительно преувеличенной. И сам Амстердам и примыкающие к нему национальные организации ничего не делают для организации борьбы рабочего класса, всеми силами стремятся возможно скорее ликвидировать начинающиеся по инициативе низов стачки. Вся их деятельность направлена на борьбу с коммунистами, на исключение революционных элементов, и в этой области реформисты Германии, Бельгии и др. стран проявляют действительно большую активность. Яркую картину слабости Амстердамского Интернационала дал его последний—Венский Конгресс. По наиболее актуальному для тогдашнего периода вопросу—о плане экспертов, на конгрессе не было сказано ни слова. Вся борьба Амстердамского Интернационала против войны, как явствует из соответствующего доклада, выразилась в посылке представителя в комиссию по разоружению при Лиге Наций и в издании 8 миллионов открыток с изображением ужасов войны. Несмотря на усиленное наступление предпринимателей на 8-часовой рабочий день, ставшее притчей во языцех, амстердамские бюрократы ничего не намерены предпринимать для защиты его, уверяя, что формальное признание рабочего дня конституциями почти всех европейских стран является достаточной гарантией его соблюдения. На конгрессе была развернута также программа социального законодательства (охрана труда детей и подростков, охрана материнства, инвалидов труда и т. д.), которая, по заявлению английского делегата Бромлея, больше подходит для Международного Бюро Труда, чем для рабочего Интернационала и под которой, по его же утверждению, не замедлило бы подписаться левое крыло английских либералов.

Но на этом Конгрессе, впервые за всю историю Амстердамского Интернационала, выявилось уже начавшее весьма определенно оформляться левое крыло. Левые—большая часть английской делегации, Эдо Фиммен, некоторые руководители производственных Интернационалов — еще с 1923 года начали поднимать голос протеста против бездарной и бездеятельной политики Амстердамского Интернационала и требовали энергичной борьбы с опасностью войны и фашизма, создания единого фронта и приема профсоюзов СССР в Международные профорганизации. На Венском Конгрессе левое крыло было настолько сильно, что ему удалось провести резолюцию, обязывающую правление Амстердамского Интернационала войти в переговоры с ВЦСПС о вхождении его в Амстердамский Интернационал. Правда, резолюция эта настаивает на том, что необходимым условием для такого вхождения является признание

устава и программы Амстердамского Интернационала, но все же самый факт принятия резолюции можно учитывать, как несомненное влияние левого крыла. После Венского Конгресса правое крыло Амстердама с Удегестом во главе постаралось сделать все от него зависящее, чтобы затянуть переговоры с ВЦСПС. Оно отправило ему в июне—августе несколько совершенно бессодержательных писем, где вместо того, чтобы предложить ему совместную конференцию для обсуждения вопроса о вхождении, продолжает настаивать на предварительном признании устава Амстердамского Интернационала.

Начатая Профинтерном по постановлению его III Конгресса борьба за единство профдвижения вызвала повсеместное противодействие амстердамцев, всеми силами стремящихся помешать восстановлению единства. Немедленно после начала кампании, бельгийские реформисты на своем конгрессе приняли резолюцию, запрещающую коммунистам занимать ответственные должности в профсоюзах, что фактически является провокацией раскола. В августе Международные Конгрессы транспортников и горняков отказались допустить на свои заседания русские союзы; секретариат печатников всячески саботировал постановления Международного Конгресса Печатников о допущении русского союза в его состав; Национальный Совет реформистской Конфедерации Труда категорически отклонил предложение Унитарной Конфедерации о созыве об'единительного с'езда; во всей профсоюзной прессе была поднята усиленная кампания против единства и т. д., и т. п.

После создания англо-русского комитета единства в амстердамской прессе и в амстердамских организациях началась ожесточенная травля Перселя и его товарищей, причем немецкие и голландские реформисты поставили даже вопрос о том, что Персель, в виду его позиции по отношению к русским союзам не достоин высокой чести занимать пост председателя Амстердамского Интернационала. Всегерманское Об'единение Профсоюзов предложило профсоюзным организациям Венгрии, Польши и других стран совместно выступить против английской делегации. Председатель германского союза служащих призывал свою организацию со всей решительностью выступать против предложенного Москвой международного об'единительного с'езда. Но, вместе с тем, амстердамским заправилам приходится считаться со все растущими симпатиями рабочих масс к русским союзам, и потому на конференции II и Амстердамского Интернационалов Жуо и Шоу не решились публично выступить против Союза ССР и осудить Перселя, а Удегест в бюллетене Амстердамского Интернационала говорил о выступлении Перселя очень двусмысленно и уклон-

чиво. Но нет сомнения, что так или иначе правые амстердамцы, еще и поныне задающие тон всему международному об'единению, будут продолжать борьбу против единства. Для укрепления своего положения правые амстердамцы стремятся привлечь в ряды интернационала реакционную Американскую Федерацию Труда.

В заключение, подводя итоги деятельности Амстердамского Интернационала за истекший год, необходимо отметить его отношение к плану Дауэса. Совместное заседание президиумов Амстердамского и Лондонского Интернационалов приняло резолюцию, в которой указывается, что план экспертов, правда, ложится тяжелым бременем на рабочий класс и лишь незначительно обременяет буржуазию, но вместе с тем является единственным возможным разрешением репарационного вопроса. Если проект этот будет отклонен, то это поведет к обострению европейского кризиса. Таким образом, международный реформизм ясно установил, что он приветствует план Дауэса, как средство спасения капиталистической Европы.

Левые амстердамцы на с'езде Федерации Транспортников нашли, правда, слова осуждения для этого плана, вполне совпадающее с коммунистической оценкой, но их поддержали только англичане, а немецкие и французские реформисты очень резко выступили против Фиммена и Вильямса, руководивших левым крылом.

Деятельность Профинтерна.

Профинтерн продолжал в нынешнем году, принесшую уже значительные положительные результаты тактику единого фронта и продолжал боевое руководство международной борьбой пролетариата. Профинтерн оказывал содействие всякому крупному стачечному движению, возникавшему в этот период, приходя на помощь как организационной, так и финансовой поддержкой. Так было во время стачки рурских горняков в мае 1924 года, во время стачки химиков Людвигсгафена, во время стачки в Боринаже и т. д. В 1924 году так же, как и в 1923 г., Профинтерн уделял сугубое внимание вопросу об об'единении и согласовании стачечной борьбы и выработке стачечной стратегии. Факт появления у власти рабочего правительства был использован Профинтерном для широкой агитации среди пролетариата, с целью содействовать изживанию реформистских иллюзий. Широко была развернута также кампания за организацию фабзавкомов, в которых Профинтерн видит лучшее средство для революционизирования рабочего движения и подготовки профсоюзного единства. Кампания за профсоюзное единство, к которому с самого сво-

его возникновения призывал Профинтерн с особой силой развернулось после III Конгресса Профинтерна, происходившего в Москве 8—22 июля.

Центральным вопросом III Конгресса был вопрос о единстве профдвижения. После многостороннего обсуждения Конгресс постановил предложить об'единенным в Амстердамском Интернационале рабочим созвать об'единительный конгресс всех примыкающих к Амстердаму и Профинтерну организаций для восстановления единого профессионального движения в национальном и международном масштабе. Для осуществления этой резолюции конгрессом была выбрана комиссия единства из 17-ти членов.

Другим существенным вопросом был вопрос о стачечной стратегии, впервые ставившийся на Международном Конгрессе. Вопрос этот вызвал длительные и оживленные прения, во время которых представители революционных профсоюзов обменялись своим боевым опытом. Принятая по этому вопросу резолюция констатирует необходимость создать в противовес единству действий концентрированного капитала единство действий пролетариата как в национальном, так и в интернациональном масштабе. В резолюции установлены также некоторые общие принципы стачечной стратегии (планомерная подготовка борьбы, точная разведочная служба, выдвижение на передовую линию наиболее важных отрядов пролетариата, создание вооруженных отрядов пролетариата для противодействия фашистским бандам, вовлечение в борьбу жен рабочих и т. д.). Кроме этих двух вопросов, на конгрессе обсуждались имеющие жизненно важное значение для пролетариата вопросы о защите рабочего дня, о союзе пролетариата с крестьянством, о строительстве пролетарской революционной кооперации, о вовлечении в сферу влияния Профинтерна миллионов цветных рабочих колониальных и полуколониальных стран, а также было вынесено решительное осуждение плану экспертов. Решение Профинтерна о борьбе за единство было поддержано одновременно происходившим Конгрессом Коминтерна.

Комиссия единства и органы Профинтерна во всех странах немедленно после окончания конгресса начали энергичную борьбу за проведение постановлений конгресса в жизнь. В своей борьбе Профинтерну пришлось натолкнуться на ожесточенное сопротивление реформистов (см. выше), а также анархо-синдикалистов и даже части революционного крыла рабочего движения. Французские, итальянские, испанские анархо-синдикалисты усмотрели в борьбе за единство измену революционным принципам, несмотря на то, что они сами всегда к нему призывали, и во Франции пошли даже на новый раскол. В Германии часть комму-

нистов во главе с Шумахером, Кайзером и Вейером продолжали свою бойкотистскую политику по отношению к реформистским профсоюзам и саботировали борьбу за единство. В результате ЦК Германской Компартии был вынужден исключить их из партии.

Первым крупным успехом на пути к единству была резолюция, принятая с'ездом английских профсоюзов в Гулле и прием, оказанный этим с'ездом русской делегации. Правда, резолюция эта не ставит прямо вопроса о созыве международного конгресса единства, а ограничивается туманным предложением Генерального Совета „стремиться свести представителей различных течений". Но установившаяся после этого с'езда тесная связь английского пролетариата с русским содействовала дальнейшему развитию идеи единства.

Вслед за Гуллем надо отметить успехи кампании за единство во Франции, где УВКТ развила усиленную кампанию и созывала районные конференции единства, имевшие большой успех.

Следующим и очень значительным шагом вперед в этой борьбе было создание после VI С'езда профсоюзов СССР англо-русского комитета единства, поставившего своей задачей восстановление единства, при чем в резолюции С'езда профсоюзов СССР по этому вопросу совершенно ясно сказано, что единство мыслится русскими профсоюзами не в виде вхождения союзов СССР в Амстердам, а в виде слияния обоих Интернационалов путем международного конгресса единства, где должны быть представлены профорганизации, не только примыкающие к обоим Интернационалам, но и стоящие вне их. Английские профсоюзы, как известно, составляют основу Амстердамского Интернационала, точно так же, как союзы СССР являются становым хребтом Профинтерна—соглашение этих двух организаций не может не оказать решающего влияния на исход борьбы за единство. По последним сведениям, Генеральный Совет конгресса тред-юнионов готов утвердить создание англо-русского комитета и таким образом, первый камень единства будет заложен очень основательно. В настоящее время революционные отряды мирового профдвижения готовятся к новой борьбе с тем, чтобы сделать из нового Интернационала Интернационал классовой борьбы.

Борьба Профинтерна за единство была поддержана Международными Комитетами Пропаганды, требовавшими об'единения в производственных интернационалах всех союзов соответствующего производства.

Переходим теперь к обзору профдвижения по отдельным странам.

Англия.

В январе 1924 года английская рабочая партия, в главной массе своей, состоящая из тред-юнионистов, пришла к власти. В Англии образовалось первое рабочее правительство. В значительной степени под влиянием этого факта, который был принят ими всерьез, английские рабочие переходят в наступление. Этому наступательному движению содействовало также и сравнительное улучшение положения английской промышленности. Стачечная волна, продолжавшаяся почти до октября прошедшего года, обнаружила большой сдвиг в рабочих массах, постепенно проникающихся сознанием необходимости более активной классовой борьбы. Начали движение машинисты и кочегары (16—31 января), боровшиеся за увеличение заработной платы. За машинистами последовали докеры (16—26/II), требовавшие 2-х шиллинговой прибавки в день и, главное, гарантированной недели, т.-е. выплаты зарплаты независимо от того, сколько дней фактически занят докер на работе. Стачки закончились компромиссом. В марте забастовали лондонские трамвайщики, которых поддержали работники лондонских автобусов, так что на некоторое время уличный транспорт Лондона прекратился. Уже во время этих первых трех стачек физиономия рабочего правительства выявилась очень явственно—рабочие министры прилагали все усилия к тому, чтобы ликвидировать стачки возможно скорее, оказывали давление на лидеров тред-юнионов с тем, чтобы заставить их обратиться к арбитражным организациям, а в некоторых случаях даже приходили на помощь предпринимателям, об'являя положение чрезвычайной охраны и угрожая вызовом войск, как это было, например, во время стачки лондонских трамвайщиков. В апреле шла стачка рабочих Соутгемптонских верфей—стачка неофициальная, ведшаяся рабочими массами против воли лидеров своего союза. За ними последовали в том же месяце рабочие имперской выставки в Вемблей, а в июне рабочие железнодорожных мастерских—один из самых консервативных отрядов английских рабочих—забастовали тоже без согласия своих лидеров. Стачка их кончилась поражением, но в результате ее национальный союз железнодорожников и цеховые союзы, имеющие своих членов в ж.-д. мастерских, вынуждены были выработать совместную программу требований и пред'явить ее предпринимателям. В июле начался продолжавшийся 6 недель локаут рабочих строительной промышленности, давший им хороший урок классовой борьбы. За то же время горнорабочие заняли очень решительную позицию и под угрозою стачки вынудили предпринимателей пойти на довольно значительные уступки. В сентябре—октябре по всей Англии шел ряд

мелких стачек текстильщиков, горняков, стачка носильщиков Ковент-Гардена и т. д.

Как мы уже сказали, тактика рабочего правительства по отношению к стачкам указала английским рабочим, чьи интересы это правительство защищает. Не меньшую измену интересам рабочего класса совершило рабочее правительство и в области социальной политики.

На выборах, в ноябре 1923 года, рабочая партия выставила довольно широкую программу, в которой говорилось о национализации железных дорог, копей, электрических станций и т. д., об обложении владельцев капитала свыше 5.000 фунтов стерлингов, разрешении проблемы безработицы путем организации общественных работ и об увеличении пособий безработным, снабжении рабочих дешевыми жилищами, улучшении положения сельскохозяйственных рабочих, установлении минимума заработной платы и т. д. Ни одно из этих обещаний не было проведено в жизнь. Все общественные работы ограничились постройкой двух крейсеров; (!) пособия безработным увеличены не были, планы жилищного строительства так и остались планами и рабочее правительство не сумело даже настоять на запрещении выселения безработных, массами производившегося в разных концах страны. Уже в конце своей деятельности рабочее правительство одобрило план Дауэса, несмотря на недовольство всех английских рабочих, особенно горняков, и вело в колониях определенную анти-рабочую политику. Все конкретные следы существования рабочего правительства сводятся к законопроекту о пособии матерям, мужья которых нетрудоспособны и законопроекту об установлении минимума заработной платы, к административному распоряжению министра труда о расширении выдач „несоответственных пособий", т.-е. расширении круга пользующихся государственной поддержкой безработных, а также к изменению в законе о пенсиях для престарелых, несколько расширяющему круг лиц, пользующихся правом на пенсию. Вашингтонское соглашение о 8-часовом рабочем дне было ратифицировано лишь для некоторых отраслей промышленности. Кроме того, рабочее правительство провело вызвавший бывшую оппозицию в левых тред-юнионистских кругах закон о промышленных советах, устанавливающий фактически принудительный арбитраж. Эти результаты пребывания рабочего правительства у власти может быть еще не вполне осознаны английским рабочим классом, но несомненно будут им учтены впоследствии.

На ряду с ростом активности рабочих масс замечается рост революционной оппозиции в тред-юнионах, организованной в Национальном Движении Меньшинства, примыкающем к Профинтерну. Кроме того, сдвиг в рабочих массах отра-

зился и на верхах профдвижения, где за 1924 год определенно оформилось левое крыло. Это левое крыло, возглавляемое Перселем, Куком, Хиксом, Хетчинсоном и др., пока еще не имеет единой программы и не вполне формулировало свои цели, но его существование является весьма положительным фактором в рабочем движении. Революционное же меньшинство—Национальное Движение Меньшинства—отметило в прошедшем году большие организационные успехи. Оно окончательно оформило свои производственные секции—горнопромышленную, металлургическую, строительную и текстильную и созвало 23—24 августа в Лондоне свою первую конференцию, на которой присутствовали делегаты от 200.000 рабочих. Конференция окончательно оформила организацию и приняла ряд решений о борьбе за требования, формулированные впоследствии в так называемой Рабочей Хартии, в которой выставлены требования увеличения зарплаты всех рабочих на 1 фунт стерлингов в неделю, установления 44-часовой рабочей недели, национализации горной промышленности, банков, земли и железных дорог без выкупа, проведения плана жилищного строительства, отказа от проведения плана Дауэса, ратификации англо-русского договора, борьбы за единство профдвижения, создания правомочного Генерального Совета Тред-юнионов и т. д.

Организованная революционная оппозиция и левое крыло оказали большое влияние на ход работ происходившего 1—10 сентября в Гулле 56-го Конгресса Тред-Юнионов. Конгресс этот, явившийся крупным событием в английском рабочем движении, ярко свидетельствовал о внутренней борьбе в английском профдвижении. С одной стороны, на конгрессе проявлялось стремление продолжать политику классового сотрудничества и избегать революционизирующих нововведений—конгресс одобрил деятельность правительства Макдональда, отказался от включения в состав конгресса местных профсоветов и примыкающего к движению меньшинства комитета безработных (наиболее левых отрядов английских рабочих организаций), отказался ввести в Генеральный Совет рабочих от станка, ни словом не осудил империалистическую колониальную политику рабочего правительства и т. д, но вместе с тем под влиянием оппозиции конгресс принял ряд решений, имеющих громадное положительное значение для английского и международного пролетариата. Прежде всего, конгрессом было принято постановление о расширении полномочий центрального исполнительного органа английского профдвижения—Генерального Совета Тред-Юнионов, который теперь может принимать активное участие во всех промышленных конфликтах и призывать на помощь борющимся всех рабочих. Важным шагом для преодоления раз'едающей английское

профдвижение цеховщины является революция о реорганизации по производственному принципу. Большим достижением было также принятие Гулльским Конгрессом так называемой Хартии промышленных рабочих, в значительной части совпадающей с приведенной выше Хартией, выработанной движением меньшинства. И, наконец, завершением конгресса навсегда включившим его в историю международного профдвижения была принятая им резолюция о восстановлении единства профессионального движения.

За Гулльским Конгрессом последовал тяжелый для английского пролетариата период,—поражение на выборах и приход к власти консервативного правительства, немедленно начавшего новый натиск на профсоюзы. Борьба ведется и в экономической и в политической области. Предприниматели готовят новое сокращение заработной платы и рабочего дня, а партия консерваторов стремится провести в парламенте законопроект, стесняющий право стачек и не дающий профсоюзам возможности тратить свои средства на политические цели.

Франция.

Важнейшими моментами в жизни французского рабочего класса в 1924 году явились: предпринятое по инициативе Унитарной Конфедерации Труда (революционной) экономическое наступление в борьбе за заработную плату, приход к власти левого блока и борьба за единство профдвижения.

В начале 1924 года Франция переживала обесценение валюты и новую волну дороговизны. Стоимость предметов первой необходимости в начале года поднялась на 25%. В рабочем классе создалось настроение, благоприятное для стачечной борьбы. Воспользовавшись этим настроением, УВКТ с конца января начала кампанию за повышение заработной платы, требуя прибавки в 1.800 франков в год для служащих и 6 франков в день для рабочих. Борьба сразу приняла массовый характер. В феврале—мае 1924 года идут стачки парижских металлистов, 10.000 рабочих заводов Ситроэна, 15.000 металлистов Сент-Этьена, 10.000 обувщиков, 5.000 химиков и друг. Руководящая борьбой, УВКТ всеми силами стремится об'единить и централизовать стачечную борьбу, организует стачечный фонд, руководит борьбой, учитывая особое положение каждой отрасли промышленности и т. д. На происходившей 16—17 марта Сессии Национального Совета УВКТ усиленно обсуждался вопрос о стачечной стратегии и была принята резолюция о централизации стачечной борьбы. Факт принятия этой резолюции свидетельствует о больших организационных успехах унитарного

профдвижения. Еще два года назад традиционный французский федерализм и автономизм исключал самую возможность постановки этого вопроса.

Одновременно УВКТ ведет усиленную кампанию за создание фабзавкомов. В начале февраля происходит с'езд фабзавкомов текстильных предприятий Рубе, Тюркуэна и Алюэна. Вскоре после него идет с'езд фабзавкомов металлической промышленности.

Выборы 4-го мая и победа левого блока несколько приостановили наступление французского пролетариата. Большинство рабочих, отдавших свои голоса левому блоку решило выждать результатов широковещательных обещаний, щедро раздаваемых Эррио во время выборов. Разочарование не замедлило притти. За 8 месяцев своего пребывания у власти правительство левого блока ничего не сделало для того, чтобы воспрепятствовать нарушению закона о 8-часовом рабочем дне, для восстановления 8-часового рабочего дня у моряков и железнодорожников, и множество рабочих во Франции попрежнему работает 12 и 15 часов в день, несмотря на то, что закон о 8-мичасовом рабочем дне введен уже в 1919 году. Правительство не исполнило своих обещаний об обратном приеме железнодорожников, уволенных во время всеобщей стачки 1920 года. Клятвенно обещанная им прибавка в 1.800 франков чиновникам—этой главной опоры левого блока во время выборов, — до сих пор не проведена, а в области социального страхования левый блок не пошел дальше выработанного еще национальным блоком проекта, целиком основанного на удержании из зарплаты рабочих. Ничего не сделало правительство Эррио для прекращения дороговизны, которая продолжает расти. Разочарование рабочих масс уже начинает сказываться в новом под'еме стачечной волны в конце года.

Примыкающая к Профинтерну Унитарная Конфедерация Труда вела в течение этого года усиленную борьбу за восстановление единства профдвижения. Уже самое название Унитарной (об'единительной) Конфедерации Труда указывает на ее стремление к единству, которое и проявлялось ею с самого ее основания (декабрь 1921 г.). На всех перипетиях этой борьбы мы останавливаться не будем, укажем только, что ей приходилось бороться и с реформистами, усиленно отстаивавшими нейтральность профдвижения, несмотря на свой явный недвусмысленный союз с социалистами, дошедшей до того, что на последних выборах ВКТ, вопреки заветам Амьенской Хартии, открыто поддерживала левый блок, и анархо-синдикалистами, на словах проповедывавшими единство, а фактически сеявшими в профессиональном движении новый раскол.

В начале 1924 года раскольнические стремления анархистов дошли до того, что ряд руководимых ими союзов и в первую очередь союз строителей, об'явили себя автономными. Видные деятели анархо-синдикализма, подобно реформистам, требовали восстановления единства снизу—профсоюзами каждого производства в отдельности, а Лартиг на Сессии Национального Совета УВКТ предложил последней попросту распустить свои организации, а ее членам войти в реформистскую конфедерацию. Уже 19-го января на чрезвычайной конференции анархо-синдикалистского меньшинства, последняя хотела вынести постановление о расколе, и лишь ее малолюдность и слабость стоящих за нею сил удержали ее от этого шага.

Унитарная Конфедерация ставила вопрос о единстве очень искренно и в совершенно иных формах, чем анархисты и реформисты. В принятой на Сессии ее Национального Совета (в марте) резолюции о единстве констатируется необходимость прежде всего восстановить единство в рядах революционного профдвижения и предлагается об'явившим автономию союзам вернуться в ее ряды. Единство же—в национальном масштабе—решено осуществить сразу и одновременно путем созыва об'единительного конгресса организаций, примыкающих к обеим конфедерациям—реформистской и революционной и независимых профсоюзов.

Борьба вокруг вопроса о единстве с новой силой возгорелась после III Конгресса Профинтерна. Анархисты и реформисты подняли ожесточенную кампанию в прессе против этих новых „маневров" Москвы.

Происходившая в конце сентября Сессия Национального Совета УВКТ отправила делегацию на заседание одновременно происходившей Сессии Национального Совета ВКТ, предлагая ей созыв об'единительного конгресса. Такие же делегации были отправлены и на ряд реформистских с'ездов по производствам. Результат повсюду был один—реформисты предлагали унитариям безоговорочно войти в реформистские организации и распустить УВКТ. Следующим шагом для восстановления единства явилось создание УВКТ, по примеру железнодорожников Сент-Омэра, комитетов по производствам из представителей профсоюзов всех направлений. Эти комитеты, а также районные и областные конференции единства оказывают большую службу УВКТ в ее борьбе.

Раскольническая деятельность анархо-синдикалистов достигла этой осенью своего апогея. Ряд союзов по их настоянию об'явил автономию и, наконец, 1-го ноября по инициативе Федерации строителей была созвана III Конфедерация Труда, примкнувшая к Берлинскому синдикалистскому Интернационалу. Эта Конфедерация обречена на при-

зрачное существование, ибо она об'единяет не больше 2—3 тысяч рабочих, но факт ее создания вносит большую смуту в революционное рабочее движение и на руку реформистам.

Германия.

1924 год начался для германского рабочего класса чрезвычайно тяжело. Военная диктатура свирепствует в Германии со времени неудачи германской революции в октябре—ноябре 1923 года. Наступление предпринимателей развивается весьма энергично. С 1 января вступает в силу постановление о рабочем дне от 22-го декабря прошлого года, фактически устанавливающее в громадном большинстве предприятий 10-час. рабочий день. Предприниматели стремятся к уменьшению заработной платы и с этой целью производят усиленное свертывание предприятий и даже закрывают их с тем, чтобы по открытии вновь навязать рабочим более тяжелые условия труда.

По данным Wirtschaft und Statistik, в начале 1924 года металлисты и текстильщики работали от 55 до 61 часов в неделю, подземные горнорабочие в Верхней и Нижней Силезии и Рура работали по 9 часов, поверхностные—по 11 часов в день. В лесопромышленности повсеместно установилась 52-часовая, у печатников 54-часовая рабочая неделя. Заработная плата не достигает 60% довоенной. К этому надо прибавить небывалую в Германии безработицу. В начале 1924 г. по официальному подсчету числилось $1^1/_2$ м. безработных, в действительности их было значительно больше. В дальнейшем весь 1924 год идет непрерывное ухудшение условий труда. Стабилизация валюты, вызывающая увеличение налогового бремени, тоже тяжело отзывается на германском рабочем.

Тяжелое экономическое положение неизбежно вызывает ряд стачек; рабочие борются за увеличение зарплаты и против удлинения рабочего дня. С 31-го декабря по 6-е января бастуют берлинские металлисты (150.000 участников). За ними в январе—феврале идут стачки берлинских бондарей, сталелитейщиков завода Делен в Дрездене, локаут текстильщиков Обербергена, рабочих горнозаводских предприятий Саксонии, лейпцигских металлистов, локаут 5.000 деревообделочников Верхней и Нижней Силезии, стачка в южно-баварской текстильной промышленности. В январе начинается длительная борьба металлистов Рейнской Вестфалии, борющихся за 8-час. рабочий день, во время которой на помощь предпринимателям приходила английская полиция. С 26-го февраля до 20 чисел мая продолжается стачка и локаут 80.000 портовых рабочих Гамбурга, Фленсбурга, Бремена, Любека,

Штеттина, отказывающихся работать 9 час. в день. С конца апреля по 26 мая идет жестокая борьба горнорабочих—в Руре бастуют 450.000 человек, в Верхней Силезии—65.000, в Люгау Эльсниц (Саксония) 40.000 чел., в Мансфельде—30.000 чел. В начале марта забастовали людвигсгафенские химики (анилиновые содовые фабрики), протестующие против введения 9-час. рабочего дня. Стачка подавляется с исключительной жестокостью. После вооруженных столкновений с полицией на месте остается множество раненых и несколько убитых. Громадное большинство этих стачек кончается поражением по вине реформистских руководителей союзов, обычно соглашающихся возглавить стачку только под влиянием настояния масс и спешащих пойти на компромисс при первом удобном случае.

Положение германских союзов, несколько улучшившееся по сравнению с 1923 годом, когда профсоюзам, казалось, грозил полный развал,—продолжает все же оставаться тяжелым, несмотря на стабилизацию валюты, помогшую улучшить финансовое положение, а также на помощь Амстердамского Интернационала и Гомперсовской Американской Федерации Труда. К началу 1924 года в Германии насчитывается всего 7 миллионов организованных рабочих вместо 13—14 миллионов в 1921 году. Во Всеобщем Об'единении германских профсоюзов имеется не больше 4 миллионов (уменьшение на 40—45%), в свободном союзе служащих—450.000 (уменьшение на 30—35%), в свободном союзе чиновников—250.000 (уменьшение на 35%). В начале 1924 года реформистские союзы ушли из Центрального комитета делового сотрудничества, но уход этот был вызван не стремлением немецких реформистов стать на почву классовой борьбы, а тем, что предприниматели тяжелой промышленности, получившие к началу 1924 года доминирующее влияние в предпринимательских организациях, нашли деловое сотрудничество для себя невыгодным, требуя от профсоюзов безусловного подчинения. Но с прекращением делового сотрудничества в национальном масштабе еще больше развилось сотрудничество реформистов с предпринимателями по отдельным предприятиям, что еще тяжелее отозвалось на рабочих.

Отступая по всему фронту перед предпринимателями, немецкие реформисты со всей силой набросились на революционную оппозицию в профдвижении. Уже в начале января 1924 года правление всеобщего об'единения профсоюзов постановило исключить все отделы, картели и окружные организации и всех отдельных членов и должностных лиц, стоящих на почве решений происходившей в ноябре 1923 года Веймарской конференции профсоюзной оппозиции. На заседании правления Совета ВОГП 15—16 января было принято постановление против коммунистов, пред-

лагающее принять против них организационные меры, вплоть до исключения из союза. С января по всей Германии начинаются исключения коммунистов и революционеров из профсоюзов. Реформисты всячески провоцируют раскол. Те же настроения господствовали на С'езде металлистов (17—23 февраля), С'езде текстильщиков (16—18 апреля), С'езде горнорабочих (16—19 июня) и др.

Руководимая компартией революционная оппозиция в германских профсоюзах, несмотря на провокацию реформистов, не идет на раскол. После недолгих колебаний и дискуссий по вопросу об уходе из профсоюзов или завоевании их, германская компартия твердо усваивает линию Коминтерна и Профинтерна о завоевании профсоюзов изнутри и после франкфуртского партейтага (апрель) усиленно разворачивает союзную работу. Коммунисты принимают активнейшее участие в стачечной борьбе, особенно сказывается их участие в людвигсгафенской стачке химиков и в майской стачке горнорабочих, когда немецким рабочим пришел на помощь организованный международный пролетариат, в лице Комитетов Пропаганды и Профинтерна. Новое укрепление и перегруппировка сил оппозиции произошли после совещания рабочего комитета (из представителей компартии и самостоятельных революционных организаций) (7 августа) и Всегерманской Конференции профсоюзной оппозиции (17 августа), после которых было выпущено воззвание, призывающее к усиленной фракционной работе в профсоюзах и к возвращению обратно в профсоюзы. Оппозиция этой тактике германской компартии, наблюдавшаяся в ее рядах, была быстро ликвидирована. Лидеры оппозиции—Вейер, Кайзер и Шумахер были исключены из партии.

С сентября в Германии начинается проведение в жизнь плана Дауэса. Реформисты ни словом не протестуют против этого „плана систематического высасывания соков из рабочего класса" (проф. Кассель) и склонны даже видеть в проведении его „расцвет и новую зарю для германского рабочего класса" (по выражению председателя Союза деревообделочников Тарнова). Но, естественно, проведение плана Дауэса вызвало новый нажим на рабочий класс. С 8-час. рабочим днем на деле окончательно покончено. Зарплата уменьшается повсеместно. Снова начавшееся стихийное движение заставляет реформистов заговорить об активной тарифной политике, но фактически они снова всячески саботируют борьбу. Обнаружившаяся полная несостоятельность всеобщего об'единения германских профсоюзов заставила Готский местный профсоюзный отдел выработать свою программу борьбы, вскоре одобренную общим собранием готских фабзавкомов и рядом рабочих организаций всей Германии. Эта так называемая „готская программа" заключает в себе требова-

ния: 1) 40-процентного повышения зарплаты; 2) восстановления 8-час. рабочего дня; 3) борьбы против увольнения, против принудительных работ для безработных, увеличения пособия безработным; 4) борьбы против налогов на зарплату 5) отмены налогов на беднейших крестьян и запрещение взимания с крестьян, не пользующихся наемным трудом, арендной платы; 6) обеспечения питания промышленным рабочим, путем реквизиции урожая у аграриев; 7) борьбы против империалистической войны; 8) освобождения политических заключенных; 9) отмены чрезвычайного положения. 10) восстановления профсоюзного единства.

Выступление готских профсоюзов вызвало бурю негодования в правлении Всеобщего об'единения профсоюзов, которое в начале декабря постановило ликвидировать Готский отдел. Но готская программа приобрела большую популярность в Германии, ее поддержал и происходивший 1 ноября Конгресс рейнско-вестфальских фабзавкомов и с'езд глейвицких фабзавкомов (17 ноября) и ряд других профсоюзных организаций.

Во время выборов в рейхстаг Всегерманское об'единение профсоюзов, вопреки всемерно провозглашаемому им принципу нейтральности, вело открытую кампанию за социал-демократическую партию. Конец года ознаменовался рядом новых исключений из Союзов.

Коммунисты и революционная оппозиция ведут усиленную борьбу с реформистскими раскольниками и призывают германских рабочих к восстановлению профсоюзного единства.

Далее, отметим в кратких чертах важнейшие события в профсоюзной жизни остальных стран.

Чехословакия прожила весь прошлый год при постоянном росте дороговизны и снижении зарплаты. Борьба за единство, ведшаяся Компартией и примыкающим к Профинтерну Межнациональным Обще-профессиональным Союзом, затруднялась благодаря сильному разброду в чехословацком профдвижении, где имеются 11 отдельных профсоюзных центров,—и раскол идет и по идеологической и по национальной линии. Шагом вперед на пути к единству был происходивший 4—5 октября с'езд фабзавкомов, на котором присутствовали представители организаций, примыкающих к нескольким профсоюзным центрам. С'езд принял резолюцию о необходимости восстановления единства и избрал Центральный Рабочий Комитет, который должен содействовать об'единению борьбы за 8-час. рабочий день, против последствий проведения плана Дауэса и т. д.

Важнейшими событиями рабочего движения Австрии были стачка венских металлистов в июне и стачка желез-

нодорожников в декабре. Обе стачки велись за повышение заработной платы. Кончились обе компромиссом. В конце года отметился небывалый в Австрии рост безработицы. Число безработных достигает 200.000—больше, чем когда бы то ни было после войны.

Рабочее движение на Балканах переживало в прошедшем году ряд жестоких репрессий. В Болгарии революционные профсоюзы, только начавшие оправляться после разгрома в сентябре 1923 года и к марту успевшие восстановить профсоюзные отделы почти во всех крупных городах, в апреле 1924 года испытали новый удар. Правительственным актом были распущены об'единения профсоюзов, компартия, Союз молодежи и рабочий кооперативный центр—„Освобождение". Отдельным союзам юридически существовать разрешается, но правительство всячески препятствует их деятельности. Союзы ведут усиленную борьбу за легализацию профдвижения. Правительство сделало попытку создать фашистские профсоюзы, но попытка эта потерпела фиаско. Несмотря на правительственные репрессии, рабочие провели в прошлом году ряд успешных стачек. Те же репрессии испытывают и революционные профсоюзы Юго-Славии. В июне прошлого года Центральный Совет Независимых Профсоюзов был закрыт. Полиция произвела налет на ряд профсоюзных помещений и арестовала многих профработников. Профсоюзы Румынии живут в условиях жесточайшего правительственного террора. На помещение унитарных (революционных) профсоюзов производятся непрерывные налеты. Аресты профработников, обыски у них—бытовое явление. Вместе с тем, правительство оказывает открытое покровительство амстердамским профсоюзам. Наступление капитала продолжается. Реальная зарплата в 1924 году, по сравнению с довоенной, упала на 39%. Безработица достигает громадных размеров. По всей стране весь год идет множество стачек. Унитарные профсоюзы ведут усиленную кампанию за восстановление единства.

Польша. Истекший год был годом напряженной, хотя и не очень яркой, экономической борьбы. В начале 1924 года был издан закон о принудительном применении индекса цен при исчислении зарплаты. Закон этот оказался очень невыгодным для рабочих и послужил поводом к ряду конфликтов. В июне—августе шла напряженная стачка горняков в польской Верхней Силезии, протестовавших против восстановления 10-час. рабочего дня и уменьшения зарплаты. Стачка закончилась поражением. В конце года предприниматели под руководством своей организации—Левиафан повели организованное наступление, стремясь покончить с 8-час. рабочим днем. Рабочие отвечают на это рядом стачек. Из них крупнейшая—стачка лодзинских тек-

стильщиков (27 ноября—6 декабря), по вине реформистов закончившаяся компромиссом. Реформисты ведут с революционерами усиленную борьбу, но к исключениям прибегать не решаются.

Скандинавия. — Во всей Скандинавии в 1924 году происходил ряд стачек и локаутов. Особенно напряженно шла борьба в Норвегии, где к моменту заключения нового тарифного соглашения, рабочим ряда производств были об'явлены локауты, длившиеся с 21-го февраля по 27-е мая. Борьба закончилась победой. Зарплата металлистов была повышена на 14%, строителей на 15—16%. Рост дороговизны вызывал ряд конфликтов также в Швеции и в Дании. Важнейшим моментом профсоюзной жизни Норвегии за этот период является почти полное осуществление начатой по постановлению с'езда 1923 года реорганизации по производственному принципу.

Борьба за единство профдвижения шла в Норвегии очень усиленно. В начале казалось, что победа склоняется на сторону реформистов. На с'езде Об'единения норвежских профсоюзов вождю правого крыла Оле Лиану удалось добиться присоединения норвежских профсоюзов к Международному Бюро Труда, а на происходившей 2-го декабря Скандинавской Конференции всеми голосами против двух норвежских коммунистов при воздержавшихся представителях финляндских профсоюзов, удалось провести резолюцию о вступлении всех скандинавских профоб'единений в Единый Интернационал, т.-е. в Амстердамский. А резолюция о созыве Международного Об'единительного Конгресса была отвергнута. Но решения Скандинавской Конференции вызвали столь сильное недовольство рабочих масс, что ЦК Норвежской Рабочей Партии опротестовал ее решения, и норвежские профсоюзы продолжают оставаться вне Амстердама.

Говоря о рабочем движении Бельгии, приходится отметить—героическую двухмесячную борьбу 35.000 горняков Боринажа (15 августа—15 октября), протестовавших против понижения зарплаты, об'явленного предпринимателями после того, как бельгийская горная промышленность стала испытывать особо жестокие последствия германской конкуренции. Коммунисты и „Рыцари Труда“ (революционный союз) требовали поддержки борьбы боринажских горняков горнорабочими всей Бельгии. Но реформисты воспрепятствовали этому и поспешили закончить стачку компромиссом. Другим крупным событием было принятое С'ездом Синдикальной Комиссии (Об'единение профсоюзов) запрещение коммунистам занимать ответственные посты в профсоюзах, провоцирующее раскол профдвижения.

В Италии за истекший год наблюдался развал фашистских профсоюзов и возвращение рабочих в классовые организации. Правда, Всеобщая Конфедерация Труда еще до сих пор чрезвычайно слаба. Вместо 2 миллионов членов в 1920 году она насчитывает едва 150.000 человек. Лучше всего сохранились организации печатников, в которых числится около 40.000 человек. Восстановлению ВКТ и примыкающих к ней профсоюзных федераций очень мешает тактика стоящих во главе ее реформистов. Они ведут соглашательскую политику по отношению к фашистам и непримиримую борьбу с революционной оппозицией, руководимой коммунистами и максималистами. Для того, чтобы не допустить оппозиционных элементов в профсоюзы, руководители ВКТ стремятся заменить местные профсоветы—Палаты Труда, избираемые местными союзами, назначенными из центра бюрократическими секретариатами. Слабость ВКТ и ее отказ от классовой борьбы особенно ярко выявились на ее с'езде, происходившем 10-го декабря прошлого года. В фашистском профдвижении наблюдается полный развал. На с'езде фашистских корпораций 24-го ноября фашистские профессионалисты указывали, что проповедуемое ими сотрудничество классов не удается проводить, благодаря сопротивлению предпринимателей. Повсеместно идет бегство рабочих из фашистских корпораций.

Коммунисты пытаются создать оппозиционный блок с максималистами и ведут борьбу для воссоздания единого профессионального движения в рядах ВКТ.

Соединенные Штаты в 1924 г. переживали эпоху промышленного под'ема. Но гомперсовские профсоюзы не сделали ничего для того, чтобы использовать благоприятную обстановку для укрепления и роста своих организаций. Число членов Американской Федерации Труда за 1924 год уменьшилось на 100.000 человек и составляло к середине ноября (С'езд в Эль-Пазо) всего 2.865.979 чел. (около 8% взрослых пролетариев Соединенных Штатов). В течение 1924 года АФТ, несмотря на усиленное наступление предпринимателей, стремившихся к ухудшению экономического положения рабочих и изгнанию организованных рабочих из своих предприятий (кампания за „открытую мастерскую"), шла все дальше по пути классового сотрудничества. Союзы железнодорожников вели работу по проведению так называемого „Плана Балтимора-Огайо"—плана, превращающего профсоюз в бюро по поставке рабочей силы предпринимательским компаниям, следящее только за добросовестностью поставляемого его труда и за выгодностью его применения для предпринимателей. Ряд профсоюзов занимался организацией рабочих банков, превращающих союзы в группировки чисто-капиталистического характера; на с'езде в Эль-

Пазо было решено привлечь профсоюзы к созданию страховых обществ на чисто коммерческих началах.

После принятия Лондонской Конференцией плана Дауэса, открывшего наступление американского капитала на Европу, Гомперс, этот верный слуга Моргана и К°, решил вернуться в Амстердамский Интернационал, из которого он в 1919 г. ушел, считая его слишком левым. Вернувшись в Амстердам, АФТ должна будет укрепить его правое крыло и создать из европейского реформизма еще более послушного помощника капитала, чем сейчас. Одновременно Гомперс развивал усиленную деятельность для подчинения своему влиянию профдвижения Латинской Америки и укреплял созданную им во имя интересов Сев.-Амер. капитала Пан американскую Федерацию Труда.

В конце года реформистское профдвижение Соединенных Штатов потеряло своего руководителя—умер Гомперс, бессменный председатель АФТ в течение 43-х лет, в течение всего этого времени вершивший судьбы американского рабочего движения. Но за это время Гомперсу удалось создать в АФТ настолько крепкий бюрократический реакционный аппарат, всецело проникнутый его духом, что в ближайшее время смерть Гомперса вряд ли вызовет большие перемены в жизни АФТ.

Революционная оппозиция в американском профдвижении—Лига Профессиональной Пропаганды (примыкающая к Профинтерну) в течение всего года вела усиленную борьбу за создание Рабочей Партии, за организацию неорганизованных, за слияние цеховых профсоюзов в производственные и за создание фабзавкомов.

В странах Ближнего Востока надо отметить энергичную борьбу египетских рабочих, в своих экономических выступлениях прибегающих к захвату фабрик, которые они оставляют в своих руках вплоть до удовлетворения их требований.

В Персии и Турции прошлый год был ознаменован правительственным походом против профсоюзных об'единений. И до настоящего времени национальные об'единения разрешалось созывать только особо благонадежным желтым профсоюзам, но в 1924 г. были закрыты и эти— „Берлик" в Турции и Конфедерация Труда в Персии.

Обращаясь к странам Дальнего Востока, надо остановиться прежде всего на Индии, где прошлый год ознаменовался значительными событиями в жизни рабочего класса. В начале 1924 года в Индии происходил ряд крупных экономических конфликтов. Из них важнейшие—стачка бомбейских текстильщиков, тянувшаяся с конца января по конец марта; стачка Рангунских грузчиков в мае; стачка железнодорожников Южной Индии в июне. Стачки проте-

кали очень бурно, часто происходили вооруженные столкновения с полицией.

В прошлом же году индийским правительством был выработан ряд законопроектов по фабричному законодательству, втом числе закон, легализирующий профсоюзы, закон о принудительном арбитраже (стесняющий свободу стачек), закон об охране материнства, об урегулировании выплаты зарплаты и т. д.

В конце года—в декабре—в Калькутте происходил Всеиндийский Конгресс Профсоюзов. Конгресс об'единяет 15 союзов с 180.000 членов, из имеющихся во всей Индии, включая Бирму и Цейлон, 98 союзов с 350.000 членов. Конгресс постановил изменить свой устав, чтобы облегчить вхождение союзов в его ряды.

В Китае идет быстрый рост профдвижения; профсоюзы принимают активное участие в борьбе Сун-Ят-Сена и партии Гоминдан с китайской реакцией.

В Японии в 1924 г. шло усиленное стачечное движение.

Таким образом, мировое рабочее движение начало новый—1925—год при новой волне наступления капитала, при почти повсеместном ухудшении положения рабочего класса. Необходимым условием для организации успешного отпора капиталистическому натиску является постановление единства профессионального движения—и международного и по отдельным странам. Напряженная борьба передовых элементов рабочего движения в 1924 г. дала уже большие результаты. 1925 году предстоит продолжить и завершить эту борьбу.

Ю. В. Ключников.

Лига Наций в 1924 г.

I.

Лига Наций была создана в качестве уступки временным настроениям, связанным с войной и с поисками основ прочного мира. Веры в нее не было ни у кого. Чтобы с самого начала не поднялись разговоры о ее бесполезности и бессилии, ей был поручен ряд функций, не вытекающих непосредственно из ее основной цели, но зато позволяющих ей развернуть некоторую практически полезную деятельность. Таким образом, в ее руках сосредоточилось дело „международного управления" или руководство всеми бюро разного рода международных административных союзов (почтового, телеграфного, железнодорожного, и др.). Помимо этого руководства Лиге Наций поручен надзор за осуществлением державами-победительницами „мандатов" в колониальных странах. Под ее собственное управление отдан на 15 лет Саарский бассейн. Верховный комиссар Лиги действует в Данциге, поставленном „под защиту" Лиги. Одновременно с Лигой Наций была создана другая крупная международная организация, цель которой заключается в международной охране интересов рабочих, „Организация Труда" или, как ее большею частью называют по имени одного из ее органов,—„Международное Бюро Труда". Эта организация в свою очередь была поставлена в прямую связь с Лигой и в прямую формальную и материальную зависимость от нее.

Кипучая деятельность в перечисленных только что направлениях должна была служить для Лиги надежной дымовой завесой, скрывающей от враждебных взоров органическую непригодность ее (в ее теперешнем виде) для дела укрепления международного мира. Под прикрытием этой завесы можно было без особого риска брать на себя

задачу разрешения отдельных международных конфликтов с тем, чтобы разрешать их заведомо неудовлетворительным образом. Под прикрытием этой завесы можно было не торопиться с выполнением главной обязанности Лиги — установлением таких оснований для сосуществования отдельных государств, которые сделали бы возможным мирное разрешение всех междугосударственных конфликтов и привели бы ко всеобщему разоружению.

И тем не менее до самого конца 1923 года дальнейшие судьбы Лиги Наций все еще внушали самые серьезные опасения ее деятелям и друзьям. В печати разных стран то и дело ставился вопрос: „нужна ли нам Лига"; повсюду с неудовольствием констатировали относительную дороговизну этого международного развлечения; временами создавалась угроза прямого срыва всей Лиги (напр., угроза Муссолини вывести из Лиги Италию в связи с итало-греческим конфликтом на почве убийства итальянского генерала Теллини на албано-греческой границе). Наблюдатели работ Лиги последних лет с грустью констатировали, что от заседаний Совета и Собрания Лиги веет скукой, что „жизнь замирает в них". Попытки внести некоторые изменения в статут Лиги упорно оставались безрезультатными, т. к. не собирали нужного числа ратификаций. Иногда Лига действовала в прямое нарушение своего статута и тем еще больше подрывала свой кредит.

В истекшем 1924 году картина значительно изменилась. В Женеве повеяло чем то новым, на смену симптомам упадка и разложения появились благоприятные для версальского детища симптомы. Пять сессий Совета Лиги [1]) приняли подготовленные комиссиями и специальными конференциями решения по целому ряду самых разнообразных вопросов, а исключительно торжественное 5-ое Собрание Лиги—с 1 сентября по 2 октября—закрепило и восполнило работу совета.

В наименьшей степени это относится к постоянной организации труда. С некоторых пор солидные и добросовестные исследователи работ этой организации,— такие как Гэро, Куртэн и Валин, начали в один голос давать ей весьма нелестную оценку. Отличительной чертой ее деятельности является механическое изготовление десятков и сотен „проектов конвенций" и „предложений", которые государства не спешат ратифицировать и с которыми мало кто считается. „Странное общество — эта Международная Организация Труда",—замечает по этому поводу Валин:— „запасы его товаров растут и их не покупают, а оно вбило

[1]) 28-ая—в марте, 29-ая—11—17 июня, 30-ая — с 30 августа по 13 октября, 31-ая (чрезвычайная)—27 октября и 32-ая, в Риме,—8—13 декабря.

себе в голову фабриковать безостановочно". Куртэн констатирует хроническую потерю интереса к Постоянной Организации в общественных кругах и у властей всех стран. „Эта потеря интереса", добавляет он, „совершается медленно и постепенно, но от этого будущее международной регламентации труда становится лишь еще более ненадежным". Уже и теперь Постоянная Организация Труда живет лишь своим прошлым:—„отныне она выступает перед нами, как нечто совсем одряхлевшее".

Приведенная убийственная характеристика относится к М. О. Т., какою она была в 1923 году. В 1924 году эта характеристика остается по-прежнему применимой к ней. На повестке 6 сессии (16 июня — 5 июля 1924 г.) Международной Конференции Труда, главного органа всего этого учреждения,—стояло четыре вопроса[1]): 1) использование отдыха рабочими; 2) равное положение иностранных и своих рабочих в несчастных случаях при работе; 3) 24-часовой еженедельный отдых в стекло-плавильных предприятиях; 4) ночная работа в булочных. По первому вопросу конференция „окончательно приняла" текст п р е д л о ж е н и я, который был затем разослан правительствам для превращения его в годичный срок в законы или в „мероприятия другого порядка". По остальным трем вопросам были приняты „предварительные проекты конвенций" (большинством: 85 голосов против 1,—68 против 22,—73 против 15). Текст этих предварительных проектов также разослан, для внесения поправок, участвующим в организации правительствам. Окончательное принятие этих проектов должно состояться на ближайшей, седьмой, сессии Конференции в 1925 году. Отсрочки на год всякого проекта конвенции М. О. Т. не менее прочно входят, таким образом, в практику организации, чем привычка заниматься абстрактным бумажным разрешением все более и более мелких вопросов.

П о с т о я н н а я П а л а т а М е ж д у н а р о д н о г о С у д а при Лиги Наций в отчетном году рассматривала всего три дела: 1) англо-греческий спор по походу предприятий Мавроматиса в Палестине, Яффе и в Иорданской долине; 2) албано-югославский спор по поводу монастыря св. Наума 3) Греко-болгарский спор по поводу толкования мирного договора в силу постановлений Лондонской Конференции (июль—август 1924 г.) поле деятельности П. П. М. С. должно в будущем расшириться; а именно: председатель П. П. М. С. выступает на сцену, если державы не сумеют столковаться об американце, члене репарац. комиссии; он же назначает третейских судей для разрешения некоторых (семи) кате-

[1]) Если не считать доклада директора Междунар. Бюро Труда и доклада Комиссии, заседавшей в Лондоне в декабре 1922 г. по вопросу о борьбе с сибирской язвой.

горий репарационных дел; ряд таких дел непосредственно передан П. П. М. С.

На ближайшие три года избран избран председателем П. П. М. С. вместо голландца Лодера швейцарский профессор Макс Губер, вице-председателем—французский профессор А. Вейс. Избраны также на два года особые составы суда для споров по рабочим делам и по делам о сообщении и транзите, — и на один год состав суда для ускорение судопроизводства.

Несомненные успехи были достигнуты Лигой в 1924 году в деле своей внутренней организации.

Начать с того, что бюджет Лиги оказался в очень хорошем состоянии, и что на 1925 год его удалось свести к 22.658.138 зол. франкам по сравнению с 23.328.686 зол. франками бюджета 1923 года. Из этой цифры на содержание секретариата и отдельных организаций Лиги, падает 12.217 334 франка, на Постоянную Организацию Труда—7.210.295 франков, на Постоянную Палату Международного Суда—1.905.084 фр. В отчетном году в кассе Лиги оказался даже свободный остаток в 2.774.854 франка, из которых 1.635.274 фр. записано державам, членам Лиги в счет поступлений следующего года, а остальные пошли преимущественно на платежи в связи с постройкой здания Международного Бюро Труда. Этого мало: финансовое положение Лиги оказалось настолько блестящим, что для нее стало возможным уплатить на 18 месяцев раньше причитающуюся с нее солидную сумму за помещение для секретариата, а кроме того ассигновать целых 4.500.000 фр. на постройку зала для конференций Лиги на участке земли, подаренном ей Женевой (кантоном и городом). Принятое в 1923 году 4-м Собранием Лиги распределение долей расхода между членами Лиги оставлено в силе и на 1925 г., но в 1926 г. его предположено изменить. Так как Аргентина решила снова платить свои 35 долей, то полученные таким образом деньги решено было списать в справедливых долях с взносов других государств. С другой стороны, было признано, что действие японского землетрясения все еще продолжает отражаться на японских финансах, и потому Япония и в 1925 году, как и в 1924 г., будет платить за свое участие в Лиге на 12 долей меньше, чем ей полагается по общей разверстке.

В 1924 году единогласно была принята в состав членов Лиги Наций республика Сан-Доминго, в силу чего общее число этих членов достигло цифры 55.

К моменту открытия 5-го Собрания Лиги в сентябре 1924 года общее число зарегистрированных секретариатом Лиги и предназначенных к опубликованию международных соглашений достигло солидной цифры—700. Если принять

во внимание, что к июлю 1923 года опубликованных Лигой договоров насчитывалось лишь 436, то прогресс ее „работы“ в этой области представляется особенно значительным. Жаль только, что среди этих 700 договоров не мало договоров старых, а отчасти и таких, которые не получили должной ратификации.

Еще более любопытным явлением во внутренней жизни Лиги было усиление ратифицирования в описываемом году поправок к ее статуту, выработанных еще на 2-ом собрании в 1921 г.

Так, были ратифицированы:

а) поправки к статье 4 (о выборе непостоянных членов Совета Лиги): Албанией, Уругваем, Латвией, Сальвадором;

б) поправки к последнему разделу ст. 6 (распределение между членами расходов по Лиге не в пропорции, установленной для расходов Всемирного Торгового Союза, как указано в статуте, а согласно постановлению собрания Лиги): Албанией, Уругваем, Италией, Сальвадором:

в) поправки к ст. 12, 13 и 15 (упоминание о судебном разбирательстве конфликтов, всюду, где в этих странах говорится о третейском их разбирательстве): Уругваем, Латвией (лишь к ст. ст. 12 и 15) Испанией);

г) поправка к ст. 16 усиление экономической блокады, нарушителя статута Лиги в смысле запрещения всяких сношений не только с его гражданами, но и со всеми лицами, проживающими на его территории): Уругваем, Латвией, Великобританией (включая Канаду, Австралию, Южную Африку, Новую Зеландию и Индию).

В виду ратификации поправок к статье 6-й Бразилией, оказалось, что они ратифицированы всеми государствами, членами Совета Лиги и большинством остальных ее членов— условие, необходимое для вступления каждой поправки в силу к статуту—и таким образом с 13 августа 1924 года статья 6 статута Лиги Наций обязательна для государств в новой ее редакции. То же самое случилось со статьями 12, 13, 15 и 26 в виду их ратификации Испанией 26 сентября 1924 г.

Отметим также, что согласно постановлению 5-го Собрания Лиги в 1924 году приняты поправки и к первому разделу статьи 16 статута [1]).

Таким образом из испытаний 1924 года статут Лиги вышел значительно измененным и исправленным; по крайней мере чисто внешне и в вопросах, не имеющих первостепенного значения; по существу он остался совершенно таким же, каким был.

---

[1]) Текст всех этих поправок см. во вступительной статье к Версальскому мирному договору, изд. литиздата НКИД., „Версаль“ 1925 г.

Мода на Лигу Наций на пятом году ее существования сказалась настолько сильно, что секретариат ее удостоился посещения весьма высокопоставленными особами: короля и королевой Румынии, наследниками Абиссинии („Эфиопии"), позже—британским и французским премьером, лично выступавших на 5-м ее Собрании в начале сентября.

14 марта министр иностранных дел Соединенных Штатов Бразилии сообщил генеральному секретарю Лиги, что бразильский президент решил учредить при Лиге свое постоянное представительство. Уполномоченному для такого представительства лицу присваивается должность и ранг посла (не посланника ли все же?); при нем будет находиться советник и первый и второй секретари. Этот почин крупной южно-американской республики нельзя не признать во всех отношениях значительным и чреватым интересными международно-правовыми последствиями.

Со своей стороны Лига посылала своих представителей, согласно приглашению, на 6-ю Конференцию Постоянной Организации Труда (Эд. Бенш, в роли председателя Совета Лиги), на римскую конференцию по вопросам эмиграции и иммиграции (представитель Уругвая Гуани), а генеральный секретарь Лиги сэр Эрик Друммонд в сопровождении директора политического отдела, г-на Манту, об'ехал три скандинавских страны—Швецию, Норвегию и Данию,—устанавливая всюду политические связи и всячески пропагандируя Лигу. Еще немного и мы, чего доброго, узнаем о постоянных представительствах Лиги в разных странах по образцу бразильского представительства при Лиге в Женеве. От пассивного права международного представительства до права активного—обычно всего лишь один шаг.

Финансовая комиссия Лиги имела возможность в 1924 году еще раз проявить себя в деле экономического восстановления Европы. Вслед за Австрией, которая чуть было не умерла с голоду, ей пришлось срочно взяться за „спасение" Венгрии.

Условия этого спасения были выработаны еще на 27-й сессии Лиги Наций в декабре 1923 г. В силу их Венгрия обязалась согласиться на установление полного мира со всеми своими соседями, принять ряд существенных внутренних реформ и пойти на финансовый контроль. Репарационная комиссия должна была определить, в каких пределах Венгрия может быть освобождена от своих обязательств, а в итоге согласия на перечисленные пункты, страна должна была получить заем в 250 млн. зол. крон. 22 января 1924 г. состоялось окончательное решение подкомиссии Лиги по венгерским делам в указанном смысле. 14 марта 1924 г. во время 28-й сессии Лиги Наций союзниками и Венгрией были подписаны соответствующие соглашения в виде двух отдель-

ных протоколов. Участниками соглашения со стороны союзников явились: Англия, Франция, Италия, Румыния, Юго-Славия и Чехо-Словакия. В основе своей план хозяйственного восстановления Венгрии построен совершенно так же, как и план восстановления Австрии. Наиболее существенное отличие между обоими этими планами заключается лишь в том, что 250 миллионный заем Венгрии не гарантируется иностранными правительствами. (Кстати сказать, венгерский представитель граф Бетлен, хотел, очевидно, еще большего сходства обоих планов и потому запросил было с союзников 650 млн. крон,—сумма, которую удалось получить австрийцам). Погашен заем должен быть в течение 20 лет, считая с 1 января 1924 г. по 31 декабря 1943 г. В тот же срок Венгрия обязана погасить и все свои репарационные обязательства, исчисленные теперь репарационной комиссией в общую сумму в 200.000.000 зол крон. При этом установлено, что в 1927 и 1928 г.г. она будет уплачивать по 5 млн. крон репарационных взносов, с 1929 по 1935 г.—будет увеличивать эти взносы каждый год на 1 миллион, так что в 1935 г. ею будет уплачено 12 миллионов; с 1936 по 1941 г. платежи должны равняться 13 миллионам ежегодно, а последние два года—14 миллионам. В обеспечение всех этих платежей поступают: а) все таможенные сборы (исчислены в 16 млн. зол. крон ежегодно), б) все поступления с табачной монополии (25 миллионов), в) чистый доход с соляной монополии (3 млн.) и налог на сахар (6 млн.). Железные дороги было решено исключить из списка обеспечений. Итого 50 млн. зол. крон. Цифры эти взяты по данным 1922/23 года и при том значительно понижены по сравнению с этими данными. По расчетам составителей проекта соглашения, репарационные обязательства составят всего на всего 1 шиллинг в год на голову венгерского населения, тогда как в том же 1922/23 финансовом году Германия должна была бы платить 41 шиллинг за каждого немца. Вместе со всем этим на Венгрию ложится обязательство восстановить у себя в течение $2^1/_2$ лет бюджетное равновесие, с каковой целью она помимо займа получает еще разрешение в течение этих лет не платить репараций, если не считать 880 тонн угля, которые она ежедневно обязана поставлять Юго-Славии. Во избежание новой инфляции планом Лиги Наций предусмотрено создание особого банка с монопольным правом эмиссии банкнот. Для проведения всего этого плана Лигой Наций в Венгрию назначается генеральный комиссар с весьма обширными полномочиями и ответственный перед Советом Лиги. Таковым назначен американский банковский деятель Иеремия Смит.

В заседании 30 августа И. Смит обрисовал Совету Лиги Наций положение в Венгрии, как вполне благоприятное.

Заем с успехом распределен в восьми страницах, „Национальный Банк“ работает, инфляция прекратилась. В середине сентября вопросом о Венгрии занималось Собрание Лиги. Докладчик, итальянец Каваццони, обрисовал восстановление Венгрии как „блестящее доказательство“ в пользу целесообразности между народных соглашений. Венгерский министр-президент, граф Бетлен, рассыпался в благодарностях Совету Лиги за оказанные им Венгрии услуги. Цифры как будто, тоже говорят в пользу успешности венгерского восстановления. Акционерный капитал Национального Банка выплачен был к сентябрю в размере 99%. Поступление государственных доходов превысило в июле и августе сметное предположение на 10%. Золотое покрытие достигло в сентябре и октябре 54% всего бумажного обращения, тогда как предусмотрено было лишь покрытие в 30%. Значительно увеличиваются вклады в сберегательные кассы и на текущие счета: на 30 июня они составляли лишь 4,8% общей цифры на 31 дек. 1923 г., на 31 октября уже 14,3%.

Однако как и в большинстве других случаев официальный оптивизм Лиги наталкивается на опровержения со стороны фактов. Безработица в Венгрии, оказывается, никак не хочет уменьшаться, или если уменьшается, то едва заметно. Отметка запретительных пошлин произошла одновременно с очень большим повышением таможенных пошлин и дала значительный рост таможенных поступлений, но зато повела в ноябре к „очень неблагоприятному торговому балансу“. Оживления деловой жизни не наблюдается вовсе. Для венгерского бюджета чрезвычайно неблагоприятно то, что в виду необходимости повысить жалованье государственным чиновникам это жалованье с'едает 55% всего бюджета и делает призрачным весь план „восстановления“ страны. На железных дорогах эксплоатационные расходы отнимают 97% всех доходов с них; при этом 30 мил. зол. крон или 16,7% всего их бюджета уходит на пенсии одним только железно-дорожникам отошедших от Венгрии дорог. (И это при чрезвычайном сокращеннии ставок этих пенсий; по ставкам 1914 г. они бы взяли до 84% всего этого бюджета).

Весь год Лига Наций со вниманием следила за финансовым восстановлением Австрии и с удовлетворением констатировала в этой области крупные свои успехи. Был поставлен даже на очередь вопрос о снятии с Австрии финансового контроля в виду стабилизации ее валюты. Ряд предпринятых в стране финансовых реформ обещает еще более заманчивые перспективы. Официальный оптимизм несколько угасает, однако, перед лицом неумолимых цифровых данных. А данные эти, как они выяснились на 31-ой сессии Совета Лиги в октябре, показывают следующее: число безработных, спустившееся в августе до 65.282 в октябре

поднялось до 77.968. Торговый баланс Австрии за эти месяцы улучшился, но все же ввоз превышает в ней вывоз на 67,9 млн. зол. крон (в августе превышение было в 80,5 млн. зол. крон).

Положение государственной австрийской кассы было (в миллионах зол. крон):

	В сентябре.	В октябре.
Доходы	51,4	59,4
Расходы	53	55,9
Дефицит . . .	1,6	4,5

Общий расходный бюджет страны в 1924 году должен был выразиться в сумме 671.000.000 зол. крон, а на 1925 г. он исчислен в 545.000.000. Таким образом, от Австрии потребуется большое напряжение, которое вполне может и не увенчаться успехом.

Совсем не посчастливилось Лиге Наций в деле финансового восстановления Албании. Финансовый советник Лиги в этой стране, г. Хунгер выработал в начале года исчерпывающий план достижения бездефицитности албанского бюджета путем сокращения персонала министерств, введения новых налогов, повышения до 20% налога на доходы и широкого предоставления концессий на новые нефтяные изыскания. Однако, албанское правительство отказалось от соглашения с Лигой Наций и все труды г. Хунгера, повидимому, пропали даром.

Едва ли не наиболее кипучую деятельность проявила в 1924 г. Гигиеническая Организация Лиги, созданная в качестве постоянного механизма лишь по постановлению 4-го Собрания, т.-е. в конце 1923 г. Большую помощь ей оказали при этом благотворительные фонды известного американского миллиардера Рокфеллера, из которых ей было отпущено сначала 60.000 долларов, а потом еще 40.000. На эти деньги Гигиеническая Организация в первую очередь устроила ряд „международных обменов санитарных служащих“ или поездок их по разным странам. Так, к началу января 1924 года 24 американских и европейских чиновника высших санитарных учреждений различных стран посетили, по приглашению ведомства общественной гигиены Соединенных Штатов, некоторые из этих штатов, изучая различные проблемы гигиены, санитарии и борьбу с эпидемическими болезнями. С 1 февраля по 10 апреля 25 высших чиновников ведомств здравоохранения 19 европейских и американских стран побывали в тех же целях в Англии. Затем в таком же порядке последовала поездка 25 медиков по Голландии и Дании (с 24 апреля по 30 мая и с 1 июня

по 14 июля). С 20 октября по 8 ноября длилась поездка группы представителей 8 стран, специалистов в области санитарной статистики, посетивших с научно-учебными целями Францию, Голландию и Швейцарию.

Помимо этих поездок Гигиеническая организация Лиги Наций приготовила в минувшем году ряд проектов конвенций по важнейшим вопросам здравоохранения. Ближайшим образом она занималась также вопросом борьбы с болотной лихорадкой, изучением эпидемий чумы, голодного тифа, холеры, а также выработала программу изучения рака. Некоторую помощь ее деятели оказали греческому и персидскому правительствам в их работе по преодолению эпидемий в их странах. По почину Организации и при помощи все тех же рокфеллеровских денег в Сингапуре устроено в отчетном году „Эпидемиологическое справочное бюро для Дальнего Востока", а в Женеве организован союз санитарных врачей, участников описанных выше „обменов".

В дальнейшем Организация наметила себе в качестве задачи содействие преподаванию в высших учебных заведениях разных стран гигиены и социальной медицины, а также изучение проблемы физического воспитания. По просьбе опиумной комиссии Гигеническая Организация установила в соответствии с изученными медицинскими и научными потребностями, количество сырого опиума, требуемого за год в каждой стране на одну душу населения (а именно— 250 миллиграммов). Наконец, отметим, что Организацией предположена международная гигиеническая конференция для пересмотра соглашений 1912 года.

В течение ноября в Женеве одна за другой собрались две международных конференции, созванных Советом Лиги Наций и посвященных вопросу о торговле опиумом.

Первая из них открылась 3 ноября и поставила себе задачей изыскание средств (согласно части II Гаагской конвенции 1912 г.) для постепенного искоренения привычки курения опиума. К участию в этой конференции были приглашены лишь те страны, в которых существует опиумо-курение, а именно: Британская империя, Голландия, Индо-Китай, Португалия, Сиам, Франция и Япония. Председателем конференции был избран Ван-Веттум (Голландия), вице-председателем—принц Шарун (Сиам). По заслушании сообщений различных делегаций о принятых в их странах законоположениях по борьбе с курением опиума, была избрана комиссия из представителей Британской империи, Голландии, Франции и Японии для составления проекта соответствующей конвенции. Проект был изготовлен. Он предусматривал монополию правительств в области торговли опиумом, запрещение продажи опиума малолетним, ограничения мелочных лавок, обратный экспорт опиума,

ввезенного для целей курения, перегрузку его лишь по правительственным удостоверениям, противуопиумное воспитание и международное сотрудничество в борьбе с незаконной торговлей опиумом. К 17 ноября, т.-е. ко дню открытия второй конференции, нужного единогласия не удалось достичь в составе комиссии, и первая конференция решила сначала продолжить дальше свои работы и действовать одновременно и параллельно со второй, а потом прервала свои работы с 13 декабря до 19 января (из-за отказа британского делегата подписать соглашение).

Вторая опиумная конференция открылась, как и было предположено, 17 ноября. Представлено на ней было 37 государств, в том числе: Соед. Штаты Америки, Австралия, Канада, Куба, Дания, Ирландия и новейший из членов Лиги—Сан-Доминго. СССР также был приглашен к участию в этой конференции, но отказался от него по мотивам как принципиального, так и чисто делового характера, о чем и известил Лигу нотой от 30 октября. Председателем этой конференции был избран Герлуф Цале, датский посланник в Берлине, вице-председателями—Агуэро-и-Бетанкур (Куба) и Сзе (Китай). Было создано три больших комиссии и шесть подкомиссий.

Прежде чем приступить к деловой работе, конференция оказалась вынужденной выслушать длинный ряд приветствий и напутствий от разного рода религиозных, благотворительных и других организаций и от частных лиц, заинтересованных в подавлении торговли опиумом. Повидимому, в силу такого исключительного интереса к ее работе, конференция решила сделать публичными не только свои пленарные заседания, но и заседания своих комиссий. Выяснилось, что из общего количества в 7.877.092 lbs мирового производства опиума 4.400.000 lbs падают на Китай. Имеющиеся в Лиге Наций цифры за 1923 г. еще не подверглись оглашению. Представители на конференции Соед. Штатов и Великобритании, при поддержке большинства других делегаций, настаивали на расширении программы конференции с тем, чтобы кроме вопроса о пресечении производства опиума в экспортных целях в нее был включен и вопрос об общем запрещении производства опиума, поскольку он не служит медицинским и научным целям. Т. к. при этом под медицинскими целями подразумевались те, которые засвидетельствовались подписью врача или ветеринара, то Индия отказалась принять этот пункт, ссылаясь на отсутствия у нее достаточного медицинского персонала.

Если верить официальным отчетам, то успешною была в прошлом году и деятельность Комиссии Сообщений и Транзита Лиги. После второй транспортной конфе-

ренции в конце 1923 г. (на которой были выработаны две общих конвенции о международном порядке на железных дорогах и на водных путях и две конвенции относительно электрической энергии) эта комиссия решила направить свою деятельность по несколько определенным руслам и выделила ряд подкомиссий: железнодорожную, внутреннего судоходства, портовую, по судоходству и электричеству, шоссейных дорог, по радиотелеграфным вопросам, по реформе календаря, по освещению берегов, по проверке измерений и взвешиваний товаров при внутреннем и морском судоходстве, по юридическим и бюджетным вопросам и др. Все эти подкомиссии разрабатывают отдельные технические вопросы международного сообщения, действуя по возможности в контакте с соответствующими международными организациями, стоящими вне Лиги. Так, подкомиссия внутреннего судоходства установила тесную связь с Постоянным Международным Об'единением Судоходных Конгрессов, подкомиссия морского судоходства установила такую же связь с Международной Судоходной Конференцией. Таким путем должны быть устранены параллелизм в работе и напрасная затрата сил, а вместе с тем посредством этих мер Комиссия Сообщений и Транзита надеется стать официальным международным центром для всей вообще работы в данной области.

На 7-й своей сессии в конце ноября (с 26 по 28) Комиссии пришлось заняться двумя существенными юридическими вопросами: о пределах территориального распространения компетенции международной комиссии Одера на притоках этой реки (в соответствии со ст. 331, 338 и 341 Версальского мира), и совершенно также вопросом применительно к Дунаю и компетенции Европейской Дунайской Комиссии (см. ст. 346, 348 и 349 того же мира). По первому вопросу комиссия большинством голосов всех участников против 2-х (представители Германии и Польши) постановила; „1. Компетенция международной комиссии Одера должна простираться вверх по течению Варты за Познань и на Нетце до Ушие. 2. С того пункта, где на Нетце прекращается компетенция Международной Комиссии Одера и до соединения его с Вислой через Быдгошский канал, водный путь должен подчиняться постановлениям общей Барселонской конвенции относительно порядка на судоходных водных путях". По второму вопросу, вставшему на очередь в виду спора между британским, итальянским и французским правительствами, с одной стороны, и румынским правительством, с другой стороны, решения вынести пока не удалось (отчасти из-за отсутствия румынского представителя в комиссии).

В состав Комиссии Сообщений и Транзита Лиги, согласно избранию упомянутой выше 2-й транспортной конференции, в настоящее время входят представители Австрии, Бельгии, Великобритании, Венецуэлы, Греции, Испании, Италии, Китая, Колумбии, Кубы, Литвы, Норвегии, Польши, Румынии, Сальвадора, Франции, Чили и Японии.

Созданная Лигой в 1922 году комиссия по организации умственного труда выработала в течение прошлого года ряд проектов и провела ряд мер, имеющих целью улучшение положения в разных странах как работников наукй, так и самой науки. В частности, она провела при посредстве правительства, академий и разного рода обществ разных стран анкету относительно условий духовной жизни этих стран, выработала основания для пересмотра Брюссельской конвенции 1886 года об обмене печатными произведениями, наметила план координации библиографической работы разных стран в области физики и физической химии и экономики и поставила на очередь вопрос о заключении соответствующих конвенций, приняла ряд решений относительно приглашения в университеты иностранных профессоров, создания международных научных институтов, изучения в международном масштабе крупнейших из проблем „современной экономической, политической и моральной жизни“ и относительно признания иностранных дипломов при допущении в университеты. В январе при содействии этой комиссии в Женеве было учреждено „Бюро университетской информации“, которое в дальнейшем должно действовать под руководством этой комиссии. Позже, в июле, комиссия одобрила проект конвенции, согласно которому Международный Библиографический Институт в Брюсселе должен быть поставлен „под защиту“ Лиги Наций. Почти одновременно французский министр народного просвещения и изящных искусств предложил комиссии учредить в Париже „Международный институт по организации умственного труда“. Комиссия поблагодарила французского министра и передала его предложение в Совет Лиги, а из Совета предложение это перешло в Собрание. Последнее выставило для открытия нового института ряд условий и в первую очередь потребовало, чтобы его программа и состав служащих были вполне „интернациональны“ и чтобы руководство им всецело находилось в руках Комиссии по организации умственного труда. Еще несколько позже, во время уже хода работ 5-го Собрания Лиги (в сентябре) с аналогичным предложением обратилось к Лиге итальянское правительство, пожелавшее учредить в Риме „Международный Институт Гражданского Права“. По отношению к этому институту Собрание Лиги выставило те же условия, что и по отношению к предложенному Францией.

II.

Управление Лиги Наций Данцигом ознаменовалось в 1924 г. предоставлением Польше 11 марта полуострова Вестерплатте для устройства на нем складов военных припасов и подписанием ряда соглашений между Данцигом и Польшей (в частности, относительно права Данцигской почтовой комиссии заключать займы и распоряжаться своим имуществом, относительно участия Данцига в Бернской железнодорожной конференции и относительно заграничных паспортов для данцигских граждан). В июне Данциг и Польша сговорились о совместной выработке оснований для урегулирования споров по поводу защиты интересов данцигских граждан и организаций в Польше, а также по поводу действий польской железнодорожной администрации в Данциге и по другим железнодорожным вопросам. Генеральный секретарь Лиги назначил для составления соответствующих положений несколько экспертов. По решению верховного комиссара Лиги в Данциге во главу угла всех соглашений между Польшей и Данцигом должен быть положен довольно загадочный „принцип", согласно которому „отношения между Польшей и Данцигом суть международные отношения, но природа их, однако, настолько своеобразна, что она не позволяет применять к ним необходимым образом нормальные международные правила какого бы то ни было рода".

Согласно польско-данцигскому договору от 9 ноября 1920 года при польских консульствах в тех городах, в торговле с которыми заинтересован Данциг, должны иметься данцигские чиновники. По решению верховного комиссара Лиги в отчетном году Польша не в праве отказывать в кредите на содержание таких чиновников, но с Данцига в каждом отдельном случае требуется приведение доказательств своей заинтересованности в этих чиновниках.

Большое место в официальных материалах и обзорах Лиги Наций занимают данные о положении в Саарском бассейне, находящемся под управлением Лиги. Каждые 3 месяца правительственная комиссия Саара представляет генеральному секретарю Лиги свои доклады, охватывающие все стороны жизни бассейна. В минувшем году доклады эти были проникнуты стремлением показать, что никаких серьезных кризисов в подведомственной области нет, а есть только „затруднения, которые не следует переоценивать" (и которые старательно относятся за счет большой забастовки в Саарских копях, имевшей место в 1923 году).

Немаловажным вопросом для Саарской области был вопрос об увеличении в ней количества жандармов. Учи-

тывая трудное положение саарских финансов, правительственная комиссия предложила увеличить это количество лишь на 200 человек,—с 355 до 555—с тем, чтобы при более благоприятных обстоятельствах провести увеличение на 500 человек. Но так как всем очень хотелось усилить саарскую жандармерию, то к середине года выяснилось, что финансы позволяют иметь в бассейне полный комплект в 755 жандармов. Пропорционально такому увеличению местной жандармерии должно быть сокращено число французских оккупационных войск.

На 28-й сессии совета Лиги, в марте месяце, возникли дебаты между представителями Великобритании, Норвегии и Италии (лорд Пармур, Брантинг и Саланадра) с одной стороны и представитель Франции (Ганото) с другой стороны по поводу порядка назначения в правительственную комиссию бассейна члена—местного уроженца. Первые трое соглашались с тем, что наиболее желательным было бы при этом назначении обращаться к представителям саарского населения, составляющим саарский ландрат. В ответ Ганото выдвигал ссылку на „опасность“ нового порядка и на несоответствие его с Версальским договором. Несмотря на то, что все говорило в пользу англо-итало-норвежской точки зрения и что нужно было немедленно избрать члена правительственной комиссии, о котором идет речь, Совет признал вопрос „не имеющим в данный момент значения“ и произвел нужное назначение по своему усмотрению.

Надзор Лиги за управлением мандатными странами выразился в 1924-ом году главным образом в рассмотрении отчетов соотв. правительств, которых накопилось много, за несколько лет. Два раза собиралась для этой цели „Мандатная Комиссия“, честно признавшая результаты работ Лиги за предшествующий год, в области мандатов, „скромными“ и лишь „приемлемыми“. Не менее скромными оказались они в 1924-ом году: было высказано пожелание о притоке в подмандатные страны частного капитала и о том, чтобы торговля в них спиртными напитками велась правильно. В остальном Совет Лиги ограничились лишь принятием к сведению сообщений правительств о принятых ими решения,[1]) в заключение признал, что подмандатные страны управляются всецело в духе и по букве ст. 22 статута Лиги. Что и требовалось доказать.

Как и в предыдущие годы, Лиге Наций пришлось немало потрудиться над вопросом о национальных меньшинствах. 12 февраля в Женеве открылись при участии представителя Бразилии в Совете Лиги, Суза Дан-

---

[1]) Напр., решение французов и англичан согласовать таможенные тарифы в Камеруне и Того и их же решение не призывать туземцев на военную службу.

таса, польско-германские переговоры по вопросу о приобретении польского гражданства. Исходными пунктами для этих переговоров послужили ст. 4 (приобретение польского гражданства) и ст. 3 (непрерывное местожительство и двойное местожительство) договора о меньшинствах между Польшей и Союзниками от 28 июня 1919 г. Одновременно в Варшаве шли польско-немецкие переговоры по вопросу об оптации (ст. 91 Версальского мира и ст. ст. 3 и 5 польского союзнического договора о меньшинствах). С самого начала различие в точках зрения на вопрос сторон оказались настолько резкими, что ни по одному юридическому пункту им не удалось столковаться, несмотря на месяц работы. Суза Дантас предложил поэтому Совету Лиги затребовать соответствующих юридических заключений от Постоянной Палаты Международного Суда, но Совет, имеющий уже некоторого рода опыт в такого рода делах, решил пойти еще дальше. Он потребовал от Германии и Польши, чтобы они совместно выбрали к 1 апреля третье лицо в качестве председателя для переговоров на ряду с немецким и польским делегатами; если к 1 апреля стороны не сговорятся между собою относительно этого лица, то таковым должен оказаться председатель верхне-силезского третейского суда г. Кекенбек; если к 1 июня ими не будет достигнуто совершенно готовое соглашение, то спорные вопросы единолично решит это лицо уже в качестве третейского судьи. К 1 апреля стороны не столковались относительно председателя и потому на его месте появился г. Кекенбек. К 1 июня никакого соглашения достичь не удалось и тогда г. Кекенбек принялся за работу в Вене в качестве третейского судьи. 30 августа польско-германская конвенция была составлена и подписана в заседании Совета Лиги 19 октября лорд Пармур не преминул усмотреть в этой конвенции доказательство того, что при помощи Совета можно разрешать самые трудные вопросы.

Не менее благополучно разрешился и вопрос о немецких поселенцах в Польше, тянувшийся с 1923 г. Для разрешения этого вопроса была составлена комиссия Совета Лиги из представителей Бразилии, Великобритании и Италии, собравшаяся впервые в Париже 3 марта и обсуждавшая вопрос совместно с польским представителем. К середине года между этой комиссией и Польшей было заключено соглашение, в силу которого Польша обязалась отпустить паушальную сумму в 2.700.000 золотых (зол. франков) на возмещение 500 немецких поселенцев, бывших к 20 июля 1920 г. (день применения польского закона об их имуществах) польскими гражданами. При увеличении или уменьшении числа этих поселенцев указанная сумма будет пропорционально увеличиваться или уменьшаться.

В виду многочисленных жалоб на преследование поляками в Верхней Силезии немецкой низшей, средней и высшей школы, Совет Лиги обратил внимание на положение немецкого меньшинства в этой области. Однако, польский делегат поспешил заявить, что одно народное училище уже открыто, а две средних школы скоро будут открыты, и Совет, успокоившись, затих на весь год.

На Лозаннской Конференции 1923 г. между Грецией и Турцией было заключено соглашение о взаимном обмене греками, оказавшимися после Лозаннского мира в Турции, и турками, оказавшимися в Греции. Греки воспользовались этим соглашением, чтобы избавиться от мусульман не только турецкого, но и албанского происхождения. Представитель Албании обжаловал действия греческого правительства в Совете Лиги Наций, а этот последний признал вопрос об албанцах в Греции за вопрос о национальных меньшинствах. Представитель Греции в Лиге согласился признать обязательным для своей страны не только решение Лиги по данному вопросу, но и контроль с ее стороны. На заседании 11 декабря Совет Лиги постановил назначить членов от нейтральных стран в „Смешанной комиссии по обмену греческого и турецкого населения“ своими уполномоченными по защите албанского национального меньшинства в Греции с предоставлением им права получать все нужные им сведения и с обязательством для греческого правительства возвратить имущество тем из масульман-албанцев, которые не подлежат „обмену“.

Что касается самого обмена греческими и турецкими меньшинствами, то в связи с ними между греками и турками возник целый ряд и других споров. Главнейший из них относился к выселению турецкими властями проживающих в Константинополе греков. В силу ст. 2 Лозаннской конвенции от 30 января 1923 г. проживающие в Константинополе греки должны были быть исключены из греко-турецкого обмена меньшинствами. Однако, стороны по разному стали толковать понятие „проживания“ и, по мнению греков, многих из их соотечественников турки совершенно напрасно арестовали в Константинополе, посадили в концентрационные лагеря и приговорили к высылке. В свою очередь турки стали обвинять греков в том, что в Западной Фракии у них находится до 50.000 турок, имущество которых опечатано греческими властями и которые, таким образом, обречены на всевозможные лишения. Совету ничего не оставалось делать, как вынести решение о производстве еще одного расследования положения греков в Константинополе и турок в Западной Фракии. По поводу же смысла понятия „проживания“ в Лозаннской конвенции было постановлено обратиться за соответствующим заключением к Постоянной Палате

Международного Суда. Впредь до разрешения всего вопроса Советом Лиги по существу на первой его сессии в 1925 году стороны согласились не предпринимать ничего, что способно было бы нарушить интересы соответствующих меньшинств.

Совсем другой характер получило разрешение вопроса о защите болгарских национальных меньшинств в Греции и греческих—в Болгарии. Правительства обеих этих стран вошли в Лигу Наций с ходатайством о том, чтобы два члена смешанной греко-болгарской комиссии, г.г. Корфе и Роовер, ведали в качестве особоуполномоченных Лиги все дела о соответствующих национальных меньшинствах. Им предоставляется право давать соотв. правительствам советы по вопросам защиты меньшинств, как она установлена в договоре, и указывать на основании обследований на местах необходимые меры. Кроме того, им предоставляется беспрепятственно получать все нужные им сведения и принимать от представителей меньшинств прошения и жалобы, индивидуальные и коллективные. Необходимые протоколы были подписаны в течение 5-й сессии Собрания Лиги Наций представителями Болгарии и Греции и генеральным секретарем Лиги, после чего г.г. Кальфов и Политис, растроганные, заявили, что „в ясной и мирной атмосфере Лиги Наций может быть достигнуто много великого, что издали кажется невозможным".

По тому облику, какой Лига Наций приняла по независящим от нее обстоятельствам, благотворительная и „гуманитарная" деятельность—с приемами благотворительности светских дам-патронесс,—является, в сущности, едва-ли не наиболее характерною для нее. К этой деятельности она обратилась со всем присущим ей рвением. Появились комиссии по пресечению торговли женщинами и детьми, по защите детей, по борьбе с работорговлей, по оказанию помощи беженцам из разных стран (русским и армянам) и целым странам, пострадавшим от каких-либо несчастий (напр., Албании). С внешней стороны все обстоит благополучно и по установившейся приятной во всех отношениях привычке здесь каждый старается высказать другому самую сердечную благодарность за его „труды" и „достижения". Но до чего, если посмотреть со стороны, канцелярски безжизненны эти труды и до чего ничтожны эти достижения!

Вот „комиссия по пресечению торговли женщинами и детьми". С грустью констатирует она, что из 33 подписавшихся государств только 18 ратифицировало к середине 1924 г. соотв. конвенцию, заключенную еще в 1921 году. Многие правительства до сих пор не создали даже тех центральных органов по надзору за гнусной торговлей, которые они обязаны были создать еще по ст. 1-й конвенции 1904 года.

Во взглядах на методы борьбы со злом правительства держатся самых различных взглядов. Так, Бельгия, Голландия, Польша и Чехо-Словакия в ответ на запрос комиссии заявили, что по их мнению система публичных домов является одной из главнейших и наиболее непосредственных причин торговли женщинами и детьми. Панама, напротив, заявила, что официальная регистрация проституции совершенно необходима в целях публичной гигиены. Дания и Латвия отменили у себя такую регламентацию, но сделали это вне зависимости от вопроса о борьбе с торговлей белыми рабынями. Венгерское правительство не без самодовольства сообщило, что принятые им „строгие меры" против торговцев известного сорта великолепно действуют в смысле сокращения торговли женщинами и детьми в публичных домах. Погрустив, сколько следовало, комиссия принялась спасать положение. Но, увы, фантазия ее не пошла дальше „выяснения" старых-престарых вопросов о женской полиции, о назначении чиновников центральных органов, об официальном регулировании проституции, о порядке помещения иностранок в публичные дома о поддержке эммигранток во время их переселения и о пропаганде вреда проституции. Разумеется, не обошлось без решения „исследовать вопрос" при помощи особой комиссии специалистов, на которую как нельзя более кстати ведомство социальной гигиены Соед. Штатов отпустило 75.000 долларов. Сентябрьское собрание Лиги поддержало комиссию, постановив запросить у правительств об основаниях, в силу которых они не ратифицировали конвенцию 1921 года и предложив им сообщать секретариату Лиги готовые отчеты, законы предписания и соображения, относящиеся к вопросу о публичных домах, а также назначить необходимых чиновников. На фоне этой бумажной благотворительности поневоле должна была выгодно выделиться деятельность особой „комиссии Лиги Наций по защите женщин и детей на Ближнем Востоке". В ее распоряжении имелось несколько десятков тысяч франков и на них она устроила „Дом Лиги Наций" в Константинополе. Свыше 1.300 детей и около 1.000 женщин „без различия религии и национальности" получили от этого дома некоторую помощь, а многие из них при его посредстве были направлены в Америку и в другие страны. На 1925 год этой комиссии отпущено 75.000 фр.

Международная защита детей до сих пор находилась в руках особого „Международного Союза по защите детей", занимавшегося по преимуществу вопросами здоровья детей, законодательства о них и мер охраны их в разных странах, Лига Наций решила, что ей и это дело нужно взять в свои руки и, уничтожив прежний союз, соответственным образом

переделать ту свою комиссию, о которой у нас только что была речь. Это уже само по себе в глазах Лиги должно было принести детишкам всего мира солидную пользу, но версальская дама-патронесса решила не останавливаться ни перед какими преградами, чтобы до конца осчастливить их раз и навсегда и потому на сентябрьском своем Собрании приняла... особую „декларация прав ребенка", для торжественности названная просто: „Женевской декларацией". Чрезвычайно поучительный документ. В нем „мужчины и женщины всех наций" признают, что человечество обязано самым лучшим образом заботиться о детях независимо от их расы, национальности и религии. А в частности: 1) ребенок должен быть в состоянии нормально развиваться физически и духовно; 2) голодный ребенок должен быть накормлен, больной—вылечен, отставший в развитии—подтянут, сбившийся с правильного пути—наставлен на путь истинный, брошенный и осиротевший ребенок должен получить помощь; 3) ребенок, попавший в несчастье, имеет право на помощь в первую очередь; 4) каждому ребенку должна быть дана возможность зарабатывать себе на жизнь и не подвергаться эксплоатации; 5) воспитывать детей нужно в сознании, что их лучшие силы обязаны служить благу окружающих. К декларации была приложена печать, но денег не было приложено ни франка.

Осчастливив таким образом детей, Лига Наций обратила свои заботы на р а б о в. Создать особую комиссию и здесь оказалось лучшим средством, чтобы пронзить лучем надежды сердца страдальцев. Из осторожности ли или же от того, что стало как-то стыдно создавать п о с т о я н н у ю комиссию по делам о рабстве, но только пока что создана лишь „временная комиссия по пресечению работорговли". Так как мрачное остроумие Совета Лиги подсказало, что в той обстановке, которая доступна его наблюдению „рабство и труд тесно связаны между собою", то в комиссию был включен и представитель от Международной Организации Труда при Лиге. С 9 по 12 июля комиссия по пресечению работорговли впервые заседала в Женеве и наметила план работ, сводящийся к... „выяснению" современных форм рабства и к... наиболее точному распределению этих форм по классам. Материалом должны послужить при этом ответы правительств на те запросы, которые были им заданы Лигой в 1922 и 1923 г. г., плюс материалы, доставляемые отдельными заслуживающими доверия лицами. Собрание Лиги пришло в восторг от деятельности комиссии, выразило ей свою „живейшую благодарность", решило на будущее время „всецело положиться на ее мудрость и такт" и одобрило ее—воистину замечательный—„рабочий план".

III.

В чисто политической области Лиге Наций не представилось много работы в минувшем, 1924-ом году. Первым по времени и одним из наиболее крупных по значению был в нем Мемельский вопрос.

Как известно, по поводу судьбы Мемеля парижское Совещание Послов вело разговоры в течение нескольких лет. Надлежало решить, быть ли ему автономным, или же перейти к Польше или Литве. Желание населения остаться в составе Германии в расчет не принималось. Так длилось до января 1923 г., когда литовцы неожиданно вторглись в г. Мемель и заняли его. Совещание Послов постановлением от 16 февраля 1923 г. санкционировало своевольный акт Литвы и формально признало за Литвой суверенитет над Мемелем. Для окончательной выработки положения о Мемеле была образована комиссия Лиги Наций под председательством американца Нормана Дэвиса (член мирной делегации Соединенных Штатов в Париже в 1919 г., помощник государственного секретаря (в 1920/1921 г. г.) и в составе двух членов: А. Г. Кроллера (член экономического совета голландского Мин. Иностр. Дел) и Хорнелля (член стокгольмской академии технических наук). В феврале 1924 г. эта комиссия Лиги Наций посетила Мемель, а затем в Женеве открылась конференция по мемельскому вопросу при участии литовцев, а по некоторым вопросам (о транзите) и поляков. 14 марта 1924 г. удалось достигнуть соглашения, вылившегося в форму трех конвенций: 1) общей конвенции об отношениях союзных держав с Литвой, 2) приложения, трактующего об автономном управлении Мемелем, и 3) приложения о транзите (Мемель—в качестве порта „международного значения"). Конвенции эти были подписаны Литвой и Великобританией и получили одобрение Франции, Италии и Японии.

Согласно ст. 1-й общей конвенции союзники уступают Литве все свои права на Мемель, имевшиеся у них в силу ст. 99-й Версальского мира. Ст. 2-я постановляет, что „территория Мемеля составит под суверенитетом Литвы единое целое, пользующееся законодательной, судебной, административной и финансовой автономией. Официальные языки в Мемеле—литовский и немецкий. Ст. 12-я предоставляет иностранцам самые широкие права в Мемельском порту. За Лигой Наций признается в отношении Мемеля целый ряд прав. Так, каждый из членов Лиги имеет право обратить внимание ее Совета на всякое невыполнение данного соглашения. Споры Литвы с четырьмя главными союзными державами о Мемеле подпадают под ст. 14-ю статута Лиги и должны разрешаться Постоянной Палатой Международ-

ного Суда. Декларация Литвы от 12 марта 1922 г. о национальных меньшинствах распространяется и на Мемель. Председатель комиссии сообщений и транзита Лиги назначает одного из трех членов портового управления Мемеля. В эту комиссию должны поступать ежегодные отчеты по Мемельскому порту. Изменения положения о портовом управлении Мемеля—лишь с согласия большинства Совета Лиги.

Напомним, что под предлогом „грамматических ошибок" указанная конвенция и приложения к ней были пересмотрены Совещанием Послов и на этот раз подписаны всеми державами, представленными в Совещании. Это случилось 7 мая 1924 г. 17 мая Литва вторично подписала ее в Ковно, а 30 июня литовский сейм одобрил ее.

В марте 28-я сессия Совета Лиги окончательно разрешила вопрос о польско-чехо-словацкой границе в районе Яворжины. Яворжина представляет собой место со всеми данными для хорошего курорта и потому обе стороны были весьма сильно заинтересованы в ней. В августе 1923 года Совещание Послов передало спор на разрешение Совета Лиги Наций. Сентябрьская и декабрьская сессии Совета в 1923 г. принимались за разрешение этого спора, но не могли довести дела до конца. 28-я сессия не только произвела долгожданное разграничение, но и предложила, чтобы польско-чехо-словацкая комиссия по проведению границ составила проекты протокола о защите экономических интересов и об облегчении взаимных сношений для приграничного населения обоих государств. Совещание Послов в заседании 26-го марта со своей стороны одобрило установленную Советом Лиги границу и приняло его предложение о дополнительном протоколе.

В связи с попыткой контр-революционного восстания в Грузии французская, британская и бельгийская делегации внесли в Собрание Лиги Наций предложение о том, чтобы Совет Лиги „внимательно следил" за развивающимися на Кавказе событиями и использовал случай вернуть Грузию „при помощи мирных средств" „в нормальное положение" в соответствии с „международным правом". Собрание приняло предложение (повторившее постановление 3-го Собрания в 1922 году) и выразило надежду, что члены Лиги помогут Совету Лиги в его „миротворческой" деятельности. Решительное возражение против этих шагов Лиги со стороны Советского правительства, как против недопустимого вмешательства во внутренние дела СССР, сразу заставило Лигу угомониться и навеки положить свое постановление под сукно.

В августе британское правительство обратилось в Лигу с просьбой о том, чтобы на повестку ближайшей сессии ее

Совета, в сентябре был поставлен вопрос: „Граница Ирака по ст. 3 § 2 договора, подписанного в Лозанне 24 июля 1923 года". Согласно этому параграфу, иракская граница должна быть установлена по взаимному соглашению Турции и Великобритании в 9-месячный срок; при отсутствии соглашения спор переносится в Совет Лиги Наций; одновременно турецкое и британское правительства взаимно обязуются не производить впредь до принятия решения по поводу границы никаких военных или иных передвижений, способных внести какие-либо изменения в современное состояние территорий, судьба которых будет зависеть от этого решения. Под вопросом о „границе Ирака" подразумевался вопрос о целом Мосульском вилайете. С английской точки зрения, представленной в Совете Лиги лордом Пармуром, Мосул должен отойти к Ираку, иначе говоря всецело попасть в орбиту британского влияния по договорам 10 октября 1922 г. и 30 октября 1923 г., дополненным четырьмя вспомогательными соглашениями от 25 марта 1925 года. Напротив, Фети-бей доказывал от имени своего правительства, что Мосул со всех точек зрения представляет собой неразрывную часть Турции. Обе стороны с самого начала обязались признать для себя окончательным решение Совета Лиги и Совет энергично взялся за дело, посвятив ему ряд специальных заседаний и назначив докладчиком по вопросу шведского представителя Брантинга. Во время разбирательства спора, лорд Пармур горько жаловался на турок, невыполнивших обязательства держаться в границах на 24 июля (т.-е. к дню подписания Лозаннского мира), продвинувшихся со своими войсками значительно вперед и занявших часть вилайета Хаккиари. Фети-бей указывал в ответ, что англичане сами серьезно нарушили территориальный status quo, заняв, например, г. Сулеймание,—что они нотой от 25 сентября по собственному почину установили совершенно новую пограничную линию, оставляющую далеко позади и линию Севрского договора и административную границу Мосульского вилайета,—что, наконец, Хаккиари является неоспоримо турецкою областью и турецкое правительство может делать там все, что угодно. В заседании 29 октября Совет Лиги—по докладу Брантинга и в итоге его совместной работы с испанским уполномоченным Квинонес де-Леон и представителями сторон—установил временную пограничную линию Ирака в том районе, где должна будет пройти после и окончательная линия. К 15 ноября стороны должны очистить в соответствии с этой границей занятые ими места и сделать все, что требуется во исполнение решения Совета. В особую комиссию по вопросу об Ираке были избраны П. Тесхеки, быв. венгерский премьер Вирсен, шведский посланник в Румынии

и бельгийский полковник Поли (Paulis). Окончательное разрешение спора об иракской границе должно последовать в 1925 году.

IV.

Главнейшей сферой деятельности Лиги Наций в 1924 году были вопросы, связанные с ограничением вооружений. Весь арсенал этих вопросов, давно уже ставший сказкой про белого бычка, постепенно прошел в этом году через ее комиссии, Совет и Собрание. Попрежнему членами Лиги прилагались усилия, чтобы столковаться по поводу контроля над торговлей оружием и военным снаряжением, по поводу частного изготовления их, по поводу химической войны и пр. И попрежнему—безрезультатно. По вопросу о международной торговле оружием и пр. назначена на 4 мая 1925 г. специальная конференция. Легче было согласиться относительно военного контроля в Австрии, Венгрии и Болгарии. Руководство за этим контролем возлагается на Совет Лиги. Подготовить этот контроль поручено „постоянной совещательной комиссии" Лиги по военным вопросам. Фактически контроль должен осуществляться специальными контрольными комиссиями по назначению Совета Лиги в составе 3 лиц разной национальности.

В свое время чисто военная „постоянная совещательная комиссия" была признана непригодной для разрешения всех военных вопросов, стоящих перед Лигой в том духе, в каком это полагается Лиге, и потому на ряду с нею была создана „временная смешанная комиссия", проделавшая главную работу для Лиги в вопросах ограничения вооружений. Октябрьская 31-я сессия Совета Лиги постановила реорганизовать эту комиссию и превратить ее в „комиссию по об'единению". Состав ее отныне будет следующий: a) комитет Совета из 10 членов; при нем: b) председатель и члены экономической, финансовой и транзитной организаций Лиги (всего 6 членов); c) 6 членов от „постоянной совещательной комиссии"; d) 2 члена от хозяев и 2 от рабочих из Административного Совета Организация Труда e) в зависимости от обстоятельств—то или иное количество юридических и других экспертов.

Первоначально днем созыва конференции было назначено 21 января, а местом ее работ была выбрана Женева. Однако, к 21 января правительства не успели в должном числе ответить на приглашение, а против выбора Женевы выставил возражение СССР в виду своего конфликта с швейцарским правительством из-за решения Лозаннского суда по делу об убийстве В. В. Воровского. Из государств, представленных в морской подкомиссии

в качестве членов Совета Лиги, на конференцию прислали своих экспертов — Бельгия, Бразилия, Великобритания, Испания, Италия, Уругвай, Франция, Чехо-Словакия, Швеция и Япония. Из других государств прислали своих делегатов: Аргентина, Голландия, Греция, Норвегия, СССР (тов. Э. А. Беренс) и Чили. Турция также была приглашена принять участие в общей работе по морскому разоружению, но не ответила на приглашение из-за того, что державы, с которыми она находилась в войне, не ратифицировали еще Лозаннского мира. Задачей конференции было распространение на державы, не участвовавшие в вашингтонских соглашениях по морскому разоружению (1922 г.), постановлений этих соглашений. Следовательно, предполагалось выработать конвенцию о сокращении на известное время морских вооружений путем: а) ограничения постройки морских судов и б) установления предельного тоннажа линейных судов и калибра морских орудий.

С самого начала Конференция решила держаться чисто технической стороны вопроса, а политическую его сторону предоставить Совету Лиги Наций и новой конференции, которую он должен собрать позже. С другой стороны, она решила ограничиться изучением техники военно-морского дела не во всех странах, а лишь в странах, имеющих линейные корабли (с тоннажем свыше 10.000 тонн и с орудиями свыше 203 мм.). В качестве отправного пункта для работ Конференции подкомиссией было предложено державам сохранение тоннажа военного флота, имевшегося у них к концу войны (для СССР был любезно предложен при этом тоннаж лишь в 110.000 тонн). Предложение не встретило сочувствия, но зато выявило две основных точки зрения делегаций на вопрос: одни из них признавали, что основой для морского разоружения стран, не подписавших вашингтонской конвенции 6 февраля 1922 г., должно быть относительное фактическое положение флота на ту или иную дату; другие делегации предпочитали исходить из ст. 8 статута Лиги и, принимаясь за морское разоружение, „учитывать специальные условия каждой отдельной страны". Сколько ни старались, никакой общей точки зрения установить не удалось. Поэтому была создана особая комиссия или особый комитет для составления доклада Совету Лиги о мнениях делегаций, а за основу для доклада был взят составленный подкомиссией проект. В комитет вошли представители: Голландии (от северо-европейских стран), Испании (от держав Средиземного моря), Бразилии (от южно-американских стран) и Италии и Франции (от держав, подписавших вашингтонскую конвенцию). Комитет составил доклад, который был затем единогласно принят, а к докладу приложил проект соглашения, в некоторых частях дословно воспроиз-

водящий проект подкомиссии, изготовленный в 1922 году. Совет Лиги со своей стороны одобрил проект и постановил разослать его всем правительствам независимо от их принадлежности к Лиге для замечаний по его поводу. Замечания эти должны были быть обработаны второй технической конференцией по морскому разоружению с тем, чтобы, наконец, установить и момент для выработки и принятия окончательного соглашения в данной области.

(Ср. мою статью „Лига Наций и разоружение" в № 1, 1925 г. „Междунар. Жизни").

Вершиной миротворческой деятельности Лиги в 1924 г. было принятие 2 октября 5-м ее Собранием нашумевшего протокола „о мирном урегулировании международных споров".

„Чтобы осуществить, как это предусматривает статья 8 статута,—говорится во вступлении к этому протоколу, -сокращение национальных вооружений до минимума совместимого с национальной безопасностью и выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением", подписавшиеся согласились относительно следующих постановлений. Они обязуются приложить все усилия для введения в статут нужных для этой цели изменений. Они „ни в коем случае" не должны прибегать к войне ни между собою ни против всякого вообще государства, принявшего настоящий протокол, кроме как в целях защиты от нападений или выполнения решений Лиги. Они признают для себя обязательным условное постановление ст. 36 § 2 статута Постоянной Палаты об автоматической передаче в Палату ряда дел (правда, с допущением некоторых оговорок). Ст. 15 статута Лиги, трактующая о порядке разбирательства споров между членами Лиги при помощи арбитража или Совета Лиги, получает здесь дальнейшее развитие. При этом, однако, остается в силе постановление раздела 8 ст. 15 статута согласно которому разрешение некоторых споров всецело предоставляется данной спорящей стороне. Подробно определяется компетенция Собрания Лиги и порядок ее действий при урегулировании международных конфликтов. До передачи конфликта на мирное разрешение, а также в течение всего периода его разбирательства, стороны обязуются не усиливать своих вооружений и не изменять, таким образом установленного соотношения сил. На обязанности Совета лежит рассматривать всякую жалобу, которая может быть к нему обращена по этому поводу, и производить в связи с нею все нужные расследования. Если Совет признает на основании такого рода расследования, что данное государство нарушило постановление о неувеличении своих вооружений или произвела мобилизацию, то он должен предложить этому государству устранить правонару-

шение. Если виновное государство не послушается в этом Совета, то Совет об'являет его нарушителем статута Лиги или настоящего протокола и затем против него принимаются меры, способные в кратчайший срок устранить угрозу всеобщему миру. Все относящиеся сюда решения Совет принимает по большинству двух третей голосов. Сторонам вменяется воздерживаться от всякого действия, могущего представить угрозу нападений для другого государства. Им рекомендуется устанавливать демилитаризированные зоны при желании под контролем Совета Лиги. „Нападающим является—по определению ст. 10—всякое государство, прибегающее к войне в нарушение обязательств, предусмотренных в статуте или в настоящем протоколе. Нарушение статута демилитаризированной зоны приравнивается к обращению к войне". Во время военных действий за нападающую сторону принимается (если противного не постановит единогласно Совет Лиги): во-первых, всякое государство, отказавшееся передать спор на разрешение в третейском порядке или при посредстве Совета Лиги, а также государство, не подчиняющееся судебному или третейскому решению или единогласному предложению Совета; во-вторых, всякое государство, нарушившее предписание Совета Лиги во время разбирательства конфликта. Если Совет Лиги не сумеет в установленный срок определить, какая из воюющих сторон является нападающей, то он может обязать обе их к заключению перемирия, а если одна из этих сторон откажется от перемирия, то она-то и будет признана нападающей. В дальнейшем мы находим постановление, подтверждающее раздел 3 ст. 16 статута Лиги о сепаратной или коллективной помощи государств государству, подвергшемуся нападению или находящемуся под угрозой нападения; при этом договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг-другу взаимную поддержку в снабжении сырьем и продовольственными припасами всякого рода, предоставлением кредита в области транспорта и транзита. Совет Лиги должен немедленно предложить экономическим и финансовым организациям Лиги заняться изучением тех экономических и финансовых санкций, которые следует принять в данном конкретном случае, а затем установить и план осуществления этих санкций и план финансовой и экономической кооперации различных государств с государством, подвергшимся нападению. Совету Лиги предоставляется заранее принимать от государств заявления о военных силах, при помощи которых они обязуются немедленно вмешаться в военный конфликт, а также пускать в ход те силы, о которых они условились в предшествующих соглашениях, зарегистрированных Лигой и открытых для всех других членов Лиги. Прекращение санкций и восстановление нор-

мальных отношений об'является только Советом Лиги. Все издержки по ликвидации нападения и все возмещения в связи с этим последним несет нападающее государство до крайних пределов своей платежеспособности; „никакого ущерба, однако, не может причиняться территориальной целости или политической независимости нападающего государства". В случае конфликтов между членами Лиги и государствами, не являющимися членами Лиги, эти последние государства приглашаются подчиниться обязательствам, вытекающим из настоящего договора; если они не подчинятся им, то к ним применяются постановления ст. 16 статута Лиги со всеми восполнениями ее по настоящему протоколу (ст. 16). 15 июня 1925 г. в Женеве должна быть созвана конференция по разоружению при участии всех государств. Если до 1 мая 1925 г. большинство государств постоянно представленных в Совете Лиги и 10 других государств не ратифицируют настоящего протокола, то Совет или аннулирует приглашения или же лишь отсрочит конференцию. Все споры по поводу толкования настоящего протокола передаются на разрешение Постоянной Палаты Международного Суда. Если выработанный конференцией план сокращения вооружений не будет выполнен в установленный тою же конференцией срок, то настоящий протокол теряет свою силу (ст. 21).

Французское правительство первым подписало настоящий протокол, чехо-словацкое правительство первым ратифицировало его 28 октября. К концу ноября число ратифицировавших государств достигло пятнадцати. Однако появление у власти консерваторов в Англии сразу изменило положение: вместо того, чтобы ратифицировать приведенный протокол новый английский кабинет решил снова пересмотреть вопрос, о чем и довел до сведения Совета Лиги. Главнейшее достижение Лиги Наций повисло в воздухе, а вместе с тем оказалась разбитой еще одна надежда на переход Лиги к большой и серьезной работе.

Очевидно, и впредь главная сфера ее деятельности— международная благотворительность и политическая вермишель.

Е. Пашуканис.

Лондонская конференция и план экспертов.

Союзная дипломатия в течение ряда лет занята разрешением трех основных проблем, оставленных в наследство мировой войной и обозначаемых, обыкновенно, как проблема репараций, проблема „безопасности“ и проблема межсоюзнических долгов. Между этими тремя проблемами существует не только прямая, но и обратная зависимость в том, например, смысле, что наилучшее разрешение проблемы „безопасности“, по крайней мере с точки зрения французского империализма, заключалось и заключается в возможном ослаблении Германии и в частности в задержке ее индустриального развития. Недаром французские политики с такой тревогой отмечают факты улучшения промышленного оборудования Германии, расширение телеграфной и телефонной сети, постройки новых каналов и ж. д. линий, расширение и улучшение гаваней, быстрое восстановление торгового флота и т. д. Все эти факты, отмеченные между прочим и в записке экспертов, означают рост предпосылок для возрождения военной мощи Германии. Чтобы предупредить это последнее, надо помешать усовершенствованию германского индустриального аппарата, но это, с другой стороны, означает подрыв того единственного источника, из которого могут быть оплачиваемы репарации. Но помимо этого, репарационная проблема заключает противоречие в себе самой: чтобы иметь возможность платить репарации, Германия должна расширить свой экспорт, т.-е. выступить успешным конкурентом союзников на мировом рынке. Таковы законы капиталистического хозяйства; они препятствуют грабежу побежденного государства в примитивной натуральной форме или, во всяком случае, лишают эти способы взимания контрибуций сколько-нибудь существенного значения. Репарационная проблема превращается, таким образом, в сложную, и, в сущности говоря, неразрешимую экономическую проблему.

Тем не менее, именно этот вопрос буржуазная пресса всех стран изображает нам приблизившимся к своему разрешению в истекшем 1924 году. Две другие проблемы—„безопасность“ и долги—продолжают висеть в воздухе. Женевский протокол (этот суррогат договора о гарантиях, которого так упорно и так безуспешно добивалась Франция) отложен подписанием на неопределенное время; межсоюзнические долги продолжают пока еще быть предметом закулисных переговоров; зато репарационный вопрос—так возвещают нам—разрешен раз и навсегда при помощи плана Дауэса и Лондонской конференции. 1924 год оставил своему преемнику порядок и ясность в том самом пункте, который доселе являлся олицетворением европейского хаоса. Счастливое совпадение двух благоприятных обстоятельств помогло этому. Решительный поворот С. Ш. от политики самоизоляции дал положительную материальную базу для новой постановки репарационной проблемы, а появление у власти правительств Макдональда и Эррио, или наступление так называемой эры демократии и пацифизма, создало для сего подобающую идеологическую обстановку, чтобы не сказать—декорацию. Нетрудно найти и третий источник успеха этой, трудно даже сказать какой по счету, попытки разрешения репарационного вопроса. В то время, когда эксперты еще только трудились над выработкой своего плана парижские газеты оповестили весь мир, будто председатель первого комитета генерал Дауэс заявил, что не будь французских войск в Руре, работы экспертов не привели бы ни к какому результату. Это заявление французская печать, разумеется, пыталась комментировать по-своему, а именно как лишнее свидетельство в пользу излюбленного тезиса г. Пуанкаре: „Германия может платить, но не хочет; мы заняли Рур, чтобы заставить ее платить“. Но г. Дауэс не согласился с таким односторонним толкованием его заявления и пояснил, что оккупация Рура имела благотворное значение в двух смыслах: она показала немцам, „что надо платить“, а французам, „что одними штыками ничего не добьешься“. Такая интерпретация раскрывает истинные источники новой фазы в репарационном вопросе. Рурская оккупация, с одной стороны, и пассивное сопротивление—с другой, обессилили и Францию и Германию. Падение франка и полный крах германской марки (плюс угроза пролетарской революции) вынудили буржуазные правительства обеих этих стран итти на уступки, но на уступки не друг другу, а „третьему радующемуся“, которым оказался в данном случае англо-американский капитал. План Дауэса всесторонне отразил эту новую ситуацию, а Лондонская конференция ее окончательно закрепила.

Готовность Германии перейти на „австрийское“ положение выяснилась еще задолго до того, как проект экспертов был опубликован. Недостаток оборотных средств в промышленности, острая нужда в иностранных кредитах, страх перед внутренними осложнениями, сознание, что нет никаких реальных средств прекратить хозяйничание французов на Рейне и в Вестфалии, кроме полной покорности по отношению к Англии и Америке, заставили германское правительство заранее соглашаться на самые тяжелые условия. Другое дело Франция. Ее капитуляция подготовлялась исподволь. Пуанкаре вынужден был сделать первый шаг, сначала согласившись на назначение Комитета экспертов, а за тем и на принятие выработанного ими плана (в это время заем предоставленный Морганом, явился единственным якорем спасения для падающего франка). Но принятие плана еще не означало уступки всех позиций. Главнейшие политические вопросы, связанные с проведением плана экспертов, предстояло разрешить на конференции союзников. Преемнику Пуанкаре, вождю левого блока г. Эррио, выпало на долю окончательно расписаться в том, что репарационный вопрос отныне перешел в более „сильные руки“.

Первые комментарии французской прессы к проекту экспертов—делая хорошую мину в плохой игре—старательно подчеркивали ту его сторону, что отныне обязательства Германии приобрели вполне коммерческий характер и выражаются в точных условиях и зафиксированных сроках; платежеспособность должника учтена на основании самых положительных данных и кредитору предоставлена полная возможность контроля. В самом деле, первая часть репарационной проблемы, которая состоит в том, чтобы выкачать из германского народного хозяйства при помощи налогов и других средств максимальные суммы для уплаты репараций, разрешена г.г. экспертами с полным знанием дела. Что же касается второй части проблемы, которая состоит в том, чтобы полученные средства перевести за границу—а в этом-то и заключается главная экономическая трудность,—то здесь план экспертов не дает никакого положительного ответа. „Гораздо легче определить,—заявляют сами эксперты,—то бремя обложения, которое может вынести германское народное хозяйство и германские фискальные источники, чем ту долю богатств, которая без риска может быть переведена за границу“. Поэтому доклад проводит строгую разницу между теоретическим максимумом обложения Германии в счет репараций и теми платежами, которые могут быть практически переведены за границу, в денежной или товарной форме. Более того, план предусматривает особый орган, долженствующий определять, когда и в каком порядке может быть совершен перевод за границу поступивших

платежей без риска вызвать падение германской валюты. Роль такого предохранительного клапана должен играть особый трансфертный комитет, в состав которого входят по одному представителю от союзных стран и от С. Ш. Этому комитету предоставляется право накоплять внутри Германии поступающие в счет репараций платежи до общей суммы в 5 млд. золотых марок, обращая долгосрочное и краткосрочное кредитование. Этим очень хорошо достигается цель мобилизации внутри Германии значительных денежных средств, распоряжение коими по сути дела принадлежало бы англо-американскому капиталу, но вовсе не достигается основная для Франции цель—непосредственное получение платежей. „Мы вовсе не заподозреваем высокую компетентность экспертов,—писал один французский обозреватель,—но нам кажется, что известные неприязненно настроенные круги в Англии и Германии с самого начала увидели в трансфертном комитете средство помешать платежам".

План экспертов включает в себя прежде всего проект создания эмиссионного банка, пользующегося монопольным правом выпуска банкнот, обеспеченных золотом и долженствующих заменить собой рентную марку (которая, кстати сказать, с конца 1923 г. также довольно прочно стабилизировалась). Этим обеспечивается устойчивая валюта, или, по выражению генерала Дауэса, „та вода, которая могла бы двигать германскую бюджетную мельницу". Новый банк, являющийся частным предприятием, должен заменить собой германский государственный банк. Капитал этого эмиссионного банка должен равняться 400 милл. золотых марок. Председатель банка и директора должны быть немцами, но высший контрольный орган имеет в своем составе половину иностранных членов и среди них комиссара, на обязанности которого будет следить за выполнением всех постановлений, касающихся выпуска банкнот и сохранения определенных резервов. Платежи, поступающие в счет репараций, должны вноситься в указанный банк в золотых марках. Далее, план предусматривает ряд специальных источников для покрытия репарационных платежей.

Во-первых, германские железные дороги, капитальная стоимость которых оценивается в 26 млрд. золотых марок, а доход,—в 800 милл. марок,—передаются в руки специально создаваемого частного общества. Это общество выпускает облигации на общую сумму 11 млрд. марок из 6% годовых (из которых 1% на погашение) и передает эти облигации особому держателю по указанию репарационной комиссии. В этом пункте план экспертов очень мало отличается от предложения, выдвинутого летом 1923 г. правительством Куно и предусматривавшего ипотеку на железные дороги в сумме 10 млрд. зол. марок, приносящую 5% годовых.

Остальной капитал жел. дорог будет представлен акциями, из коих первый выпуск в 2 млрд. привилегированных акций будет на $^1/_4$ принадлежать германскому правительству, а на $^3/_4$ составлять оборотный капитал ж.-д. компании; остальные выпуски будут целиком принадлежать германскому правительству. Половина членов Правления ж.-д. общества назначается держателями облигаций. Из числа иностранных членов Правления назначается контролер, который имеет право регулировать тарифную политику, а в случае непоступления платежей по облигациям—сдавать в аренду и отчуждать отдельные участки железнодорожной сети.

От железных дорог ожидаются согласно плана следующие платежи в счет репараций:

1924—25 г. 200 милл. зол. марок.
1925—26 „ 465 „ „ „ плюс 130 мил. сальдо от предшеств. года; итого 595—милл. м.
1926—27 „ 550 милл. марок.
1927—28 „ 660 „ „

Последний год рассматривается в плане экспертов как „нормальный“, т.-е. предполагается, что к этому времени платежеспособность Германии достигнет нормального уровня.

Вторым источником платежей должны явиться промышленные облигации. Германское Правительство обязуется передать держателю, указанному репарационной комиссией, облигации на сумму 5 млрд. золотых марок, выпускаемых под обеспечение всех германских промышленных предприятий. Это обложение промышленности должно, по мысли комитета экспертов, компенсировать те выгоды, которые промышленность получила от обесценения марки. Характерно, что Правительство Куно в свое время предлагало ипотеку на промышленность, банки и торговлю в размере вдвое большем (в 10 млрд. зол. марок из 5% годовых). Теперь эксперты, предвидя широкое участие иностранного капитала в германской промышленности, стремятся оградить ее от слишком тяжелых прямых налогов, перенося центр тяжести на возможно более широкое использование косвенного обложения.

Платежи по промышленным облигациям должны составить:

1924—25 0
1925—26 125 милл. зол. марок.
1926—27 250 „ „ „
1927—28 300 „ „ „

Несмотря на то, что перечисленные выше два источника выделены особо, они по сути дела представляют собой не что иное, как специальное налоговое обложение германского

хозяйства. Но план экспертов не проходит мимо и остальных бюджетных ресурсов Германской империи. Наоборот, самую большую долю репарационных платежей эксперты предлагают покрывать из прочих налогов. Начать с того, что все налоги на транспорт вносятся непосредственно на счет репараций. Затем обеспечением платежей являются: таможенные доходы, монополия на спирт, налоги на пиво, табак и сахар. План предусматривает особого контролера по залогам, которому предоставлено право самого широкого контроля над взиманием этих доходов и инкассирования их, за исключением той части, которая причитается империи. План предусматривает также возможность передачи в руки союзников управления косвенными налогами в случае, если Германия не выполнит своих обязательств.

Общая картина годичных платежей, согласно плану Дауэса, представляется в следующем виде:

1924—25 г.—1 миллиард золотых марок (из них 800 милл. покрываются путем займа).
1925—26 г.—1220 милл. марок (130 милл. представляют собой сальдо предыдущего года).
1926—27 г.—1200 милл. марок.
1927—28 г.—1750 „ „
1928—29 г.—2500 „ „

Для последующих лет годовые платежи должны определяться из этой основной цифры в $2^1/_2$ млрд. и возрастать пропорционально росту общего благосостояния Германии, которое будет устанавливаться согласно особому индексу. План предусматривает, что платежи в 1926—27 и 1927—28 г.г. могут быть уменьшены или увеличены на 250 милл. марок, в зависимости от тех сумм, которые дадут таможенные пошлины, монополия на спирт и налоги на пиво, табак и сахар.

Таково в самых общих чертах содержание плана экспертов. В отличие от предыдущих, так называемых платежных планов, он носит вполне реальный характер в том смысле, что исходит из действительных ресурсов Германского народного хозяйства и базируется на более или менее точных предположениях. Его основными предпосылками являются устранение бюджетного дефицита и предупреждение инфляции. Он стремится таким образом организовать эксплоатацию Германии, чтобы в наименьшей степени подвергать союзников опасности германской конкуренции на мировом рынке. Этой цели должно служить требование экспертов, чтобы налоговое обложение Германии и железнодорожные тарифы соответствовали общему среднему уровню.

Этот принцип „уравнения налогового бремени“ вообще гораздо больше интересовал экспертов, чем цифра „убытков“,

из которой исходили все прежние комиссии при определении размеров репарационных платежей. „Во всех отношениях нежелательно, — заявляет записка экспертов, — чтобы плательщик союзных стран подвергался в качестве потребителя более тяжелым налогам, явившимся в результате войны, нежели немецкий потребитель, или же в качестве производителя был обременен в торговой конкуренции более высокими расходами (включая заработную платой), чем его немецкий конкурент".

Для трудящихся масс Германии план экспертов означает новое ухудшение условий существования, урезывание заработной платы и удлинение рабочего дня. Непосредственным следствием плана экспертов явится увеличение косвенного обложения; в частности для железнодорожников организация железнодорожного транспорта на коммерческих началах означает громадные сокращения и безработицу. Англо-американский капитал получает, благодаря плану Дауэса, в свое распоряжение командные высоты германского народного хозяйства (эмиссионный банк, железные дороги, распоряжение суммами, находящимися в ведении трансфертного комитета), что же касается Франции, то перед ней раскрывается лишь та перспектива, что реальные платежи, в которых она нуждается до-зарезу, будут тормозиться благодаря вмешательству трансфертного комитета.

Приступая к своей задаче, эксперты, как известно, тщательно отмежевались от каких бы то ни было политических вопросов, в частности от вынесения того или другого суждения по поводу франко-бельгийской оккупации Рура. Однако, они не могли совершенно обойти молчанием эти проблемы. Предпосылкой для проведения в жизнь своего плана эксперты об'явили восстановление экономического и финансового единства Германии и устранение всякого иного вмешательства в хозяйственную жизнь страны, кроме того, которое было предусмотрено в их плане. Другими словами, это означало, что французы и бельгийцы должны были отказаться от попытки превратить Рейнскую и Рурскую области в „репарационные провинции", распустить свою комиссию по контролю над заводами и копями, отказаться от управления германскими железными дорогами в оккупированной зоне, снять внутренние таможни и, наконец, считаться с необходимостью осуществить рано или поздно военную эвакуацию Рура. Вторая половина формулы означала, что англо-американский капитал, решивший взять в свои руки германское народное хозяйство, не склонен более мириться с тем положением, когда Франция, имеющая благодаря своему председательскому голосу и поддержке Бельгии прочное большинство в репарационной комиссии,

могла выносить решения о применении к Германии, в виду „злостного неплатежа“, тех или иных санкций.

Эти именно пункты и должны были составить главное содержание работ Лондонской конференции, посвященной проведению в жизнь плана экспертов. Как сказано выше, капитуляция Эррио была подготовлена всем предыдущим ходом событий; фактически она началась еще при Пуанкаре. Здесь сыграло свою роль не только падение франка, но и позорный крах сепаратистского „движения“ на Рейне, которое усиленно раздувалось французскими оккупационными властями. Это не помешало, однако, реакционным журналистам национального блока изображать в самых ярких красках „разрушительную работу“ Эррио. Так, один из этих господ, политический обозреватель „Revue de Deux Mondes“, об'езжая Рейнские провинции и Рур как раз в то время, когда происходила Лондонская конференция, подвел следующие итоги своим печальным размышлениям: „Здесь, (т.-е. в оккупированных областях) организованная, дисциплинированная активность, направленная к реальной цели, творящая чудеса и внушающая уважение к франко-бельгийскому гению со стороны друзей и врагов,—там (т.-е. на Лондонской конференции) некомпетентность и опасные иллюзии под видом идеализма, ведущие к уступкам без компенсации и разрушающие дело, потребовавшее много времени и человеческих усилий“.

Однако, само собой разумеется, причину уступчивости французского правительства надо искать не в «иллюзиях» и не в «идеализме» политиков левого блока. Линия поведения Франции определялась гораздо более вескими причинами. Во-первых, что касается «организованной и дисциплинированной активности», т.-е., попросту говоря, экономической эксплоатации Рура, то она, вовлекая Францию в очень крупные расходы, дала ничтожные финансовые результаты, даже после прекращения пассивного сопротивления. И во всяком случае даже самая гениальная эксплоатация „продуктивных залогов“ не могла спасти Францию от финансовой катастрофы, которая ей грозила в результате небывалого падения курса франка. Во-вторых, Франция чувствовала, что политически она изолирована.

„Все наши союзники,—писала „Europe Nouvelle“, подводя итоги Лондонской конференции,—включая Бельгию, полагали, что принятие плана Дауэса означает избрание политики мира с Германией и исключает политику войны“. Другими словами, единственный верный соратник, на голос которого Франция могла рассчитывать, отказывал в своей и без того не весьма сильной поддержке. Италия определенно становилась на сторону Англии; и даже государства Малой Антанты готовились изменить своему неизменному покро-

вителю. Но и это, конечно, не самое главное; самое главное было то, что „Франция была обязана считаться не только с мнением союзников, но и с условиями банкиров". Люди, от которых зависело размещение первого займа в 800 миллионов золотых марок, а в дальнейшем размещение железнодорожных и промышленных облигаций на общую сумму в 16 миллиардов, могли диктовать свои условия тем более, что в их же руках находилась судьба французской валюты и французского кредита. Господа Ламонт—директор Моргановского Банка—и Норман—директор Английского банка—явились истинными вершителями судеб на Лондонской конференции. Франция вынуждена была уступить, отказавшись от большинства в репарационной комиссии,—благодаря введению представителя Соединенных Штатов с решающим голосом,—и приняв процедуру констатирования неплатежа, путем обращения к арбитражу; этим самым она фактически отказывалась и от права самостоятельного применения санкций. Взамен этого Эррио удалось добиться некоторой, весьма, впрочем, сомнительной компенсации, в виде применения той же процедуры арбитража к спорам, могущим возникнуть в связи с решениями трансфертного комитета. Это давало теоретическую гарантию Франции от „финансовых махинаций" Германии и от „произвольных решений" самого комитета. Более существенным является продление германских поставок натурой на все время действия плана Дауэса, тогда как Версальский договор ограничивал их 1925-м годом, эвентуально 1930-м годом. Германия согласилась на установление списка товаров по обоюдному согласию и на арбитраж в случае, если германские и союзные эксперты не придут к соглашению. Единственное ограничение, которого добились немцы, касается красок: последние могут включаться в число поставок натурой только в продолжение четырех лет. Между тем французская химическая промышленность, возникшая после войны, целиком зависит от ввоза полуфабрикатов из Германии. Добившись такого соглашения, французское правительство не скрывало, что оно вовсе не имеет в виду пользоваться своим правом на весь выговоренный срок, но будет склонно пойти на комбинацию с досрочным выкупом, если Германия предоставит какие-либо экономические или политические уступки.

Лондонская конференция вынесла решение о восстановлении финансового и экономического единства Германии. Продолжение „организованной и дисциплинированной активности" французов и бельгийцев на Рейне и Руре было слишком явно несовместимо с основными требованиями плана экспертов. Но эта „экономическая эвакуация" включала в себя только прекращение деятельности союзнической кон-

трольной комиссии (М. І. С. И. М.), снятие внутренних таможен, передачу железных дорог оккупированной области в руки общего управления германской железнодорожной сетью. Однако оставался вопрос о самих оккупационных войсках. С точки зрения здравого смысла и правил формальной логики казалось, что никакого особого вопроса быть не может. Французское правительство в свое время заявило, что оно посылало солдат в Рурскую область исключительно для защиты своих инженеров, лесничих и т. п. технического персонала. Теперь эти люди, осуществлявшие использование „продуктивных залогов", должны удалиться. Для чего же тогда будут оставаться войска?

Но если с точки зрения здравого смысла вопрос ставится таким образом, то дипломатически и политически он стоял совсем иначе. Нахождение французских войск в Руре—это был единственный козырь, который оставался в руках Франции и который никакое, самое левое буржуазное правительство не смело просто выпустить без соответствующей компенсации. А поскольку об'екты компенсаций только еще предвиделись в будущих переговорах о безопасности и междусоюзнических долгах, постольку французское правительство не могло пойти даже на включение вопроса о военной эвакуации Рура в официальную программу Лондонской конференции. Однако оно не в состоянии было помешать тому, что этот вопрос неофициально был поставлен; более того, под влиянием нажима, в котором видную роль сыграли те же господа банкиры, Эррио вынужден был, в форме обмена писем с германским рейхсканцлером, дать обещание эвакуировать французские войска из Рурской области в годичный срок. Требование пуанкаристов сохранить Рур как залог в переговорах с Англией и Америкой по поводу долгов и по поводу военной безопасности Франции, а до того времени не связывать себе руки даже обещаниями, было явно не реально. Это постарался раз'яснить французским политикам, в том числе и представителю правой оппозиции, никто иной, как сам господин Юз.

Эррио в палате заявил совершенно откровенно: „Военная оккупация не есть залог, который я мог бы использовать. Англия не позволит, чтобы эта оккупация являлась орудием переговоров". Эти слова лучше всего иллюстрируются тем фактом, что франко-германские переговоры о заключении торгового договора, в которых французы пытались как раз променять с выгодой военную эвакуацию Рура на уступки торгово-политического характера, были решительно сорваны англичанами.

Единственное, что мог сделать Эррио,—это попытаться выиграть время, получить отсрочку в расчете на то, что

какие-либо новые факторы ослабят совместный англо-американский нажим на Францию и создадут возможность каких-либо комбинаций.

Последовавшее в декабре решение совещания послов о продолжении оккупации Кельнской зоны показывает, что эти расчеты вовсе не были иллюзорными. Указание на то, что англичане все равно эвакуируют Кельн к 10-му января 1925 года, было одним из сильнейших аргументов в руках Макдональда, с помощью которого он мог давить на Эррио в вопросе военной эвакуации Рура. Это вытекает из того, что железнодорожное сообщение Рура с Францией идет через Кельнскую зону. И вот теперь консервативный английский кабинет отказывается от этого средства давления, дабы притти с Францией к соглашению по вопросам колониального характера. Недаром один из французских публицистов счел нужным вспомнить, что ведь и начало „сердечного согласия“ между Англией и Францией было положено двадцать лет тому назад договором о Марокко и Египте, разграничивающим колониальные интересы обеих держав.

В сфере чисто экономических вопросов Лондонская конференция во многих случаях не вынесла окончательных решений, наметив лишь общие принципиальные линии и предоставив остальные процедуре арбитража. Выше мы упоминали об арбитраже в случаях недовольства решениями трансфертного комитета и в случае несогласия союзнических и германских экспертов относительно поставок натурой. Германской делегации удалось добиться введения процедуры арбитража в случае споров между германским правительством и трансфертным комитетом по вопросам помещения внутри Германии сумм, поступивших в счет репараций. Дело в данном случае шло о том, до какой степени Германия сможет оградить свое народное хозяйство от перехода в руки иностранцев. Принятая конференцией каучуковая формула налагает на арбитра обязанность исходить из его принципа, что „германское правительство должно производить максимум платежей своим кредиторам, но что у него имеется также и право считаться с необходимостью сохранения контроля над своим народным хозяйством“.

Отсылка на каждом шагу к процедуре арбитража представляет собой вообще наиболее характерную черту в работах конференции. При сложном переплете взаимоотношений и интересов ее участников и бесчисленных противоречиях между ними это был единственный способ притти к какому-нибудь формально законченному результату. В то же время все наиболее важные третейские инстанции, предусмотренные Лондонскими протоколами, обязательно возглавляются „американским гражданином“. Соединенные Штаты становятся, таким образом, супер-арбитром в европейских делах. Рах

americana получает здесь свое организационное оформление. Будущее однако покажет, достаточно ли одной арбитражной волокиты для того, чтобы изжить все противоречия, нагроможденные империализмом в самом центре Европы. Лондонская конференция образует собой поворотный пункт во многих отношениях. Она похоронила идею французской военной гегемонии на европейском континенте и дала первый пример англо-американского сотрудничества. Она возвестила „возвращение Америки в Европу“ и положила начало новой фазе в репарационном вопросе. Но каждый из этих фактов таит в себе бесчисленные противоречия. Англия с помощью Америки положила конец попыткам Франции вести самостоятельную „политику силы“, но этим самым она толкает ту же Францию на путь мирного сращивания французской и германской тяжелой промышленности под эгидой американского банковского капитала. Трудно сказать, как много выигрывает при этом английский капитал и не придется ли ему в ближайшем будущем взяться за старое дело разжигания франко-германской вражды. Точно так же несомненно, что чем дальше будет развиваться англо-американское сотрудничество, тем шире будет поверхность трения между этими двумя главными претендентами на мировое господство. Наконец, поскольку план Дауэса вдохнул надежду в немецкую буржуазию и до некоторой степени снова посадил ее в седло, на сцену появляется новый фактор международной политики. Германия после долгого периода полной прострации получает относительную возможность выбирать, маневрировать и, следовательно, вносить свою долю в обострение противоречий.

Все это достаточно ясно говорит за то, что дальнейшее развитие событий, исходным пунктом которого является Лондонская конференция, отнюдь не будет означать притупления международных антагонизмов, но, наоборот, их воспроизводство на расширенной базе.

Бор. Штейн

Торговые договоры СССР за 1924 г.

1923 год был последним годом подготовительной стадии в нашей внешней торговой политике. В апреле этого года было заключено так называемое „временное соглашение" с Данией—последнее в серии договоров полуполитического, полуторгового характера. На эти соглашения ушло два года—от первого с Англией в марте 1921 года до последнего с Данией в апреле 1923 г. С середины 1923 года оформление политических взаимоотношений СССР с западноевропейскими государствами решительно вступило на почву юридического признания и полного восстановления дипломатических отношений. С этого момента стало очевидным, что дальнейшие договоры СССР будут строиться либо по политическому, либо по торговому принципу.

До этого периода, по существу, нельзя было даже говорить о тех или иных принципах нашей внешней торговой политики, поскольку отсутствовали подлинные торговые договоры, в которых эти принципы могли найти свое воплощение. Трудно было, таким образом, установить какую-либо определенную линию в вопросах наибольшего благоприятствования, конвенционных и автономных тарифов, каботажа и т. д.

Октябрь 1923 г., являющийся началом переговоров с Италией по заключению торгового договора, является вместе с тем и датой, с которой нужно начать выявление принципиальной линии нашей внешней торговой политики.

За годовой период мы имеем уже четыре торговых договора и можем, таким образом, не только подвести некоторые итоги, но и наметить открывающиеся перспективы в этой области.

7 февраля 1924 г. был подписан торговый договор с Италией, 15 марта—торговый договор с Швецией, 3 июля—с Персией и, наконец, 8 августа—с Великобританией. (Последний, заключенный при правительстве рабочей партии,

как известно, не был представлен на утверждение парламента консервативным кабинетом Болдуина и, таким образом, в силу не вошел. Тем не менее, он имеет весьма большое значение для выявления основных линий нашей внешней торговой политики).

Что дают эти договоры в смысле правового оформления наших внешних торговых отношений с иностранными государствами?

В перечисленных договорах нашли свою правовую формулировку следующие основные вопросы нашей торговой политики: форма нашей внешней торговли, основной торгово-политический принцип в наших взаимоотношениях с западными рынками, таможенно-тарифный вопрос и, наконец, вопрос судоходства.

Одним из наиболее существенных завоеваний нашей торговой политики за истекший период было получение юридического признания монополии внешней торговли. Это юридическое признание мы получили путем закрепления в торговых договорах прав торгового представительства СССР за границей и наделения его экстерриториальностью.

Проблема юридического признания монополии внешней торговли и борьба за это признание развивались параллельно с проблемой юридического признания Советской власти. В течение всех переговоров по вопросу о торговых договорах мы неизменно стояли на точке зрения необходимости юридического признания факта монополии внешней торговли и договорно-юридического закрепления функций торгового представительства. Впервые удалось закрепить функции торгового представительства и его экстерриториальное положение в ст. 3 торгового договора с Италией. Эта статья, дающая юридическое признание со стороны контрагента монополии внешней торговли, наделяющая торговое представительство рядом привилегий (личный иммунитет торгового представителя и членов совета торгового представительства, экстерриториальность контор, право шифра, неналожение ареста на товары торгового представительства в порядке обеспечения иска и т. д.), делается в силу своей полноты и соответствия нуждам нашей внешней торговли прецедентной в будущих торговых договорах СССР.

Ст. 2 договора с Великобританией также исходит из юридического признания монополии внешней торговли; однако, разработана она с точки зрения полноты значительно хуже, нежели ст. 3 договора с Великобританией.

Договор с Швецией вопроса о монополии внешней торговли (в части, касающейся прав торгового представительства) не затрогивает.

Договор с Персией посвящает правам торгового представительства специальную статью, редакция которой, исходя из принципа монополии внешней торговли, модифицирует права торгового представительства сообразно специальным условиям наших внешне-торговых связей с Востоком.

Излишне прибавлять, что юридическое закрепление монополии внешней торговли является и впредь нашей программой при дальнейших переговорах с капиталистическими государствами.

Переходя к основному торгово-политическому принципу наших договорных связей с капиталистическим миром, нельзя не притти к выводу, что в общем и целом таковым принципом является наибольшее благоприятствование. Наиболее полно и абсолютно проведен этот принцип в ст. 1 договора с Великобританией, где он охватывает все стороны правового регулирования взаимоотношений. Наоборот, в договоре с Италией он касается не всех статей договора, а в таможенно-тарифных вопросах также подвергается списочному ограничению. В договоре с Швецией принцип наибольшего благоприятствования нашел наиболее своеобразное хронологическое ограничение. В силу этого ограничения Швеция не получает тех льгот и преимуществ, которые Советский Союз предоставил или предоставит странам, признавшим его де-юре до 15 февраля 1924 г.

Основными из'ятиями из принципа наибольшего благоприятствования, получившими прочную базу в нашей внешней торговой политике и подтвержденными в заключенных торговых договорах, следует считать из'ятие западных лимитрофных государств, с одной стороны, и стран Востока, с другой.

Формулировкой для из'ятия западных лимитрофных стран является следующая: „Государства, территории коих до 1 августа 1914 г. составляли во всех отношениях часть б. Российской империи".

Что же касается стран Востока, то в этом контексте речь идет о пограничных континентальных странах.

Несомненно, что в будущих торговых договорах принцип наибольшего благоприятствования в отдельных случаях будет получать больший или меньший об'ем. Однако, теперь уже с уверенностью можно сказать, что этот принцип становится основой нашей внешней торговой политики.

Таможенно-тарифный вопрос не нашел однообразного решения в перечисленных торговых договорах. Договоры с Персией и Швецией вообще не заключают в себе таможенных конвенций, договор с Великобританией ограничивается фиксацией абсолютного наибольшего благоприятство-

вания и лишь договор с Италией заключает в себе отдельную таможенную конвенцию. Эта последняя построена на системе компенсированных списков товаров, по которым произведено с обеих сторон конвенционное снижение пошлин.

Таможенная конвенция с Италией заключает в себе 4 списка товаров. Из этих 4 списков—2 являются списками товаров итальянского и советского происхождения, по которым произведено конвенциональное (в %%) снижение таможенных пошлин. Вторые 2 списка составляют товары итальянского и советского происхождения, по которым предоставлено взаимно право наибольшего благоприятствования. Наконец, имеется еще один список экспортных товаров СССР, по которому предоставлено конвенционное снижение вывозных пошлин СССР.

Можно ли решать по одному договору с Италией, что наша торговая политика вступила на путь конвенционных тарифов и что мы полностью отказались от автономной системы тарифов? Категорически на этот вопрос, конечно, ответить нельзя. Правда, применение наибольшего благоприятствования распространяет на ряд контрагентов те уступки в тарифе, которые мы предоставили Италии, однако, в силу довольно большой разницы в об'еме наибольшего благоприятствования, применяемого в наших торговых договорах, вопрос об автономном тарифе еще не окончательно отброшен.

Вопросы каботажа решаются как итальянскими, так и английскими договорами.

И в том и в другом договоре право каботажа в принципе признано монополией национального флага, однако от этого принципа сделаны серьезные отступления в сторону предоставления иностранному флагу права каботажа между отдельными нашими портами.

Это отступление проведено в договоре с Италией по отношению к каботажу между Одессой, Новороссийском, Поти, Батумом и Ростовом-на-Дону. Соответственное право каботажа получило и советское судоходство между итальянскими портами: Триест, Генуя, Неаполь, Ливорно и Катания. В отличие от срока всего договора (3 года) право каботажа предоставлено лишь на 2 года.

Таковы основные линии, по которым шло развитие нашей внешней торговой политики в истекшем году.

Нельзя, конечно, считать, что первые четыре торговых договора уже определили основные вехи нашей внешней торговой политики. Этого, конечно, нет. Нам предстоит еще серьезная и длительная работа по установлению наиболее целесообразной и отвечающей требованиям нашего внешнего товарооборота правовой формы наших связей.

Особенность нашей внешней торговли, ее монополистическая форма, вызывает необходимость чрезвычайно гибкой и эластичной формулировки основных линий внешней торговой политики. В этом смысле заключенные в текущем году торговые договоры дадут необходимый опытный материал, развитие которого должно составить непосредственную задачу ближайшего будущего.

В. Гурко-Кряжин

Ближний Восток в 1924 году

I.

Основным фактом жизни Ближнего Востока после окончания Лозаннской конференции является, несомненно, перемещение фокуса империалистической борьбы из района проливов и Анатолии—на восток и юг, в страны Арабистана. Завоевание ваххабитами почти всей Аравии, турецко-английское столкновение в Мосуле, борьба тегеранского правительства с шейхом персидского Арабистана Хазалем, наконец, англо-египетский конфликт,—все эти события, бурно разыгравшиеся в течение последних месяцев в арабских областях, достаточно показывают, где находится сейчас зона наибольших империалистических трений.

Для того, чтобы понять эту новую фазу ближневосточного вопроса, мы должны прежде всего уяснить, что в арабских странах имеется совершенно иное соотношение сил, нежели в Турции. В последней, со времени окончания мировой войны, мы наблюдали борьбу трех основных сил: Англии, Франции и националистической Анатолии. Ожесточенная англо-французская борьба за гегемонию на Ближнем Востоке и составляла костяк всей политической жизни Турции за последние пять лет.

В странах восточного Арабистана (Палестина, Трансиорданье, Месопотамия, Аравийский полуостров, район Персидского залива) политическая гегемония издавна принадлежит лишь одной „великой державе"—Великобритании. Правда, Франция владеет одной арабской областью—Сирией, а также пытается укрепить свою позицию в Иемене; однако, в силу чисто географических условий ее политическое влияние, не говоря уж об экономическом, территориально ограничено и затрогивает лишь периферию восточного Арабистана. Доминирующая роль в перечисленных областях, несомненно, принадлежит „хозяйке Индийского океана"—Англии, которая уже с начала XIX века установила свой прямой или скрытый протекторат над Маскатом, Ковейтом,

Мохаммерой, Хадрамаутом и т. д., не говоря уже об аннексированных ею: Адене, Периме, о-ве Сокоторе, Суэце и т. д.

Не останавливаясь здесь на сложном вопросе о причинах этой империалистической экспансии, отмечу лишь один первостепенной важности факт. Восточный Арабистан всегда имел огромное значение для Великобритании в качестве соединительного звена между тремя материками: Азией, Африкой и Европой. Именно в этих областях сходились пучки мировых путей, ведущих на Дальний Восток и в Индию. Недаром один из древнейших городов Месопотамии носит имя Харран, т.-е. „дорога", а слово Мосул (собственно Маусиль) означает по-арабски „места встречи". Именно здесь, за тысячелетия до нашей эры, проходила великая караванная дорога, ведущая от Средиземного моря к Персидскому заливу, дорога, которую вновь хотели возродить немцы, проводя Багдадскую стальную колею. Еще большее значение имели для Англии два старинных морских пути, ведущих через Красное море и Персидский залив—к той же Индии. Превращение Индийского океана в „британское озеро" и установление единоличного контроля над всеми путями, ведущими к нему,—такова была скрытая пружина английской политики в странах восточного Арабистана.

Мировая война, как известно, передала в руки Англии „контрольные пакеты" этих путей в виде Палестины и Ирака (с Мосульским вилайетом), на которые она получила мандаты от Лиги Наций.

Осуществить это Англии удалось в значительной степени благодаря самим же арабам, которые восстали против турок (в Геджасе в 1916 г.) и облегчили операции английских войск в Сирии. Нечего, конечно, и говорить, что по окончании войны арабы были жестоко обмануты их британскими друзьями. Вступив (в 1915 г.) в переговоры о совместном выступлении с эмиром Геджаса Хусейном, англичане больше всего боялись связать себя какими-либо конкретными обещаниями. Все эти переговоры получили поэтому характер полуофициальной переписки между Хусейном и ген. Мак-Магоном, содержащей лишь самый общий контур будущей организации „Арабского государства". Англичане признавали независимость арабских племен, расположенных к югу от 37° широты, кроме провинций Багдада и Басры, а также тех территорий, где имеются специальные французские интересы. Во время войны главным проводником английской политики среди арабов сделался чрезвычайно любопытный человек — политический агент в Геджасе, капитан (а впоследствии полковник) Т. Лоуренс, Оксфордский воспитанник, археолог, необычайно одаренный политический деятель, хотя и чисто авантюристской

складки, вместе с тем британец с головы до ног, он совершенно искренно, как утопист, мечтал о создании независимого Арабистана, хотя, разумеется, и под британским контролем. Имея в своем личном распоряжении огромные суммы, доходившие до 70.000 фунт. стерл. в месяц, он держал под золотым гипнозом всю семью Хусейна, комплектовал отряды бедуинов, сам двигал их на турецко-сирийские корпуса и т. д. Огромное влияние Лоуренса на английские политические круги продолжалось долгое время и после мировой войны. Правда, многие из заветнейших чаяний арабов были жестоко разрушены английской дипломатией. Великолепно используя неясность и недомолвки, характеризующие, как указывалось выше, их переговоры с Хусейном, она уступила Франции Сирию, а Палестину предназначила для создания в будущем еврейского (точнее—сионистского) государства. Однако, в 1921 г. были предприняты решительные шаги и для политической организации Арабистана: в составе министерства колоний был создан департамент по Среднему Востоку (Middle East), под которым понимались как раз арабские области; в том же году в Каире произошла конференция верховных комиссаров под председательством Черчилля, на которой было решено образование государств Трансиорданья и Ирака, под властью членов хашимитской (Геджасской) династии: Файсала и Абдуллы.

Как мы видим, хотя и со значительным из'яном, план Лоуренса был воплощен в жизнь: в трех арабских областях воцарился дом малика Геджаса Хусейна, находящийся в „специальных отношениях“ (денежных и политических) с Англией. Задачей британской дипломатии явилось теперь юридическое оформление отношений, создавшихся с тремя „независимыми“ арабскими государствами, чтобы тем самым окончательно рассеять те политические иллюзии, которые продолжали еще волновать чересчур доверчивых и упрямых арабских патриотов.

В „подмандатных“ государствах: Трансиорданье и Ираке, на территории которых продолжают находиться британские аэропланы и индийские сипаи, обделать эту операцию, конечно, не представляло особых трудностей. Что касается до Трансиорданья (собств. восточная часть Палестины), то ее вообще нельзя принимать всерьез. Эта территория, распадающаяся на ряд почти не сообщающихся районов, издавна являлась сборным пунктом для всех авантюристских, чисто разбойничьих или политически „неблагонадежных“ элементов, которые устраивали отсюда налеты то на британскую, то на французскую территорию. Трансиорданье было превращено в особое государство, под властью туземного монарха, именно с целью сократить издержки по военной оккупации и ликвидировать политиче-

скую агитацию и налеты, направленные главным образом в сторону Палестины. Сын Хусейна — Абдулла, взявший престол на продиктованных ему условиях, правда, представляет очень скверную рекламу для англичан. Бывший политический агент в Трансиорданье лорд Раглан характеризует его как жадного деспота, от которого сильно страдает английский престиж, так что „британские войска символизируют здесь не свободу, а наоборот—тиранию". Во всяком случае, повторяю, с Абдуллой Англии нечего стесняться; она ежегодно вотирует ему, в виде помощи Трансиорданью, 180.000 ф. ст. и держит под бдительным политическим контролем верховного комиссара Палестины [1]).

Значительно труднее англичанам было оформить свои отношения с Ираком, где имеется вполне оформленное национальное движение, направленное против британского мандата. Однако им все же удалось буквально заставить Иракское Учредительное Собрание ратифицировать англо-иракский договор (заключенный 10/X—22 г.), устанавливающий всесторонний финансовый, военный и общеполитический контроль Великобритании. Для давления на иракские политические круги, Англия использовала мосульский вопрос. Летом 1924 г. в Константинополе открывается англо-турецкая конференция для решения последнего, и вот Учредительное Собрание Ирака торопится (10 июня 1924 г.) большинством 38 голосов против 25 (при восьми отсутствующих) санкционировать договор 1922 года, снабдив его следующей характерной оговоркой:

„Если Англия не защитит прав Ирака в вопросе о Мосуле, то настоящий договор будет считаться недействительным и не вошедшим в силу".

План создания контролируемого Англией всеарабского государства неожиданно рушился там, где он родился, а именно на территории Геджаса. Король (малик) последнего, Хусейн, после войны оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Услуги, оказанные им Англии, повлекшие в результате к полной зависимости от нее (вплоть до получения ежегодной субсидии), оттолкнули от него весь мусульманский мир. Влиятельное духовенство и нотабли Сирии, Египта и Индии много раз об'являли его изменником Ислама, лакеем Англии, в Египте даже образовалась специальная „Лига защиты св. мест". В партикуляристической, вечно бурлящей Аравии у него и раньше было много врагов, теперь же все они, напуганные возвышением хашимитской династии под патронатом Англии, ждали лишь удобного случая, чтобы разделаться с Хусейном. В самом

---

[1]) Характеристика режима Трансиорданья дана в статье лорда Раглана: Transjordania and the mandate farce, XIX Century and After. 1924. VI.

Геджасе у него не было никакой базы. Чисто деспотические, автократические замашки оттолкнули от него горожан; что же касается до бедуинов, то, привыкнув получать английское золото, они без конца требовали его или же занимались ограблением караванов с пилигримами. При таких условиях Хусейн думал опереться на панарабские круги, но они резко обвиняли его в отказе от Палестины, без которой лишалось всякого смысла создание всеарабского государства. Вопрос о Палестине и препятствовал Хусейну окончательно оформить свои отношения с Англией и тем самым стать под ее надежное покровительство.

В течение двух лет англичане вели переговоры с Геджасом о заключении договора, который был даже подписан в Лондоне лордом Керзоном и представителем Хусейна, д-ром Наджи. Проект договора гарантировал признание Англией арабской независимости в Месопотамии, Трансиорданье и на Аравийском полуострове (за исключением Адена). Если указанные государства захотели бы устроить федерацию, то Великобритания обещала оказать соответствующую поддержку.

Король Геджаса, со своей стороны, приглашался признать привилегированное положение Великобритании в Месопотамии, Трансиорданье и Палестине и обязывался оказывать ей поддержку в вопросах, касающихся этих стран (§ 2).

Что касается до наиболее больного вопроса о Палестине, то договор заключал следующую многозначительную оговорку: „Что касается до Палестины, то Англия гарантирует, что ничто не нарушит религиозных и гражданских прав арабского населения“ [1]).

Как мы видим, в вопросе о Палестине наметилось глубочайшее расхождение между Хусейном и Англией, при чем малик, обуреваемый панарабскими, вдобавок теократическими мечтами, никак не мог понять, что Англия никогда добровольно не откажется от Палестины, являющейся ее форпостом против Франции и лучшей защитой Суэцкого канала. Еще в конце 1923 года представитель его официально заявил в Иерусалиме Мусульмано-Христианской Ассоциации, что малик „никогда не подпишет проектируемого англо-арабского договора, если только последний не гарантирует полной и абсолютной независимости Палестины, а также ее безусловное право присоединиться к арабской федерации“.

Лишенный всякой базы внутри и вне страны, Хусейн решается прибегнуть к политической авантюре: воспользовавшись актом ВНСТ 3 марта 1924 г. об уничтожении Османского халифата, он спешит об'явить себя хали-

[1]) Проект договора напеч. в „L'Europe Nouvelle“ 1924 г. 15/III, № 317.

фом, базируясь на сомнительных приглашениях, полученных им от духовенства Сирии, Ирака и Геджаса. Этим актом Хусейн, понятно, думал укрепить свое религиозно-политическое влияние в мусульманском и, прежде всего, в арабском мире. Авантюра Хусейна, как известно, вызвала резкий и единодушный отпор среди мусульман Индии и Египта, испугавшихся создания „британского халифата", и это лишний раз подчеркнуло его политическую слабость и изолированность.

Решительный отказ малика подписать англо-геджасский договор означал наступление для него 12-го часа: Англия прекратила Хусейну выдачу субсидии и предоставила его на расправу врагам.

Смертельный удар честолюбивым планам короля Геджаса был нанесен, как и следовало ожидать, султаном Неджда-Ибн-Саудом. Этот энергичный вождь наиболее многочисленного племени Центральной Аравии—сектантов ваххабитов — уже давно проводит цельную и продуманную политическую программу. Стремясь несомненно к политическому об'единению всей Аравии, он осуществляет это, с одной стороны, путем вооруженного прозелитизма, с другой—путем водворения оседлости среди бедуинов. На всех завоеванных территориях он организует так наз. ихван'ы, т.-е. „братства", являющиеся, на подобие наших казачьих станиц, одновременно земледельческими поселками и вооруженными лагерями. Организованную таким образом грозную боевую силу он уже около 20-ти лет направляет на завоевание новых территорий или на карательные экспедиции.

Хусейн являлся издавна его заклятым врагом, с которым он находился в перманентной войне. Однако, в начале мировой войны (летом 1915 г.) сэр Перси Кокс, взамен солидной субсидии (ежегодно 60.000 ф. ст.), уговорил его принять сторону англичан и прекратить враждебные действия против Хусейна.

Когда, однако, после окончания войны, выявились грандиозные планы хашимитской династии, Ибн Сауд немедленно возобновил враждебные действия. В 1919 году ваххабиты в одну ночь уничтожили всю армию эмира Абдуллы, после чего начинаются их безостановочные успехи. Они захватывают важный караванный центр—Джоф, и затем у Kounfida—достигают Красного моря. В 1923 г. Сауд подчиняет себе второе по значению племя Центральной Аравии—шаммаров, заключает союз с имамом Йемена—Яхья и достигает Евфрата. Лишь английская дипломатия отсрочивает наступление развязки.

Узурпация халифата Хусейном и лишение Сауда субсидии необычайно ускоряют события. В начале августа начинаются военные действия. Чтобы лишить Хусейна под-

держки со стороны сыновей, Ибн Сауд направляет два отряда против мунтефиков Ирака и бедуинов Трансиордань. Главные силы движутся на Геджас, захватывают почти без боя крепость Таиф, затем блокируют Мекку. Несомненно, что успехам ваххабитов способствует само же население Геджаса, стремящееся сбросить тиранию Хусейна. Последний бежит в порт Джедду и оттуда обращается с просьбой о помощи к своему верховному патрону—Англии. Последняя, однако, продолжает соблюдать полный нейтралитет, предоставляя „неблагодарного" Хусейна его судьбе. При такой безнадежной ситуации, под давлением верхушек населения (купечество и нотабли), Хусейн принужден сойти со сцены и отречься от престола в пользу своего сына Али. Любопытно, что тот принимает лишь титул короля Геджаса: вопрос о халифате или об общеарабском государстве умышленно не затрогивается при его избрании. Впрочем, Али является „королем без королевства", так как ваххабиты заняли Мекку (13 или 14/X) и окружили со всех сторон его последнее убежище—Джедду.

Отношение Англии к геджасским событиям по необходимости двойственное. С одной стороны, как мы видели, самое падение Хусейна было обусловлено тем, что Англия отступилась от него, разочаровавшись в малике, как в орудии своей политики на Ближнем Востоке. Крах Хусейна означает одновременно и крушение идеи вассальной „Арабской империи", этого „оксфордского создания" по насмешливому выражению французов. „Хусейн—одна из ошибок британской политики на Среднем Востоке",—открыто заявляет „Near East" (13/X 1924 г.); падение его незабываемо доказывает нам, что в Аравии нельзя „ставить все деньги на одну лошадь".

Но результаты геджасских событий для Англии не только сводятся к признанию своих ошибок и к отказу от них. Они, несомненно, наносят сильнейший удар ее престижу на арабском Востоке и создают там совершенно новую, чрезвычайно неблагоприятную ситуацию. Поход ваххабитов против Хусейна носил ярко выраженный антибританский характер. Недаром, начиная его, Ибн Сауд обратился с торжественным воззванием к арабскому народу и ко всему мусульманскому миру, призывая всех „соединиться, чтобы получить независимость территории и расы", и обвиняя Хусейна и его сыновей в том, что они действовали сообща с „врагами Ислама" (т.-е. с англичанами). Англичане, побывавшие сейчас в Мекке, с грустью констатируют царящее там антибританское настроение. С тревогой ожидают они всеисламского конгресса, который намерен созвать в Мекке Ибн Сауд.

Мало того, в последние месяцы определенно намечается сближение арабов с турками. Повелитель Иемена, Яхья, об'явил себя верным другом Турции и выразил даже намерение послать депутатов в Ангорский Меджлис. Что касается до ваххабитов, то очень характерно, что к ним отправляется известный туркофил, влиятельный вождь—Сеннуси. С политической точки зрения, при наличии угрозы со стороны британского империализма, соглашение турок с ваххабитами является совершенно естественным.

Англичане в Аравии от попыток создания вассальной арабской империи принуждены вновь перейти к старой политике, одновременной ориентации на нескольких вождей и к натравливанию их друг на друга. Однако, этому может помешать намечающаяся консолидация арабских племен, происходящая совершенно иным путем нежели предполагали англичане.

II.

Второй жгучей проблемой Восточного Арабистана в течение последних лет является, несомненно, вопрос о Мосуле. Как теперь начинает выясняться, значение находящихся на этой территории нефтяных нахождений, повидимому, значительно преувеличивалось. После того, как были произведены более детальные изыскания, мы встречаем в английской прессе уже более скромные оценки и предположения. На одном из заседаний Парламента в 1923 году (20/II) Асквит заявил, что до сих пор было „много иллюзий относительно нефти". Возражая ему, член консервативного правительства Ормсби Гор вместе с тем заявил: „сомнительно, чтобы здесь было много нефти". Однако мосульский район имеет для Англии и помимо проблематической нефти огромное значение, как естественный центр путей, ведущих из Малой Азии в Месопотамию и Персию, и как стратегический заслон на северной границе Ирака. На Лозаннской Конференции, в виду непримиримых точек зрения англичан и турок, мосульский вопрос не мог быть разрешен; было постановлено, что „граница между Турцией и Ираком будет дружески определена" путем непосредственных переговоров между Турцией и Англией. В случае неуспеха переговоров весь вопрос переходил на окончательное разрешение Лиги Наций.

Летом 1924 г. в Константинополе открылась конференция по Мосульскому вопросу, сразу продемонстрировавшая невозможность согласовать британскую и турецкую точки зрения. Турки, рассчитывая, повидимому, на пасифизм и „анти-империализм" рабочего правительства, заняли в вопросе о „Смирне Востока" самую непримиримую пози-

цию. Они согласились отдать Ираку лишь несколько деревень к северу от Багдада. Что же касается до Мосульского вилайета, то, ссылаясь на географические определения Британской Энциклопедии и на статистику района (курды—58%, арабы—23%, турки—8%), они требовали включения его целиком в состав Турции.

Однако, к величайшему удивлению турок, делегация, посланная правительством Макдональда, заняла здесь совершенно неожиданную позицию. Председатель английской делегации, знаменитый Перси Кокс, не только категорически отказался эвакуировать Мосульскую область, но даже выставил притязания на смежные территории, входящие в санджак Хеккяри. Для того, чтобы понять получившуюся ситуацию, необходимо отметить, что для англичан Мосульский район имеет теперь как бы две северные границы. Одна—это та, на которую претендовали они в самом начале переговоров с Турцией. В последующее время английские оккупационные власти успели репатриировать несколько тысяч ассиро-халдеев, горцев-христиан, некогда проживавших в южной части Ванского вилайета, но затем бежавших оттуда в Месопотамию в результате мировой войны. Англичане еще во время войны цинично использовали последних для борьбы против турок, после же окончания ее они стремились сделать из беженцев-айсор военный заслон для защиты Мосульского района от турок. Неудивительно, что, заселив ими горную территорию, имеющую огромное стратегическое значение, английские власти в Ираке потребовали от правительства, чтобы первоначальные границы Мосульского района были расширены и включили бы в себя заселенный айсорами санджак Хеккяри.

Понятно, что Константинопольская конференция окончилась полным крахом, и возник вопрос о передаче конфликта на разрешение Лиги Наций. Пока происходили эти дипломатические проволочки, на северной границе Месопотамии сложилось чрезвычайно грозное положение вещей. Разобраться в событиях, происходящих в этих отдаленных горных районах, конечно, чрезвычайно трудно, если не вовсе невозможно. По одним сведениям, айсоры Хеккяри в сентябре подняли восстание, несомненно, спровоцированные англичанами и снабженные их оружием. По другим—губернатор (вали) Ванского вилайета решил покорить айсор и с этой целью вторгся в спорную зону, сжигая их деревни и заставляя их бежать на юг (в колич. 5.000 чел.). Англичане немедленно сконцентрировали войска, послали военные аэропланы и преградили путь туркам. Обстановка в Ираке сложилась настолько тревожная, что министр колоний Томас счел нужным заявить в парламенте: „не может быть и речи о состоянии войны в Ираке"—хотя тут же признался: „то,

что происходит, является военными передвижениями на Иракской границе, нарушающими status quo, признанный Англией и Турцией". Характерно, что, стремясь, очевидно, совершить coup de force в Мосульском районе, турки одновременно поддерживали восстание курдов в Сулеймание— в тылу у англичан, тем самым оттягивая их силы.

Помимо мер военной защиты, англичане направили турецкому правительству две ноты, обвиняя его в нарушении постановлений Лозаннской конференции. Вторая нота, носившая характер ультиматума, фиксировала срок очищения занятой турками территории. Турки сначала бурно протестовали против империалистических действий англичан, но потом принуждены были отступить и занять более примирительную позицию. Секрет этой политики нетрудно понять: как выяснилось, Англия еще в феврале 1923 года заручилась согласием Франции на полное содействие в случае вооруженного столкновения с турками в северном Ираке. Неудивительно, что в речи на открытии Меджлиса М. Кемаль избегал коснуться вопроса о Мосуле и ограничился лишь глухим упоминанием о „заслуженном наказании", постигшем „несториан нашего санджака Хеккяри".

После того как угроза военного столкновения была избегнута, мосульский вопрос поступил на рассмотрение совета Лиги Наций. Там было решено произвести эвакуацию спорной зоны к 15/XI и создать комиссию из 3-х членов, которая должна подробно изучить вопрос о турецко-иракской границе. Комиссии было поручено ознакомиться со всеми существующими документами и проектами, в случае необходимости произвести обследование на месте и не позже 5 месяцев сообщить все материалы и свое заключение Совету Лиги для окончательного решения.

Полная беспомощность европейской дипломатии решить вопрос о Мосуле ясно доказывает, что он является одним из источников грядущих кровавых столкновений на Ближнем Востоке. Недаром в разыгравшийся на границах Месопотамии конфликт уже сейчас втянуты пять народов, а именно: англичане, турки, курды, арабы и айсоры.

III.

Что касается до внутренней жизни арабских подмандатных территорий—Ирака и Палестины, то она характеризуется полной доминацией Англии. Правда, английская администрация очень ловко имитирует наличность конституционного режима, автономию местных властей и т. п., преследуя при этом не столько политические, сколько чисто финансовые соображения, так как английское общественное

мнение резко относится к режиму дорого стоющей военной оккупации.

27-го марта, после значительных затруднений (частичный бойкот выборов), в Багдаде открылось Иракское Учредительное Собрание. По своему составу оно, конечно, не имеет ничего общего даже с насквозь фальсифицированными европейскими парламентами. В условиях примитивной политической жизни Ирака, в депутаты попали исключительно шейхи племен и богатые горожане (нотабли). В Собрании все же наметилось существование двух партий или, вернее, политических направлений: либерального, стоящего за английский мандат, и националистического, высказывающегося за немедленное достижение полной независимости.

Действуя где подкупом, а где угрозами и прямым давлением, Англия, конечно, целиком подчинила себе этот парламент полуфеодальных вождей и богатых купцов. Это не мешает представителям британской власти, в роде Перси Кокса, с цинизмом, доходящим до грации, заявлять, что „английское владычество в Месопотамии—это фантом".

Основное требование, которое пред'являла Англия Иракскому Собранию, а именно: ратификация англо-иракского договора, было, как уже отмечалось, выполнено им. Сейчас правительство Файсала торгуется из-за деталей принятия его (напр., определяет число английских чиновников, срок их службы), вместе с тем оно беспрекословно принимает от англичан на государственное содержание бездоходную, дорого стоющую и часто скверно выстроенную сеть иракских железных дорог.

Сравнительно недавно Собрание выработало Органический закон, т.-е. конституцию Ирака. Она составлена на египетский образец, предусматривает две палаты: Нижнюю Палату и Сенат, ответственное министерство, свободу слова, собраний, союзов, печати и т. п. Нечего, конечно, и говорить, что—при наличии в Багдаде английского верховного комиссара—все эти гарантии имеют совершенно призрачный характер.

* * *

Гораздо больше затруднений приходится переживать англичанам в Палестине. Как известно, со времени окончания мировой войны они стремятся придать последней вид смешанного арабско-еврейского государства, контролируемого, в силу необходимости, Англией.

Что касается до евреев, то Англия имеет великолепное орудие в лице сионистской организации, которая за шесть лет британской оккупации дошла до последних граней

унижения, рабского прислужничества и политического падения.

Основной задачей английской администрации являлось все время „приручение“ арабов, путем создания среди них такой же законопослушной организации, какой является сионистская. Однако, здесь она потерпела полный крах. В течение 1923 года были сделаны три последовательные попытки в этом направлении, в виде—образования выборного Законодательного Совета, Совещательного Совета и, наконец, Арабского Агентства (Arab Agency), по функциям и компетенции точно соответствующего Еврейскому Агентству, т.-е. сионистской организации. Однако, арабы или бойкотировали или категорически отказывались принять какое-либо участие в этих выморочных политических организациях. Английская пресса разражалась истерическими воплями по поводу „упорства“ и „политической тупости арабов“, просто-напросто не желающих принимать „дары данайцев“ с берегов Темзы. В результате министр колоний принужден был с явным озлоблением заявить, что „правительство пришло к заключению о бесполезности дальнейших аналогичных попыток и решило впредь единолично управлять Палестиной“.

Больше всего озлобляет британскую администрацию то, что этой бойкотистской тактики придерживаются решительно все арабские политические круги, независимо от их политических убеждений. Не говоря уже о Мусульмано-христианской Ассоциации, даже недавно возникшая умеренная Арабо - Палестинская Национальная партия выставила следующую программу: Палестина должна остаться чисто арабской страной, свободной от всякого иностранного и сионистского контроля; декларация Бальфура, Палестинская конституция, Законодательный и Совещательный Советы, Арабское Агентство должны быть отвергнуты. Недаром лорд Сайденхем недавно сделал следующее откровенное признание: „арабы этой страны (т.-е. Палестины) скорее предпочтут вернуться под иго турок, нежели жить под сионистской администрацией“.

Что касается до сионистов, то английская администрация околпачивает их самым циничным образом, и, несмотря на это, они не могут или сознательно не желают взглянуть в глаза действительности. Лелеемый ими план создания еврейского государства не может осуществиться даже в отдаленном будущем уже хотя бы потому, что еврейская колонизация в Палестине носит попрежнему совершенно ничтожный характер: в 1922—7.844 чел., в 1923 г.—7.254 чел. Мало того, несчастные обманутые евреи-иммигранты, прибыв в „Обетованную землю“, попадают в такую жестокую эксплоатацию, одновременно сионистскую и английскую, что они

массами бегут обратно. В 1922 г. эмигрировало из Палестины 2.939 чел., а в 1923 г.—4.947; конечно, не все эмигрирующие—евреи, но последние все же здесь преобладают.

Не желая озлоблять арабов, англо-палестинская администрация, хотя во главе ее и стоит сиятельный еврей, лорд Самуэль, тщательно воздерживается от какой бы то ни было помощи материальной или административной сионистам. Все школьное образование, устройство эмигрантов, наконец, организация еврейских колоний (за последние три года около 30, всего же с прежними—83),—оплачивается щедротами американских евреев, поступающими в Palest. Foundation Fund. Британская администрация даже задержала проведение в жизнь коммунального закона, дающего евреям известную местную автономию, под тем предлогом, что правительство хочет его предварительно изучить.

Впрочем, даже имея материальные и административные возможности, сионисты не могут осуществлять своих планов из-за сопротивления арабов. В течение 1924 г. они, напр., произвели значительные закупки земли в долинах Эздрелона и Кишона, с санкции палестинской администрации, для устройства своих колоний. Эти приобретения вызвали целое организованное противодействие со стороны арабов-националистов. Исполнительный комитет последних направил официальный протест верховному комиссару и приступил к устройству 7-го арабского конгресса, специально для организации обще-арабского общества по скупке земель. В ожидании конгресса в стране вновь вспыхивают погромы: в окрестностях Афуле толпа местных арабов нападает на сионистскую колонию, устроенную на только что приобретенной земле, и устраивает форменное сражение с многочисленными жертвами.

Каково же отношение сионистских верхов к палестинской действительности? За немногими исключениями мы должны отметить здесь или преступное лицемерие или политическую глупость. 13-й сионистский конгресс в Карлсбаде ограничился выражением сентиментальной надежды, что „арабская нация, владеющая вне Палестины огромными территориями, где может осуществиться его национальное возрождение, лучше поймет возрождение еврейского народа, желанием которого является—жить в гармонии и братстве с арабами Палестины“... Если не знаешь, чему здесь более удивляться—лицемерию или глупости, то совершенно отталкивающее впечатление производит выступление сионистского фашиста Жаботинского, находящего выход для сионизма... в устройстве небольшой еврейской армии, под британским командованием для „защиты“ Палестины...

Лишь изредка раздаются более искренние и трезвые голоса. Так, напр., в Америке произвело сенсацию выступле-

ние известного еврейского писателя И. Зангвилля, доказывающего, что „политический сионизм—мертв". „Совершенно очевидно, что лишь минимум власти будет в распоряжении еврейского национального очага,—все же остальное будет обслуживать британские интересы. Последние же, как это теперь вскрыли многие писатели и политики, заключаются в создании государства-барьера для защиты Суэцкого канала".

Даже английская империалистическая пресса не желает более таить „секрета полишинеля": даже если в ближайшие годы количество евреев в Палестине значительно увеличится,—замечает „Near East",—все же совершенно очевидно, что „национальный очаг нужно понимать лишь как духовный очаг".

* * *

В отличие от частей Арабистана, находящихся под контролем или влиянием Англии, положение дел во французской Сирии в 1924 году было довольно спокойным. Единственной конфликтной зоной являлся, как и прежде, район Александретты, вошедший по франко-турецкому соглашению 1921 г. в состав Сирии. Ценя несравненные преимущества Александреттского порта, турки плохо мирятся с передачей его Франции, указывая, что он всегда будет „турецкой Эльзас-Лотарингией". Во время Лозаннской конференции турки, как известно, произвели даже концентрацию войск у сев. границы Сирии, вызвавшую резкие протесты и угрозы со стороны Франции. В последующее время почти не прекращаются нападения и налеты турецко-курдских отрядов на французские пограничные войска, а также инсуррекция турецкого населения Александреттского санджака, достигающего 87.000 чел. на 97.000 арабов. Французам тем более приходится быть на-чеку, что значительная часть нетурецкого населения Алеппской области, под влиянием чинимых ими насилий, настроена чрезвычайно туркофильски. Французская администрация почти беспрерывно раскрывает „заговоры", имеющие целью помочь турецкому вторжению в Северную Сирию.

Что касается до внутреннего управления Сирией, то здесь произошли крупные изменения. Две парламентские ревизии обнаружили необычайные злоупотребления, царящие в области снабжения войск, военно-инженерном ведомстве и т. п. В результате скандальных разоблачений „героя" Сирии ген. Гуро пришлось убрать, назначив на его место ген. Вейганда.

Политическая организация Сирии носит такой же фиктивно-автономный характер, как и в Ираке и Палестине.

Страна поделена на целых 6 отдельных „государств“ и областей. Три государства: Алеппо, Дамаск и Алавитское, составляют федерацию, имеющую общий федеральный совет и президента. Государство Великий Ливан управляется губернатором-французом и не входит в федерацию, так же как и государство Джебель Друз (с площадью в 9.700 кв. кил.), управляемое губернатором-туземцем при содействии французского резидента. Все местные власти и представительные собрания (функционирующие в нач. 1924 г.) имеют, конечно, совершенно призрачную самостоятельность. Решения их, смотря по важности, нуждаются в санкции верховного комиссара или его представителя или, наконец, финансового советника. Повсюду свирепетвует жестокая цензура, политический сыск и свирепая расправа со всеми недовольными элементами.

В последние месяцы, очевидно, решено несколько изменить политическую организацию Сирии в сторону еще большего раздробления и усиления партикуляристического духа, столь важного для французов. Алеппо и Дамаск предположено соединить в одно государство, наоборот, территорию алавитов решено выделить в качестве изолированной политической единицы на подобие Ливана.

Как мы видим, опасную идею федерации хоронят не только англичане в Аравии, но и французы в Сирии.

IV.

Только что бурно развернувшиеся операции английского империализма в Египте и Судане лишний раз доказывают значение Арабистана в мировой политике.

Отношения Англии к Египту настолько сложны, что мы ограничимся здесь лишь самыми беглыми замечаниями.

Декларация о независимости Египта, буквально вырванная у английского правительства в 1922 году (22/II), оставляла в стороне четыре проблемы (т. наз. four reserved subjects) для дальнейших переговоров, а именно: 1) вопрос о защите Египта против иностранного вмешательства, 2) статут иностранцев, 3) защита имперских путей (Суэц), 4) режим Судана. Совершенно ясно, что, пока оставались неурегулированными эти основные вопросы, в Египте и Судане продолжался режим военной оккупации, делающий совершенно призрачным „независимость“ страны. Естественно, что в течение последних трех лет египетские националисты упорно боролись за разрешение, т.-е. фактически за полную ликвидацию, этих четырех ограничительных пунктов, навязанных английским империализмом.

Две наиболее влиятельные партии: националисты и партия Заглула-Вафд—единодушно требовали немедленной

военной эвакуации Египта и Судана, уничтожения капитуляций и фактической независимости Египта. В сущности, те же требования входили в программу и третьей партии либералов, на которую обычно опираются англичане; разница между умеренными и экстремистами заключалась лишь в том, что первые проповедывали тактику соглашения с англичанами, взаимных уступок и вообще исключительно мирных методов борьбы. Борьба носила необычайно упорный характер; все время происходили террористические акты против видных английских чиновников и военных, уличные и студенческие волнения и т. д. Особого ожесточения борьба достигла, когда англичане принуждены были возвратить из ссылки лидера египетских националистов—Заглул-пашу (в к. 1923 г). и допустить выборы в первый египетский парламент. Выборы сопровождались ошеломляющей победой заглулистов, получивших 195 мандатов, в то время как все остальные партии выиграли лишь 17 мест. Благодаря прекрасной организации экстремистов, на выборах было совершенно элиминировано традиционное влияние земельных магнатов (принадлежавших, разумеется, к либеральной партии), а также религиозные антагонизмы, на что сильно рассчитывали англичане.

Состав парламента делал неизбежным столкновение между националистами и Англией. Действительно, даже ультра-реакционный, новоиспеченный „король" Египта, Фуад, в речи на открытии парламента (15/III) заявил, что „задача парламента должна состоять в том, чтобы добиться полной независимости Египта; правительство готово начать с Великобританией переговоры относительно осуществления всех национальных стремлений египтян, в том числе и присоединения Судана к Египту".

Приход в Англии к власти рабочей партии в сильнейшей степени усилил надежды египтян на достижение полной независимости. Типичный буржуазный националист, совершенно не разбирающийся в действительных тенденциях британского империализма, Заглул-паша пред'явил Макдональду (осенью 1924 г.) следующие требования: 1) удаление всех британских войск, а также финансовых и юридических советников, 2) отказ Англии от защиты иностранцев и национальных меньшинств и 3) отказ от претензий на защиту Суэцкого канала. Пред'являя эту чудовищно-наивную программу, Заглул заявил, что содержащиеся в ней требования являются прелиминарными для начала переговоров о Судане.

Ответ Макдональда легко можно предугадать; он просто прекратил всякие переговоры, заявив Заглулу, что политическая мысль Англии и Египта движется в совершенно „различных орбитах".

Логическим последствием всей этой политической агитации и дипломатической борьбы и явилось убийство (в к. 1924 г.) экстремистами суданского ген.-губернатора (сирдара) Ли Стэка и попытка восстания египетских войск в Судане.

В то же время эти события и последовавшая чисто террористическая расправа англичан необычайно ярко подчеркнули, что в центре англо-египетских отношений сейчас стоит вопрос о Судане.

Не останавливаясь на подробностях, укажу, что Судан — эта огромная страна, равная по площади Британской Индии, — имеет для английского империализма двоякое значение. С одной стороны, именно на территории Судана лежат все притоки Нила (Бахр-эль-Газаль, Голубой и Белый Нил); при том единственном в своем роде значении, которое имеют разливы Нила для египтян, владение Суданом означает поэтому абсолютное господство над Египтом. С другой стороны, наличие тех же огромных водных запасов позволяет почти в безграничных размерах развить хлопководство в Судане. Следующая табличка ярко иллюстрирует это растущее значение Судана и соседней Уганды для британского хлопководства.

	Уганда.	Судан.	Нигерия.	Во всех колониях; кроме Египта и Индии.
Сбор 1922 г. (в кипах)	40.000	24.300	13.500	102.400
„ 1923 г. „	85.000	28.000	18.900	178.100

Как мы видим, Судану и Уганде уже сейчас принадлежит 63% общей добычи хлопка [1]). Однако это количество хлопка будет удесятерено, когда англичане закончат устройство начатых ирригационных работ. Огромная строящаяся плотина на Голубом Ниле (у Маквара) даст возможность оросить 300.000 акров, если же англичане оросят равнину Джезире (Gezirah) между Голубым и Белым Нилом, то они сделают годной для обработки площадь в 10 милл. акров, из них 3 миллиона акров для хлопка.

Вполне понятно, что египтяне с паническим страхом относятся к этим проектам англичан, которые угрожают им сокращением подачи воды, а в лучшем случае—созданием на мировом хлопковом рынке нового мощного конкурента.

---

[1] „L'Europe Nouvelle". VII.1924.

Юридическое положение Судана является в достаточной степени расплывчатым. После завоевания страны (оконч. в 1898 г.) формально здесь был установлен англо-египетский кондоминиум. Фактически вся власть принадлежит, однако, английскому ген.-губернатору, египтяне же имеют здесь свои войска, свой флаг (на ряду с английским) и участвуют в финансировании страны (до 1913 г.). Совершенно ясно, что преобладающим членом кондоминиума (the predominent member) является Англия. Теперь мы понимаем ту страстность, с которой египетские националисты стремятся к действительному владению Суданом. С другой стороны, для нас совершенно ясно, что пока существует английский империализм он никогда без жестокой борьбы не отдаст этой территории. Еще в 1922 году Ллойд-Джордж многозначительно заявил: „Никогда правительство его величества не согласится на изменение положения этой страны, которое могло бы в малейшей степени грозить безопасности многих миллионов британских капиталов, вложенных с большой пользой на развитие Судана".

Все поползновения египтян в этом вопросе встречали жестокий отпор со стороны англичан. В 1923 г. они пытались включить в конституцию параграф о принадлежности Судана Египту: однако, лорд Алленби ультимативно потребовал удаления этого пункта, угрожая в противном случае об'явить об аннексии Судана.

События, происшедшие в Египте в конце ноября 1924 г. (упомянутое убийство ген. Ли Стэка), дали Англии удобный случай целиком ликвидировать конфликт из-за Судана. 23 ноября лорд Алленби направляет правительству Заглула две ноты, содержащие следующие основные ультимативные требования: 1) розыск и наказание виновников убийства, а также уплата возмещения в 500.000 ф. стерл.; 2) удаление из Судана всех чисто египетских частей (офицеров и солдат); 3) пресечение всякой оппозиции британским властям в вопросах, касающихся защиты иностранных интересов и 4) согласие на неограниченную ирригацию равнины Джезире.

Буржуазно-интеллигентская партия заглулистов, не имеющая никакой базы в народных массах, принуждена была отступить перед этим ударом бронированного кулака. Заглул ушел в отставку, обратившись к населению с призывом сохранять спокойствие и не прибегать к действиям, могущим ухудшить положение Египта. У власти очутился либерал-модерат Зивар-паша, полностью удовлетворивший все требования англичан, особенно после того, как войска Алленби захватили в виде залога Александрийскую таможню. После этого началась расправа с „мятежными элементами": ряд лиц, в том числе несколько депутатов—арестованы, парламент распущен, египетские отряды, после подавле-

ния военного восстания в Хартуме выведены из Судана и т. п. Слабая попытка египтян обратиться к Лиге Наций окончилась тем, что секретариат Лиги отказался даже принять их протест, указав, что он имеет „неофициальный характер". Лишь французская пресса самым недвусмысленным образом отметила, что английское правительство удачно использовало убийство суданского ген.-губернатора для того, чтобы разом ликвидировать все спорные вопросы, касающиеся Египта и Судана.

Египетские события ярко продемонстрировали внутреннюю слабость национального движения, поскольку оно носит чисто кружковый буржуазно-интеллигентский характер. Несомненно, мы имеем сейчас глубокий кризис национального движения, которое может приобрести новые силы, лишь усвоив широкую социальную программу.

V.

Жизнь новой Турции после ожесточенных боев—военных в Анатолии и дипломатических в Лозанне—с 1924 года вступила в более тихую фазу [1]). Международное положение ее за истекший год значительно усилилось: свидетельствует об этом как ратификация Лозаннского договора Англией и Францией, так и заключение ряда договоров, политических и коммерческих, с различными державами. Отношения между Англией и Турцией все еще продолжают оставаться натянутыми, главным образом, из-за вопроса о Мосуле. Вплоть до последнего времени очень напряженными оставались и отношения с Францией. Столкновения из-за железнодорожных концессий, отмена выгоднейшей французской монополии на табак (принадлежавшей о-ву Régie des Tabacs), наконец, закрытие французских религиозных школ—все это создавало чрезвычайно острые конфликты между Турцией и Францией. В последнее время мы видим, впрочем, тягу в сторону сближения с последней, очевидно в надежде получить от нее необходимые для восстановления народного хозяйства капиталы. „Особой заботой нового правительства является укрепление дружбы с Францией"—заявил недавно (30/XI—1924 г.) новый премьер Фетхи-бей.—„Правительство надеется, что все спорные вопросы между Турцией и Францией будут разрешены к обоюдному удовлетворению". Наконец, что касается отношений между Турцией и СССР, то они остаются в высшей степени дружественными, при чем основной проблемой этих отношений является заключение торгового договора.

---

[1]) Подробности см. в моей книге „Ближний Восток и державы". Изд. НАВ, М. 1924 г.

Наиболее крупным фактом внутренней жизни Турции является уничтожение Османского халифата (3/III—1924 г.). Этот акт логически вытекал из решения ВНСТ (1/XI—1922 г.). об уничтожении султаната, но принятие его задерживалось оппозицией консервативных и клерикальных элементов. Левому крылу националистов удалось все же преодолеть эту упорную оппозицию и осуществить уничтожение халифата, в течение 400 лет принадлежавшего династии Османа. Несомненно, что это решение ВНСТ продиктовано одновременно политическими и экономическими соображениями. Лишь уничтожение халифата, т.-е. полное отделение церкви от государства, дает возможность националистам произвести секуляризацию богатейших церковно-благотворительных (т. наз. вакуфных) земель, а также уничтожение духовной юрисдикции и из'ятие народного образования из рук духовенства.

Второй крупнейшей революционной мерой, но уже исключительно на экономическом фронте—явилось уничтожение архаического десятинного налога (ушра), задерживавшего (в особенности благодаря откупной системе взимания его) буквально все хозяйственное развитие Турции.

Убытки от отмены десятины правительство предполагает покрыть путем введения государственных монополий на табак (после уничтожения Régie), на спички и др.

Экономическое положение Турции продолжает оставаться очень тяжелым, вследствие разрушений, причиненных войной, обезлюденья страны и т. п. Сильно ухудшает хозяйственную разруху грубо шовинистическая политика молодой турецкой буржуазии: изгнание христиан—греков и армян, занимавшихся наиболее высокими сельскохозяйственными культурами, а также принудительный обмен греческого населения на турецкое. Полунищая Турция, конечно, совершенно неспособна надлежащим образом выполнить эту сложную и дорого стоющую операцию. Переселенцы, попадая в Анатолию, не находят почти никаких средств к существованию и обречены на голодно-бесприютное существование. Эта „операция", конечно, наносит сильнейший удар турецким финансам и усиливает экономический кризис. Что касается до иностранного капитала, то, лишившись прежних хищнических гарантий (по капитуляциям), он очень неохотно идет в Турцию. Недаром указанная правительственная декларация Фетхи бея обещает „добиться усиления притока иностранного капитала".

Внутренний экономический кризис находит свое отражение в политической жизни Турции.

Почти тотчас же после возобновления сессии Меджлиса (офиц. открытие—1/XI) произошел давно назревавший раскол в правительственной „народной партии". Группа депутатов

(18 чел.) отделилась от нее во главе с Реуф-беем и об'явила о создании новой „прогрессивно-республиканской партии". Программа ее отличается мало-оригинальным характером. Она требует введения всеобщего избирательного права, осуществления известной децентрализации, создания второй палаты и ограничения функций президента. При той чисто личной окраске, которую всегда получает политическая борьба в Турции, чрезвычайно характерным является последний пункт, в связи с обвинением М. Кемаля в том, что он возглавляет „олигархию", состоящую из его личных сторонников.

Правительственные круги обвиняют новую партию в клерикализме, монархизме; выход 18 членов из народной партии газеты прозвали „революцией генералов", желающих установить в Турции нечто в роде китайского дудзюната и т. п. Однако безостановочный рост партии, к которой примкнули такие видные деятели, как ген. Кязим Карабекир, Джевад-паша и др., заставил правительство прекратить угрозы и обвинения по адресу „диссидентов". Возможно, что именно в связи с новой политической ситуацией ушел в отставку слишком определенный „кемалист" — Исмет-паша, а сменивший его Фетхи-бей официально заявил, что он „будет уважать различные мнения, существующие в парламенте".

Несомненно, что установление в Турции двухпартийной системы будет способствовать кристаллизации политической борьбы, которая глухо ведется уже со времени окончания греческой интервенции.

Г. Сандомирский

Балканы в 1924 году

Вечно бурлящее море балканских раздоров, заслуженно доставивших Балканам ставшую уже банальной кличку „порохового погреба Европы“, в этом году меньше всего отличалось спокойствием. Правда, на протяжении 1924 года оно знало и ряд отливов, когда стихал интерес в Европе к балканским делам, но к концу 1924 года Балканы опять стали в центре всеобщего внимания. Однако, в основном группировка балканских государств осталась—по сравнению с 1923 годом—приблизительно той же. Есть резко заметные изменения только на поверхности, но попрежнему остаются неразрешенными все острые вопросы из того клубка взаимных раздоров, которые давно уже раз'едают Балканы. Зато 1924 год на Балканах отличается повышенным обострением гражданской войны внутри целого ряда государств. И если в 1923 году ареной наиболее обостренной внутренней вражды явилась Болгария, где эта борьба закончилась победой пребывающего до сих пор у власти фашистского кабинета Цанкова над земледельческим правительством Стамболийского,—то в этом году ее ареной стала Юго-Славия.

Правда, Видовданская конституция, которая должна была завершить собою предначертания Версальского и Сен-Жерменского договоров, никогда и никем, кроме самых ярых великосербов, не расценивалась, как прочное основание для существования „триединого“ сербо-хорвато-словенского государства. Диктатура белградских временщиков все время находилась под угрозой со стороны угнетенных народов, но только с организационным оформлением и необычайным усилением Х. Р. С. С. (Хорватска Республиканска Селяцка Странка) на авансцену политической жизни Юго-Славии появился такой фактор, который мог поспорить с великосербами по вопросу о государственном суверенитете. На долю Степана Радича выпала роль не только организатора широких крестьянских масс в Хорватии, но и руководство борьбой всех угнетенных народов Юго-Славии

против централистского белградского правительства. Совершенно неважно то обстоятельство, что признанные лидеры других национальных движений в Юго-Славии,—как, например, вождь словенцев—д-р Корошец, или боснякских мусульман—д-р Спахо и др., не только отделяются от Радича целым рядом теоретических разногласий; неважно, что верные чисто-балканским традициям, они ради временных практических успехов часто уходят от него, но важно то, что именно Радич, опираясь на силу двухмиллионного организованного хорватского крестьянства (при общей численности населения Хорватии в 4 миллиона), вольно или невольно—возглавляет оппозиционное движение против белградского двора.

В настоящее время Пашич и Радич—два полюса югославской политической жизни, два взаимно-исключающих фактора дальнейшего государственного развития Юго-Славии. Как тот, так и другой, при всем различии их устремлений, принадлежат к категории балканских политических деятелей, не только не чуждых, но и часто ставящих во главу угла всякие комбинации и компромиссы,—но их замыслы, национально-политические и социальные устремления взаимно уничтожают друг друга. Под знаком непримиримой борьбы между сербскими фашистами, по какому-то недоразумению продолжающих именоваться „радикалми“, и Х. Р. С. С. и прошел весь истекший год в Юго-Славии. В этом отношении конец года только обнажил еще более резкую непримиримость позиций радикалов и радичевцев. Всякие межеумочные комбинации и компромиссные соглашения, по большей части появлявшиеся на арену политической жизни Юго-Славии не без давления короля Александра, любящего кутаться в „нейтральную“ тогу короля-патриота, „болеющего нуждами своего отечества“,—все это было сметено вихрем обострившейся борьбы и дьявольской решимостью 85-летнего старца Пашича—после провала, уже испытанного им однажды в этом году,—не сдавать без отчаянного боя своих позиций.

1924 год начался для Пашича при самых неблагоприятных ауспициий. В области внешней политики оставляли желать много лучшего взаимоотношения Юго-Славии и Италии (вопрос о Фиуме). Усиливавшееся в стране брожение среди угнетенных меньшинств, необычайный рост хорватской партии Радича, угроза со стороны македонского движения, тогда еще не только не ликвидированного Цанковым, но при его содействии представлявшего для Юго-Славии сильнейшую опасность,—все это заставило Пашича и тогдашнего мининдела Нинчича найти более примирительные ноты в переговорах с Муссолини с тем, чтобы

ликвидировать опасность, по крайней мере, на итальянском фронте. Соглашение о Фиуме, состоявшееся в начале 1924 года, вызвало вначале огромное недовольство во всей стране, выразителем которого, в первую голову, явилась парламентская оппозиция. В своих резких нападках на правительство оппозиция изображала Фиумское соглашение как позорное отступление перед агрессивной политикой Муссолини, которому-де предоставляется теперь возможность осуществить свою давнишнюю угрозу—раздвинуть на север пределы нынешней Италии, в которых „задыхается" ее сорокамиллионное население. Она предсказывала, что за первым натиском Муссолини последуют и другие, что это—только „первая глыба, отколотая от Юго Славии" и т. д. Достаточно сказать, что ратификация этого соглашения была проведена большинством всего лишь в один голос (11 голосов из 21 в парламентской комиссии по иностранным делам). Однако, оппозиция в своей оценке оказалась не совсем правой Последующие события показали, что правительство Пашича—Нинчича выбрало для соглашения с Италией весьма подходящий момент, когда тяжелое внутреннее положение фашистского кабинета позволяло добиться от него максимальной уступчивости. Этим ударом Пашич, вместе с тем, развязал себе руки для борьбы с „внутренними" врагами, к которым белградские правители, в первую голову, причисляют хорватов и македонцев. Македонский же вопрос, в свою очередь, тесно связан с урегулированием взаимоотношений между Болгарией и Юго-Славией. К разрешению этих задач и были направлены все усилия правительства Пашича—Нинчича—Прибичевича (вождь „независимых демократов", отколовшийся от Давидовича и вступивший министром народного просвещения в кабинет Пашича).

Побег Степана Радича летом 1923 года за границу, вызванный опасением ареста за произнесенную им резкую речь 14 июля 1923 года, когда он, на 150 тысячном митинге в Загребе, предсказал близкое падение белградской Бастилии, и неугомимая пропаганда, которую его сторонники развили в Англии, Австрии, Америке и вообще за границей, окончательно превратили хорватский вопрос из чисто внутреннего юго-славского вопроса в проблему международного значения, как это в свое время случилось с македонским вопросом. В одной из своих последних статей Степан Радич весьма удачно характеризует непримиримость нынешних взаимоотношений между свободолюбивым хорватским народом и его белградскими угнетателями при помощи следующего сравнения:

„Каждому русскому политику отношение между сербами и хорватами будет весьма ясно, если он хорватов сравнит

с польскими революционерами, а сербов—с представителями русской официальной народности, русского самодержавия и православия. Разница только в том, что хорватское крестьянское движение, к счастью, далеко от всех аристократических и клерикальных затей польского дворянства, между тем как Сербия в своем балканском, византийско-турецком деспотизме хуже русского самодержавия времен Ивана Грозного".

Разумеется, эта аналогия требует дальнейшего развития. Не нужно упускать из виду того, что социальный элемент в программе и деятельности хорватской партии имеет глубокое значение. Если в области политической программа этой партии отличается большой расплывчатостью, если признанные вожди ее отличаются, как и все балканские деятели, борющиеся—в первую голову—против национального гнета, склонностью к различного рода компромиссам и слишком высоко ценят практический успех данного момента,—то резко очерченный социалистический характер ее земельной программы не оставляет никаких сомнений. Большое несходство между условиями борьбы польских революционеров при царизме и деятельностью хорватской партии заключается в том, что хорватская партия имеет возможность померяться своими силами в скупщине с белградскими централистами. То обстоятельство, что хорваты, не признавая видовданской конституции, бойкотировали парламентскую работу, и явилось одной из основных причин, в силу которых Пашич мог держаться у власти весной 1924 года. Соотношение сил в парламенте уже давно стало угрожающим для полуфашистского правительства Пашича—Прибичевича. Только благодаря тому обстоятельству, что партия Радича бойкотировала работу белградской скупщины, правительственная партия радикалов могла иметь некоторое, весьма незначительное большинство в парламенте. Между тем, борьба в стране обострилась до такой степени, что руководители хорватской партии решили на время отказаться от бойкота скупщины и использовать в целях борьбы все имевшиеся у нее легальные возможности. Как только партийными хорватскими верхами был отдан приказ о прекращении бойкота, правительство Пашича было охвачено паникой. Старым испытанным политиком Пашичем были пущены в ход всякие уловки, однако, не приведшие ни к каким утешительным результатам. Возвращение хорватских депутатов в скупщину имело катастрофические последствия для правительства радикалов. Пашичу пришлось подать в отставку,—хотя в своих прощальных речах неугомонный 85-летний старец не преминул в самых энергичных выражениях заявить, что он намерен в ближайшем времени вернуться к власти. После короткого периода

колебаний, неудачной попытки сформировать кабинет под председательством умеренного радикала Любы Иовановича и т. д., король Александр поручил образование кабинета левому демократу Давидовичу, сумевшему на время сгруппировать вокруг себя довольно пестрый блок из оппозиционных и национально-революционных партий Юго-Славии. Партия Радича—в результате долгих переговоров — примкнула к блоку Давидовича. Правительство „народного об'единения", вполне соответствовавшее модной тогда в Европе идее „левых блоков", возвестило грозную борьбу с белградской коррупцией и всем печальным наследием мрачного режима Пашича—Прибичевича. Одно время казалось, что при мощной поддержке хорватской партии правительство Давидовича приобретет известную устойчивость. Дальнейшие события не оправдали этих ожиданий. С одной стороны, блок „народного об'единения" раз'едался весьма глубокими разногласиями между отдельными партиями, входившими в него. С другой— фашистские силы и организации не дремали в стране. Их усилия были направлены на то, чтобы в глазах лояльных элементов всячески скомпрометировать Радича и представить его верным слугой русского коммунизма, готовым предать национальную безопасность страны и т. д. Усилия Пашича—Прибичевича, направленные на то, чтобы внушить Давидовичу недоверие к его попутчику, увенчались успехом. В первых числах ноября, после целого ряда новых проволочек и колебаний, жалкая марионетка, именуемая королем Александром, вновь поручила образование кабинета Пашичу—Прибичевичу.

Это событие явилось крупной неудачей для всех тех Маниловых, — из какого бы политического лагеря они ни исходили,—которые продолжали тешить себя всякими парламентскими иллюзиями и верили в то, что разрешение всех вопросов и противоречий во внутренней жизни Юго-Славии можно найти в стенах скупщины при помощи тех или иных хитроумных комбинаций. 7-го ноября с. г. блок „народного об'единения" вынужден был обратиться к населению Юго Славии со следующим воззванием:

„Правительство „народного об'единения", преследовавшее взяточничество и восстанавливавшее порядок, а также честное выполнение обязанностей перед народом, располагавшее в скупщине огромным большинством, принуждено было подать в отставку. Партии же вражды, взяточничества, насилия и беззакония, составлявшие меньшинство в скупщине, очутились у власти, и в данный момент для укрепления ее организуют и вооружают своих сторонников. Партии народного об'единения, обращаясь к народу, не боятся его приговора, будучи убежденными

в том, что народ верит им. Они уверены, что народ еще с большим единодушием будет защищать парламентаризм и охранять суверенитет народной воли. Партии народного об'единения с сожалением заявляют, что грубая сила не дала им возможности продолжить борьбу со взяточничеством до конца. Взяточники призваны к власти, и им поручено произвести выборы. Насилуя волю народов, они хотят добиться от него одобрения незаконным действием, чинимым ими над ним. Партии народного об'единения предоставляют народу сделать свой выбор со свободным сердцем: честность или взяточничество; братское соглашение или междоусобная вражда; конституция и парламентаризм или абсолютизм и насилие"! Заявление подписано Давидовичем (от левых демократов), Корошецем (от словенцев), доктором Спахо (вождь босняцких мусульман), Мачеком (вице-президент партии Радича) и Настасом Петровичем (вождь земледельцев, фракция к-х насчитывала в скупщине 9—10 членов).

Однако ни эти слова, ни какие-либо другие упреки не могли особенно воздействовать на таких людей, как Пашич и его сторонники. Он поспешно образовал кабинет, в который, за исключением двух „самостоятельных демократов"— Прибичевича и Гризогоно,—вошли только члены радикальной партии. Пашич как бы решил наверстать утраченное время и сделать все возможное, чтобы парализовать будущую избирательную победу своих политических противников. Фашистский террор, проводимый агентами Пашича, с особенной силой обрушился на Хорватию и другие территории, заселенные меньшинствами Юго-Славии. Мы знаем уже, что в порыве мести и своей решимости на этот раз итти до конца Пашич достиг уже крайних пределов реакции. Им не только об'явлены вне закона независимая рабочая (коммунистическая) партия Юго Славии, а также хорватская партия, но неожиданно арестованы и посажены в тюрьму все лидеры обеих крайних оппозиционных партий (арест Радича, Кошутича, Мачека и т. д.).

Исключительно-благоприятным фактором укрепления правительства Пашича в Юго-Славии явился наблюдаемый ныне полный разгром македонского освободительного движения, после которого ему не скоро оправиться.

Македонское движение в его нынешней форме существует с 1893 года, когда была учреждена „внутренняя македонская революционная организация" (ВМРО). С этого момента начинается упорная борьба македонских революционеров с их многочисленными врагами. Эта борьба знала ряд блестящих, героических страниц. Одно время она притягивала к себе лучшие революционные элементы не только

македонцев в Болгарии, но и иностранных революционеров, как это наблюдалось в Италии во времена Маццини и Гарибальди. На самом деле, международное положение македонского народа в настоящее время столь запутано и безнадежно, что выходом из него может явиться лишь революция. На этот путь и стали македонские революционеры в самом начале нынешнего века. В августе 1903 года вспыхнуло знаменитое Ильинденское (т.-е. в день св. Ильи) восстание—самое грозное из всех македонских выступлений против национального гнета. В тот момент это движение еще в некоторой степени подействовало на умы европейских дипломатов и открыло новую эру бесконечных международных конференций и совещаний дипломатов, однако, не давших никакого практического результата. В 1908—1909 г.г. на горизонте угнетенного македонского народа появилась некоторая радостная надежда. В Турции победила младотурецкая партия, и приход ее к власти приподнял настроение македонских боевиков. Но вскоре последовало ужасное разочарование. Национальный гнет над македонцами при младотурках нисколько не уменьшился. Между тем, внутренняя революционная организация македонцев не переставала действовать. Балканская война 1912 года, которую лидеры балканского союза повели под лозунгом освобождения Македонии, привели к Бухарестскому договору 1913 года, предусматривающему раздел македонских земель. Мирные договоры, подписанные уже после окончания мировой войны, лишь подтвердили этот раздел и отдали этот несчастный народ под иго еще худшего владычества - сербов и греков. Результаты греко-сербского владычества выразились в том, что все школы, лицеи, а также религиозно-церковные учреждения (часовни, монастыри и т. д.)—все это попало в руки сербов или греков. Лица, не угодные почему-либо, были изгнаны из страны без всякой надежды на возвращение. Достаточно отметить, что в настоящий момент в одних только Соединенных Штатах Америки находится до 400.000 македонских эмигрантов, между прочим, оказывающих сильную материальную поддержку движению.

За последние годы, однако, ко всем правительственным репрессиям прибавилось еще одно крупное бедствие, приведшее как раз в настоящий момент к полному разложению освободительного македонского движения, а именно, коренные разногласия внутри самого движения. Главнейшее из них сводилось к тому, что часть лидеров решила связать свою судьбу с реакционным болгарским правительством и попытаться, в союзе с ним и при его поддержке, отвоевать от Юго-Славии и Греции территории, заселенные македонцами. Это крыло македонского движения, известно

под именем автономистского, таким образом, сошло с пути истинно-революционного движения и вступило на путь так называемой „реальной дипломатии". Лидером этого крыла явился весьма популярный в Македонии вождь Тодор Александров. Не ограничиваясь реальной политикой внутри Болгарии, Тодор Александров вступил еще на путь сближения с великими державами, особенно заинтересованными в балканских делах. Еще до свержения земледельческого кабинета Стамболийского Тодор Александров скомпрометировал себя слишком интимными сношениями с английским империализмом. Чтобы убедиться в этом, достаточно было бы прочитать те панегирические статьи, которые были посвящены Тодору Александрову в начале этого года солиднейшим органом английских консерваторов — „Обсервер". Непримиримая борьба, существовавшая между автономистским крылом македонского движения и земледельческим правительством Стамболийского, которого Тодор Александров и его друзья обвиняли в постоянном заигрывании с Юго-Славией и готовности целиком выполнять ненавистные македонцам „мирные договоры", санкционировавшие бедственное положение македонского народа,—привела к тому, что 9-го июня прошлого года автономисты явились главной силой, определившей свержение Стамболийского и победу ныне находящегося у власти фашистского кабинета Цанкова. Тесную дружбу с Тодором Александровым Цанков сумел использовать в первый период своего правления для упрочения своего положения. Цанков, кроме того, смотрел сквозь пальцы на все эксцессы и террор, практиковавшиеся Александровым во всех тех городах и селах Болгарии, где население не хотело признавать его авторитета. Между тем, борьба между автономистами и федералистами типа Атанасова — Чаулева и др.—продолжала обостряться. Эта братоубийственная война в значительной мере ослабляла македонское движение и все больше и больше превращала его в об'ект различных комбинаций как для его непримиримых врагов, так и для тех, кто ради личных целей сумел прикинуться его другом. Но уже весной этого года политика Цанкова по отношению к македонцам перестала быть загадкой даже для самых наивных людей. Становилось все более и более очевидным, что и для Цанкова македонское движение является исключительно орудием проведения собственных планов, а именно—утверждения его господства. „Непримиримость" Цанкова по отношению к Юго-Славии стала тем временем все больше и больше бледнеть. Ударной задачей для фашистского кабинета Болгарии остается и до наших дней — жестокая расправа с земледельцами, коммунистами и всеми теми, кто может угрожать его спокойному существованию. На этой

почве у Цанкова гораздо больше точек соприкосновения с реакционным правительством Юго-Славии, чем с македонцами. Был момент весной этого года, когда предательское поведение Цанкова, ставшее уже совсем ясным для македонцев, явилось стимулом для примирения обоих враждующих флангов македонского движения. В номере 7—8 выходящего в Вене журнала „Fédération Balkanique" от 15-го ноября 1924 г., в статье Влахова, мы находим следующую характеристику эволюции Цанкова в македонском вопросе:

„В настоящее время Цанков и его министры не перестают заявлять, что они не только считают себя обязанными подчиняться договору в Нельи, но и всем остальным международным конвенциям, включая и пресловутое Нишское соглашение между Болгарией и Юго-Славией, которое в свое время ими же квалифицировалось, как измена. В общем, правительство Цанкова совершенно откровенно занимает позицию лакея перед соседними странами. Оно не постеснялось выплатить Юго-Славии 300 миллионов левов за реквизиции, сделанные во время войны, безмолвно приняло ряд других соглашений, навязанных Юго-Славией, и беспрестанно посылает туда, в Юго-Славию, своих эмиссаров, профессоров и т. д., в целях установления тесной дружбы с ней. Но у г-на Цанкова нехватает ни одного лишнего слова для того, чтобы потребовать улучшения режима в Македонии. Не трудно понять, что это правительство стремится к заключению соглашения с Юго-Славией, вся тяжесть которого ляжет на спину македонского народа".

Итак предательское поведение Цанкова послужило одно время делу сближения обоих флангов македонского движения, которого так страстно желали все истинные друзья македонского народа. 6 мая 1924 года—является одной из важнейших дат в истории македонского движения, с которой могла бы начаться новая эра его существования. Верховная тройка македонского движения, в которую вошли со стороны автономистов Тодор Александров и генерал Протогеров, а со стороны федералистов—известный македонский революционер Чаулев,—об'единилась на почве общего манифеста. Еще до издания этого манифеста 30 апреля 1924 года Александров, Протогеров и Чаулев подписали соглашение, имевшее целью об'единение македонского движения. В этом соглашении, между прочим, говорится: „Первым и прямым долгом каждого участника освободительного македонского движения должно явиться об'единение всех революционных сил Македонии в единый революционный македонский фронт, который должен послужить базой для образования единого революционного балканского фронта, направленного на решительную борьбу с аннексио-

нистской и империалистской политикой европейских держав на Балканах". Воззвание 6 мая лишь уточняет ряд практических мероприятий, которые должны быть проведены в жизнь для окончательного примирения федералистов и автономистов. Было постановлено об'явить взаимную „амнистию" и созвать об'единительный с'езд всех македонских бойцов, который должен был окончательно выпрямить об'единенный македонский фронт. Но вскоре выяснилось, что со стороны Протогерова и Тодора Александрова этот шаг был лишь военной хитростью, на самом деле, ни к чему их не обязывающей. Генерал Протогеров и прочие бывшие лидеры движения приложили все усилия к тому, чтобы аннулировать это соглашение. Что же касается Тодора Александрова, то он совершенно открыто отказался от всех обещаний, торжественно принятых им на себя.

Совершенно неважно, кто явился фактическим убийцей Тодора Александрова—ярые ли сторонники об'единения македонского движения, мстившие ему за отказ от собственных обещаний, или (что вероятнее всего) агенты Цанкова, не доверявшие его лойяльности,—но факт тот, что осенью этого года автономистское крыло македонского движения—после убийства Тодора Александрова—оказалось совершенно обезглавленным. Смерть Тодора Александрова вызвала немедленно, как этого и можно было ожидать, целый ряд ответных убийств, жертвами которых стали федералисты. Враги македонского движения с большим удовольствием наблюдали (и, по всей вероятности, своей помощью вдохновляли) взаимную вражду, обессиливавшую ненавистное им македонское движение. Что касается генерала Протогерова, то ему смерть Тодора Александрова как бы окончательно развязала руки. Этот ренегат македонского движения стал верным агентом Цанкова и, как сообщала недавно парижская газета „Матэн", в своем интервью заявил, что „македонская организация ныне не только не требует независимости Македонии, но даже готова отказаться от ее автономии в пределах Юго-Славии при условии, если населению будет предоставлено право преподавания на болгарском языке, а также религиозная служба на том же языке. Пределом же политических требований Протогерова является „участие местного населения в административном управлении".

Последним сильным ударом, нанесенным македонскому движению, явилось убийство старого заслуженного революционера—федералиста Чаулева в Италии, совершенное македонским автономистом.

Теперь уже с уверенностью можно сказать, что македонское движение не скоро оправится от на-

несенных ему ударов и на долгое время перестанет быть крупным фактором международной политики на Балканах. Устранение лидеров столь „беспокойного" движения, естественно, уменьшило препятствия к сближению между софийским и белградским правительствами.

Но было бы недальновидным полагать, что македонский вопрос является единственным препятствием для сербо-болгарского движения. Его, разумеется, нужно признать лишь главным препятствием, и только при условии его урегулирования можно рассчитывать на сближение между Болгарией и Сербией. Но помимо этого вопроса есть еще целый ряд необходимых условий, без которых соглашение немыслимо. Так как балканская дипломатия может быть „тайной" лишь в относительной степени, то болгарская и сербская печать уже давно разгласили тот базис для соглашения, который намечается дипломатами обеих стран. Требования Юго-Славии сводятся к тому, что Болгария должна: 1) отказаться от заинтересованности в македонском вопросе, 2) обещать поддержать сербские притязания на Салоники. Со своей стороны, Юго-Славское правительство обязуется поддержать притязания Болгарии на выход к Эгейскому морю, иными словами, – признать право Болгарии на район, находящийся между Адрианополем, Эносом, Дедеагачем, Кавалой, Сересом и Драмой, отказаться от поддержки эмиграции земледельческой партии, — во главе с Костой Тодоровым, обосновавшимся в Белграде, — а также поддержать требование Болгарии об увеличении численного состава ее армии.

Разумеется, „коммунистическая опасность", действительно возрастающая на Балканах, одновременно с ростом и оппозиционного настроения в буржуазных кругах обоих государств, побуждают реакционные правительства Болгарии и Юго-Славии искать путей к сближению.

Дела Цанкова внутри Болгарии обстоят вовсе не так блестяще, чтобы ему не нужно было заботиться об укреплении своего внутреннего положения союзом с другим реакционным правительством.

Дело в том, что, несмотря на 18-месячное пребывание у власти, Цанкову до сих пор не удалось подвести под свое правительство прочного базиса. Желание угодить Юго-Славии не могло не внести серьезного охлаждения между Цанковым и лидерами македонского движения, если не считать таких отщепенцев, как генерал Протогеров, которые способны лишь ускорить процесс разложения македонского движения. Так называемые „широкие социалисты", несмотря на ультра-предательский характер их деятельности, до сих

пор упорно уклоняются от санкционирования режима Цанкова своей морально-политической поддержкой. В ответах партийных лидеров на последнюю тронную речь царя проявилось более чем сдержанное отношение парламентских партий к правительству. На конгрессе „демократического сговора", имевшем место в последних числах октября истекшего года, проявились сильнейшие трения между входящими в состав демократического сговора партиями. Особенно ярко обнаружились эти трения при выборах в высший партийный совет и его центральное бюро. Каждая партия всякими правдами и неправдами стремилась захватить возможно больше мест в Совете и Бюро. Эти трения внутридемократического сговора перекинулись также и на взаимоотношения партий внутри Совета Министров. Оставшееся до сих пор вакантным место министра путей сообщения послужило яблоком раздора для партийных группировок, входящих в состав демократического сговора. В виду важного значения, которое это министерство имеет в жизни страны, его стремились занять представители военной лиги, народного сговора и демократов. Кризис разрешился таким образом, что пост министра путей сообщения занял бывший министр юстиции—демократ Маджаров, а его место—министр торговли „народный сговорист" Бабошевский. Место министра торговли занял „об'единист" Христов. Но это соглашение было достигнуто ценою горячих споров. Точно также результаты выборов в Центральное Бюро демократического сговора вызвало крайнее недовольство среди „народных сговористов", при чем союз молодежи этой партии официально заявил, что не признает этих выборов правильными. Правда, и в рядах оппозиционных партий не наблюдается единогласия. Так, широкие социалисты проявили не только отрицательное отношение к правительству, но и к оппозиционным буржуазным партиям. Весьма неудовлетворительны взаимоотношения между широкими социалистами и земледельческим союзом. Это—главная причина того, что в Болгарии весьма модная в наше время идея левого буржуазного блока не могла иметь успеха. Земледельческий союз целиком, включая и его правое крыло, занял также весьма резкую позицию в отношении к правительству, что, однако, не помешало ему отказаться и от единого фронта с коммунистами.

Но особенно красноречиво свидетельствуют о падении престижа цанковского правительства результаты последних выборов (частичных) в общинные советы многих городов и сел. Ни в одном из выборных пунктов демократический сговор не получил абсолютного большинства (если не считать города Габрона, где „сговористы" вместе с национал-либералами, демократами и радикалами образовали так назы-

ваемый „гражданский сговор"). Поданные за те или иные партии голоса распределились следующим образом:

За	демократический сговор	8.883 голоса
„	гражданский сговор	1.388 „
„	отколовшихся демократов и радик. .	3.433 „
„	широких социалистов	2.925 „
„	блок коммунистов и лев. земледельц.	2.228 „
„	правых земледельцев	719 „
„	коммунистов (выст. самост. в Рущуке)	483 „

Приведенные цифры усиленно комментировались иностранной прессой, как признак значительного падения популярности цанковского кабинета в стране.

Но наиболее тревожным фактором и доказательством ослабления правительства Цанкова является все ухудшающееся финансовое положение Болгарии, а также неимоверный рост дороговизны, чего не отрицают даже и правительственные органы. Когда в первых числах ноября открылось народное собрание, все буржуазные газеты (правительственные и оппозиционные) признали единодушно, что народному собранию придется заняться исключительно финансово-экономическими вопросами. Для облегчения перегруженного государственного бюджета правительство предполагает приступить к значительному сокращению штатов государственных служащих с тем, чтобы за счет сокращенных улучшить положение остающихся на службе. Мало того, с целью прекращения дальнейшего притока государственных служащих, намечено даже сокращение сети высших и средних учебных заведений.

Экономический кризис в стране значительно осложняется наплывом беженцев, который, по сведениям всех болгарских газет, должен в ближайшем времени еще усилиться. Уже теперь в Болгарии насчитывается около 500 тысяч беженцев. Ожидается новый приток беженцев из Румынии, с которой до сих пор не удалось урегулировать вопроса о правах болгарских эмигрантов в Добрудже. А другая волна беженцев идет из греческой Македонии.

Предпринятая правительством национализация крупных горнозаводских предприятий—в том числе и перникских копей—потерпела крах. Правительство вносит в народное собрание проект реорганизации управления копей в смысле расширения его автономии и привлечения частного капитала. Против этого проекта восстают широкие социалисты и парламентская фракция земледельческого союза. Эти же партии открыто упрекают правительство в том, что оно сознательно не ведет борьбы с растущей дороговизной, квартирным кризисом, спекуляцией и т. д.,

не желая нанести ущерб интересам крупной буржуазии, ставленником которой оно является.

В этих условиях Цанков и его мининдел Калфов сделали одновременно двойную попытку—сближения с Юго-Славией и Грецией.

Юго-Славия—Греция. В конце истекшего года не мало шуму наделало подписание в Женеве протокола представителями Болгарии и Греции по вопросу о взаимной защите национальных меньшинств в обеих странах. Несмотря на то, что подписанный протокол нуждается еще в ратификации парламентами обеих стран, самый факт подписания его, однако, имел немедленным последствием—разрыв греко-сербского союзного договора, заключенного 19-го мая 1913 г. По словам греческой газеты „Демократия" (орган республиканского блока) от 19-го ноября с. г., югославский посол в Афинах—Маркович вручил министру иностранных дел Греции—Руссосу меморандум об отказе Юго-Славии от упомянутого договора, при чем официальным основанием для такого решения юго-славского правительства послужили: 1) подписание Грецией в Женеве протокола о греко-болгарском соглашении по вопросу о меньшинствах, 2) согласие Греции на передачу Албании 14 спорных пограничных деревень, согласно постановления совета послов. Разумеется, для Юго-Славии этот инцидент послужил только формальным предлогом для отказа от договора. Пашич надеется, что ему удастся при помощи нового договора с Грецией урегулировать целый ряд вопросов, которые не могли быть разрешены до сих пор, вследствие прежнего договора. Требования, которые Юго-Славия намерена пред'явить Греции, сводятся к следующему: 1) Более благоприятное—в пользу Юго-Славии—толкование подписанной 10-го мая прошлого года конвенции о свободной зоне в Салониках; 2) Передача железной дороги Гевгели—Салоники Юго-Славии; 3) Предоставление юго-славским гражданам в греческой Македонии таких же прав, как и грекам. На этом Юго-Славия намерена настаивать особенно энергично теперь, после подписания греко-болгарского соглашения в Женеве; 4) Признание юго-славского подданства за 400-ми семействами, проживающими в Салониках. Характерно, что этот мелкий вопрос не может до сих пор разрешиться с 1913 года; 5) Признание прав Юго-Славии на имущество Афона.

Во всяком случае, женевский протокол сыграл весьма отрицательную для Греции роль в вопросе о греко-сербских отношениях. Юго-славская печать на протяжении двух—трех месяцев метала гром и молнии против Греции, нарушившей добрососедские отношения и т. д. На самом деле, вся эта шумиха, на три четверти инспирированная

белградским правительством, оказалась преждевременной. Греческая печать — отчасти по соображениям междупартийной борьбы, отчасти возмущенная фактическим преследованием — уже после подписания женевского протокола греков на болгарской территории — за последнее время предприняла яростную кампанию против ратификации женевского протокола. Сейчас (после поездки Цанкова в Белград) и в болгарской прессе значительно охладел интерес к этому соглашению. Можно не сомневаться, что правительство Михалакополуса, далеко не настолько прочное, чтобы позволять себе слишком смелые шаги, откажется от ратификации женевского протокола. Таким образом, традиция дружественного отношения Греции к Юго-Славии вряд ли подвергнется изменению в ближайшем будущем. Внешнее положение Греции, значительно ослабленное непрекращающимися внутренними раздорами и почти беспрерывными министерскими кризисами, к которым нужно присоединить тяжелое экономическое положение, вызываемое неурегулированностью таких сложных проблем, как реэмиграция (одного миллиона двухсот пятьдесят тысяч) беженцев, возвращаемых Турцией, подсказывает ей необходимость поддержания добрососедских отношений с Юго-Славией. Разумеется, как выразился несколько вульгарно один из видных политических деятелей Болгарии, „добрососедские“ отношения между Юго-Славией и Грецией весьма напоминают сердечный уход мужика за свиньей перед тем, как он собирается заколоть ее к празднику (намек на Салоники), тем не менее, при необходимости сделать выбор между окончательно утратившей престиж военной державы Болгарии и относительно мощной Юго-Славией у греков не может быть никаких сомнений. Им приходится, конечно, зорко наблюдать за всеми достаточно откровенными поползновениями Юго-Славии — расширить сферу своего влияния в Салониках, — ибо наиболее откровенные белградские политики и не скрывают своего „естественного“ тяготения к ним; но именно потому, что эти поползновения носят слишком откровенный характер, они не могут послужить препятствием для временного движения между обеими странами. Как и всякая балканская комбинация, греко-юго-славская комбинация не будет, разумеется, вечной, но в данный момент ей нельзя отказать в жизненности.

Последние события в Албании вновь привлекли внимание к этому небольшому — и на бумаге неизависимому ныне — государству, которому грозит превратиться в источник сложнейших раздоров не только на Балканах, но, может быть, в еще большей степени между рядом великих держав, заинтересованных в укреплении своего влияния в этой стране, — с одной стороны, являющейся удобным

наблюдательным пунктом, а, с другой, обладающей солидными запасами неразработанной нефти и других минеральных богатств. Последнее правительство, пришедшее к власти в 1924 году и возглавляемое премьером Фан-Ноли, как-будто бы должно было открыть новую эру в жизни Албании. Оно начало свою деятельность с изготовления проектов радикальных реформ в области земельной, судебной и т. д. Предполагалось, что внутренняя программа правительства Фан-Ноли сведется к ожесточенной борьбе с местными помещиками (бегами); с точки же зрения внешней политики, оно считалось италофильским, поскольку и в балканской, и в европейской прессе было распространено мнение, что Фан-Ноли пришел к власти при прямой поддержке Италии. Газеты придавали особое значение тому обстоятельству, что по возвращении из Женевы, куда Фан-Ноли ездил на сессию Лиги Наций, Муссолини и Фан-Ноли вели в Риме весьма дружественные и длительные беседы. Трудно решить, кто из обоих собеседников был на этот раз искреннее, но не прошло и месяца со времени их свидания, как в печати стали появляться сведения о том, что Ахмед Цогу, соперник Фан-Ноли, которого привыкли рассматривать, как ставленника сербов, организует при помощи Белграда восстание против Фан-Ноли. Последний, как видно, ничем не был так занят, как „официальными опровержениями" этих сведений,—между тем как вооруженные банды Ахмед Цогу, экипированные и снабженные всем необходимым на сербской территории, продвигались усиленным маршем к границам Албании. Эти систематические замалчивания и опровержения со стороны Фан-Нолли и привели к тому, что разыгравшиеся во второй половине декабря в Албании события для многих явились неожиданностью. Теперь уже ни для кого не секрет, что в инспирировании и организации похода против Фан-Нолли приняли участие—помимо Югославии,—еще заинтересованные империалистические круги Антанты. Господин Чемберлен, понимающий свои задачи британского министерства, как организацию реакционного анти-большевистского блока в различных углах Европы, несомненно достаточно учел сближение, происшедшее за последний год между Италией и Юго-Славией, чтобы, считаясь с их давними притязаниями на Албанию, использовать их в целях свержения Фан-Нолли и завершения, при помощи Ахмед Цогу и его наемников, албано-сербско-болгарского реакционного фронта. Но энергия господина Чемберлена, очевидно, не нашла себе достаточного выхода в албанском предприятии. Судя по последним сведениям, английская дипломатия развивает усиленную деятельность в Румынии, где авторитет Франции—после признания ею СССР—не мог не упасть в значительной степени.

Осеннее восстание в Южной Бессарабии придало—после некоторого затишья—новую остроту бессарабскому вопросу. И в то время, как СССР, твердо оставаясь на позиции, занятой его представителями в Вене, спокойно смотрит на будущее,—бессарабский вопрос окончательно лишил румынских бояр сна и аппетита за последнее время. Достаточно отметить, что он является самой яркой темой страстных дебатов в парламенте и поводом для ожесточеннейших нападок на либеральное правительство Братиану, которому приходится выдерживать тяжелый бой со все усиливающимся влиянием оппозиционных партий, особенно оппозиционной крестьянской партии. В одном из последних заседаний вождь крестьянской оппозиции—Лупу, которого правительство Братиану неудачно пыталось скомпрометировать обвинением в сношении с Крестьянским Интернационалом, потребовал отставки правительства именно потому, что оно оказалось неспособным урегулировать сношения с СССР. Ответом на этот вызов явилось недавнее интервью министра Дука, в котором последний заявил, что не только правительство Братиану, но и никакое другое правительство не сумеет уладить сношений с СССР до тех пор, пока правительство СССР будет оставаться на своей нынешней позиции в бессарабском вопросе. Тем не менее, в печать проникают усиленные слухи о том, что Братиану уйдет и уступит свое место лидеру народной партии, генералу Авереску, прославившемуся еще в 1907 году кровавым подавлением массовых крестьянских беспорядков в Румынии, а в 1918 году—тем, что он окружил здание „Сфатул Церия“ [1]) пулеметами и заставил депутатов в этой обстановке голосовать вопрос о присоединении Бессарабии к Румынии. (Как известно, и пулеметы Авереску не устрашили бессарабских депутатов, и, кроме пулеметов, пришлось еще прибегнуть к грубой фальсификации, для того чтобы заставить Бессарабию воссоединиться с „матерью Румынией“). Это тот самый генерал Авереску, который подписал с тов. Раковским 5-го марта 1918 года соглашение об эвакуации Бессарабии оккупационными румынскими войсками в месячный срок и затем самым циничным образом отказался от выполнения его. Если эти слухи верны, то можно только удивляться наивности румынского правительства, которое полагает, что прославленный подобными подвигами бравый генерал окажется более способным, чем либеральный делец Братиану, убедить СССР в законности бессарабского грабежа. Надо полагать, однако, что правящие сферы Румынии не обладают слишком большим выбором премьеров. Румынская пресса не скрывает также, что назначение виднейшего румынского дипломата

[1]) Так называлось бессарабское учредит. собрание в Кишиневе.

Диаманди на пост румынского посла в Париже вызвано надеждой на то, что Диаманди, считающийся специалистом по русскому вопросу (приблизительно такого же калибра, как Нуланс, Палеолог, Уркварт и Ко), „сумеет там договориться с русскими".

Бессарабский вопрос во второй половине прошлого года послужил также источником раздора между Румынией и Италией. Румынские дипломаты почему-то решили, что им очень легко будет добиться от такого изворотливого политика, как Муссолини, ратификации пресловутого „договора" о присоединении Бессарабии. Однако, к великому огорчению и даже негодованию правительственной румынской прессы, эти надежды до сих пор не сбылись. Напротив, бессарабский вопрос стал, предметом длительного торга между Румынией и Италией. В ответ на проникшие в балканскую печать в конце 1924 года слухи о предстоящем сербо-румыно-итальянском военном соглашении, румынская официальная и полу-официальная печать в один голос заявила, что предварительным условием осуществления такого военного союза должна явиться ратификация бессарабского протокола Италией. После этогозаявления слухи и разговоры о проектируемом союзе совершенно прекратились.

Следует отметить, что приведенный проект сербо-румыно-итальянского военного союза явился только одним из многочисленных вариантов различных дипломатических комбинаций на Балканах, слухами о которых была полна балканская печать до прихода к власти в Англии кабинета Болдуина—Чемберлэна. Именно в этом обстоятельстве—больше, чем в каком-либо другом—проявляется необычайное усиление английского влияния за счет французского в Европе вообще и на Балканах—в особенности. Стремительный натиск сэра Чемберлэна показывает, что английский империализм совершенно не желает терять понапрасну время, покуда правительство левого блока во Франции, находясь ежедневно „между жизнью и смертью", направляет все свои усилия на упрочение внутреннего положения. Особенно курьезно, что с приходом к власти Болдуина—Чемберлэна в балканской прессе заглохли многочисленные слухи о предстоявших образованиях на Балканах всяких „тройственных" и „четверных" союзов. Впечатление получается такое, точно в лице Чемберлэна на Балканах появился исполин „Всех Давишь" и заявил: „Отныне здесь всем распоряжаюсь я". Теперь уже очевидно, что ближайшим агентом по проведению английских планов на Балканах явился Цанков, недавно совершивший свое турнэ по Юго-Славии и Румынии. Намечающееся сближение Болгарии и Румынии, несомненно,

явится одним из ближайших результатов английской политики, употребляющей все усилия для усиления своего влияния в Румынии, где они, по последним сведениям, готовы взять на себя реорганизацию всего военного дела,— что, как известно, до сих пор считалось признанной монополией Франции во всех государствах Малой Антанты.

Но стремительный натиск Чемберлэна на Балканах показывает, что он намерен не только использовать временное ослабление французского влияния, но и спешит предотвратить ту опасность, которую для европейского империализма на Балканах несет наша пропаганда единой вольной федерации балканских государств. События 1924 года лишний раз показали, как ловко используются все нескончаемые раздоры между отдельными балканскими странами европейскими (в частности, английскими) империалистами для укрепления собственного влияния в них и овладения их естественными богатствами. Албанские события конца 1924 года—яркий пример того, как используются англо-итальянским империализмом хищнические притязания реакционных балканских кругов на суверенитет и территорию балканских соседей. Нельзя скрывать от себя всех трудностей, которые придется преодолеть пропаганде федеративного об'единения балканских государств и как велико будет противодействие заинтересованных в вечных балканских раздорах европейских империалистов,—но столь же ясно и неопровержимо, что вне этой формы междугосударственных отношений Балканы надолго останутся „пороховым погребом Европы".

М. Галкович

Китай в 1924 г.

I.

Внутренняя жизнь Китая в 1924 году была богата большими политическими событиями, которые отразились и на внешнем положении страны и на позиции держав, заинтересованных в судьбах Китая.

В Северном Китае в начале года мы видим внутренние раздоры среди так называемой чжилийской партии, потом обострение отношений между северными милитаристами и, в конце концов, вооруженный конфликт между ними, кончившийся почти полным поражением „непобедимого У-Пей-Фу“ и неожиданным переворотом, автором которого явился Фен-Ю-Сян. Во внешней политике даже Северное правительство дотоле, раболепно выполнявшее волю иностранных держав, в истекшем году ведет глухую борьбу с ним, как например, в вопросах: о признании СССР, о золотом франке, об очищении Вей-Хай-Вея и Кванчжуана.

В Южном Китае: борьба Сун-Ят-Сена с вооруженными кантонскими купцами, Шаминская стачка. Во внешней своей политике Южное правительство проводило открыто вполне самостоятельную линию. Оно настойчиво выдвигало требования о передаче ему части таможенных пошлин, которую державы не хотели давать; оно явно шло против держав и в первую голову против Англии, что особенно ярко проявилось во время Шаминской стачки и разгрома вооруженных купеческих отрядов, так называемых „бумажных тигров“.

По отношению ко всему Китаю в целом надо отметить попытку иностранной интервенции, возвращение Дуан-Ци-Джуя к власти и созыв Национального собрания.

События 1924 года всколыхнули широкую массу китайского населения. Проблемы национального об'единения Китая и национального освобождения его от опеки держав встали во весь рост.

II.

Напомним в основных чертах ход событий в Китае после революции 1911 г., свергшей маньчжурскую династию.

Сейчас же после революции, Нанкинский Совет, игравший роль предпарламента, назначил временным президентом Китая Сун-Ят-Сена. Собравшийся в 1912 году парламент избрал президентом генерала Юан-Ши-Кая—монархиста по убеждениям, присоединившегося к революции из тактических расчетов. Юан-Ши-Кай откровенно выступил против Республики с целью установить личную диктатуру. Он распустил парламент и собрал Государственный совет, провозгласивший его императором. Этим честолюбивым планам Юан-Ши-Кая положило конец начавшееся осенью 1915 года восстание в южных и юго-западных провинциях. Борьба с этим восстанием протекала весьма неудачно, а летом 1916 года Юан-Ши-Кай умер. Сейчас же после его смерти вице-президент Ли-Юан-Хун, человек республиканских убеждений—созвал распущенный Юан-Ши-Каем парламент (в августе 1916 года); в то же время им же была восстановлена конституция 1912 года. Во главе министерства в момент смерти Юан Ши-Кая стоял Дуан-Ци-Джуй [1]). Он некоторое время оставался у власти, но затем был смещен, т. к. выступил решительным сторонником войны с Германией, в то время как Ли-Юан-Хун был сторонником сохранения нейтралитета. В результате его смещения произошло восстание дудзюнов. Чжан-Сун, дудзюн провинции Киянг-Су, взял на себя поручение подавить восстание под условием роспуска парламента. Парламент был действительно распущен декретом президента от 12 июня 1917 года, но вместо помощи президенту генерал Чжан-Сун произвел 2 июля 1917 года переворот в пользу маньчжурской династии. Президент должен был бежать из Пекина и искать поддержки у того же Дуан-Ци-Джуя, располагавшего значительными вооруженными силами. Дуан-Ци-Джуй был снова назначен премьером и занял Пекин. Цжан-Сун спрятался в Датской миссии. Вследствие отказа Ли-Юан-Хуна от президентства, его место занял Фен-Го-Цжан. Новый парламент,

---

[1]) Дуан-Ци-Джуй воспитанник пеянгской военной академии. Главный помощник Юан-Ши-Кая в бытность последнего вице-королем Чжили. В 1906 году—бригадный генерал. В декабре 1909 года—командир шестой дивизии. После назначения Юан-Ши-Кая премьером в 1911 году был назначен вице-королем одной из провинций. Во время революции 1911 года был командиром 1-й армии и стоял на стороне Республики. При формировании первого кабинета Республики был назначен военным министром. В 1915 году получил чин фельдмаршала. Неоднократно занимал пост премьер-министра (с 1911 г. по 1913 г. и с 1916 г. по 1918 г.); в августе 1920 г. ушел в отставку в виду нанесенного ему поражения коалицией Чжан-Цзо-Лина и Цао-Куна. С конца 1920 г. по октябрь 1924 г. был не у дел и жил в Тянь-Тзине. Лидер японофильского клуба Ань-Фу.

собранный Дуан-Ци-Джуем (выборы происходили в феврале 1918 г.) известен под названием *дудзюнского*. Он избрал президентом Су-Чи-Чжана и санкционировал войну с Германией. Все эти события и сменявшие друг-друга перевороты достаточно ясно показывают слабость демократических элементов в Китае и преобладающее влияние военных клик. В Южном Китае демократическое движение было более сильно. Естественно, что он стал центром оппозиции против милитаристов. Старый парламент, в котором большинство было против участия Китая в войне, заявил протест против действий дудзюнского парламента и собрался в Кантоне, где 18 мая 1918 г. избрал свое правительство. С тех пор в Китае появились два парламента и два правительства; члены парламента, заседавшие в Кантоне, известны под именем конституционалистов. В их программу входило восстановление конституции 1912 года, вторично лишенной силы Чжан-Суном. Одним из членов Южного правительства был Сун-Ят-Сен [1]).

В результате существования двух парламентов—пекинского и кантонского—возникла гражданская война между Севером и Югом. Кантонское правительство поддерживалось провинциями; Гуандун, Кванси и Юнань. Состоявшаяся в 1919 году в Шанхае мирная конференция борющиеся стороны к примирению не привела. В 1920 г. северные войска под командой генерала Лу-Юн-Тзина захватили Кантон, а парламент бежал в провинцию Юнань. Но через некоторое время Кантон был занят членом партии Гоминдана, генералом Чен-Чун-Мином, и парламент имел возможность вместе с правительством вернуться в Кантон. В апреле 1921 года Кантонским парламентом Сун-Ят-Сен был избран президентом Китая.

---

1) Сун-Ят-Сен родился в 1866 г. По происхождению—сын фермера. Учился в английской школе и у доктора Кера из американской миссии. Учился в медицинской школе в Гон-Конге, которую кончил в 1892 г. Для практических работ по специальности уехал в Макао. Здесь он организовал юно-китайскую партию. После неудавшегося конспиративного заговора в Кантоне в 1895 г., имевшего целью свержение монархии, уехал обратно в Макао, Через некоторое время совершил свое первое путешествие в Гон-Конг, Японию и Америку и по пути организовывал секции юно-китайской партии среди китайских эмигрантов. Приехал в Англию в 1896 г. и 11 октября того же года был выдан китайскому правительству. Был освобожден в виду наступления периода реформ и снова отправился путешествовать. Побывал в Европе, Америке, на Востоке. Жил в Японии. Во время Учанских событий 1911 г. (начало революции в Китае) находился в Англии и прибыл оттуда в Китай к концу 1911 г. Был избран временным президентом Китая. Отказался от президентства в пользу Юан-Ши-Кая. 10/IX 1912 г. был назначен председателем комиссии по составлению плана железнодорожного строительства. В комиссии столкнулся с беззастенчивым хозяйничаньем иностранцев. К 1912 г. юно-китайская партия реорганизовалась в партию Гоминдан. После захвата власти Дуан-Ци-Джуем в 1918 г., Сун-Ят-Сен становится во главе движения, известного под именем конституционализма. С мая 1918 г.—глава южного правительства и с тех пор ведет борьбу с милитаристами Севера.

Со времени неудавшегося переворота в пользу манчжурской династии во главе Северного Китая стоял Дуан-Ци-Джуй, являющийся лидером клуба Аньфу. Он усиленно субсидировался японцами, которые в эти годы—конец 1917 г., начало 1920 г.—чувствовали себя чуть ли не единственными господами Китая. В конце апреля и в мае 1920 г. возрастает недовольство влиянием Японии, и по Китаю прокатывается волна студенческих демонстраций. Недовольство общественного мнения Китая использовали два сверх-дудзюна: Цао-Кун и Чжан-Цзо-Лин, находившиеся когда то вместе с Дуан-Ци-Джуем в одной военной партии (лидером которой был Юан-Ши-Кай) и которые теперь выступили против вчерашнего союзника. Их недовольство проистекало из того, что фактически вся власть сосредоточилась в руках Дуан-Ци-Джуя и клуба Аньфу. Конфликт разыгрался на почве назначения генеральным инспектором армии лица, неугодного обоим сверх-дудзюнам. К этому присоединился инцидент с генералом У-Пей-Фу, который самовольно возвратился со своей дивизией в Чжили из провинции Хунань, куда он был направлен для борьбы с Югом. Премьер лишил У-Пей-Фу и обоих сверх-дудзюнов занимаемых ими должностей, но это было его последним правительственным актом. Два союзника Чжан и Цао двинулись на Пекин и заняли его. Дуан-Ци-Джуй скрылся в японском посольстве. Дудзюнский парламент был распущен. Были назначены новые общие выборы. Через некоторое время для всех стало ясно, что действительным победителем явился Чжан-Цзо-Лин [1]), который назначал министров и, поддерживаемый Японией, забрал фактически в свои руки всю власть. Естественно, что, в конце концов против Чжан-Цзо-Лина выступила другая часть милитаристов, известная под именем чжилийской партии и возглавляемая недавними соратниками „манчжурского короля“— Цао-Куном и У-Пей-Фу. После того, как в декабре 1921 г. Чжан-Цзо-Лин поставил во главе правительства известного финансового деятеля Лиан-Ши-Хи, связанного с цезаристским движением в пользу Юан-Ши-Кая и клубом Аньфу,

---

[1]) Чжан-Цзо-Лин. Пятидесяти лет от роду. Образования не имеет. Во время русско-японской войны был на стороне Японии в качестве начальника отряда хунхузов. После войны по настоянию японского правительства Чжан-Цзо-Лин и его хунхузы были взяты на службу китайским правительством. Через некоторое время он был назначен командиром 27 армейской дивизии. В 1911 г. был назначен военным губернатором в провинции Фен-Тинь. В 1918 г. премьером Дуан-Ци-Джуем был назначен генерал-инспектором трех манчжурских провинций. Выступил против Аньфу в 1920 г. Фактический диктатор Китая с 1921 г. до мая 1922 г. Побежден чжилийской партией и был лишен всех своих чинов. Поражение его было неокончательное, и он последние годы, укрепившись в Манчжурии, использовал для собирания сил и средств против Чжили.

чжилийская партия решилась на открытое выступление. У-Пей-Фу встал во главе войск Чжили и осенью 1922 года у Шанхай-Гуана разбил Чжан-Цзо-Лина. Эта победа не была окончательной, т. к. три манчжурских провинции остались за Чжаном. Однако, для господства Чжили, тем более для военного об'единения Китая, необходима была окончательная победа над Чжаном. После победы чжилийской партии президент Су-Чи-Чжан был фактически смещен, хотя формально он не подал в отставку. Пост президента вновь занял старый деятель республики Ли-Юан-Хун. Одновременно с победой У-Пей-Фу на Севере, Сун-Ят-Сен должен был, вследствие измены генерала Чен-Чун-Мина, который, опираясь на свои войска захватил власть в Кантоне, покинуть последний и переехать в Шанхай. Президентом Ли-Юан-Хуном в августе 1922 г. снова был собран старый распущенный еще Дуан-Ци-Джуем парламент. Фактически же вся власть сосредоточилась в руках чжилийской партии.

Чжилийская партия (названная по имени провинции Чжили) имела осенью 1922 г. три вполне сложившиеся группировки: баотинфусскую или пекинскую, тянь-тзинскую и ляонскую. Во главе пекинской группировки стояли выскочки, вроде секретаря Цао-Куна—Ван-Ю-Чина и безграмотного камердинера того же Цао-Куна—Ли-Ян-Цзина. Однако, эти люди имели за своей спиной видных представителей китайской плутократии; так, Ли-Ян-Цзин был связан с Чжен-Чжи-Таном—бывшим министром, а Чжен—с финансистом Паньфу, который имеет огромные предприятия в Шандуне. Тян-тзинская группа имела своими главарями Цао-Джуя, брата Цао-Куна, председателя парламента У-Цзин-Ляна и маршала Ван-Чен-Бина. Характерной особенностью этой группировки является ее соглашательский характер и стремление балансировать между всеми прочими кликами. Так, в дни власти Дуан-Ци-Джуя тян-тзинцы старались войти с ним в соглашение. Во главе третьей группировки стоит У-Пей-Фу. Она получила название ляонской по имени местности, где находилась ставка У-Пей-Фу. Победитель Чжан-Цзо-Лина генерал У-Пей-Фу [1]) естественно явился центральной фигурой в Северном Китае. Ему было вверено общее командование северными армиями, но У-Пей-Фу, прекрасно понимая значение пословицы: „лучше синица в руки, чем журавль в небе“, не отказался

---

1) У-Пей-Фу родился в 1873 г. Воспитанник кайпингской военной академии. В 1898 г. командир военной школы, директором которой был Дуан-Ци-Чжуй. Во время революции был на стороне Республики. В начале 1916 г. отличился в гражданской войне и был назначен бригадным генералом 3 дивизии. После получения Цао-Куном генерал-губернаторства в Чжили, У-Пей-Фу был назначен командиром 3 дивизии. Участвовал в свержении генерала Чжан-Суна в 1917 г., после чего его дивизии была поручена задача взятия городов

от фактического командования своей третьей дивизией. Он сохранял, таким образом, реальную силу в своих руках, что особенно важно в китайских условиях. У-Пей-Фу сейчас же после победы организует вполне послушное ему правительство во главе с генералом Чжан-Шао-Тзеном. В начале своей работы последний старался опереться на парламент и работал в согласии с президентом Ли-Юан-Хуном. Но через некоторое время он принял участие в интригах против Ли-Юан-Хуна и в борьбе за пост президента, которого одинаково добивались вожди чжилийских группировок: Цао-Кун открыто, а У-Пей-Фу втайне. Парламент был совершенно бессилен перед лицом борющихся военных клик. Он попытался устранить Чжан-Шао-Тзена и выдвинул ответственное перед ним министерство, во главе с Ли-Кен-Юаном (июнь 1923 г.). Особым декретом новый премьер об'явил дудзюнат распущенным, подчинил всех генералов единому контрольному командованию, но так как он не имел за собой никакой реальной силы и даже часть парламентского большинства успела перейти за это время на сторону Цао-Куна, Ли-Кен-Юану не оставалось ничего другого, как бежать из Пекина. По дороге он угодил в тюрьму к чжилийскому губернатору. Вслед за бегством Ли-Кен-Юана часть членов „вечного парламента" (он не переизбирался с 1912 г.) также начала раз'езжаться. В этот момент инициатива переходит исключительно к пекинской и тянь-тзинской кликам. Оставшиеся члены парламента собираются под председательством У-Цзин-Ляна и первым делом санкционируют смещение неугодного чжилийской партии президента Ли-Юан-Хуна, проведя этот вопрос даже без формальной баллотировки. Чжан-Шао-Тзен снова приступил к исполнению своих обязанностей, но фактически министерство превратилось в фикцию, и вся власть оказалась в руках Гао-Лин-Вея (одного из лидеров пекинской клики). Это было то, чего как раз и добивалась пекинская группа, которой нужно было посадить Цао-Куна во что бы то ни стало на президентское кресло и за его спиной управлять Китаем. После смещения Ли-Юан-Хуна, президентское кресло стало свободно. Голосование в пользу Цао-Куна было организовано самым простым образом при помощи подкупа; часть оставшихся членов парламента получила по пять тысяч долларов, а особенно

Ю-Чуо и Чанша. Весной 1918 г эти два города были взяты. Летом 1920 г. самовольно с дивизией возвратился в Чжили. Последнее это было опротестовано Дуан-Ци-Джуем. Возник конфликт, который был ликвидирован падением аньфуистского правительства. В 1921 г. назначен генерал-инспектором провинций Хубей и Хунана, а 12 июля 1924 г. военным министром. Последнюю должность он не принял. 1 января 1923 года был назначен фельдмаршалом. После того, как Цао-Кун стал президентом, У-Пей-Фу был назначен ген. инспектором 3-х провинций, ранее бывших в ведении Цао-Куна.

влиятельные и необходимые члены по 10 тысяч долларов. 5 октября Цао-Кун был избран президентом [1]).

13 того же месяца он был признан дипкорпусом. Не вся чжилийская партия, однако, относилась сочувственно к избранию Цао-Куна. В частности У-Пей-Фу был против этого избрания, т. к. он сам метил на этот пост. Поэтому сейчас же после выборов он пытается запугать своих соратников по чжилийской партии сделав дружественное предложение аньфуистам Дуан Ци-Джую и генералу Лу-Юн-Сяну (дудзюну провинции Чже-Цзян). Но эти маневры У Пей-Фу не достигли цели, противники чжилийской партии не поверили его предложениям и вместо ответа ему созвали в декабре 1923 г. конференцию в Мукдене с целью выработать план борьбы с Чжили. На этой конференции присутствовали представители Чжан-Цзо-Лина, Лу-Юн-Сяна, провинции Гуй-Чжоу и Шень-Си. В это же время началась приготовления к военным действиям между Чжили и Мукденом и передвижения войск на границах провинции Чже-Тзянь (генерал-губернатор Лу-Юн-Сян) и Киянг-Су (генерал-губернатор Чи-Си-Юан). На юге в декабре 1923 г. и в январре 1924 года У-Пей-Фу продолжает вести борьбу с провинциями Сычуань, Гуандун и Фудзян. Между генералами чжилийской партии к этому времени замечается разнобой по вопросу о методах об'единения Китая. В то время как У-Пей-Фу упорно проводил свою идею об'единения Китая вооруженным путем, другие видные чжилийские генералы—Фен-Ю-Сян и Чи-Си-Юан—стояли за созыв общевоенной китайской конференции, которая должна была привести к единству армии, а вместе с армией и единству Китая.

Для понимания всех изложенных выше событий надо иметь в виду, что группировки борющихся за власть в Китае за исключением Гоминдана, совершенно непохожи на европейские политические партии. Трудно назвать такие группировки, как чжилийская, мукденская и аньфуистская, партиями в полном смысле этого слова. Это были и есть раньше всего чисто личные и территориальные группировки, почти всегда совпадавшие с резиденцией того или иного дудзюна. Все они вместе имеют общее происхождение от единой

---

[1]) Цао-Кун родился в 1862 г. Воспитанник пеянгской академии. На военной службе состоит еще со времени японо-китайской войны 1894 г. Один из организаторов китайской армии по европейскому образцу. После 1911 года командир третьей дивизии. В 1917 году назначен дудзюном Чжилийской провинции. В июне 1918 года назначен генерал-инспектором Сичуана, Гуан-Дуна, Хонана. Во время войны с югом в 1918 году был назначен главнокомандующим. В 1920 году выступил против Ань-Фу, а летом 1922 г. против Чжан-Цзо-Лина. С октября 1923 года по октябрь 1924 года—президент Китайской Республики.

когда-то милитаристской партии Юан-Ши-Кая. Каждая из этих групп в свою очередь делится на ряд клик, но отнюдь не фракций, ибо их разделяют не какие-либо политические и программные вопросы, но исключительно вопросы о том, кому персонально будет принадлежать власть. Каждая из этих групп поочередно побывала у власти. В 1918 по 1920 г.—аньфуисты, с 1920 по лето 1922 г.—мукденцы и с осени 1922 г. по осень 1924 г.—чжилийцы. При этом всякий раз победившая группа немедленно раскалывалась на несколько клик, и внутренняя борьба ослабляла ее и мешала окончательной победе над противниками.

Газета „Дзинь-Бао", защищающая идеи национального об'единения Китая, охарактеризовала это положение вещей следующим образом: „политическая жизнь за последние годы"—пишет вышеназванная газета в одном из своих февральских номеров 1924 г.,—„сводилась к борьбе нескольких малообразованных людей, которым нет никакого дела до страны и правительства; каждый из них содержит солдат и опирается только на вооруженную силу. Каждый желает быть президентом, но как только он попадает на президентский престол, все его близкие люди оказываются, если не врагами, то во всяком случае не сторонниками". Каждая из группировок, оказавшись у власти в Пекине, стремилась тем или иным способом достичь об'единения с югом. Южное правительство, существовавшее самостоятельно с 1918 г. возглавлялось народной революционной партией Гоминдан. Партия Гоминдан и по своему характеру и по своей программе являлась полной противоположностью военным кликам Севера. Она более напоминала собою политическую партию, ее лозунгом было—авторитетное центральное правительство при автономии провинции и ряд социальных реформ. Гоминдан является выразителем национально-революционных настроений рабочих, ремесленников, интеллигенции и части буржуазии. *Этой пестротой социального состава Гоминдана об'ясняется то обстоятельство, что он не представлял собой единого крепкого целого* и имел в 1924 г. в своих рядах группировки универсалистскую-марксистскую, чиновничью и коммунистическую. Самой многочисленной группой в Гоминдане является универсалистско-марксистская группа, руководимая самим Сун-Ят-Сеном. Несмотря на то, что внешняя цель политики У-Пей-Фу и Гоминдана была одна и та же, ибо они стремились к об'единению Китая, различие тактики и различие социальной базы, а именно: преобладание демократических элементов в Гоминдане делало их врагами. Отсюда понятно, почему в борьбе против У-Пей-Фу правые элементы в виде Чжан-Цзо-Лина. Дуан-Ци-Джуя заключали тактический блок ради свержения чжилийской партии с Гоминданом.

Только совсем недавно на почве капиталистического развития, которое Китай проделывает, как и другие колониальные и полуколониальные страны, там начинается образование чисто классовых организаций. Хотя индустриализация Китая во время и после войны пошла особенно быстро, хотя китайская буржуазия уже настолько окрепла, что в течение последних лет без помощи иностранцев, сама дает займы своему правительству, все же она недостаточно сильна, чтобы овладеть политической властью. Крестьянство, составляющее 80% населения Китая, работающее на маленьких кусочках земли, выбрасывающее постоянно кадр ищущих работу людей, готовое служить в войсках тому, кто им заплатит (владельцев от одного до пятидесяти му [1]) в Китае насчитывается 35.218.267, а владельцев выше 50 му только 6.415.501 [2]). Сравнительно слабое развитие железнодорожной сети, крайняя забитость населения, оставшаяся и после свержения маньчжурской династии—вот те причины, которые тормозят политическую централизацию Китая и способствовали укреплению дудзюната—этого явного пережитка феодализма. Несколько раз повторявшаяся формальная отмена дудзюната не имела никаких реальных последствий. Каждый дудзюн является полновластным господином своей провинции, имея собственную армию фактически подчиняющуюся ему и только формально подчиненную правительству. Чем значительнее провинция, а некоторые из них имеют тридцатимиллионное население, — тем богаче дудзюн и тем независимее он себя чувствует, а если вдобавок он может хотя бы несколько сростись с интересами местных капиталистических кругов, как, напр., Чжан-Цзо-Лин в Манчжурии, он тем самым окончательно делается полным хозяином своей провинции или своих провинций. Само-собой ясно, что дудзюнат должен был являться противником всякого сильного и централизованного правительства. Дудзюны были одинаково враждебны, как к Ляояну, так и к Кантону—этим двум центрам национального об'единения Китая. Основателем современной системы дудзюната является упоминавшийся уже нами выше Юан-Ши-Кай, который был первым организатором китайской армии по европейскому образцу. Переведенный из Шандуна, где он начал работать по формированию армии на должность генерал-губернатора Чжили, он вместе с собою перевел и сформированную им армию. Этим актом он положил начало самочинным переводам из провинции в провинцию разными дудзюнами своих дивизий.

Как выше сказано, в начале 1924 года во главе Северного правительства стоял Гао-Лин-Вей. Несмотря на его

---

[1]) Му равно одной восемнадцатой десятины.
[2]) Цифры за 1920 г., „Новый Восток“ № 6.

сопротивление на пост премьера был выдвинут Сун-Бао-Цин (директор таможен, не принадлежавший ни к одной из группировок). Правительство последнего хотело в своей работе опереться на парламент, но авторитет самого премьера был весьма невелик в виду сопротивления, которое ему оказывал министр финансов Ван-Ке-Лин представитель пекинской группы). Так как Ван имел поддержку Цао-Куна, то естественно, что он имел постоянный перевес над премьером и мог тормозить всю его работу. Главной своей задачей правительство под нажимом У-Пей-Фу ставит подчинение непокорных провинций. В январе генерал Мачи назначается главнокомандующим экспедиции против провинции Гуандун. Генерал Сун-Чун-Фан пробивается в Фудзян. Приблизительно к маю месяцу провинции Хунань. Сычуан и Фудзян попадают под контроль У-Пей-Фу. Вместе с тем, боясь высадки весною Чжан Цзо-Лина, У-Пей-Фу приступает к укреплению порта Киао-Чао. К сентябрю 1924 г. гражданская война велась в провинциях Хуанской и Анхойской, где против чжилийской партии вела борьбу местная организация, известная под названием „Большого меча". Сторонники этой организации заняли Хунань. (В июле 1924 г.). Другим театром военных действий явилась немного ранее покоренная провинция Фудзян, где борьба велась между двумя генералами, которые в начале были оба сторонниками У-Пей-Фу, а именно: между номинальным дудзюном Сун-Чун-Фаном и генералом Ван-Юн Цуаном. Первый имел свою базу в северной части провинции, второй—в южной приморской части. Война началась из за распределения налогов. Особую роль играл во время этой войны генерал Чжан-Чжи-Пин, штаб которого находился в той же провинции в порту Амой и который являлся сторонником Сун-Ят-Сена. 7 марта генерал Ван Юн-Цуан захватил власть в свои руки, но через некоторое время был выбрешен с Фучжоу (столица провинции) и обратился к помощи Чан-Чжи-Пина. Оба генерала об'единив свои силы захватили главные пункты провинции. Занятие города Чжан-Чжоу заставило генерала Чен-Чун Мина, боровшегося с Сун-Ят-Сеном, обнажить свой фронт против последнего и бросить свои силы на нового врага, угрожавшего отрезать его войска от их базы порта Сватоу. В это же время правительственный флот под командой Ян-Шу-Чуня занял Амой, базу Чжан-Чжи-Пина. Последний вынужден был с остатками своих войск пробиться к Лу-Юн-Сяну (Лу-Юн-Сян один из вышеупомянутых крупных аньфуистов). Увеличение войск Лу-Юн-Сяна за счет войск Чжан-Чжи-Пина явилось предлогом для начала военных действий между провинциями Киянг-Су и Чже-Цзянь. Другим более важным поводом явился спор из-за Шанхайского арсенала и упра-

ления самим Шанхаем, который будучи важнейшим портом являлся источником крупных доходов, Чи-Си-Юан в своей претензии опирался на то обстоятельство, что Шанхай, собственно говоря, является частью подчиненной ему провинции Киянг-Су и был от нее отделен когда то самовольным распоряжением Лу-Юн-Сяна. У-Пей-Фу, который до этого косо смотрел на Чи-Си-Юана, так как видел в нем одного из своих соперников, теперь, опасаясь усиления Лу-Юн-Сяна и в особенности соглашения последнего с Чжан-Цзо-Лином и с Югом, обещал помощь Чи-Си-Юану. 28 августа происходит первое столкновение войск провинции Киянг-Сус Чже-Цзянь. Через некоторое время стычки переходят в ожесточенную гражданскую войну. Декретом Цао-Куна от 8 сентября Лу-Юн-Сян был отрешен от занимаемой должности. Чжан-Цзо Лин немедленно отозвался на эти события и в своем письме к президенту того же числа дал ясно понять, что война между Мукденом и Чжили неминуема. 12 сентября Чжан.Цзо-Лин производит мобилизацию своих войск и в тот же день издает декрет о войне против захватчиков власти из Чжили. Декретом президента от 18 сентября была назначена карательная экспедиция против Чжан-Цзо-Лина во главе с У-Пей Фу. Фактически военные действия открылись еще 10 сентября. В начале успех был на стороне Чжили. Войска провинции Чже-Цзянь были разбаты наголову в Лу-Юн-Сян бежал в Японию. Положение Чжан-Цзо Лина было тоже не из завидных, ему грозило поражение, если бы не наступило внезапной перемены в военной ситуации, в силу ухода с фронта Фен-Ю-Сяна, христианского генерала, командовавшего первой армией У-Пей-Фу и наиболее важным боевым участком. Эта измена повлекла за собой обнажение фронта против Чжан-Цзо-Лина и разгром У-Пей-Фу. Таким образом, была похоронена мечта У-Пей-Фу об'единить Китай вооруженным путем. *Это была бисмарковская идея в китайских условиях. Но то, что было возможно для независимой и крепкой Пруссии, то оказалось не под силу политически разобщенному милитаристами Китайскому Северу.* В то время, когда всем казалось, что военный способ об'единения Китая вполне оправдал себя, повторилась обычная в таких случаях история—измена. У-Пей-Фу бежал в район реки Ян-Цзи-Цзян, где по мнению „Таймса“ от 19 декабря 1924 г. „он имеет возможность собраться с новыми силами для новой борьбы за свою идею“. Измена Фен-Ю-Сяна можно лишь тогда в известной степени расшифровать, если иметь в виду, что его отношения с У-Пей-Фу были не весьма дружественного характера; но вместе с тем нельзя сказать, чтобы Фен-Ю-Сян питал большие симпатии к Чжан-Цзо-Лину. Недружелюбные их отношения сказались сейчас же после перево-

рота. Наиболее вероятным является предположение, что Фен-Ю-Сян производя переворот в Пекине рассчитывал на такой же Coup d'état в Мукдене. Китайские газеты называли даже то лицо, которое должно было явиться инициатором такого переворота в ставке Чжана, а именно генерала Ли-Тзин-Лина, которому только случайные условия помешали выполнить задуманное предприятие.

III.

На фоне событий гражданской войны в Китае продолжался рост национального движения. Характерной чертой последнего времени особенно 1924 года является тот факт, что *часть китайской буржуазии в финансовом отношении близко стоящая к иностранным банкирам, отходит от китайского национального движения и изменяет ему.* Выразителями национальных стремлений китайского народа все больше и больше делаются рабочие организации, организации молодежи, в особенности студенчества, а также значительная часть китайской интеллигенции.

Национальное движение за последний год помимо причин общего характера обострялось благодаря целому ряду случаев грубого издевательства иностранцев. Достаточно упомянуть такой факт, как линченский инциндент в 1923 г. и в 1924 г.: экзекуция над солдатом Ли-И-Юаномм ваньсянское дело. Основным центром национального движения Китая является Юг, где главенствующую роль играет партия Гоминдан. Январьская конференция Гоминдана в 1924 г. вынесла резолюцию о необходимости: 1) разбить армию Чен-Чун-Мина, 2) в случае войны провинции Чже-Цзянь и Кианг-Су присоединиться к последней, 3) реорганизовать Гоминдан в истинно народную партию, главными задачами которой должны служить осуществление национальных идеалов в духе национализма, демократизма, социализма или „сан-мин-чжу". Конгресс принял постановление о строгой партдисциплине. Сейчас же после конгресса Гоминдана, южным правительством были приняты энергичные меры против реакционных кругов кантонского купечества, связанных с финансовым миром Англии и об'единенных в добровольческие отряды сельской и городской буржуазии („бумажные тигры"). Первоначальной задачей этих отрядов была борьба против бандитизма, который был развит не только в Чжили и в дудзюнских провинциях Китая, но также и в провинции Гуандун. После реорганизации Гоминдана в массовую партию, опирающуюся на трудовые слои, и проводящую последовательную демократическую программу, интересы добровольческих отрядов во главе с Чен-Лим—Паком резко разошлись с инте-

ресами Сун-Ят-Сена. На своей конференции в конце мая „бумажные тигры" заявляют о том, „что в случае, если не будет восстановлен порядок в провинции, они будут вынуждены взять на себя ответственность за его восстановление". Кантонская буржуазия начала готовиться к захвату власти путем усиленного вооружения и при этом отчасти надеялась на разногласия внутри Гоминдана, так как, несмотря на все решения январьской конференции, правая буржуазно-чиновничья группа все же оставалась в Гоминдане. Однако, события показали, что Сун-Ят-Сен решил в действительности опереться на широкие трудовые массы и вооруженной кантонской буржуазии противопоставил вооруженных кантонских рабочих. Как в ноябре 1923 г. при подходе Чен-Чун-Мина к Кантону, положение спасли рабочие, так и в 1924 г. повторяется та же самая история. Кантонские купцы оказали сопротивление, зная, что на их стороне находится английский генеральный консул. Несмотря на грозный ультиматум консула, согласно которого „в случае открытия огня по городу властями, Великобритания выступит против властей всеми своими вооруженными силами, находящимися налицо" все-таки Сун наперекор англичанам и своим друзьям из правого крыла Гоминдана выступил против купцов. Кантонские купцы в середине октября 1924 г. были разоружены. Несколько ранее, южное правительство одержало немаловажную победу в итоге знаменитой теперь Шаминской забастовки, которая протекала при поддержке кантонского правительства. (Шамин — это английская часть Кантона). Шаминская забастовка явилась следствием покушения одного аннамита на французского генерал-губернатора Индо-Китая Мерлена, путешествовавшего по Южному Китаю. Этот случай был использован администрацией квартала, чтобы ввести для китайцев специальные правила посещения и прохода в Шамин. Прежде чем эти правила были опубликованы, служащие, рабочие, даже полицейские Шамина об'явили забастовку. Это было 14 июня. Общее количество бастующих равнялось 6.500 чел. Сюда вошли и транспортники линии Гонконг—Шамин, которые работали во время забастовки только до Кантона. Забастовка окончилась полной победой забастовщиков. В итоге следует сказать, что кантонское правительство в 1924 году является действительно революционным правительством. Что касается его внешней политики, то нужно отметить, во-первых, конфликт его с державами по вопросу о таможенной доле. Вопрос сводился к тому, что отчисления от таможенных доходов кантонской таможни, ранее получавшиеся южным правительством, стали за последнее время передаваться англичанами (в руках которых находится кантонское таможенное управление) пекинскому правительству. Отно-

шения с державами еще более обострились вследствие позиции южного правительства, занятой им в вопросе о признании СССР Китаем. В своем интервью в марте 1924 года Сун-Ят-Сен заявил: „политическая программа Рабоче-Крестьянского Правительства и моя—одна и та же. Между нами существует теснейшая связь. При таких условиях нет нужды заявлять о формальном признании". Во время гражданской войны Сун-Ят-Сен из тактических соображений как выше уже указывалось присоединяется к Чжан-Цзо-Лину. В выпущенном им манифесте говорится: „с помощью империалистических держав, милитаристы безрассудно игнорируют интересы народа и безжалостно стараются разрушить республику". Участие его войск, отвлекаемых борьбою с генералом Чен-Чун-Мином в войне с чжилийским правительством было незначительно. Основной политической задачей Сун-Ят-Сена, ради которой он выступил на борьбу с Чжили, является организация обще-национального правительства, уничтожение дудзюната, ликвидация неравных договоров, отмена юрисдикции и социальные реформы в духе „сам-мин-чжу", принятые конгрессом Гоминдана в 1924 году. *Ближайшей тактической задачей Суна в гражданской войне явилось желание включить в сферу демократически-национального движения — один из крупнейших промышленных центров и главный порт Китая—Шанхай.*

Сейчас же после расформирования созданного Фен-Ю-Сяном кабинета Дуан-Ху, на смену ему явилось правительство Дуан-Ци-Джуая—лидер клуба Аньфу, который занял пост премьера, и временного президента. Правительство Дуан Цзи-Джуа об'явило о созыве национального собрания. Несмотря на то, что Сун-Ят-Сен выдвигал то же самое требование, между ним и пекинским правительством возникло разногласие. В то время, когда по мнению Сун-Ят-Сена национальная конференция должна быть выбрана представителями всех общественных слоев населения, об'явленный в конце декабря Дуан-Ци-Джуем манифест говорит диаметрально противоположное и предусматривает конференцию из лиц, имеющих особенно похвальные заслуги перед отечеством, менее похвальные и т. д., т.-е. Дуан-Ци-Джуй, несмотря, на формальную отмену дудзюната, снова пытается возродить „парламент дудзюнов", как и в 1918 г. То, что интересы Дуан-Ци-Джуя не сходятся с интересами Сун-Ят-Сена можно заключить из того факта, что на основании заявления заместителя Суна в Кантоне Хуан-Ми „Кантонское южное правительство пока что не перестает существовать". Манифест Суна относительно переворота Фен-Ю-Сяна гласил: „мы полагаем, что наша внутренняя и внешняя политика должна привести к следующим результатам: 1) перемене международного положения в Китае и устано-

влению равенства с другими державами, 2) что с развитием промышленности и финансов наше сельское хозяйство получит новый толчок и экономические условия наших крестьян и рабочих улучшатся" и дальше: „в течение 13 лет милитаризм, об'единившись с империализмом, был главным препятствием к осуществлению указанных целей. Это препятствие должно быть устранено". Политика же Дуан-Ци-Джуя по отношению к державам, по крайней мере, на первое время являлась покорной. Несмотря на отставки Чжан-Цзо-Лина и Фен-Ю-Сяна, оба они остались при своих войсках и командование бросать не желают. Таким образом, среди нового правительства не все благополучно, поскольку оба генерала сохранили свое влияние и поскольку остается широкая возможность для их борьбы и интриг друг с другом.

IV.

Нам уже неоднократно приходилось указывать, что внутренняя жизнь Китая во многом зависит от иностранных влияний. Его захват иностранцами начался уже давно. К 1900 г. в Китае имели свои владения: Россия, Германия, Англия, Япония и Франция. Китай привлекал европейцев, японцев и американцев своими естественными богатствами, дешевизной рабочей силы и колоссальностью рынка. Проникновение иностранцев в Китай вызвало боксерское восстание в 1901 г. Восстание было подавлено об'единенными силами заинтересованных держав; Китай должен был уплатить контрибуцию в размере 71.853.476 фунтов стерлингов. После подавления восстания проникновение иностранцев в Китай идет еще более усиленным темпом. Перед войной положение иностранных держав в Китае было следующее: Япония присоединила к себе кроме Кореи и Формозы еще и Ляодунский полуостров, а в последнее время начинала проникать и в Манчжурию. Англия укрепилась в Гонконге и Вей-Хай-Вее, а кроме того имела преобладающее влияние в целом ряде договорных портов. Франция владела Кванчжуаном. Россия—полосой отчуждения К. В. ж. д. и постепенно прибирала к своим рукам Монголию. Германия владела „арендной" территорией Киао-Чао. Все иностранные державы имели в Китае право консульской юрисдикции. Во время мировой войны 1914—1918 г. Япония использовала создавшееся для нее выгодное положение и попыталась усилить свое влияние в Китае. Она начала с того, что заняла Киао-Чао и оставила его за собой. Вслед за этим Япония усилила свои гарнизоны в ранее ею занятых китайских провинциях и, наконец, пред'явила ультиматум (25/V-1915 г.), заключавший в себе знаменитые 21 требова-

ние, смысл которых сводился к установлению протектората Японии над Китаем. Этот натиск Японии был окончательно ликвидирован Соединенными Штатами уже после Вашингтонской конференции, когда Японию заставили уйти из Киао-Чао и отказаться от соглашения Лансинг-Иши (1917 г.), в котором Соединенные Штаты, тогда занятые по горло европейскими делами, признали преимущественные права Японии в Китае. По настоянию Дуан-Ци-Джуя и его приверженцев Китай принял номинальное участие в мировой войне на стороне Антанты против Германии. Поражение Германии не принесло никаких выгод Китаю, его делегаты на Версальской конференции в 1919 г. выдвинули требование об отказе от неравных договоров, но получили, разумеется, отказ и даже покинули конференцию; характерно, ни одна из держав, включая и Соединенные Штаты, представленные на конференции Вильсоном, не заикнулись о возвращении их обратно. Единственным результатом войны с Германией явилось расширение контингента войск в Китае, что в свою очередь вызвало необычайное усиление отдельных дудзюнов. Версальский договор отдал Киао-Чжао Японии. Аньфуистское правительство и после него правительство Чжан-Цзо-Лина находились под преимущественным влиянием Японии. Такое положение продолжалось до Вашингтонской конференции 1921—22 года, когда влияние Японии уступает место усилившемуся влиянию С. Ш. Интересно вкратце проследить историю отношений Соединенных Штатов к Китаю за последние два десятилетия. В отличие от других великих держав Соединенные Штаты территориальных владений в Китае не имели. Они проводили по отношению к Китаю „политику дружелюбия". С 1908 г. Соединенные Штаты даже начали склоняться к отказу от своей части боксерской контрибуции и намеревались отдать ее на образовательные нужды Китая. В своей политике по отношению к Китаю Соединенные Штаты провозглашали принцип „открытых дверей" (Open door), согласно которому Китай не должен делиться на обособленные участки влияния, а быть во всех своих частях открытым, для экономической эксплоатации держав. За последние годы Соединенные Штаты сбрасывают с себя маску дружелюбия по отношению к Китаю и начинают выступать совместно с Англией, проводя беззастенчивое вмешательство во внутренние дела Китая с целью обеспечить свое преобладание над китайским рынком. Они стремятся к тому, чтобы перенести свои опорные пункты из портовых городов внутрь Китая. *Китайский рынок в мыслях американских капиталистов должен сделаться местом исключительного, в крайнем случае преобладающего сбыта американских товаров.* Вашингтонская конференция была прекрасной иллюстрацией этого

повышения интереса Соединенных Штатов к Китаю. На Вашингтонской конференции Америка выдвинула с новой силой свой лозунг „открытых дверей“, но теперь он означал для нее уменьшение влияния всех других держав и желание увеличить за их счет свое собственное влияние в Китае. Обнаружились поползновения Америки на целый ряд железных дорог в числе которых была и Восточно-Китайская ж. д. Сейчас же после Вашингтонской конференции Соединенные Штаты усиливают вклады своих капиталов в китайские предприятия и настойчиво добиваются преобладания в политике китайского правительства. Вашингтонская конференция принесла Китаю целый ряд обещаний, из которых ни одно не было осуществлено. Так, напр., было „признано желательным“, чтобы Китай восстановил свой суверенитет над всеми принадлежащими ему территориями, т.-е., другими словами, чтобы Англия очистила Вей-Хай-Вей, Франция—Кванчжуан, Япония — Киао-Чао, Порт-Артур и Дайрейн. На самом же деле единственным реальным достижением Вашингтонской конференции было удаление Японии из Киао-Чао, на чем особенно настаивали Соединенные Штаты. Англия и Франция ограничились неопределенными обещаниями, а Япония не пожелала даже и разговаривать об эвакуации Ляодуна. Попытка китайского правительства напомнить Японии о Порт-Артуре вызвали ответ японского правительства от 21 марта 1923 г., в котором Япония писала, „что нет оснований принимать в соображение предложения вашего правительства об обсуждении эвентуального возврата Порт-Артура и Дайрейна или лишения силы вышеупомянутых договоров“. Япония, разумеется, ни минуты ни думала примириться с уменьшением своего влияния в Китае. Сейчас же после прихода к власти чжилийцев Япония переносит свою ставку на Чжан-Цзо-Лина диктатора Маньчжурии. Это было для нее тем легче, что Япония не только давно уже имела свои виды на эту область, но и успела вложить туда немало капиталов. Японские фирмы Митцубиши, Матцуи, Сумитото и др. играют далеко не последнюю роль в торгово-промышленной жизни Манчжурии. Таким образом, после прихода к власти чжилийской партии, ориентировавшейся главным образом на Англию и Соединенные Штаты, влияние Японии следует считать значительно уменьшенным, но отнюдь не ликвидированным; даже землятресение 1923 г., в значительной степени ослабившее Японию, не лишило ее возможности вести активную политику в Китае.

Из отдельных проблем внешней политики Китая, стоявших на очереди за последние годы, надо отметить: вопрос о торговых клеймах, о золотом франке, о выполнении поста-

новлений Вашингтонской конференции и вопрос о признании СССР.

Вопрос о „торговых клеймах" волновал в продолжение первой половины 1924 г. всех иностранцев, торгующих в Китае. Заключается он в том, что декретом правительства, изданным в марте 1924 г., на все иностранные товары распространяется существующее в Китае правило регистрации товаров в соответствующих бюро. Иностранцев возмущало не только то обстоятельство, что эти регистрации увеличат миллионов на 15 доходы китайского правительства, но, главным образом, утрата тех привилегий, какими пользовались иностранные товары по сравнению с туземными. Борьба по поводу этого вопроса представляет характерный пример столкновений интересов иностранцев с интересами китайской буржуазии. В этом вопросе также, как и в вопросе о золотом франке, иностранные державы выступали об'единенным фронтом. Вопрос о золотом франке заключается в том, что французское правительство в 24 г. вновь пред'явило правительству Сун-Бао-Цина требование о выплате части боксерской контрибуции в золоте. Это Франция сделала после того, как обещала, подобно Соединенным Штатам, отдать следуемую ей часть боксерской контрибуции на образовательные цели Китая и на реабилитацию индустриального банка Китая (лопнувшее французское предприятие) и этим заставила в 1922 г. китайское правительство согласиться на условия выплаты оставшейся части контрибуции в золоте. Китай на основании особого соглашения со странами Согласия получил пятилетний мораторий по уплате боксерской контрибуции. Течение моратория началось с 1919 г. и кончалось в 1923 г. Первые взносы должны были быть в 24 г. Еще 27 декабря 23 г. министр иностранных дел Китая Велингтон-Ку отрицал право Франции на получение контрибуции в золоте. Подобные же заявления пекинского правительства были повторены и в 1924 г. Аргументы Китайского Правительства сводились к тому, что текст договора от 7 сентября 1901 г. и обмен письмами 2 июля 1905 г. имели в виду выплату по золотому курсу, но ни в коем случае не монетами в золоте или в слитках. Между тем, Франция домогалась выплаты своей части именно в золоте и в зависимости от выполнения этого требования ставила вопрос об очистке Кванчжуана и свое согласие на созыв тарифной конференции. Англия в свою очередь всячески оттягивала вопрос об эвакуации Вей-Хай-Вея и ставила ее в зависимость от целого ряда условий. Одним из этих условий являлось требование о прекращении бесчинств, якобы творимых китайцами над иностранцами. Подобного рода крупных инцидентов за 24 г. в Китае было два. В апреле 24 г. имел место инцидент с китайским

солдатом, он заключается в том, что Ли-И-Юан (так звали солдата), решил после получения 40 бамбуковых ударов за прогулку по стене, отделяющей Пекин от дипкорпуса, в отместку избить такое же количество европейцев; успел он выполнить свое намерение только в отношении 3-х европейцев и был задержан администрацией квартала дипкорпуса. На требование китайских властей об его освобождении администрация отвечала, что таковое возможно при условии достаточно грозного наказания. Еще более характерным является эпизод, имевший место в июне в Вань-Сяне (на реке Ян-Цзи-Цзян). Американский торговец Хаулей представитель фирмы Арнольд и К⁰ был избит китайскими лодочниками и умер; по этому поводу английская канонерка „Cocgaffer", угрожая обстрелом города, заставила жителей выдать двух членов союза лодочников, которые были публично казнены. Общей чертой всех этих инцидентов, включая и ранее имевшие место (линченский инцидент 1923 г.), является грубое нарушение прав Китая, как суверенного государства. И тем не менее Англия использовала эти инциденты как предлог для того, чтобы не торопиться с вопросом об эвакуации Вей-Хай-Вея.

В вопросе признания СССР Китаю пришлось иметь дело, как и во многих других случаях, с единодушной оппозицией держав. Эта оппозиция была совершенно понятной, если принять во внимание декларации советского правительства от 1919 и 1920 г., содержавшие в себе удовлетворение основных требований Китая и в первую очередь уничтожение неравных договоров, в чем Китаю упорно отказывали другие державы. Признание СССР поддерживалось всеми слоями китайского общества. Даже дудзюни и сверхдудзюни отдавали себе отчет в том, что это признание выгодно в первую голову Китаю. Если тем не менее переговоры с советской Россией несколько раз прерывались, то всякий раз это означало вмешательство держав и их нажим на китайское правительство. Еще на Вашингтонской конференции Соединенные Штаты в лице Юза старались доказать, что их интересы в К. В. ж. д. довольно значительны. Этот момент выдвигал и американский посланник в Китае—Шерман в обоснование политики нажима на китайское правительство с целью не допустить признание последним союза советских республик. Шермана поддерживал Флерио—посланник Франции, т. к. правительство Франции, которое к тому времени возглавлял Пуанкаре, являлась непримиримым врагом СССР. Миссия Карахана прибыла в Пекин осенью 23 г. Сейчас же по приезде она начала переговоры с представителями китайского правительства С. Т. Ваном. Переговоры кончились соглашением 28 марта 1924 г. На основании этого соглашения СССР отказывалась

от консульской юрисдикции в Китае и от концессий, предоставленных царскому правительству, соглашением также устанавливалось управление К. В. ж. д. на паритетных началах, далее в нем предусматривалось, что русская часть боксерской контрибуции идет на цели образования в Китае и что Монголия очищается от красных войск. Это соглашение не было утверждено китайским правительством благодаря сильной оппозиции держав. Первым на соглашение откликнулся французский посланник Флерио. Его нота на имя Велингтона-Ку гласила, „что подписанное соглашение явно угрожает интересам Русско-Азиатского банка и что в случае подписания соглашения последний вынужден будет наложить запрещение на депозитивы и текуще счета не только правительства, но и его членов". Естественно, что это довольно сильно подействовало на некоторых министров, лично заинтересованных в делах Русско-Азиатского банка. К тому же выступление Флерио было не только поддержано нотою американского посланника Шермана, но и японским правительством, которое оказало влияние на Цао-Куна, через советника последнего, генерала Банзая. Последнее обстоятельство заставляет думать, что японское правительство не теряло влияния и на чжилийскую партию. Некоторую роль в отклонении китайским правительством договора, правда весьма незначительную, сыграло и личное влияние некоторых министров, по тем или иным причинам настроенных против соглашения. Китайское общественное мнение было возмущено отклонением договора. Все слои, включая и дудзюнов, резко реагировали на это событие. У-Пей-Фу лично дал 9 телеграмм. В одной из них он писал: „Время—важный фактор дипломатии и нельзя упускать его". Специальное совещание, собравшееся у Чжан-Цзо-Лина, пришло и к выводу, что соглашение выгодно Китаю. Генерал Фэн-Ю-Сян и другие менее значительные потребовали немедленного утверждения соглашения. Парламент в свою очередь присоединился к этим требованиям. Чтобы утишить поднявшуюся бурю протестов против действий правительства, Велингтон-Ку заявил, что правительство с некоторыми пунктами соглашения не согласно,—в частности с пунктами о К. В. ж. д. и Монголии. Декретом президента соглашение было упразднено и создана новая комиссия для переговоров во главе с Велингтоном-Ку. Только 31 марта после полуторомесячных переговоров, которые в последней стадии велись строго секретно—соглашение между Китаем и СССР было подписано. Оно по существу совершенно не изменяло основных положений, установленных соглашением от 28 марта, в том числе и в вопросах о К. В. ж. д. и Монголии. Подписание соглашения означало, что единый фронт держав разорван и создавало прецендент для возможных требова-

ний Китая к ликвидации консульских юрисдикций и проч. привилегий иностранных государств.

Из прочих вопросов особенно остро в течение истекшего года стоял вопрос о тарифной конференции. Сущность его заключается в том, что Вашингтонская конференция постановила в свое время увеличить ввозные пошлины на импортируемые в Китай товары с 5% до $7^1/_2$%. Эта надбавка должна была пойти на покрытие текущих расходов Китая, в то время когда основная 5% ставка и в дальнейшем должна была итти на предмет погашения долгов правительства. На Вашингтонской конференции вопрос о повышении таможенных тарифов был поднят Соедин. Шт. и поддержан Англией. Главным мотивом при этом было желание вышеупомянутых держав укрепить политическое положение чжилийского правительства путем улучшения его финансового положения. Для практического осуществления этой реформы предполагалось созвать особую тарифную конференцию. Но так как политика даже и чжилийского правительства не во всех своих пунктах удовлетворяла домогательствам Англии и Америки, то эта конференция так и не созывалась. Естественно, что вопрос о тарифной конференции интересовал и интересует политических деятелей Китая, ибо от нее до известной степени зависят судьбы китайских финансов. В свою очередь иностранцы прекрасно понимают зависимость финансового положения пекинского правительства от предполагаемого созыва тарифной конференции и исходя из этих соображений оттягивают решение вопроса. Этим они сохраняют в своих руках возможность влиять на правительство Китая в самом важном вопросе—денежном. Другим источником финансовой зависимости Китая является боксерская контрибуция. После 5-летних размышлений Соединенные Штаты, наконец, об'явили о своем отказе от своей части боксерской контрибуции. Примеру Соединенных Штатов последовала и Англия, которая после ликвидации англо-японского соглашения 1913 г. начала координировать свою дальневосточную политику с Соединенными Штатами. Вопрос о возвращении долей боксерской контрибуции на некоторое время повис в воздухе в связи с разногласиями между правительственными кругами Китая относительно использования этих сумм. У-Пей-Фу стоял за необходимость передачи этих денег на постройку стратегических жел. дорог, парламент же и некоторые видные китайские общественные деятели старались доказать необходимость использования этих сумм на цели образования. У-Пей-Фу прилагал все усилия, чтобы провести в жизнь свое предложение, но ему это не удалось вследствие наступившей гражданской войны. Что касается отношения держав к гражданской войне, несомненно одно, что державы знали о готовящейся

гражданской войне и не только не принимали мер к ее предупреждению, но и поощряли отдельных дудзюнов к выступлению. Так, Соединенные Штаты знали не только о намерениях У-Пей-Фу во что бы то ни стало об'единить Китай, но и о его военных приготовлениях. Еще в середине мая в Ляоян к У-Пей-Фу выезжал начальник американских отрядов в Китае генерал Конор, который производил технический осмотр войск У-Пей-Фу. В свою очередь Япония знала о подготовке Чжан-Цзо-Лина к войне против Цао-Куна. Насколько ясно было положение дел для английских правящих кругов в Китае видно из того, что еще в мае 1924 г. „The China Rewiew Weekly" орган, выражающий интересы англичан в Китае, писал: „если он (У-Пей-Фу) хочет выполнить свои мечты о создании крепкого правительства и выборов нового парламента, то нам кажется, что подходящий момент наступил".

С другой стороны, отношение иностранцев к гражданской войне в Китае определялось тем обстоятельством, что гражданская война все же отражалась на работе иностранных предприятий. Главным театром военных действий был район, непосредственно прилегающий к Шанхаю, т.-е район, где иностранцы обосновались прочнее, нежели в другом месте Китая. Гражданская война означала временный перерыв в торговой деятельности, в лучшем случае замедление ее темпа. Гражданская война означала также наложение контрибуции на железные дороги и перерыв сообщений некоторых железнодорожных линий, например, Нанкин—Шанхайской. Это, понятно, не входило в интересы держав и побуждало их принимать некоторые меры к ограждению своих интересов. Об'единенная нота Англии, Франции, Италии, Соединенных Штатов и Японии китайскому правительству от 11 августа, повторенная 30 августа, гласила: что: „Шанхай с радиусом в 30 миль и рейд Усун нейтрализуются. Иностранные канонерки должны получить право патрулировать свои пароходы по реке Ян-Цзи-Цзян". Таким образом, державы приняли меры к тому, чтобы не допустить военных действий в тех районах, где расположено большинство иностранных предприятий. и в то же время использовали гражданскую войну, как удобный повод для вмешательства во внутренние дела Китая. При кажущемся единодушии держав в вопросе об отношении к гражданской войне в Китае каждая из них однако же в действительности проводило свою собственную линию. Так Япония, несмотря на просьбу У-Пей-Фу разрешить ему перевозку войск по Южно-Маньчжурской дороге, будучи сама заинтересована в победе Чжан-Цзо-Лина, ответила довольно уклончиво и переброс не разрешила. Франция в свою очередь продала большую партию аэропланов тому же Чжан-Цзо-Лину,

при явном неудовольствии пекинского правительства. Англия и Соединенные Штаты склоняли свои симпатии к Чжили. Переворот Фен-Ю-Сяна резко изменил ситуацию и до некоторой степени спутал карты держав, так как в первый момент трудно было решить, чье влияние в результате усилится. Однако же, в некоторых пунктах позиция держав, несомненно, едина. Такое единство державы демонстрировали в своей ноте в конце декабря 1924 г., заявив, что признание нового правительства возможно только в том случае, если оно безоговорочно признает все старые договоры, включая и право консульской юрисдикции. В вопросе о выплате боксерской доли в золотых франках державы снова продемонстрировали свою солидарность. Теперь уж не только Франция, но и Бельгия требует уплаты своей доли возмещения в золотой валюте. Вообще в тех случаях, когда что-либо грозит привилегиям держав в Китае,—последние выступают солидарно. Стоит этому вопросу исчезнуть на время из поля зрения, как на сцену выступают старые разногласия. Разумеется, тот факт, что аньфуисты и Чжан-Цзо-Лин снова играют главную роль, означает в известной мере победу японского влияния. Но повторить историю 1918 г. с займами японского банкира Нисихиара в 200 миллионов иен, которые бы поставили новое китайское правительство в непосредственную зависимость от Японии, при нынешнем финансовом положении последней, вещь не такая легкая. Каким бы японофильским не было настоящее правительство Китая, но до тех пор, пока Китай не имеет твердого бюджета и налогового аппарата, пока державы сохранили все свои права в Китае, пока китайские банки по финансовой мощи уступают иностранным, китайское правительство окажется в финансовой зависимости не только от финансово-слабой в настоящее время Японии, но в значительно большей степени от таких мощных держав, как Соединенные Штаты и Англия.

V.

В заключение остановимся вкратце на финансово-экономическом положении Китая и на роли иностранного капитала. Начнем с положения иностранных предприятий и в первую голову с банков. Перечисление важнейших банков, работающих в Китае, даст ясное понятие о степени их влияния. Из иностранных банков наиболее влиятельными являются следующие:

Английская группа банков: Гонконг — Шанхайский банк с основным капиталом в 45.000.000 руб., Нидерландский торговый и Нидерландско-Индийский коммерческий банк— основной капитал этих двух банков равен 135.000.000 гульденов, Банк Индии, Австралии и Китая с капиталом

в 30.000.000 руб., Банковская корпорация с основным капиталом в 25.000.000 руб.

Японская группа банков: Расчетный банк—капитал 80,000.000 иен, банк Митцубиши—30.000.000 иен, Матцуи—60.000.000 иен. Сумитомо—50.000.000 иен, Тайванский—60.000.000 иен, Иокагамский—100.000.000 иен. (Некоторые из этих банков, хотя и имеют свои филиалы вне Китая, однако же главная их деятельность распространяется в Китае).

Американская группа банков: Equitable Eastern Banking—2,000.000 доллар. Интернациональная банковская корпорация 20.000.000 дол. (основан в 1924 г.) Park Union Foreign Banking Corporation—4.000.000 дол., кроме этих банков, капиталы которых известны в Китае, работают еще два солидных американских банка: Кук и Сын и Express C°, капитал которых неизвестен.

Французская группа банков: Индо-Китайский—70.000.000 франк., Индустриальный—2.500.000 франк., Русско-Азиатский—55.000.000 руб. Банки остальных государств по своим капиталам незначительны, исключение составляет Бельгийский банк с капиталом в 75.000.000 франков.

Если взять тяжелую индустрию Китая, то будет видно, что главнейшие предприятия, например, Кайландская рудная администрация является учреждением англо-китайским, Пекинский синдикат—английским, Шандуйские угольные шахты—японским. То же самое относится и к жел. дорогам Китая. Так Пекин-Мукденская жел. дорога, капитал которой равен 53.264.676 дол., имеет английские капиталы от займа 1898 г. в размере 27.600.000 дол. Дорога Шанхай-Нанкин—часть английских и остальную часть японских и китайских ж. д. Шанхай—Ханькоу—Нингпо, часть английских капиталов Каулон Кантонская жел. дор., основной капитал дороги равен 108.128,044 руб. и целиком является британским. Железные дороги Гирин-Чаньчунь—японские, Восточно-китайская жел. дор., основной капитал—300.000.005 капитал—русский, Кантон—Ханькоу принадлежит капиталам Соединенных Штатов. Для полноты картины мы считаем необходимым привести таблицы внешнего долга Китая займы и часть боксерской контрибуции.

Несмотря на незначительность суммы внешнего долга по сравнению с некоторыми странами Западной Европы—финансовое расстройство, усиливаемое политической неустойчивостью пекинского правительства—делало эти долги крайне обременительными для китайского бюджета, который впервые д-ром Иеном, должен был быть введен, но не получил осуществления из-за возникновения гражданской войны.

Все цифры взяты в «China Jear Book» за 1923 и 1924 г.

Таблица внешнего долга по займам и боксерской доле, установленная в сентябре 1922 г.

№№ по пор.	Название займа и кому следует боксерская доля.	Сумма получ. займа и сумма установленной боксерской доли для отд. Госуд.	Суммы, оставшиеся для уплаты.	% уст. по займам и бокс. доле.	Время получения займов и сроки их истечения.	Под какой серией изв. заем.	Чем обеспечен заем и боксерская доля.
1	Русско-Французский . .	400.000.000 фр.	164.438.290 фр.	4%	1895—1931	A	Обеспечен доходами таможен.
2	Англо-Германский . . .	16.000.000 фун.	7.466.550 фун.	5%	1896—1932	B	„ „ „
3	Германский	16.000.000 „	11.196.050 „	4½%	1898 -1943	C	„ „ „
4	Реорганизационный . .	25.000.000 „	25.000.000 „	„	1913—1960	E	От таможен и соляного налога.
5	Кристи	5.000.000 „	5.000.000 „	„	1912—1952	F	„ соляного налога.
			Боксерская доля.				
6	Англии	16.573.810 фун.	11.186.547 фун.	4%	1901—1945	D	Китай обязан вносить каждый месяц.
7	Америке	53.348.140 дол.	2.517.959 дол.	„	„ „	„	Всем державам вместе 170.000 фун. ст.
8	Франции	580.160.935 фр.	15.663.261 фр.	„	„ „	„	
9	Италии	217.868.647 „	5.882.046 „	„	„ „	„	
10	России	42.685.163 фун.	27.019.467 фун.	„	„ „	„	
11	Японии	11.391.703 „	7.688.867 „	„	„ „	„	
12	Бельгии	69.447.061 фр.	1.874.940 фр.	„	„ „	„	
13	Португалии	30.253 фун.	20.386 фун.	„	„ „	„	
14	Голландии	3.066.005 „	141.984 „	„	„ „	„	
15	Испании	1.107.596 „	24.565 „	„	„ „	„	
16	Швеции и Норвегии . .	20.568 „	11.405 „	„	„ „	„	
	Итого в фунтах .	120.694.032					The China.
	+ франков .	164.438.290					Jear book.
		942.684.575 долларов.					1924—25 г. стр. 756.

Иностранная торговля в 1922 году составляла в фунтах стерлингов:

Импорт. . . . . 177.196.809 [1])
Экспорт. 122.792.237

По главнейшим странам она распределялась следующим образом:

(в таелях [2]).

	В 1922 году.	
	Импорт.	Экспорт.
Великобритания.	145.292.550	38.507.874
Гонконг.	239.347.671	169.995.691
Индия	43.139.628	9.816.734
Россия и Сибирь	—	—
Франция	4.555.510	40.755.834
Сингапур.	8.168.720	15.314.245
Италия.	2.318.519	6.050.185
Соединенные Штаты	169.004.534	97.579.046
Япония.	231.428.885	159.754.357
Германия.	24.774.130	9.804.806

Из этого краткого перечня важнейших предприятий, долгов и внешней торговли Китая видно, что первое место среди держав занимает Англия, второе Япония и третье Соединенные Штаты. Соединенные Штаты с открытием Панамского канала не только увеличивают внешнюю торговлю с Китаем, но также усиливают вывоз своих капиталов в Китай. Для иностранного капитала, который к этому времени, как видно из приведенных выше таблиц, занял довольно твердую позицию в Китае, мало было достигнутых успехов. Его целью является установление контроля над всеми финансовыми поступлениями Китая. Однако на пути этих желаний стояли и стоят два препятствия, с одной стороны, сильно окрепший после войны китайский капитализм, а с другой, — все усиливающееся движение среди глубоких толщ китайского населения против хозяйничания иностранцев в Китае. Помещаемая ниже таблица отчетливо показывает, что в последнее время займы Северного правительства устраивались, главным образом, на китайских биржах и из китайских средств.

---

[1]) The china Jear Book.
[2]) Таель равен 3 шиллингам.

Внутренние долги Китая в конце сентября 1922 г. [1])
(В долларах).

НАЗВАНИЕ ЗАЙМА.	Выпущенная сумма.	Непогашенная сумма.	Литер.
8% военный заем	7.371.150	1.771.150	A.
6% консолидированный	54.392.228	51.672.617	B.
6% 3 ежег. Нац. Заем.	24.926.110	13.939.095	C.
6% 4 „ „ „	25.829.965	4.638.740	Д.
6% 5 „ „ „	20.000.000	18.757.590	E.
6% 7 „ „ „	45.000.000	45.000.000	
7 ежег. краткосрочн. из 6%	48.000.000	4.800.000	
6% финанс. реорг. заем	60.000.000	45.590.400	
7% консолидированный	13.600.000	12.240.000	
10 8% нац. заем.	96.000.000	96.000.000	
11 „ „ „	10.000.000	10.000.000	
Всего выпущено.	405.119.453	—	
Всего осталось. . . .	—	304.409.592	

В 1924 г. в Китае работали 32 туземных банка с основным капиталом приблизительно в 215.000.000 дол., но не только в области кредита развивают свою деятельность туземные силы. К 1924 г. они имеют преобладающее влияние в некоторых областях промышленности. Если примером взять текстильную промышленность, то здесь господином положения будет свой туземный промышленный капитал. Из 4½ мил. (цифра приблизительная) действующих в Китае веретен больше 3.000.000 принадлежит китайским владельцам. Мукомольное как и сахарное дело целиком принадлежат китайцам. Но не только в области легкой индустрии китайский капитал вытесняет иностранный, заметные успехи он делает и в области тяжелой промышленности. Так уже в 1922 г. половина вложенных в угольное дело капиталов, принадлежала китайцам (из 97 мил.—50 мил.). *С расширением базы финансового и промышленного влияния увеличивается*

[1]) The china Jear Book.

тяготение китайской буржуазии к рулю управления страной. Сталкиваясь с иностранцами на экономической почве, китайская буржуазия возражает как против экономических привилегий, так и против политического влияния иностранцев. Однако же растущий рабочий класс, положенное последним начало профессионального об'единения (300.000 уже организованы в профсоюзах)—заставляет китайскую буржуазию не только ослаблять борьбу с остатками феодализма—дудзюнатом, но в некоторых моментах солидаризироваться с иностранной буржуазией. *Так, например, закон о „trad mark" 1924 г. явился выражением борьбы туземной буржуазии с иностранцами, а восстание купцов в Кантоне, наоборот, выражало солидарность с ними.* Интересно отметить тот факт, что несмотря на гражданскую войну и на расстройство финансового аппарата правительства внешняя торговля в 1924 г. выразилась в сумме 200.000.000 фунт. стерл., а доходы таможен составляют сумму в 69.550.000 хайгуанских таэлей, сумма, являющаяся рекордной по отношению к другим наиболее благоприятным годам. Как и раньше, главный процент оборотов внешней торговли (40%) падает на Великобританию и на ее доминионы [1]). Факт повышения оборотов внешней торговли при крайне неблагоприятных условиях говорит за то, что значение Китая как рынка сбыта и сырья растет из года в год и что в нормальных условиях повышение вывоза и ввоза будет расти еще быстрее. Однако ж несмотря на то обстоятельство, что национальные доходы Китая вследствие его индустриализации в высокой степени поднялись, и даже гражданская война не могла остановить этот рост, финансовое положение центрального правительства остается как и финансовое положение старого чжилийского правительства довольно плачевным. Финансовое положение чжилийского правительства, как видно из приводимого ниже доклада доктора Иена (апрель 1924 г.), было в значительной степени расстроенным. Согласно его доклада [2]), правительство должно было получит следующие доходы: от морских и местных таможен 94.000.000 дол., добавочно от тех же таможен—6.700.000, соляные налоги—89.500.000, винные и табачные налоги—15.000.000, гербовый сбор—3.200.000 дол. итого всех поступлений 209.000.000 дол. Всего правительство получило лишь 148.000.00 дол. из которых нужно вычесть 98.000.000 на оплату внешних и внутренних долгов и 43.000.000 на военные субсидии и выкуп казначейских облигаций. В распоряжении правительства, таким образом, остается всего 7.000.000 дол., а между тем только его административные расходы составляют сумму в 58.000.000 дол. и военные в 70.000.000 дол.; другими словами, правительство

[1]) The Economist. Январь 1925 г.
[2]) The China Illustrated Rewiew. Май 1924 г.

получает лишь $^1/_{10}$ собираемых налогов, а на его же расходы остается всего 5% этой суммы. Расходы превышают доходы в 17 раз, но ведь имеются необеспеченные долги. Так: долгов министерства финансов 536.000.000 дол., министерства путей сообщения—187.000.000 дол., а всего 723.000.000 дол. Если для уплаты всех нужных сумм выпустить консолидированный заем из расчета 5% или 6%, то ежегодно одних процентов придется платить более 50.000.000 дол. „Для урегулирования национального бюджета должна быть созвана тарифная конференция", закончил свой доклад доктор Иен. Вспыхнувшая гражданская война окончательно расстроила составленный доктором Иеном (впервые в Китае) бюджет, и таким же расстроенным это наследство перешло к новому правительству Дуан-Ци-Джуя. *Основным желанием любого китайского правительства является эмансипация от иностранцев в финансовом отношении, так как такая зависимость может привести к плану Дауэса для Китая.* Тем более, что в Китае имеется готовый аппарат для такого плана в лице консорциума банков. Но как вполне правильно отметил один китайский корреспондент в английском пацифистском журнале „Foreign Affairs" от октября 1924 г. „китайцы разочаровались теперь в обращении к иностранным займам и не хотели бы возвращения старых методов иностранных оккупаций". Действительно, национальное движение в Китае растет. Манифестации протеста против действий иностранцев в Китае принимают широкий размах. Если Китай в 1924 г. не добился настоящего об'единения, если во главе его правительство Дуан-Ци-Джуя, а не Сун-Ят-Сена, если даже Китаю предстоит, возможно, пережить очередную гражданскую войну с вновь оживившим У-Пей-Фу, если обострение отношений между Чжан-Цзо-Лином и Фен-Ю-Сяном разрешатся столкновением между ними, если созываемая национальная конференция и не будет выражать полностью настроения китайских масс, все равно проблема национального освобождения Китая подвинулась достаточно далеко. Этот факт подтверждает все усиливающееся положение Сун-Ят-Сена, все усиливающийся вес СССР на Дальнем Востоке и, наконец, национальное пробуждение колоссальных трудящихся масс страны „Серединного Солнца".

Л. Иванов

Мировая экспансия Соединенных Штатов в 1924 году

I.

Одним из крупнейших фактов мировой политики новейшего времени следует считать то положение, которое занято в результате мировой войны Соединенными Штатами Америки. Эта гигантская держава, до войны бывшая лишь потенциально могущественнейшим в мире государством, вследствие колоссальной мощи своих народно-хозяйственных ресурсов, ныне действительно сделалась гегемоном капиталистического мира и властителем его судеб. Структура этой державы в связи с мировой войной претерпела огромные изменения. Из государства, не игравшего большой роли в сфере международных финансовых отношений, Америка превратилась в мирового кредитора, влияние которого является решающим или чрезвычайно важным фактором для экономической жизни большинства государств. Экономическое преобладание Америки обеспечивается полным расстройством хозяйственной жизни целого ряда государств, из которых некоторые до войны претендовали на мировую хозяйственную гегемонию или осуществляли ее в некоторых областях. Соединенные Штаты явились единственной державой не только не пострадавшей от мировой катастрофы 1914—1918 г.г., но напротив, колоссально усилившейся в результате ее и обогатившейся до пределов, еще не достигнутых ранее ни одним государством. Жертвы, понесенные Америкой, представляются крайне ничтожными в сравнении с чудовищными жертвами других участвовавших в войне государств и в сравнении с достигнутыми результатами. Колоссально расширив обороты своей внешней торговли, заняв место побежденной Германии на целом ряде мировых рынков, Соединенные Штаты вместе с тем за время войны оттеснили на задний план своих „союзников"—Великобританию и Францию—в качестве стран-банкиров, заняв их место в отношении международного кредитования. В пределах Америки

сосредоточилась львиная доля мирового золотого запаса, в то время как валюта ряда европейских стран пришла в катастрофическое положение вследствие бумажной инфляции.

Достаточно привести несколько цифр, чтобы воочию представить себе все огромное значение происшедшей перемены. Возьмем лишь самые последние данные, относящиеся к 1923/1924 фискальному году.

Так, экспорт из Соединенных Штатов с 30 июня 1923 года по 30 июня 1924 г. составлял 4.311.625.797 долларов; в сравнении с 1913/1914 (последним перед войной фискальным годом) он возрос на 81%. Общая сумма импорта в 1923/1924 г.г. составляла 3.557.147.532 долларов, или выигрыш против 1913/1914 г.г. на 87%. В течение истекшего фискального года излишек экспорта над импортом составил 754.478.295 долларов. Этот излишек весьма велик, хотя все же он несколько отличается от чудовищного рекорда в 1918/1919 году в 4.136.562.618 долларов. За истекшие 11 лет общий излишек экспорта Соединенных Штатов над импортом составлял колоссальную сумму в 22.968.000.000 долларов.

Импорт золота в истекший фискальный год достиг 417.025.638 долларов, а экспорт 10.206.941, или излишек 406.818.697. Экспорт серебра достиг 98.785.586, или на 18.845.601 более импорта. В течение одиннадцати лет (1913—1925 г.г. импорт золота в Соединенные Штаты превысил экспорт на 2.220.201.514 [1]).

Еще более поразительны цифры экспортируемого за границу капитала. Соединенные Штаты после мировой войны стали величайшей нацией-кредитором. Одолжив громадные суммы различным державам за время войны в виде так называемых военных долгов, они и после войны продолжали кредитование различных стран, помещая свои капиталы в государственных, а также городских и частных коммерческих займах. В 1923 году было, таким образом, экспортировано за границу около 600.000.000 долларов капитала. В истекшем году этот экспорт достиг рекордной суммы в $1^1/_4$ миллиарда долларов; более точные данные об отдельных займах, заключенных в истекшем году, приведены ниже.

Следующая таблица дает данные о задолженности различных иностранных государств Соединенным Штатам Америки. В нее включены лишь военные долги в узком смысле слова и долги, сделанные в результате мировой войны; в нее, таким образом, не входят данные о задолженности Соединенным Штатам различных государств Аме-

---

[1]) The Economist, 1924 г., № 4223.

риканского континента и азиатских стран, а также послевоенные долги европейских государств.

Военные долги Соединенным Штатам к 1-му января 1924 года.

Название страны—должника.	Сумма долга (в миллионах долларов).
Австрия	28,4
Армения	14,3
Бельгия	454,5
Великобритания	4.661,0
Венгрия	2,0
Греция	16,5
Италия	2.015,0
Латвия	6,0
Литва	6,0
Никарагуа	0,2
Польша	182,4
Россия[1])	241,3
Румыния	43,8
Финляндия	9,0
Франция	3.990,0
Чехо-Словакия	110,9
Юго-Славия	61,8
Эстония	16,8
Итого	11.861.000.000 долл. [2])

Таким образом, мы получаем колоссальную цифру—почти двенадцать миллиардов долларов—одних лишь воен-

[1]) Долги, сделанные в Америке Временным правительством в 1917 году.
[2]) Данные, приводимые в этой таблице, заимствованы из статьи Augur'a—The War debts—The Fortnightly Review, 1925 г., кн. 1.

ных и ближайшим образом связанных с войной долгов различных держав Соединенным Штатам.

Из числа крупных долгов консолидированным является, правда, лишь долг Великобритании. Последняя, желая обеспечить свой кредит, обязалась по соглашению от 28 февраля 1922 года между американским и английским министрами финансов (соглашение Меллон—Болдуин) уплатить Америке все 100% своего громадного военного долга, при ежегодном проценте в 3—3½%. Из остальных государств до настоящего времени аналогичные соглашения с Америкой заключили лишь Финляндия, Венгрия и Литва. Таким образом, вопрос о долгах других государств остается открытым. В частности, это относится к французскому и итальянскому военному долгу. Но могучие средства воздействия, находящиеся в распоряжении американского капитала, позволяют ему рассчитывать, что он сможет вынудить у своих должников все обязательства, какие он сочтет нужным для обеспечения своих интересов. Эти средства воздействия, как мы увидим ниже, сильно дали себя чувствовать в истекшем году, в частности, в отношении Франции.

Экономические и финансовые предпосылки, в виде решительного преобладания Америки в мировом хозяйственном обороте, определяют и политическую роль Соединенных Штатов. Последние, в результате мировой войны, превращаются в крупнейшую и могущественную империалистическую державу, стремящуюся утвердить свое влияние на всем земном шаре, закрепить за собой важнейшие мировые рынки и подчинить своему прямому или косвенному контролю всю мировую политику. Мировая конкуренция Англии и Германии, разрешившаяся смертельной схваткой 1914—1918 г.г., имела своим последствием крушение одного из соперников. Однако, победившей Англии не пришлось вкусить плодов победы и стать гегемоном, так как в результате войны на сцену выступил третий кандидат на мировое господство, неизмеримо более могущественный, чем два первые. Единственным выходом для Англии явилось сближение с Америкой, чтобы, путем уступок более могущественному контрагенту, удержать уже завоеванные позиции и сохранить целость своей мировой империи. Отсюда возникновение идеи англо-саксонского блока, которому принадлежало бы владычество над всей остальной частью человечества и монополия на эксплоатацию всех остальных стран в качестве колоний, полуколоний или покорных орудий англо-американской мировой политики.

Первым крупным проявлением англо-американского мирового сотрудничества явилась, как известно, Вашингтонская конференция 1921—1922 года. На этой конференции Англия пожертвовала ради сближения с Америкой своим союзом

с Японией. Последняя, очутившись перед об'единенным англо-американским фронтом, лишилась своих важнейших завоеваний на Дальнем Востоке, сделанных в результате мировой войны. Но еще более значительным, с точки зрения общих интересов английского и американского империализма, представляется другой результат Вашингтонской конференции, именно, пресловутое „ограничение морских вооружений". Последнее юридически закрепляет фактически существующее господство на море об'единенного англо-американского флота. Линейные флоты Англии и Америки, в том виде, как они определены постановлениями Вашингтонской конференции, вместе превышают почти в два раза об'единенные линейные флоты других держав. Отношение тоннажа линейных флотов Америки, Англии, Японии, Франции и Италии установлено на будущее время как 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75. Приняв во внимание, что французский и итальянский флоты фактически не достигают нормы, установленной Вашингтонской конференцией, и не отвечают требованиям современной боевой техники, и что таким образом, кроме Англии и Америки, единственной серьезной морской державой является Япония, мы получаем отношение в силе об'единенного линейного флота Англии и Америки к своему возможному противнику, как 10 : 3. Таким образом, англо-американское морское господство может считаться обеспеченным. По отношению друг к другу обе англо-саксонские державы тоже являются приблизительно равными по своей военно-морской мощи, тогда как до войны английский флот являлся сильнейшим в мире, следуя притом принципу „Two powers standard", в силу которого английский флот должен равняться по силе об'единенным флотам двух сильнейших, после Англии, морских держав и от которого Англия ныне принуждена отказаться.

Таким образом, Соединенные Штаты в настоящее время являются не только могущественнейшим в мире народнохозяйственным организмом, но и первоклассной военной державой, способной в случае нужды силой оружия отстаивать и поддерживать свою мировую экономическую экспансию.

II.

В Европе для американской экспансии к началу 1924 года создались исключительно благоприятные условия. Европа по существу еще не вышла из состояния войны. Версальский мир породил неразрешимые противоречия и послужил началом новой борьбы между европейскими державами. Репарационный вопрос в связи с вопросом о междусоюзных долгах создал безвыходное положение как для

побежденных, так и для некоторых из победителей. Создавшийся в Европе кризис нашел свое завершение и высшее выражение в оккупации Рура, осуществленной французским правительством Пуанкарэ в начале 1923 года, официальным мотивом которой было выставлено невыполнение Германией ее репарационных обязательств. Рурская оккупация создала крайне напряженную атмосферу во всей Европе и имела весьма тяжелые последствия для экономического и финансового положения имевших к ней отношение стран. Германия, отрезанная от своей важнейшей промышленной области, терпела страшный экономический и финансовый кризис, еще более ухудшенный теми расходами и жертвами, которые она принесла на алтарь бесплодного пассивного сопротивления. Результатом было полное обесценение германской валюты и чрезвычайное ухудшение жизненных условий в стране, подобного которому ей не пришлось испытать и в самые тяжелые месяцы мировой войны.

С другой стороны, Франция, хотя и захватившая Рур и к осени 1923 года приступившая к его эксплоатации, тем не менее находилась также в весьма затруднительном положении вследствие больших затрат, связанных с рурской авантюрой и тяжелого финансового положения, оставленного ей в наследство мировой войной. Затруднительное финансовое положение Франции, ее задолженность перед англо-американским капиталом и трудность вследствие этого поддержать свой кредит на должной высоте и были причиной того, что Франции в конце-концов пришлось отказаться от попытки разрешить репарационный вопрос собственными силами и принять посредничество Англии и Америки, уступив перед их требованиями.

Инициатива разрешения репарационной проблемы в том виде, как оно осуществилось в истекшем году, исходила от Америки, как от главного кредитора, заинтересованного в том, чтобы дела его должников были возможно скорее приведены в порядок, а также вследствие обширных возможностей экономической экспансии, которые открывались для Америки вместе с восстановлением европейских рынков и вследствие нужды европейских стран в кредите. Еще в декабре 1922 года государственный секретарь Юз в своей речи в Ньюхавене предложил созыв конференции с участием Америки для определения платежеспособности Германии. После выступления Болдуина, предложившего альтернативу—конференцию заинтересованных правительств, или обследование вопроса о платежеспособности репарационной комиссией—между американским и английским правительствами начались переговоры. Во Франции правительство Пуанкарэ приняло предложение на некоторых условиях: 1) должна иметь место лишь конференция экспертов,

а не уполномоченных правительств; эксперты должны быть назначены репарационной комиссией и находиться под ее руководством; должна быть рассмотрена лишь теперешняя платежеспособность Германии, и не должен быть пересмотрен вопрос об общей задолженности Германии в 132 миллиарда золотых марок. В результате президент Кулидж заявил, что он не примет официального участия в работах конференции, но не будет возражать против службы американцев в комиссии экспертов в качестве частных лиц, если им это будет предложено. 30 ноября 1923 года репарационная комиссия приняла постановление о назначении двух комитетов экспертов—одного для изыскания средств уравновешивания бюджета и меры к стабилизации валюты, другого—для изыскания средств к учету и обратному водворению утекших за границу германских капиталов. В первый комитет вошли два американца: генерал Чарльз Дауэс, в качестве председателя комитета, и Оуэн Юнг,—известные финансисты. В состав второго комитета, председателем которого был английский финансист Мак Кэнна, также вошел американский эксперт Робинсон. Таким образом, в обоих комитетах доминирующим было влияние американских и английских экспертов. Вскоре после своего сформирования комитеты энергично приступили к работе, прибыв для этого в Берлин, где они, на основании самых точных и исчерпывающих данных, представленных в их распоряжение германским правительством, получили возможность ознакомиться с финансовым и экономическим положением Германии. Результатом явились два доклада обоих комитетов, опубликованные 10 апреля 1924 года. Из них наиболее важным представляется доклад первого комитета, получивший отныне мировую известность под именем „плана Дауэса". Мы не намерены в настоящей статье излагать содержание этого доклада и выяснять его значение. Это в достаточной мере выполнено нашей ежедневной прессой и специальными работами, появившимися в нашей печати. В данном случае ограничимся лишь кратким указанием на те возможности, которые план Дауэса открывает для международного, в частности, для американского капитала. Одиннадцать миллиардов марок железнодорожных облигаций, выпускаемых реорганизуемыми германскими железными дорогами, 5 миллиардов облигаций, выпускаемых под залог германских промышленных предприятий,—все эти ценные бумаги должны в конечном счете поступить на биржу и явиться источником дохода для международного финансового капитала. „Репарационная Комиссия будет владеть облигациями на сумму в 16 миллиардов золотых марок, каковые могут поступать в продажу, посколку финансовый рынок сможет их поглотить. Впоследствии могут быть выпу-

щены облигации в счет поступления от налога на перевозки и из общих бюджетных источников, что даст правительствам возможность реализовать капитал следуемого им с Германии долга" (Доклад первого комитета экспертов, часть I,) [1]).

Американский финансовый капитал, как располагающий наибольшими ресурсами, может рассчитывать на скупку львиной доли репарационных облигаций, что будет означать его внедрение в основные отрасли хозяйственной жизни Германии—железные дороги и промышленность. Превращение Германии в колонию англо-американского капитала, в случае осуществления плана Дауэса, будет не воображаемой опасностью, а реальным фактом.

Далее, план Дауэса предусматривал предоставление Германии займа в 800 миллионов золотых марок для обеспечения устойчивости валюты и финансирования поставок натурой в течение предварительного периода. Этот заем открывал также широкие возможности для американского финансового капитала, на долю которого, как мы увидим ниже, пришлось более половины всей суммы займа.

Вполне понятно поэтому чрезвычайная заинтересованность финансовых и правительственных кругов Соединенных Штатов в принятии европейскими державами и проведении в жизнь плана Дауэса, открывающего для Америки такие широкие возможности экономической экспансии в Европе. Принятие плана со стороны Англии, для которой он означает серьезное усиление влияния на континенте, было обеспечено. Что касается Франции, то ее позиция в отношении к докладу экспертов в значительной степени определилась под активным давлением тех же кругов международного финансового капитала, которые более всего были заинтересованы в проведении плана Дауэса. Краткосрочный кредит в 100 миллионов долларов, предоставленный Banque de France группой американских банкиров во главе с Морганом и компанией в марте 1924 года (соглашение Моргана—Марсаля), имел, несомненно, крупные политические последствия. Как известно, этот заем остановил начавшееся в феврале катастрофическое падение франка, вызванное биржевыми махинациями американских и английских капиталистов. Таким образом, здесь отчетливо проявилась зависимость финансового положения Франции от злой или доброй воли представителей американского финансового капитала. Во время осуществления подписки на заем в американских банковых кругах преобладало мнение, что

---

[1]) Текст и анализ плана Дауэса—см. „Библиотека Международной Летописи", под редакцией Ф. А. Ротштейна. „Германские репарации и доклад комитета экспертов" со статьями Ф. А. Ротштейна, Е. Варги и Дж. Кейнса. Госиздат, Москва, 1925 год.

соглашение с группой Моргана предопределяет принятие французским правительством предложений комитета Дауэса[1]). Последовавшие события показали, что американские банкиры не ошиблись в своих расчетах. 24 апреля английское, итальянское и бельгийское правительства из'явили согласие на предложение репарационной комиссии о принятии доклада экспертов, а 25 апреля правительство Франции последовало их примеру. На совещании английского премьера Макдональда с новым премьером Франции Эррио 21—22 июня в Чекверсе было решено созвать в Лондоне конференцию по вопросу о проведении в жизнь плана экспертов. 9 июля оба правительства отправили совместную ноту всем союзным державам, а также Соединенным Штатам с приглашением участвовать в Лондонской конференции. В ответ правительство Соединенных Штатов сообщило, что оно будет представлено на конференции обычным „неофициальным наблюдателем". Таковым на этот раз был назначен американский посол в Лондоне Келлог. Кроме того, членами американской делегации были: Оуэн Юнг, член первого комитета экспертов и действительный автор плана Дауэса, и полковник Логан. Конференция открылась 16 июля. С самого начала конференции дало себя чувствовать не только самое активное участие в ходе ее работ американских „неофициальных наблюдателей", но и сильнейшее давление извне со стороны влиятельнейших представителей американских финансовых и правительственных кругов. „Случайно" вышло так, что конференция совпала с приездом в Лондон государственного секретаря Юза (19 июля). Официальным мотивом поездки было участие Юза в с'езде юридических ассоциаций, в качестве представителя американской ассоциации юристов, председателем которой Юз является. Однако, в правительственных кругах Соединенных Штатов не скрывали, что задачей поездки является воздействие на конференцию в целях проведения плана Дауэса. В интервью, данных им представителям прессы, Юз отметил, что американцы „крайне заинтересованы в исполнении плана Дауэса". Юз имел неоднократно совещания с Макдональдом, Эррио и другими главами правительств, представленных на конференции, и находился в постоянном контакте с Келлогом, Юнгом и другими членами американской делегации. В начале августа он побывал в Берлине, где имел свидание с президентом Эбертом, рейхсканцлером Марксом и министром иностранных дел Штреземаном. Но кроме Юза в Лондоне в момент конференции находились: представитель Моргана Ламонт, министр финансов Меллон и целый ряд других видных американских банкиров

[1]) The Economist, 1924 г., № 4205.

и финансистов. Этого рода „наблюдатели“ находились в постоянном контакте с конференцией, при чем их „частные“ обеды и завтраки с членами делегаций имели подчас большее значение, чем официальные заседания самой конференции.

Интересно проследить ход Лондонской конференции с точки зрения последовательного осуществления англо-американской программы. Основными спорными вопросами были: 1) вопрос о констатировании невыполнения Германией ее репарационных обязательств. Французы предлагали всецело оставить эту обязанность в компетенции репарационной комиссии, где им обеспечено большинство, тогда как англичане и американцы настаивали на иной процедуре, в частности на создании особого дополнительного органа, к которому бы переходила обязанность констатирования нарушений, в случае, если в репарационной комисси не было бы достигнуто соглашения. 2) Вопрос о применении санкций Французы стремились сохранить право сепаратного применения санкций за отдельными государствами, тогда как американцы и англичане, стремившиеся к охране интересов будущих держателей германских ценностей, не желали согласиться на это. Уже 20 июля в первой комиссии конференции было достигнуто соглашение на основе предложения Юнга, согласно которому, в случае недостижения единогласия в репарационной комиссии по вопросу о нарушении Германией ее репарационных обязательств, для участия в решении вопроса должен быть приглашен американский гражданин. Санкции могут применяться лишь в том случае, если комиссия предварительно запросит мнение генерального агента по репарациям и представителя кредиторов Германии. Интересы последних должны приниматься в расчет при применении санкций, при котором сохраняются также специальные залоги, установленные планом Дауэса. Однако, даже такие постановления не удовлетворили представителей английского и американского финансового капитала. 22 июля представители английских и американских банков, во главе с Ламонтом, представителем Моргана, и Монтегю Норманом, директором английского банка, заявили главам делегаций, участвующих в конференции, что представляемые ими банки не могут подписаться на заем, так как принятый первой комиссией протокол не обеспечивает интересов кредиторов. Англо-американские банкиры потребовали, чтобы констатирование нарушения репарационных обязательств было из'ято из ведения репарационной комиссии и передано в более „надежные“ руки. Банкиры заявили также, что соглашение будет невозможным при сохранении за отдельными государствами права применения санкций. Как сказал

Макдональд в палате общин 3/VIII—1924 года „английская и американская биржи не имеют более доверия к репарационной комиссии в качестве судебной инстанции для констатирования в будущем немецких невыполнений, и они сообщили нам, что поскольку репарационная комиссия будет иметь власть разрушать германское хозяйство и кредит, об'являя о невыполнении, которое может оказаться несуществующим,—гарантии, предоставленные для займа, могут оказаться столь малозначущими, что на него нельзя будет подписаться".

Влияние банкиров оказалось решающим. После долгой борьбы французской делегации, отстаивавшей полномочия репарационной комиссии и право сепаратного применения санкций, с англо-американскими банкирами восторжествовала, наконец, англо-американская точка зрения. Большую роль при достижении окончательного соглашения в первой комиссии сыграл один из американских наблюдателей,—Логан. Он заявил, что его правительство придает величайшее значение осуществлению плана Дауэса, „как единственного средства для обеспечения экономического восстановления Европы". Он заявил далее, что банкиры не преследуют никаких политических целей и имеют в виду лишь интересы будущих держателей займов. После двух компромиссных предложений, из которых одно было выдвинуто Логаном, а другое бельгийским делегатом, французская делегация 30 августа представила проект, в котором дала свое согласие на основные требования ее противников. Согласно процедуре, принятой первой комиссией и окончательно утвержденной пленарным заседанием конференции 2 августа, в случаях, когда репарационная комиссия будет принимать решения по вопросам, касающимся установления невыполнения Германией ее репарационных обязательств, в заседаниях комиссии должен принимать участие американский гражданин. Последний должен избираться на пятилетний срок единогласным решением комиссии или в случае несогласия назначаться очередным председателем Постоянной Палаты Международного Суда. В случае назначения Америкой официального делегата в репарационную комиссию, к нему переходят обязанности означенного лица. В случае, если репарационной комиссией заседающей с участием американца, не будет достигнуто единогласия, вопрос передается на окончательное решение особой арбитражной комиссии из трех лиц, которые также избираются на пять лет единогласным решением репарационной комиссии или же назначаются председателем Постоянной Палаты Международного суда. Председателем этой арбитражной комиссии обязательно должен быть американский гражданин. Таким образом, решение вопроса о невыполне-

нии Германией ее репарационных обязательств проходит через три инстанции,—принимая во внимание, что комиссия может приступить к обсуждению этого вопроса лишь после того, когда она будет уведомлена о невыполнении генеральным агентом по репарациям. Во всех трех инстанциях или по меньшей мере в двух—в первой и в конечной—решающую роль играют американцы, т а к к а к, к а к м ы увидим ниже, было установлено, что генеральным агентом по репарациям также должен быть американский гражданин. Таким образом, можно сказать, что установление невыполнений репарационных обязательств находится под полным американским контролем. Что касается вопроса о применении санкций, то последнее может иметь место лишь в том случае, когда согласно описанной выше процедуре будет установлено невыполнение обязательств. В этом случае, как гласитпротокол Лондонской конференции„договаривающиеся правительства, действуя в сознании своей общей ответственности в отношении как своих собственных интересов, так и интересов частных лиц, вложивших средства для введения в действие плана, немедленно сговорятся между собой для определения характера тех санкций, которые следует принять" [1]). При применении санкций сохраняются специальные залоги предназначенные для обеспечения займа, предоставляемого Германии по плану Дауэса. Этот заем „пользуется абсолютным приоритетом на все ресурсы Германии". Таким образом, у отдельных правительств отнимается право сепаратного применения санкций за сохранение которого боролась Франция. В обоих важнейших спорных вопросах она, таким образом, должна была уступить, очутившись перед об'единенным англо-американским фронтом. Интересно, что идея создания дополнительного арбитражного органа сверх репарационной комиссии для решения вопроса о невыполнении была впервые высказана в палате общин лидером консерваторов Болдуином. Это лишний раз указывает на тесный контакт между политиками и финансистами обеих англо-саксонских стран, совместными усилиями проводивших свою программу. Что касается распространения принципа арбитража на разрешение разногласий между репарационной комиссией и Германией относительно программ поставок натурой и разногласий внутри самой репарационной комиссии по этому вопросу или тех же разногласий внутри трансфертного комитета по вопросу о суммах, накопившихся в распоряжении генерального агента по репарациям и финансовых махинациях Германии,— то принцип арбитража для этих случаев был установлен по настоя-

---

[1]) Все протоколы Лондонской Конференции см. „Лондонская Конференция". Издательство Коммунистической Академии, Москва, 1925 г.

нию Франции, при посредничестве Соединенных Штатов. Последние и здесь оказываются выигравшей стороной, так как и в этих случаях разногласия разрешаются арбитражными комиссиями из трех лиц во главе опять-таки с председателем американцем. Эти комиссии избираются репарационной комиссией или комитетом трансфертов, или же назначаются председателем Постоянной Палаты Международного Суда сроком на 5 лет точно так же, как арбитражная комиссия, разрешающая вопрос о невыполнении Германией ее репарационных обязательств.

Таким образом, в результате решений Лондонской конференции, Англия и Америка полностью обеспечили интересы своих подписчиков на германский заем и будущих держателей репарационных облигаций. Контроль над исполнением репарационных обязательств был фактически отнят у Франции, у которой он ранее находился вследствие ее преобладающего влияния в репарационной комиссии, и передан в руки многочисленных „третейских" инстанций, в которых руководящую роль, как мы видим, играют американцы. После такого соглашения, означающего фактическое осуществление требований, пред'явленных англо-американскими банкирами, последние могли спокойно подписаться на заем, предусмотренный планом Дауэса, что они и осуществили. В сравнении с этой англо-американской победой над Францией, весьма скромной представляется уступка, предоставленная Франции в вопросе о военной эвакуации Рура. Как известно, решение об эвакуации Рура в годичный, по вступлении плана Дауэса в силу, срок было принято благодаря посредничеству Макдональда и Келлога, оказавших в этом смысле давление на германскую делегацию. Последняя вынуждена была уступить после того, как она в течение долгого времени сопротивлялась франко-бельгийским требованиям, настаивая на более раннем сроке эвакуации. Здесь, таким образом, лишний раз сказалось решающее влияние англо-американского блока на исход конференции.

Если Франции было предоставлено некоторое продление военной оккупации Рура, то зато в протоколы Лондонской конференции было включено требуемое планом Дауэса восстановление экономического и финансового единства Германии, с отменой всех введенных оккупационными властями в этом смысле ограничений, упразднением всех установленных ими залогов на германское имущество и предприятия и возвратом последних их собственникам. Так были аннулированы плоды двухлетней французской самостоятельной политики в репарационном вопросе, от которой Франция под мощным давлением американского финансового капитала принуждена была отказаться.

Отныне все преграды для проникновения этого капитала на европейский континент были снесены, и перед ним открылись необ'ятные возможности. Понятно поэтому неприличное ликование американской прессы и правительственных кругов по поводу принятия плана Дауэса. Недаром Келлог, американский посол в Лондоне, назвал план Дауэса „величайшим достижением созидательного творчества новейшего времени"; по словам Келлога принятие этого плана, пользовавшегося „сердечной поддержкой президента Кулиджа и народа Соединенных Штатов", „является первым великим шагом к восстановлению доверия к нашей цивилизации". В коммюнике, выпущенном для прессы президентом Кулиджем, говорится: „президент верит, что это самый важный результат, достигнутый со времени перемирия, за исключением, может-быть, Вашингтонской конференции. Это доказывает, как ничто другое, мудрость американской позиции и действительность американского метода сотрудничества".

14 октября была произведена подписка на заем, предоставляемый Германии согласно плану Дауэса. Доля Америки в этом займе составила 110 миллионов долларов или более половины всей суммы в 800 миллионов марок золотом, тогда как доля Англии—12,5 миллионов фунтов, а доли остальных государств Европы, в том числе и Франции, были сравнительно ничтожны. Подписка была осуществлена в течение нескольких минут, так как крупнейшие банки и финансовые концерны заранее решили реализовать заем. Так был заложен первый камень будущего господства американского финансового капитала над Германией.

Практические достижения Америки сказались также при замещении высших должностей, созданных планом Дауэса. Генеральным агентом репараций был назначен американец Сеймур Паркер Джильберт, сотрудник департамента финансов. Временно, до вступления его в должность, обязанность генерального агента исполнял Оуэн Юнг,—действительный автор плана Дауэса. По своей должности генеральный агент является вместе с тем и председателем комитета трансфертов. Хотя в протоколах Лондонской конференции не зафиксировано, что генеральным агентом по репарациям должен быть американец,—можно с уверенностью предсказать, что прецедент, создаваемый назначением Джильберта, окажется решающим и на будущее время, в виду возрастающего влияния американского финансового капитала на дела Европы.

По существу весь механизм, созданный планом Дауэса, предназначен в конечном счете для обслуживания Соединенных Штатов. Последние в качестве кредитора всех остальных союзных держав могут рассчитывать на использование того источника, из которого их должники получают репара-

ционные платежи. Как говорит известный политический обозреватель влиятельного английского журнала „The Fortnightly Review“ Augur [1]): „Если бы было возможно представить графически потоки золота или его эквивалентов, стремящиеся из одной страны в другую для погашения взаимных обязательств, то было бы видно, что эти потоки имеют свой источник, главным образом, в германских платежах и соединяются в один могучий водопад, устремляющийся в Америку. Это приводит нас к следующему факту: „Что платежи, которые Германия должна сделать по плану Дауэса и которые хотя и ограничены на каждый год, но не ограничены в их общей сумме, могут быть окончательно определены только тогда, когда будет окончательно известна общая сумма, требуемая Соединенными Штатами, равно как и условия уплаты. [2]). Другими словами, судьба европейского плательщика налогов, и в особенности германского плательщика репараций, находится в руках Соединенных Штатов. В их власти подавить его на целые грядущие поколения, а вместе с ним экономическое возрождение Европы и всего мира, или же, смягчая их требования в пропорции с платежеспособностью, они смогут оживить финансовое и экономическое обращение в мире и, таким образом, получить из других источников с излишком то, от чего они отказались“.

Соединенные Штаты не проявляют ни малейшей склонности смягчить в какой бы то ни было степени свои требования в отношении наций—должников. Так, в конце прошлого года государственный департамент отклонил предложение Франции о создании особого международного органа для разрешения вопросов о взаимных расчетах между государствами [3]). Точно так же было отклонено предложение Великобритании принять представителя Debt funding comission в британском министерстве финансов 29/VII для рассмотрения вопросов о ликвидации кредитов, предоставленных Англией и Америкой малым государствам (Польше, Чехо-Словакии, Юго-Славии, Греции). Соединенные Штаты отнюдь не желают разделять своего преимущественного положения в качестве кредитора с кем бы то ни было, стремясь извлечь максимальные выгоды и не идя ни на какие уступки. По официозным заявлениям представителей американских финансовых и правительственных кругов, последние не согласятся ни на уменьшение основной суммы долга, ни на уменьшение уплат по процентам. Для них

---

[1]) См. The Fortnightly Review, кн. I 1925 г.—Augur—The War debts.
[2]) Курсив автора цитируемый статьи.
[3]) См. „Международную Летопись“ за 1924 год, № 2, стр. 100.

представляются приемлемыми лишь соглашения со странами-должниками по образцу соглашения Меллон-Болдуин с Англией, т.-е. предусматривающие полное удовлетворение американских претензий.

Правительство Соединенных Штатов внимательно следит за всеми финансовыми взаимоотношениями европейских держав. Лишь только на Лондонской конференции было решено созвать в Париже междусоюзную финансовую конференцию для обсуждения различных вопросов, связанных с новым статутом репараций, установленным планом Дауэса, как президент Кулидж через посредство Келлога немедленно уведомил конференцию о желании Соединенных Штатов быть представленными на этом с'езде министров финансов. В качестве мотивировки было выставлено, что Соединенные Штаты имеют право на получение репарационных платежей, поступающих по плану Дауэса,—для покрытия расходов, произведенных ими в свое время на содержание оккупационной армии в размере 250 миллионов долларов и для возмещения убытков, понесенных их частными гражданами во время войны, в сумме 300 миллионов долларов. Франция согласилась признать обоснованность американских притязаний (соглашение Клемантель — Логан 25/X—1924 года). Однако, Британское правительство первоначально отказалось признать закономерность американских притязаний, мотивируя это тем, что Америка не ратифицировала Версальского договора, заключив сепаратный мирный договор с Германией и, следовательно, ныне не имеет права пользоваться преимуществами, проистекающими от осуществления Версальского договора в форме плана Дауэса. В течение декабря между обоими правительствами имела место оживленная переписка по этому вопросу, при чем американское правительство энергично отстаивало свои претензии.

Другим крупным событием конца истекшего года из области финансовых взаимоотношений Америки с другими государствами были официозные переговоры между Соединенными Штатами и Францией по вопросу о французском военном долге Америке. Официальных предложений со стороны французского правительства, правда, сделано не было, и дело ограничилось нащупыванием почвы для соглашения и официозным выяснением точек зрения обеих сторон. Наиболее интересным из относящихся сюда фактов следует считать проект, представленный секретарю финансов Меллону Эдуардом Харлеем, членом комиссии консолидации долгов. Согласно этому проекту, долг, общая сумма которого исчисляется в 3.500.000.000 долларов, должен был быть выплачен в 65 или 67 лет; предлагается предоставление 5-годичного моратория, по окончании которого Франция должна

будет выплачивать по 2% годовых, постепенно повышая их до 4%. Но самым интересным в этом предложении представляется то, что оно предусматривает уплату половины французского долга индустриальными облигациями, выпускаемыми французскими железными дорогами, промышленными предприятиями и т. д. В случае его осуществления этот проект, таким образом, открыл бы те же возможности для внедрения американского капитала в народное хозяйство Франции, как план Дауэса по отношению к Германии. Правительственные круги Соединенных Штатов официально не высказывались по поводу этого проекта, но по сведениям английской и американской печати он встретил благоприятное отношение многих французских должностных лиц, в том числе министра финансов Клемантеля. Повидимому, в начале декабря переговоры находились в благоприятном положении, судя по тому, что 2 декабря комиссия консолидации долгов опубликовала сообщение, в котором отмечалось, что „хотя комиссии не было представлено окончательного предложения, кажется, что французское правительство желает попытаться достигнуть таких условий, которые могли бы оказаться удовлетворительными для обеих сторон". Неожиданным осложнением явилось выступление английского министра финансов Черчилля, заявившего о равных правах Англии с Америкой в отношении наций—должников и о том, что в случае соглашения этих наций с Соединенными Штатами Англия потребует аналогичного удовлетворения своих претензий. Это выступление, повидимому, замедлило намечавшееся франко-американское соглашение. Оно произвело большое впечатление в правительственных кругах Соединенных Штатов, хотя со стороны их не отрицалась полная логичность и юридическая обоснованность заявления Черчилля.

В общем твердое желание американского правительства добиться скорейшего урегулирования вопроса о военных долгах не подлежит никакому сомнению. Об этом определенно говорится в ежегодном послании президента Кулиджа конгрессу, прочитанном 3 декабря 1924 года. „Я против списания этих долгов и считаю, что в интересах мирового благополучия, они должны быть ликвидированы и уплачены как можно скорее".

Между тем, инвестирование американских капиталов в Европе непрерывно продолжается. Французское правительство не нашло иного исхода для ликвидации краткосрочного займа в 100 миллионов долларов, предоставленного Banque de France Морганом для стабилизации курса франка, как превращение этого займа в долгосрочный, сроком на 25 лет. Заключен он из 7% годовых. Кроме того, заключено еще несколько менее значительных французских займов на

американской бирже. Так, в сентябре выпущен заем в 10.000.000 долларов железной дорогой Paris-Orléan из 7% годовых на 30-летний срок. В начале сентября, по соглашению бельгийского правительства с тем же синдикатом Моргана, осуществлен бельгийский заем на сумму в 30.000.000 долларов, сроком на 25 лет, из $6^1/_2$ (фактически из 7%) годовых. В декабре заключено новое соглашение бельгийского правительства с банком Моргана и Нью-Йоркским Guaranty Trust о выпуске второго займа в 50 миллионов долларов, с погашением в 30-летний срок; заем также фактически заключается из 7% годовых. В продолжение первого полугодия 1925 года предполагается выпуск нового бельгийского займа, также в 50 миллионов. Кроме того, в текущем году предоставлены кредиты различным европейским странам: Швейцарии—30 миллионов долларов, Голландии—40 миллионов, Чехо-Словакии—около 10 миллионов, Венгрии — 9 миллионов, Норвегии — 25 миллионов и т. д., не считая множества городских и частных займов. Таким образом, задолженность Европы перед американским капиталом неуклонно возрастает.

Финансирование иностранных правительств и частных предприятий за последние месяцы сделалось настоящей горячкой. 14 октября возвещено об образовании концерна „American and Continental Corporation“ с основным капиталом в 25.000.000 долларов для финансирования через посредство подчиненных банков промышленных предприятий в различных странах Европы. Затем к концу октября образован группой нью-йоркских банкиров кредитный трест, под названием United States and Foreign Securities Corporation с основным капиталом в 30.000.000 долларов, часть капиталов которого будет помещаться в иностранных ценных бумагах. Возник также ряд других, более мелких корпораций подобного рода. „В действительности все крупные банки здесь (т.-е. в Нью-Йорке), занятые в международных операциях, получают много требований о займах и кредитах от европейских стран, при чем просящими являются правительства и муниципалитеты, железные дороги, гидро-электрические концерны и различные предприятия. Большинство предполагаемых должников расположено в Центральной Европе, и, как говорят, многие банкиры из Германии, Австрии, Польши и других стран намереваются посетить Нью-Йорк для переговоров о займах и кредитах [1]).

Результатом колоссального роста финансового влияния Соединенных Штатов в Европе является возрастающее их воздействие и на европейскую политику. Из изложенного выше очевидно их решающее влияние в важнейшем из

[1]) The Economist, 1924 г., № 4236.

послевоенных европейских вопросов — репарационном. Но этого мало. Можно сейчас с уверенностью сказать, что ни одна более или менее крупная европейская проблема не может быть разрешена без прямого или косвенного участия Соединенных Штатов или их граждан. Возьмем несколько примеров, относящихся к истекшему году. Казалось бы, мемельский вопрос имеет очень мало отношения к Америке. Между тем, он был урегулирован благодаря посредничеству Нормана Девиса, председателя комиссии Лиги Наций, уладившей польско-литовский спор, главным образом, потому, что Девис являлся американцем. Это обстоятельство отмечает сам Девис в своем отчете об улажении спора. Он заявляет, что весьма трудно было бы разрешить мемельскую проблему „не будучи в состоянии воспользоваться услугами американца,... несомненно, американец, официально назначенный Соединенными Штатами, имел бы больше влияния". Когда при посредстве Лиги Наций было осуществлено так называемое „восстановление" Венгрии, при деятельном участии американских банков в займе, предоставленном этой стране, финансовым комиссаром в Венгрии был посажен американец Иеремия Смит, подобно тому, как его соотечественник Джильберт был назначен генеральным агентом по репарациям. Эти примеры воочию показывают, каким магическим авторитетом пользуется американское имя в современной Европе. Когда в июне 1924 года с пришествием к власти правительства Эррио возник вопрос о признании СССР Францией, распространились слухи, что это признание задерживается вследствие протеста против него правительства Соединенных Штатов. Государственный департамент, правда, опроверг этот слух, но один тот факт, что он мог распространиться, доказывает, как велико значение, придаваемое европейскими правительственными кругами и прессой мнению Америки.

Последняя все более активно вмешивается в международные вопросы, которые европейские державы до сих пор всецело считали в сфере своего влияния. Как известно, новый статут Танжера не вошел до сих пор в силу, вследствие того, что он не признан несколькими государствами, в числе которых находятся и Соединенные Штаты. В посланном 12 июля государственным секретарем Юзом ответе на идентичную ноту британского, французского и испанского правительств отмечается, что Соединенные Штаты должны получить добавочные гарантии соблюдения политики открытых дверей в отношении Танжера. Далее, Соединенные Штаты отказываются послать представителя в законодательный совет танжерской зоны и принять участие в ее администрации вследствие того, что доля, предоставленная Соединенным Штатам в управлении Танжера, не

может сравняться с долей трех других держав. Вследствие этого „правительство не желает принять ответственности без необходимой власти". Таким образом, американский капитал требует для себя „открытых дверей" и „необходимой власти" даже в такой далекой, казалось бы, и в географическом и в политическом отношении от Америки области, как Танжер.

При дальнейшем увеличении американской экономической экспансии и финансового влияния в Европе можно ожидать и дальнейшего роста американского вмешательства в европейскую политику.

III.

Если мы можем отметить в истекшем году признанные успехи американского капитала и американской политики в Европе, то на Дальнем Востоке мы можем также отметить весьма сильный рост американской активности. Здесь после Вашингтонской конференции, установившей в отношении Китая принцип открытых дверей, создались широкие возможности для экспансии американского капитала. Положение главного соперника Америки в этой части света, Японии, сильно ухудшилось, вследствие того, что Японии пришлось отказаться на Вашингтонской конференции от одной из важнейших своих позиций на азиатском материке, приобретенной в результате мировой войны—Киао-Чао. Осенью 1922 года в Пекине утвердилась у власти чжилийская группировка—Цао-Куна и У-Пей-Фу, благоприятная для Соединенных Штатов, поддержкой которой она пользовалась на ряду с английской. Борьба этой группировки против правителя Манчжурии—Чжан-Цзо-Лина и дудзюнов отдельных провинций была вместе с тем и борьбой американского влияния с японским. Аннулирование по постановлению Вашингтонской конференции соглашения Лансинга-Иши 1917 года, по которому Америка признавала специальные интересы Японии в Китае, означало вместе с тем и обострение японо-американского соперничества. Непредвиденным и неблагоприятным для Америки фактором явился чрезвычайный рост национального самосознания в Китае, выразившийся в стихийном народном движении в пользу отмены несправедливых договоров, исключительных прав иностранцев и освобождения Китая от иностранного ига. Это движение, которое Соединенные Штаты приветствовали бы, если бы оно обращалось лишь против их соперников, в частности японцев, в действительности, однако, оказалось угрожающим для всех иностранных империалистов, заинтересованных в этой части света. С самого начала текущего года мы можем отметить возрастающее беспокой-

ство со стороны американских капиталистических кругов, имеющих интересы в Китае, и со стороны ответственных руководителей американской политики. Еще в 1923 году американская торговая газета в Шанхае вместе с американской ассоциацией в Китае посылают государственному секретарю Юзу меморандум, настаивающий на принятии дополнительных мер для охраны американцев и американских интересов в Китае и на взятии обратно или отсрочке введением в действие всех „преимуществ", предоставленных Китаю Вашингтонской конференцией. На ежегодном собрании американской палаты в Шанхае в следующем 1924 г. принимаются аналогичные постановления. При этом выражаются пожелания об осуществлении сотрудничества Америки с Англией в разрешении различных, относящихся к Китаю вопросов, в виду общности интересов обеих стран [1]). Резкая перемена тона в отношении Китая со стороны американских правящих кругов сказалась уже в начале этого года. Государственный секретарь Юз в январе 1924 года в своем письме на имя Локвуда, секретаря республиканского национального комитета, говорит: „Дальне-восточная политика, которой следует правительство в связи с конференцией (Вашингтонской), остается без изменений в своем основном содержании и была изменена в своем применении только до степени, необходимой вследствие перемен, которые за это время имели место в самом Китае. Эти перемены,—мне очень жаль это сказать,—были разочарованием для тех, кто надеялся, что более полная мера возможности независимого развития ускорит развитие более нормального и упорядоченного внутреннего управления в Китае и сделает возможным установление правительства, способного выполнить международные обязательства, соответствующие суверенным правам, которые конференция признала и желала сохранить за Китаем. При таких обстоятельствах применение дальне-восточной политики к положению в Китае должно было необходимо принять в расчет условия, созданные полным упадком правительственной власти и чувства политической ответственности со стороны тех, которые номинально стоят у власти в Китае. Но какова бы ни была наша вера в способность китайского народа добиться в конце-концов своего собственного исцеления, мы не можем игнорировать действительной ответственности, вытекающей из нашего долга обеспечить должную охрану лиц и интересов наших граждан, проживающих в Китае, в осуществление прав, предоставленных им нашими договорами с Китаем. Этот долг заставляет нас требовать от китайского правительства столь настойчиво,

[1]) China Illustrated Review, 1924 г., № 172.

как мы можем, исполнения иностранных обязательств. Я вполне убежден, что никакие меры, которые мы приняли до сих пор или какие мы намереваемся принять с этой целью, не являются чересчур твердыми [1])".

В этих словах Юза формулирован основной принцип американской политики в отношении Китая в том виде, как она осуществлялась в прошлом году. Эта политика сводилась к постоянному вмешательству в китайские дела и систематическому резкому давлению на китайское правительство с целью заставить его подчиниться американским притязаниям. Малейшее нарушение или даже лишь более или менее проблематичная возможность нарушения американских интересов в Китае являлась предлогом для немедленного и энергичного выступления государственного департамента с самыми широкими и беззастенчивыми требованиями. Во всяком проявлении самостоятельной линии во внешней политике Китая, расходящемся с пожеланиями Вашингтона, Америка также находила предлог для вмешательства. Понятно, что величайшую опасность для себя американские империалисты усмотрели в сближении Китая с Советским союзом. Советско-китайский договор,—первый в истории Китая, заключенный на началах взаимности и равенства — создавал чрезвычайно опасный с точки зрения империалистических держав прецедент и способствовал дальнейшему пробуждению национального самосознания китайского народа. Отсюда понятна ожесточенная борьба против этого договора, предшествовавшая его заключению, и попытки сорвать советско-китайское соглашение. Мы не говорим уже об ожесточенной кампании американской прессы против „большевистской опасности" на Дальнем Востоке, кампании, преисполненной небывалой лжи и клеветы. Но и официальные выступления американского правительства достаточно ярко рисуют агрессивность и беззастенчивость „традиционных друзей китайского народа". 3 мая, т.-е. незадолго до подписания советско-китайского соглашения, американский посланник в Пекине, Шерман, вручил китайскому министру иностранных дел Веллингтону-Ку ноту, в которой китайскому правительству напоминалось об установленной 13-й революцией Вашингтонской конференции его ответственности за интересы иностранных держателей акций и кредиторов Китайско-Восточной железной дороги. В ноте заявлялось, что американское правительство „стоит за охрану всех интересов, связанных с дорогой, и не может одобрить какое бы то ни было изменение status quo, кем бы оно ни было вызвано, если только права кре-

[1]) China Illustrated Review, 1924 г. № 172.

диторов и других заинтересованных сторон не будут надлежащим образом охранены“ [1]). Хотя в ноте и заверялось, что „правительство Соединенных Штатов не имеет желания предупредить заключения китайско-русского соглашения“, тем не менее ясно, что нота преследовала именно эту цель. Аналогичная нота со стороны Франции, представленная несколько ранее, в марте, временно осложнила и затруднила ход советско-китайских переговоров. Государственный департамент, очевидно, рассчитывал, что его выступление будет иметь аналогичный эффект. В том, что советско-китайский договор, несмотря на это, все же был заключен,—менее всего приходиться винить г. Юза. Соединенные Штаты со своей стороны сделали все возможное, чтобы затруднить соглашение СССР с Китаем.

Агрессивное отношение к последнему проявилось также во время гражданской войны, начавшейся в конце августа. Насколько американский империализм был готов воспользоваться всяким предлогом для того, чтобы активно проявить себя в Китае, видно хотя бы из следующего случая. Китайское правительство, стремясь к охране жизни и имущества иностранцев, издало приказ, воспрещающий путешествие иностранных подданных в провинциях Шекян, Анвей и Кян-Су, т.-е. в районе военных действий. Представители американского и британского правительств представили пекинскому правительству протест против применения этого приказа к их подданным гражданам. Таким образом, они воспротивились проведению этого приказа, так как он заранее удалял один из возможных предлогов для вмешательства в китайские дела. Этот случай является, кстати сказать, одним из многочисленных случаев сотрудничества американского империализма с английским в их агрессивной политике в отношении Китая.

События, которыми завершилась гражданская война в Китае,—поражение Чжилийской партии и торжество манчжурской группировки (Чжан-Цзо-Лин), активно поддерживаемой Японией и Францией, и явившееся следствием этого образование правительства из представителей японофильской партии анфуистов, вряд ли входили в расчеты Америки. Однако, все же падение У-Пей-Фу нельзя считать поражением американского империализма, поскольку, как мы видели выше, руководящие американские круги за последнее время занимали по отношению к правительству чжилийской партии скорее враждебную позицию и постоянно выражали недовольство его политикой в вопросе об отношениях к СССР и во многих других. Во всяком случае, американский империализм постарается использовать от-

[1]) Текст ноты см. The China Illustrated Review, 1924 г., № 178.

крывающиеся ему в Китае возможности и при новом анфуистском правительстве Туан-Дзи-Джуя. Пока трудно предвидеть, каковы будут дальнейшие шаги американской политики в этой части света, но в том, что планы влиятельнейших капиталистических кругов Америки в отношении американской экспансии в Китае заходят весьма далеко, сомневаться не приходится. Об этом весьма красноречиво говорит хотя бы следующий факт. В середине ноября агентство „Assossiated Press" распространило сенсационное известие, будто бы министр иностранных дел нового китайского правительства Ван-Чен-Тин ведет переговоры с представителями американских деловых кругов по финансовым вопросам. При этом будто бы китайское правительство склонялось к созыву финансовой конференции в целях урегулирования проблемы китайских долгов путем применения к Китаю системы, аналогичной той, которая установлена для Германии планом Дауэса. Этот слух был официально опровергнут китайским правительством. Однако весьма показательным является то, что идея применения плана Дауэса к Китаю встретила весьма сочувственное одобрение со стороны влиятельнейших органов американской прессы, отражающих мнение финансовых кругов („The New Jork Times" и других). Этот факт позволяет думать, что мысль о „дауэсации" Китая еще будет выдвинута со стороны Уоль-Стрита, как только к этому представится подходящий случай.

Давая общую характеристику американской политике в отношении Китая за истекший период, мы можем констатировать, что американский империализм сбросил маску „друга Китая", которой он лицемерно прикрывался за предшествующие годы, и показал свое подлинное лицо. Политика Америки в отношении Китая в истекшем году была не менее грубой, и беззастенчивой и агрессивной, чем политика какой бы то ни было другой империалистической державы. Перемену американских методов в Китае следует, с одной стороны, как мы уже отмечали выше, поставить в тесную связь с пробуждением национального самосознания Китая и с той опасностью, которую американский империализм усматривает для себя в этом отношении. Другой причиной является стремление к максимальной экономической экспансии в Китае, побуждающее Америку оказывать при всяком представляющемся случае энергичное давление на Китай с целью принудить его к дальнейшим уступкам. Какие бы то ни было стремления Китая к эмансипации, поскольку эти стремления не направлены против соперников Америки, в частности против Японии, не встречают более ни малейшей поддержки со стороны Соединенных Штатов. Так, представители американских правительственных и финансовых кругов крайне враждебно встретили мысль об отмене

в Китае режима капитуляций и о замене его иным порядком, более соответствующим суверенитету страны[1]). Мало того, „уступки", уже предоставленные Китаю на Вашингтонской конференции, до настоящего времени фактически не проводятся в жизнь. Так, неоднократные просьбы китайского правительства за истекший год о созыве конференции для обсуждения вопроса о повышении таможенного тарифа, согласно постановлениям Вашингтонской конференции, не имели успеха, не будучи поддержанными ни одной из иностранных держав, в том числе и Америкой. Что касается имевшего место в мае 1924 года „великодушного" отказа американского конгресса от невыплаченной еще части причитающейся Соединенным Штатам доли боксерского возмещения, то этот шаг по существу лишен всякого действительного значения. Соединенные Штаты не явились в данном случае единственной державой, так как, напротив, большинство держав, заинтересованных в получении боксерского возмещения, за последнее время отказались или выразили свое согласие на отказ от оставшейся еще невыплаченной части боксерского возмещения, так как большая часть этого возмещения, целиком покрывающая убытки частных граждан, пострадавших во время боксерского восстания, была уже получена ранее, а оставшаяся часть включает, главным образом, расходы на осуществление боксерской экспедиции. Получение этой части практически невозможно при теперешнем состоянии китайских финансов и после таких прецедентов, как аннулирование германской, австрийской и русской долей боксерского возмещения. Более значительную чем Соединенные Штаты сумму боксерского возмещения „простила" Китаю в текущем году Великобритания (20.000.000 и 88.000.000 китайских долларов). Впрочем, и эта „прощенная" часть возмещения должна быть использована на предмет развития европейской „цивилизации" в Китае или для постройки железных дорог, в которых заинтересованы соответствующие державы, т.-е. в целях экспансии этих же самых держав в пределах Китая.

Продолжая наш обзор Дальне-Восточной американской политики в истекшем году, мы не можем не коснуться вопроса о взаимоотношениях Америки с ее главным соперником в этой части света—Японией. Положение последней к началу отчетного периода было весьма неблагоприятным сравнительно с тем, каким оно было к концу мировой войны. Япония быстро потеряла исключительное положение, завоеванное ею во внешней торговле Китая, и принуждена была постепенно уступать свои позиции в этой области под давлением англо-американской конкуренции. Ее политиче-

[1]) См. The China Illustrated Review, 1924 г., № 174.

ское положение в Китае было сильно поколеблено постановлениями Вашингтонской конференции, аннулировавшими ее союз с Англией и лишившими ее одной из сильнейших опорных баз на азиатском материке—Киао-Чао. Последовавшие события, вытекающие из решений Вашингтонской конференции, в частности, аннулирование соглашения Лансинга—Иши, были новыми ударами для японского империализма на Дальнем Востоке. Положение Японии еще более ухудшилось вследствие стихийного бедствия, обрушившегося на нее в сентябре 1923 года. Землетрясение причинило Японии огромный ущерб, особенно тяжелый при ограниченных народно-хозяйственных ресурсах страны. Оно уничтожило ее столицу—Токио, и ее важнейший промышленный центр—Иокагаму; наконец, оно нанесло и ущерб в военно-стратегическом отношении, так как во время его пострадала важнейшая морская база японского флота-Иокосука. Несмотря на всю энергию и находчивость, проявленные японским правительством, последнее не смогло обойтись без финансовой помощи извне и принуждено было прибегнуть в феврале 1924 года к заключению большого займа на Лондонской и Нью-Йорской биржах. В Америке заем был заключен японским правительством на сумму 150.000.000 долларов, на срок 30 лет, из $6^1/_2$%. Фактически боны выданы за $92^1/_2$% их номинальной стоимости, и, таким образом, заем на самом деле заключается более чем из 8%. Большая часть американско-японского займа, предназначенного для целей реконструкции, была израсходована на заказы в Соединенных Штатах, создавая, таким образом, лишние возможности для американской промышленности, помимо выгод, доставленных им американскому финансовому капиталу [1]).

Следующий заем был выпущен на нью-йоркской бирже осенью 1924 года „Промышленным банком" Японии под гарантию японского правительства, на сумму в 22.000.000 долларов, сроком на три года, из 6%. Замечательной особенностью этого второго займа является то, что в контракте особо оговорено, что облигации оплачиваются в мирное время или в военное время независимо от национальности их держателей и без всякого заявления относительно гражданства. Это условие несомненно имеет в виду возможное обострение японо-американских отношений.

Эти отношения осложнились в текущем году вследствие постановления, направленного против японской иммиграции в Соединенные Штаты, включенного в новый иммиграционный закон, принятый американским конгрессом 16 апреля и подписанный президентом Кулиджем 26 мая. Статья 13 этого акта воспрещает доступ в Соединенные

[1]) The Economist, 1924 г., № 4201.

Штаты всем иностранцам, не могущим приобрести гражданства, за исключением немногих категорий лиц, которые перечисляются в статье 4 того же акта, как-то: лица, приезжающие с научной целью, или учащиеся, приезжающие на определенный срок для прохождения своих занятий, или же жены, или дети моложе 18 лет граждан Соединенных Штатов, проживающих там в момент подачи заявления. Как известно, под категорию иностранцев, не могущих приобрести гражданства, на ряду с индусами, китайцами и другими цветными расами, подходят и японцы, так как приобретение американского гражданства ранее воспрещено им законом. Таким образом, статья 13 акта об ограничении иммиграции означает запрещение японской иммиграции в Соединенные Штаты. Это постановление имеет не столько экономическое, сколько морально-политическое значение. В первом случае, значение статьи 13 нового акта невелико, потому что, согласно более ранним договорным обязательствам между Америкой и Японией, количество японцев, допускаемое в страну, было минимально. Взаимоотношения между обеими странами в иммиграционном вопросе регулировались так называемым „джентельменским соглашением" 1907 года, по которому Соединенные Штаты обязались допускать в страну японцев, снабженных японскими заграничными паспортами, а Япония, с своей стороны, обязалась ограничить общее число своих иммигрантов в Америку и не выдавать таких паспортов чернорабочим. Таким образом, с экономической стороны значение нового постановления представляется весьма незначительным. Напротив, его политическое значение очень велико. Его нельзя рассматривать иначе, как открытое оскорбление, пощечину, нанесенную Японии американским империализмом. Запрещение японской иммиграции явно рассчитано на то, чтобы нанести моральный удар Японии и унизить ее престиж в странах Востока, в частности, в Китае. В этом отношении иммиграционный закон можно рассматривать, как новый шаг в планомерно проводимой американской дипломатией политике изоляции, ослабления и дискредитирования Японии. Интересно, что при прохождении нового билля через обе палаты конгресса он встретил почти единодушное одобрение обеих политических партий как республиканцев, так и демократов. Даже сенаторы-прогрессисты, как Бора и Джонсон, энергично поддержали старого „джинго" Лоджа при обсуждении в сенате вопроса о запрещении японской иммиграции[1]). Фиктивная оппозиция конгрессу президента Кулиджа и государственного секретаря Юза имела своей действительной целью поддержать их престиж и репутацию осторожности и госу-

[1]) См. „Международная Летопись", 1924 г., № 4.

дарственной мудрости, смягчив дипломатические прения с Японией, а также продемонстрировать единодушие американской нации, проводящей новый закон, несмотря на оппозицию правительства. В этом смысле следует об'яснить поведение Кулиджа и Юза при проведении нового закона. Кулидж, когда новый билль был принят на совместной конференции обеих палат, попытался отсрочить вступление его в силу до 1 марта 1925 года. Когда же палата отвергла это предложение, президент 26 мая подписал билль, ставший, таким образом, законом, и после этого опубликовал сообщение, в котором заявлял, что одобряет основные линии нового закона, но сожалеет о его статьях, воспрещающих иммиграцию в Соединенные Штаты лицам определенной расы, именно японцам. Такое „маневрирование" Кулиджа было весьма тонко рассчитанным, так как оно поддержало его репутацию осторожности и оказало ему, таким образом, услугу на президентских выборах. Что касается Юза, то его не без основания обвиняют в провокации, имевшей целью скорейшее проведение иммиграционного акта. Государственный секретарь поспешно опубликовал ноту японского правительства, предупреждавшую о возможных последствиях принятия нового закона, в то время как последний еще находился в стадии обсуждения в обеих палатах конгресса. Опубликование Юзом японского предупреждения явилось искрой в пороховой погреб американского шовинизма, и чрезвычайно ускорило прохождение нового закона через обе палаты [1]).

Таким образом, национальный шовинизм и строго империалистические тенденции американской политики нашли свое наиболее яркое выражение в 13 статье иммиграционного акта. Со стороны конгресса эти тенденции выявились открыто. Со стороны правительства они были скрыты под маской двусмысленных фраз, дипломатических туманностей и лицемерных сожалений.

Япония, ослабленная указанными выше событиями и притом очутившаяся в положении должника американского капитала, ограничилась лишь одним сдержанным протестом, не решившись на более активные шаги. Японский меморандум, переданный 31 мая японским послом в Вашингтоне Ханихарой государственному секретарю Юзу, содержит лишь аргументы морального и юридического характера против нового иммиграционного акта, но не заключает никаких требований или угроз. Меморандум заявляет, что всякое установление различия между иммигрантами противоречит принципам справедливости и равенства, но установление различий на расовой почве особенно непохвально, как при-

[1]) См. „Международная Летопись", 1924 г., № 4.

знали сами Соединенные Штаты, денонсировавшие в 1911 году торговый договор с Россией в качестве протеста против несправедливого и нарушающего принцип равенства обращения с „определенной расой“ (с евреями). Возражая против аргумента сторонников акта, что японцы, будто бы, не поддаются ассимиляции, нота указывает, что японцы стали допускаться в Соединенные Штаты лишь в конце XIX столетия и что весьма затруднительно для иммигрантов ассимилироваться с местным населением в пределах одного поколения, тем более, что японцы в течение 20 последних лет были ограничиваемы в правах в Соединенных Штатах. Далее указывается, что новое законодательство прямо противоречит торговому договору 1911 года. Наконец, нота напоминает об обстоятельствах, вызвавших заключение „джентельменского соглашения“, и отмечает лойяльное исполнение Японией его постановлений в течение 16 лет. Правительство Соединенных Штатов уведомляется, что новый иммиграционный акт делает невозможным дальнейшее исполнение Японией обязательств, вытекающих из этого соглашения.

В ответ на этот меморандум государственный секретарь Юз 6 июня вручил японскому послу ответную ноту американского правительства. Ответ после обычных заверений в дружбе и доброжелательности отмечает, что новый акт конгресса по своим практическим последствиям мало отличается от „джентельменского соглашения“, по которому Япония обязалась ограничить свою иммиграцию в Америку. Далее отдается должное лойяльному соблюдению японским правительством этого соглашения, а относительно нового акта подчеркивается, что конгресс лишь воспользовался своим суверенным правом „осуществлять контроль над иммиграцией путем законодательства, вместо того, чтобы предоставлять его международным соглашениям“. Нота отмечает, что японское правительство само пользовалось этим правом в отношении иностранцев, прибывающих в Японию. Даже излагается вкратце история всего вопроса, приводятся выдержки из соответствующих дипломатических документов, и, в заключение, заявляется, что японское правительство освобождается от обязательств по „джентельменскому соглашению“ немедленно по вступлении в силу 13 статьи нового иммиграционного акта. Ответ заканчивается повторными уверениями в дружбе и доброжелательности.

Этой дипломатической перепиской и ограничился с внешней стороны японо-американский спор истекшего года. Однако ясно, что на этом японско-американские разногласия далеко не прекратились и не смягчились, хотя бы в самой малейшей степени. Что современные отношения обеих стран представляют почву для бесконечных столкновений и контро-

верз, достаточно ясно хотя бы из интересного эпизода, имевшего место во время сессии пятого собрания Лиги Наций в Женеве при обсуждении пресловутого протокола о мирном разрешении споров между государствами. Япония восстала против постановления первоначального проекта протокола, предусматривавшего, что спор может быть прекращен в случае, если Постоянная Палата Международного Суда определит, что спорный вопрос входит в исключительную внутреннюю юрисдикцию одного из государств. Японская делегация потребовала, чтобы в этом случае решающей инстанцией явился Совет Лиги Наций, и в этом смысле она добилась некоторых изменений первоначального проекта протокола. Выступление японской делегации на собрании Лиги в действительности направлено против Америки, так как вопрос о японской иммиграции в Соединенные Штаты является одним из спорных вопросов в отношениях между обеими странами, будучи в то же время вопросом, входящим в исключительную внутреннюю юрисдикцию одной стороны. Протест Японии против первоначального проекта протокола означал по существу отказ от третейского разбирательства ее спора с Америкой из-за иммиграции, так как достаточно известно, что Соединенные Штаты не согласились бы на посредничество Лиги Наций.

IV.

На Ближнем Востоке истекший год ознаменовался также повышением американской активности.

В Персии мы можем отметить оживленную деятельность американских нефтяных компаний „Standart Oil“, Синклера и других американских нефтяных компаний, которые получают концессии на северную персидскую нефть. При этом отмечают случаи сотрудничества в крупном масштабе американского капитала в Персии с английским. Примером такого англо-американского сотрудничества может служить хотя бы совместная концессия англо-персидской компании „Южная нефть“ и „Standart Oil Company“ [1]).

Помимо оживленной погони за персидскими нефтяными источниками, американский финансовый капитал проявил свою активность в Персии через посредство своих финансовых советников при персидском министерстве финансов. Эти советники, во главе с Мильспо, столь назойливо вмешиваются при всяком удобном случае в финансовую администрацию Персии, что одно время в персидском меджилисе был даже поднят вопрос об их устранении, на что, однако, не решилось персидское правительство. Убий-

[1]) См. „Международная Летопись“, 1924 г., №№ 2 и 3.

ство в Тегеране американского консула, майора Имбрея, происшедшее в конце июля, имело своим последствием пред'явление Америкой персидскому правительству целого ряда требований (принесение извинений, отдание почестей праху покойного, уплату возмещения), которые и были выполнены персидским правительством.

После заключения Лозаннского мирного договора наблюдается также повышение американского интереса к Турции. Помимо того, что американский импорт в эту страну после войны завоевал первое место, которое он удерживает и теперь, — представители американского капитала домогаются железнодорожных и иных концессий в новой Турции. Стоит вспомнить хотя бы историю с пресловутой концессией Честера. Повышение интересов к Турции отразилось хотя бы в отчете статс-секретаря Юза о внешней политике Соединенных Штатов в той его части, где государственный секретарь доказывает пользу Лозаннского договора.

V.

Если Соединенные Штаты оказывают все большее влияние на европейскую политику, если они выступают все активнее на Дальнем и даже на Ближнем Востоке, — то в самом Новом Свете их господство можно считать окончательно осуществленным. Формула „Америка для американцев" ныне представляет совершившийся факт. Соседняя Мексика после недавней гражданской войны оказалась в еще большей зависимости от американского капитала, чем она была ранее. Восстание де-ля Хуэрты, относительно которого можно считать установленным, что оно финансировалось из иностранных, и в частности из американских, источников [1]), поставило правительство Обрегона в критическое положение. Чтобы удержаться у власти, Обрегон принужден был прибегнуть к помощи американских капиталистов. Дохени, известный своим участием в нефтяной панаме, обеспечил ему заем в 5.000.000 долларов, и, кроме того, им было закуплено значительное количество военного снаряжения из американских военных запасов, что дало ему возможность подавить восстание [2]). Но за поддержку своего соседа мексиканскому правительству пришлось заплатить дорогой ценой. Соединенные Штаты поддержали Обрегона вследствие того, что мексиканское правительство еще ранее согласилось удовлетворить притязания американского капитала, связанные с событиями, имевшими место в Мексике за революционный период, начиная с 1920 года. Восстание де-ля-Хуэрты и необходимость прибегнуть к амери-

---

[1]) См. „Международная Летопись", 1924 г., № 3.
[2]) Ibid.

канской помощи окончательно определили капитуляцию Мексики перед американским капиталом.

Конвенция о претензиях между Соединенными Штатами и Мексикой, обнародованная 3 марта президентом Кулиджем, предусматривает создание смешанной генеральной комиссии претензий для урегулирования претензий граждан каждой стороны против другой, возникших после 4 июля 1861 года, исключая претензий за убытки, причиненные революционными потрясениями в Мексике. Что касается претензий этой последней категории—за убытки, причененные в продолжение революций между 30/XI 1910 и 31/V—1920 года, то они должны урегулироваться специальной комиссией претензий (Special Claims Comission), которая должна собраться в Мексике, согласно конвенции, обнародованной президентом 23 февраля 1924 г.

Должны быть возмещены не только убытки, причиненные правительствами de jure или de facto Мексики, но и причиненные „революционными силами, в результате торжества которых были установлены правительства de jure или de facto, или противными им революционными силами", а также силами, возникшими из раз'единения упомянутых сил до того времени, когда утвердилось правительство de jure в качестве результата особой „революции", а также убытки, причиненные „распущенными федеральными силами", а также „повстанцами" или мятежными силами, иными, чем упомянутые выше, или бандитами, при условии, что установлено, что подлежащие власти не предприняли разумных мер для подавления повстанцев или бандитов или недостаточно строго обращались с ними или сделали иные упущения".

Во всем соглашении для видимости проведен принцип взаимности: сумма претензий граждан одной страны вычитается из суммы претензий граждан другой, и остаток выплачивается этой последней. Однако это обязательство не имеет никакого практического значения, и конвенция по существу носит односторонний характер—в виде удовлетворения американских претензий по отношению к Мексике. Оплата всех этих претензий производится в золотой валюте или ее эквиваленте. Комиссия может присуждать также реституцию собственности бывшим владельцам, в дополнение к возмещению за понесенные ими убытки. Правительству, против которого вынесено такое решение, представляется лишь альтернатива между выплатой всей суммы стоимости собственности или немедленным возвращением последней. Все решения комиссии являются окончательными, должны полностью приводиться в исполнение каждым правительством и пересмотру не подлежат [1]).

---

[1]) Текст обеих конвенций — см. The Americen Journal of International law, 1924 г., № 2.

Количество американцев, имеющих претензии к Мексике, достигает 50.000 человек,—преимущественно из числа владельцев и участников предприятий по добыче нефти, серебра, золота и меди. Сумма претензий их, как предполагается, во всяком случае, не ниже 100.000.000 долларов. Претензии должны покрыть убытки, причиненные и во время революции в Мадеро, и во время восстания де-ля-Хуэрты при Вильсоне и при революциях Карранцы и Обрегона. В особенности источниками для претензий должна явиться 27-я статья конституции Карранцы 1 мая 1917 года, предусматривающая национализацию некоторых отраслей народного хозяйства. Согласно этой статьи право приобретать в собственность земли и воды с их недрами и получать концессии на разработку шахт и минеральных источников предоставляется лишь мексиканцам по рождению и чисто мексиканским компаниям. Иностранцам те же права могут быть предоставлены при условии, что они согласятся перед министерством иностранных дел быть рассматриваемыми в качестве мексиканцев и не обращаться к своим правительствам за охраной своих прав. Далее, иностранцам не может предоставляться право собственности на земли и воды в пределах зоны в 100 километров от границ и 50 километров от морского берега. Эта статья вызвала сильное противодействие американских нефтяных кругов, оказавших давление на мексиканское правительство. В результате, мексиканский федеральный суд принужден был дать раз'яснение, согласно которому ст. 27 конституции не имеет обратной силы в отношении нефтяных и иных предприятий по разработке недр земли. Таким образом, американские нефтяные, медные и другие компании, водворившиеся в Мексике до мая 1917 года, получают изъятие из общего закона о национализации. Так как последняя, однако, была частично осуществлена, то ныне предстоит реституция предприятий и вознаграждение их „пострадавших" владельцев. Общая сумма помещенного в Мексике американского капитала равна приблизительно $2^1/_2$ миллиардам долларов; американцам принадлежит $^3/_4$ всех нефтяных приисков.

Что касается государственных долгов Мексики, то, как известно, еще 16 июня 1922 года „международным комитетом банкиров Мексики" во главе с американским банкиром Ламонтом было заключено соглашение с мексиканским министром финансов относительно уплаты долгов в продолжение 1923 и следующих четырех лет. Мексика обязалась уплачивать погашение и проценты по своему громадному внешнему долгу на сумму в 500.000.000 долларов. Это соглашение и изложенные выше две мексиканско-американских конвенции истекшего года представляют собой крупнейшие

этапы на пути утверждения господства американского капитала в Мексике.

В отношении более мелких государств американского континента, Соединенные Штаты в настоящее время открыто выступают в роли хозяина и властелина, пренебрегая призрачной независимостью и суверенитетом этих государств. Так, во время кровавой междоусобицы между фракциями, соперничающими из-за президентского поста в Гондурасе, имевшей место в феврале и марте, Соединенные Штаты вмешались во внутренние дела этой республики. Предлогом послужило убийство во время междоусобия нескольких американских подданных. Американский крейсер „Milwaukee" высадил десант в Аманале, занявший столицу республики Тегусигалпу для охраны проживающих там американцев. Посредником между враждующими факциями выступил американский комиссар в Сан-Доминго, при посредстве которого и было достигнуто соглашение. Таким образом, в данном случае Соединенные Штаты выступили в роли „блюстителя порядка" на американском континенте. То же самое имело место во время восстания на Кубе в мае 1924 г., когда Соединенные Штаты поддержали правительство Зайаса. По просьбе последнего президент Кулидж воспретил ввоз оружия из Соединенных Штатов в Кубу для повстанцев и отдал распоряжение об отправлении в Кубу 10-ти американских аэропланов на случай, если бы это понадобилось для подавления мятежа.

Июльское восстание в штате Сан-Паоло в Бразилии, сопровождавшееся кровавой борьбой и стоившее больших жертв, сильно осложнило положение федерального правительства Бразилии. Последнему, подобно правительству Обрегона, пришлось также прибегнуть к закупке военного снаряжения в Соединенных Штатах для подавления метежа. В результате осенью был заключен бразильский заем в Соединенных Штатах.

Последние в истекшем году предоставили также значительный кредит Аргентине (на сумму в 40 миллионов долларов).

Таким образом, в политике Соединенных Штатов в отношении различных государств Центральной и Южной Америки, можно отметить одну основную общую черту. Американцы используют неурядицы и междуусобия внутри этих государств, зачастую разжигаемые американским же капиталом, для усиления своего экономического и политического влияния внутри этих государств. Это осуществляется или путем прямой интервенции, как это имеет место в отношении мелких государств, или же путем удовлетворяющих притязания американского капитала соглашений

с местными правительствами, поставленными в безвыходное положение, как это имело место в отношении Мексики.

Как экономическое, так и политическое господство Соединенных Штатов в большинстве государств центральной и южной Америки является в настоящее время окончательно осуществленным. Американцы осуществляют прямой контроль над финансовой и экономической жизнью этих государств. В Перу рудники, финансы, орошение страны находятся в ведении американских финансовых агентов во главе с чиновником американского департамента финансов Кумберлендом. В Боливии, в обеспечение займа, предоставленного этой стране, руководство сбором налогов поручено г. Мекговену и Уитекеру, агентам „Equitable Trust Company". В Панаме финансы находятся под контролем агента департамента финансов Уорвика, в Эквадоре—американского эксперта Хорта. В Сальвадоре таможенные сборы находятся в ведении агента „Metropoliten Trust Company" Ренвика, в Гаити финансами руководит американский советник Ильгени. В Никарагуа, где американцы несколько лет назад утвердились путем вооруженной интервенции так же, как они сделали это в Панаме, а в истекшем 1924 г.—в Гондурасе, сбором налогов руководит Клифорд Гэм, представитель фирмы „Brown Brothers". Таким образом, Центральная и Южная Америки являются в настоящее время об'ектом настоящей колониальной экспансии Соединенных Штатов, осуществляемой порой исключительно путем финансового воздействия, порою при помощи вооруженной силы.

Интересны взаимоотношения Соединенных Штатов с их северным соседом—Канадой. Этот британский доминион в настоящее время более всех остальных независимый от своей метрополии, тесно связан с Соединенными Штатами экономически и политически и является одним из главных проводников американского влияния на английскую политику. В истекшем году можно отметить новый прогресс в отношении усиления американского влияния в Канаде. К числу относящихся сюда фактов, мы можем отнести, имевшее место заключение канадского займа на Нью-Йоркской бирже. Канадское правительство поместило заем на сумму в 90.000.000 долларов через посредство Нью-Йоркской группы банков во главе с Chase Securities Company и Blair and C°. Любопытным представляется то, что этот заем фактически заключен из $4^1/_2$, номинально из 4%, в то время как перечисленные нами выше важнейшие европейские и японский займы заключались фактически более чем из 7%. Такие условия канадского займа чрезвычайно ярко характеризуют экономическую близость обеих стран. Американский финансовый капитал рассматривает Канаду не как часть

иностранного государства, каковой она номинально является, а, скорее, как часть своей страны. Такой взгляд, впрочем, соответствует фактическому положению вещей в хозяйственной области. Согласно данным американского ежемесячника „Worker's Monthly [1])“ сумма американских капиталов в канадской индустрии составляла к началу 1924 г. не менее $2^1/_2$ миллиардов долларов, или 31% общей суммы вложенных туда капиталов, тогда как доля британского капитала определялась 29%, а доля туземного канадского капитала—37%.

Политические взаимоотношения Канады с Соединенными Штатами, с одной стороны, и своей „метрополией“, с другой, очень рельефно выражены словами Аукленда Джедса, бывшего британского посла в Америке. „Доминионы чувствуют, что в Вашингтоне инстинктивно понимают их нужды, которые они с трудом об'ясняют Даунинг Стрит“. Тот же Джедс заявил, что „в том случае, когда доминионы обращаются к метрополии и не добиваются удовлетворительного соглашения, они могут обращаться к Вашингтону, и прозорливый Вашингтон снизойдет к ним“.

Солидарность Канады с Америкой в международных вопросах сказалась хотя бы в энергичных мероприятиях канадского правительства в смысле ограничения японской иммиграции, проведенным одновременно с новым американским иммиграционным актом.

VI.

Одной из основных черт американского экономического империализма за последнее время, на ряду со стремлением к экспансии в мировом масштабе, везде, где это лишь возможно, является стремление к консолидации, упрочению, подведению надежной базы под свое здание. В числе мероприятий, предназначенных для достижения, этой цели, мы можем отметить за истекший год: 1) новое истолкование подоходного обложения федеральным судом, 2) новый иммиграционный закон.

5 мая Верховный Федеральный Суд Соединенных Штатов постановил, что американские граждане должны платить федеральные подоходные налоги, даже если их доходы целиком проистекают из источников, находящихся в пределах иностранных государств. Это постановление приобретает особенно важное значение в виду того, что количество американского капитала, инвестируемого за границей, непрерывно увеличивается. За один лишь истекший год Соединенные Штаты поместили за границей до $1^1/_4$ миллиардов долларов, а общая сумма американских капиталов, поме-

[1]) The Worker's Monthly, 1924 г. December.

щенных за границей, к настоящему времени достигла 20 миллиардов долларов. Весь этот капитал должен послужить источником дохода для американского империализма, основой его мощи, и в этом отношении новое истолкование федеральным судом подоходного обложения имеет колоссальную важность, так как таким путем устраняются отрицательные, с точки зрения интересов государства, последствия утечки капиталов за границу.

Характерные особенности нового иммиграционного акта [1]) (подписан президентом Кулиджем 26 мая 1924 г.) следующие: 1) он сохраняет основной иммиграционный закон 1917 г., 2) он удерживает принцип численного ограничения, как он применен в акте 13 мая 1921 года, 3) однако, он берет за основу для определения квоты не перепись 1910, но 1890 г., 4) он сокращает квоту ежегодно допускаемых иммигрантов с 3 до 2 процентов (по отношению к тому количеству, которое проживало в стране в 1890 г.), 5) он устанавливает метод отбора иммигрантов в стране отправления вместо того, чтобы разрешать им прибытие в страну и высадку в иммиграционных станциях без предварительной инспекции, 6) он сокращает классы изъятых из-под ограничений иностранцев, 7) он перелагает на иностранца обязанность доказать, что он может быть допущен в Америку согласно иммиграционным законам, снимая с Соединенных Штатов обязанность доказать, что он не может быть принят, 8) наконец, как уже говорилось выше, акт предусматривает полное и абсолютное исключение тех лиц, которые не могут приобрести американского гражданства, согласно американским законам о натурализации.

Этот акт представляет крупный шаг вперед по пути ограничения иностранной иммиграции и охраны привилегированного положения прирожденных американцев. Его ближайшими предшественниками были акт 5 января 1917 г., поставивший условием для допущения иммигрантов их грамотность и воспретивший иммиграцию некоторых цветных рас, и акт 19 мая 1921 г., установивший знаменитую трехпроцентную квоту. Акт 26 мая 1924 г. представляет дальнейшее развитие тех же тенденций, которые явственно проявились уже в предшествующих законах, а именно: 1) ограничение общего числа ежегодно допускаемых иммигрантов, 2) особое предпочтение некоторым нациям и ограничение или полное воспрещение иммиграции из других наций. Закон 1924 г., как мы уже отметили, понижает квоту ежегодно допускаемых иммигрантов с 3 до 2 процентов, при чем, так как за основу берутся цифры переписи 1890 г., уменьшение общего числа ежегодно допускаемых иммигран-

[1]) Текст его см. The American Journal of International law, 1924 г., № 4.

тов представляется еще более значительным. Здесь, таким образом, отчетливо выявляется стремление американского капитализма удержать во всем об'еме свои преимущества перед прочими странами, проистекающие от высокого уровня американской техники. Эти преимущества Америки сводятся к высокой производительности труда при высоком уровне заработной платы, тогда как иммиграция из стран, стоящих на более низком уровне в этом отношении, привела бы постепенно к потере Америкой ее привилегированного положения в качестве страны, обладающей наиболее мощным из всех стран постоянным капиталом. Новый иммиграционный закон, таким образом, охраняет преимущества Америки, как страны постоянного капитала, страны обладательницы могущественнейших орудий производства — перед другими странами, более слабыми в отношении своей техники и представляющими собой в мировом масштабе резервуар избыточной рабочей силы. Новый закон имеет и другую характерную особенность. То обстоятельство, что акт истекшего года берет за основу перепись 1890 года, является явным доказательством предпочтения, которое Америка оказывает определенным странам отправления иммигрантов—именно, нациям германской и англо-саксонской рас, — по сравнению с другими. До 1890 года подавляющее большинство населения Штатов принадлежало к англо-саксонской и германским расам, и лишь после этого года начинается усиленный приток иммигрантов из восточной и южной Европы,—главным образом из Италии и России. По своим практическим последствиям новый иммиграционный акт более всего задевает именно Италию. Это видно из того, что, в то время как в последний год перед войной в Соединенные Штаты прибыло 283.738 итальянских иммигрантов, по закону 1921 их было допущено лишь 42.057, а по новому иммиграционному акту всего 3.889 человек! Таким образом, проводится строжайший отбор по нациям, при чем этот отбор, как многие говорили, далеко не благоприятен для наций восточной и южной Европы. Нижеследующее сопоставление наглядно показывает сущность нового иммиграционного закона.

Страна отправления.	Число иммигрантов, допускаемых ежегодно актом 1924 г.
Великобритания с Ирланд.	62.458
Германия	45.229
Италия	3.889
Россия	2.069

В качестве основания для проведения политики предпочтения в отношении германской и англо-саксонской рас, в ущерб другим, в американских политических кругах и прессе указывается, что представители этих наций всего быстрее ассимилируются и американизируются, вследствие тождества их культуры и учреждений с таковыми Соединенных Штатов, в то время как представители других наций дольше сохраняют свои национальные особенности. Как отмечает шовинистский профессор Коммонс, изменения, происшедшие в составе населения Америки с 1890 года, имели своим последствием „быстрое и всеобщее понижение твердости характера, интеллигентности и моральных устоев", вследствие чего, по мнению достопочтенного „джинго", положение полно угрозы и опасности для нашего родного расового потока и нашим издавна установленным учреждениям". По мнению автора, мысли о применении к иммиграционным квотам переписи 1890 года — Роя Гариса, новый закон „закрывает двери всем „новым" иммигрантам, исключая немногих тысяч в год. Он даст нам время воспитать и ассимилировать тех, которые ныне находятся здесь—задача гигантских размеров, которая потребует много лет"... „В то же время этот закон не исключает тех иммигрантов из северной и западной Европы, которые легко ассимилируются"[1]). Однако, истинную причину предпочтения, оказываемого германской и англо-саксонской иммиграции, следует искать глубже. Англия и Германия ближе к Соединенным Штатам по соотношению постоянного и переменного капитала и потому менее опасны, как источники иммиграции. Новый иммиграционный закон определенно возводит барьер против стран с низкой техникой и большим количеством избыточных рабочих рук.

Таким образом, здесь новый иммиграционный акт является ярким проявлением империалистических тенденций американской политики. Недаром главным инициатором акта был престарелый вождь американских „джинго" (крайних шовинистов) сенатор Лодж, умерший в прошедшем году.

Те же шовинистские и империалистические тенденции ярко проявились в истекшем году и в другом вопросе американской политики,—именно в вопросе о режиме Филлипинских островов. Деспотический режим правительственного произвола, поддерживаемый на Филиппинах их губернатором, генералом Вудом, вызвал в феврале и марте волнения островного населения, выразившееся в бойкоте американских товаров и органов прессы. В связи с этим, комитет палаты представителей по делам островов высказался в смысле

---

[1]) См. The North American Review, September 1924 г. R. Haris.— America's immigration policy.

желательности скорейшего обсуждения палатой вопроса о предоставлении островам независимости. Однако, президент Кулидж в письме на имя председателя островного комитета заявил, что по его мнению, не настал еще момент для предоставления независимости Филиппинам. Кулидж не сделал ни малейшего указания относительно того срока, когда будет возможно очистить архипелаг. Вместе с тем, он защищал политику губернатора Вуда, подвергавшегося нападкам за свои методы управления [1]). В конце апреля представитель островного комитета палаты, Фарфайнд, внес в палату предложение о замене теперешней системы управления Филиппинами — автономией под американским контролем. Это предложение тотчас же вызвало резкую отповедь губернатора островов Вуда, который телеграфировал военному министру, настаивая на сохранении существующего режима. „Дарование немедленной независимости,—заявлял Вуд,—было бы бессердечным обманом американских надежд, в результате чего 12.000.000 островитян были бы преданы анархии и беспорядку. Это был бы сокрушительный удар западной цивилизации и христианским стараниям на Дальнем Востоке". В результате, вопрос о режиме Филиппин был снят с очереди. В программе республиканской партии он был обойден молчанием, что означает продолжение ныне существующего на островах режима на неопределенный срок. Программа, принятая на избирательном с'езде демократической партии, правда, включает пункт о предоставлении островам независимости. Однако, избирательная победа республиканцев окончательно решает этот вопрос в отрицательном смысле. Ежегодное послание президента конгрессу в декабре 1924 г. совершенно не упоминает о нем. А что представляет собой современная система управления Филиппинами—достаточно известно. Это одна из самых беспощадных колониальных систем, когда-либо практиковавшихся. Население захваченных островов, эксплоатируемое американским капиталом в качестве „низшей расы", совершенно лишено всех хваленых англо-саксонских правовых гарантий, и вынуждено подчиняться самому жестокому и грубому произволу. Все проявления политического недовольства на Филлипинах беспощадно подавляются американскими властями. В августе американский военный суд приговорил к пятилетнему заключению и каторжным работам 203 филиппинских солдата одного стрелкового полка, а 15 офицеров того же полка—к еще более суровому наказанию; и все это только за то, что филиппинцы осмелились потребовать уравнения их жалованья с жалованием американских регулярных войск. Такого рода „христианские старания" говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются.

---

[1]) См. „Международная Летопись", 1924 г., № 3.

VII.

Ограждая себя от нежелательной иностранной иммиграции, обеспечивая себе получение прибылей от капиталов, экспортируемых за границу, удерживая за собой прежние и фактически приобретая новые колонии, — Соединенные Штаты в то же время усиливают свое могущество в качестве военной державы, необходимое для охраны их привилегированного политического положения. На первый взгляд, международная политика Соединенных Штатов за истекший год может показаться пацифистской. Деятельное участие в экономическом „восстановлении" Европы находит свой коррелат в политическо-правовой области в предстоящем вхождении Соединенных Штатов в Постоянную Палату Международного Суда. Будущее присоединение к Постоянной Палате Международного Суда входило в избирательную программу республиканской партии и было возвещено в выступлении президента Кулиджа (14 августа). Президент подтверждает согласие на вхождение в Палату также в своем ежегодном послании к конгрессу, представленном конгрессу 3 декабря; при этом, однако, подчеркивается факультативный характер юрисдикции Постоянной Палаты в качестве необходимого условия для присоединения к ней Америки. Это присоединение, которое, как видно, следует считать лишь вопросом времени, по существу ни к чему не обязывает Соединенные Штаты и ни в какой мере не связывает их в области внешней политики. В то же время оно косвенно дает возможность правительству Соединенных Штатов играть более активную роль в международной, в частности, в европейской политике, путем участия в разрешении международных споров, возникающих между иностранными государствами. Таким образом, участие в Постоянной Палате следует поставить в прямую связь со стремлением Америки, принимать все более деятельное участие в европейских делах. Оно, таким образом, является естественным дополнением экономической экспансии Соединенных Штатов, имевшей место за последние годы, в особенности за истекший 1924 г. Интересно, что желательность вхождения в Постоянную Палату отстаивалась не только буржуазными пацифистами, но и крайними империалистами „джинго". Главный лидер последних, покойный сенатор Лодж, внес в мае 1924 г. в сенат резолюцию, высказывающуюся за присоединение Америки к Международному Суду, и выставляющую лишь в качестве условия для присоединения прекращение связи суда с Лигой Наций. Вопрос о связи Международного Суда с Лигой Наций, впрочем, утратил свое актуальное значение, так как среди правящей

партии республиканцев за последнее время намечается явное стремление поддерживать связь с Лигой хотя бы для того, чтобы следить за деятельностью этой организации, быть в курсе ее дел и при случае оказывать на нее влияние, официально оставаясь в то же время за ее пределами и не беря на себя, таким образом, никаких обязательств, связанных с принадлежностью к Лиге. Этим и об'ясняется участие многочисленных американцев (по большей частью республиканцев) в отдельных комиссиях Лиги, разрешающих крупные международные вопросы политического и экономического характера. Стоит вспомнить такие имена как Дэвис — председатель комиссии по Мемельскому вопросу, Моргентау — председатель контрольного комитета Лиги в связи с международным займом Греции, Иеремия Смит— верховной комиссар Лиги по восстановлению Венгрии, не говоря уже о фигурировавших ранее Элигю Руте—влиятельнейшем члене Комитета юристов, вырабатывавшеи проект Постоянной Палаты Международного Суда, и Абраме Элькусе—председателе комиссии по аландскому вопросу. Правительство Соединенных Штатов было представлено в комиссиях Лиги: гигиены, опиума, таможенной, сообщений и транзита, контроля над торговлей оружием и контроля над торговлей женщинами и детьми.

Практически участвуя, таким образом, в работах Лиги и оказывая на ее деятельность все большее влияние, Соединенные Штаты в то же время твердо стоят на своей прежней позиции отказа от официального вхождения в число членов Лиги и отказываются также связывать себя какими бы то ни было обязательствами, ограничивающими свободу их внешней политики. Так, в начале июня Правительство Соединенных Штатов отказалось присоединиться к выработанному Лигой Наций договору о взаимных гарантиях. В качестве мотивировки такого отказа государственный секретарь Юз, на ряду со ссылкой на конституцию Соединенных Штатов и на тот факт, что они не входят в Лигу Наций, приводит еще один заслуживающий внимания аргумент. Отмечая интерес Соединенных Штатов к сокращению вооружений и ссылаясь, в доказательство, на Вашингтонскую конференцию, Юз заявляет, что Соединенные Штаты, уже сократившие их собственные вооружения, надеятся, что другие державы поступят так же, и сочувственно рассматривают всякую попытку в этом направлении. Ниже мы увидим, в чем проявилось за истекший год „сокращение“ вооружений Америки. Что касается ожидаемой новой конференции по ограничению вооружений, то по этому поводу высказывались самые разнообразные проекты, и трудно предвидеть в точности, какой характер будет носить эта конференция в случае, если она состоится. Предложения

о созыве такой конференции неоднократно вносились за истекший год как в сенат, так и в палату представителей. В новый морской билль внесена поправка, уполномачивающая президента приостановить исполнение морской программы в случае созыва конференции. Намерение созвать конференцию высказано также президентом Кулиджем в его ежегодном послании конгрессу, при чем президент считает нужным предварительно выждать исхода подобной же попытки, предпринятой по инициативе Лиги Наций. Некоторые из проектов намечали более узкую, другие—более широкую программу конференции. Наиболее широкие планы высказывались теперешним председателем сенатской комиссии по иностранным делам Бора, предлагавшим включить в программу конференции, на ряду с проблемой разоружения, также международные экономические проблемы и высказавшимся за расширение круга участвующих в конференции государств, путем включения в их число СССР и Германии. Другие проекты намечают в качестве задач конференции лишь ограничение вооружений—в целом или лишь определенных видов их, например, подводных и воздушных. В случае, если конференция займется вопросом об ограничении подводных и воздушных вооружений, это будет новым проявлением международного сотрудничества американского империализма с английским. Англия и Америка, являющиеся гегемонами по силе их линейных флотов, заинтересованы в том, чтобы ограничить другие орудия борьбы, которыми располагают их более слабые конкуренты—Франция и Япония,—именно подводные и воздушные силы. Так, еще в декабре 1923 г. английский секретарь воздухоплавания, ездивший со специальной миссией в Америку, пытался побудить президента Кулиджа к созыву новой конференции по ограничению вооружений, которая специально должна была заняться подводными и воздушными вооружениями. В этой английской попытке официоз французского министерства иностранных дел „Temps“ усмотрел покушение на воздушную мощь Франции, на то, чтобы „подрезать крылья“ последней. Можно предвидеть, что вопрос о подводных и воздушных вооружениях будет предметом острой контроверзы на предстоящей конференции между англо-американским блоком, с одной стороны, и Францией и Японией—с другой.

Пока же американский империализм энергично увеличивает свои вооружения. Начиная с весны текущего года, в прессе Соединенных Штатов ведется бешеная кампания в пользу усиления флота. Отмечается, что последний не достигает пропорции, установленной для него Вашингтонской конференцией, что отношение между флотами Англии, Америки и Японии на деле не 5:5:3, а 5:4:3, или еще

более невыгодно для Соединенных Штатов. Со стороны морских кругов высказаны были резкие протесты против потопления, во исполнение постановлений Вашингтонской конференции, недостроенного линейного корабля „Washington". Указывалось также на пробелы американского флота в виде недостатка легких крейсеров, гидропланов и т. д. Результаты этой агитации не заставили себя долго ждать. Еще до окончания летней сессии конгресса, последний вотировал дополнительные кредиты в 150.000.000 долларов на постройку 8-ми быстроходных крейсеров, стоимостью в 15.000.000 долларов каждый, шести канонерок, предназначенных специально для операций в китайских водах, и ремонт некоторых линейных кораблей. Всего же на текущий (1924/25) бюджетный год было отпущено 304.775.462 доллара на морские вооружения. Новый морской билль на следующий бюджетный год, представленный в декабре палате представителей ее морской подкомиссией, предусматривает морские расходы в 290.485.578 долларов.

Усиленные морские вооружения Америки в истекшем году вызвали беспокойство даже у ее „двоюродных братьев за океаном". Так, по поводу предложенного морским департаментом увеличения угла под'ема башенных орудий на целом ряде американских линейных кораблей, английское правительство в конце июля сделало представление американскому, указывая, что такого рода мероприятия явились бы нарушением постановлений Вашингтонской конференции.

Весьма важным, с точки зрения морского сотрудничества английского и американского империализма, представляется вопрос о сооружении Сингапурской базы.

Отсутствие подходящих морских баз на Дальнем Востоке делает Америку заинтересованной в сооружении Великобританией Сингапурской базы, которая, в случае войны, могла бы послужить опорным пунктом для совместных англо-американских операций против Японии. Чтобы убедиться в этой заинтересованности американских милитаристических кругов в Сингапурской базе, стоит прочесть хотя бы статью столь видного лица, как вице-президент американской морской Лиги Гардинер—в ноябрьском номере английского журнала „The Fortnightly Review"[1]). В этой статье, исходя из предположения о неизбежности в ближайшем будущем войны между Англией и Америкой, с одной стороны, и Японией, с другой, он отмечает общность интересов обеих англо-саксонских стран в отношении защиты их колониальных владений и заинтересованность каждой из них в надлежащей военной подготовке другой. В частности,

---

[1]) The Fortnightly Review 1924,—November W. X. Gardiner (Vice-president Navy Ligue of U. S.)—America and Britain in the Far East.

он доказывает, что, с одной стороны, Америка заинтересована в постройке Англией Сингапурской базы, а с другой стороны, Англия заинтересована в максимальном усилении американского военного флота, в виду того, что в случае войны, она сможет отправить на Дальний Восток лишь часть своих морских сил. В доказательство последнего предположения автор ссылается на слова генерала Смутса: „Одновременно с напряженным положением в Тихом океане, вероятно, будут иметь место потрясения в Европе, которые сделают невозможным передвижение всего или большей части британского флота к Сингапуру“ [1]).

Таким образом, в области морских вооружений и морской политики не приходится говорить о пацифистских тенденциях американского империализма. Однако военные приготовления Америки не исчерпываются областью морских сил. Военная смета на текущий бюджетный год предусматривала ассигнование 326.224.993 долларов на поддержание армии. Из этой суммы предусмотрены значительные расходы на авиацию и химические части армии [2]). 12 сентября по всей территории Соединенных Штатов произведена пробная мобилизация военных и индустриальных сил страны, в качестве „испытания обороны“. Целью испытания, по заявлению президента Кулиджа, являлось показать гражданскому населению, как следует действовать в случае войны. В день испытания в Вашингтоне имел место торжественный парад войск и многочисленных патриотических организаций, смотр которым лично делал президент Кулидж вместе с генералом Першингом. Всего в военных парадах в стране 12 сентября приняло участие до миллиона человек. Были устроены пробные сражения с участием артиллерии, аэропланов, танков, дымовых завес и т. д. Проекты пробной мобилизации промышленных сил были представлены многочисленными индустриальными предприятиями, в том числе знаменитой „Американской Стальной Корпорацией“ (American Steel Corporation).

Изложенные факты говорят сами за себя. Из них явствует, что заявление президента Кулиджа,—будто иностранную политику Соединенных Штатов можно охарактеризовать одним словом „мир“ [3]), вряд ли можно считать чем-либо иным, кроме иронии. Иронией же следует считать столь частые восхваления американскими политиками результатов первой Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений, так как после этой конференции лихора-

---

[1]) См. „Международная Летопись“ 1924 г., № 3.
[2]) Ibid.
[3]) Речь 14 августа в Вашингтоне по случаю официального избрания президентским кандидатом от республиканской партии.

дочно продолжается усиление американского военного флота, на ряду с которым идет и увеличение сухопутных сил.

VIII.

В своей мировой экспансии американский империализм неизбежно сталкивается с силой, влияние которой на мировую политику идет в разрез с планами магнатов Уоль-Стрита и хозяев „Белого дома". Такой силой является Союз Советских социалистических республик, международное положение которого неизменно укрепляется, несмотря на все преграды, встающие на пути его развития. После краха интервенции, в которой приняла участие и Америка, последняя заняла выжидательную позицию, упорно отказываясь от всякого возобновления официальных отношений с советским правительством. Однако быстрое восстановление народного хозяйства союза, возобновление торговых сношений его с иностранными государствами и признания со стороны этих стран — сначала де-факто, а потом и де-юре — первого социалистического государства,—явились причиной постепенного сдвига во взглядах правящих классов Америки на ее будущие отношения с Советским Союзом. Этот сдвиг нашел свое выражение уже в выступлении президента Кулиджа в декабре 1923 года, когда президент заявил, что Соединенные Штаты первые пойдут навстречу Советской России, если последняя выразит готовность вести переговоры на выставленных ими основаниях (отказ от пропаганды против существующего в Америке строя, признание долгов). В ответ на это выступление правительством Соединенных Штатов была получена телеграмма Наркоминдела тов. Чичерина, в которой советское правительство изъявляло готовность немедленно приступить к переговорам и обсудить взаимные претензии, и выставляло принцип обоюдного невмешательства во внутренние дела другой страны, в качестве основы для будущих взаимоотношений между ними. Однако попытка к возобновлению сношений между Соединенными Штатами и СССР была сорвана, благодаря энергичному вмешательству непримиримого противника признания СССР, государственного секретаря Юза. Последний в ответ на письмо Чичерина опубликовал подложные документы, якобы удостоверяющие, с одной стороны, направленную к ниспровержению существующего в Америке строя пропаганду Коминтерна, а с другой—тождество последнего с советским правительством, и заявил о категорическом отказе американского правительства от переговоров с СССР до тех пор, пока последний не прекратит пропаганду против существующего в Америке строя и не отменит декрета об аннулировании внешних долгов.

Истекший 1924 год ознаменовался интенсивной борьбой противников и сторонников признания. В январе председатель сенатской комиссии по иностранным делам Лодж выступил на поддержку Юза с речью, рукопись которой насчитывала 36.000 слов. В этом длинном послании престарелый джинго многократно повторял обычные аргументы о том, что советское правительство и Р. К. П. одно и то же, что оно враг самых священных для американцев принципов, что это правительство представляет собой диктатуру небольшой группы лиц и т. д. Во главе сторонников признания стал вице-председатель сенатской комиссии по иностранным делам Бора, доказывающий устойчивость советского правительства, опирающегося на большинство русского народа, и необходимость для Америки возобновить официальные сношения с СССР. Хотя как в Сенате, так и в прессе единомышленники Бора первоначально были немногочисленны, тем не менее сама жизнь вполне доказала правильность их точки зрения. 1924 год несомненно был переломным годом в отношении правящих кругов Соединенных Штатов к вопросу о возобновлении сношений с советским союзом. Об'ективными причинами этого были, с одной стороны, укрепление международного положения СССР, выразившееся в признание его де-юре целым рядом государств, в том числе Великобританией, Италией и Францией, с другой стороны, рост экономических связей СССР с самими Соединенными Штатами. 1924 год, несмотря на отсутствие дипломатических сношений между обеими странами, ознаменовался возобновлением коммерческих сношений между ними, притом в размере, не уступающем довоенному экономическому обороту между Россией и Америкой. Закупки хлопка, стоимостью на много миллионов долларов, осуществлявшиеся в Америке Всероссийским Текстильным Синдикатом, созданным покойным тов. Ногиным, образование общества „Аркос-Америка“ и „Компании обмена продуктами“, которые в июне слились в одно общество „Торговая Корпорация Амторг“, предназначенное для развития торговли СССР с Америкой,—все эти факты не могли не повлиять на настроения промышленных и финансовых американских кругов. Кредиты, беспрепятственно отпускавшиеся нью-йоркскими банками Всероссийскому Текстильному Синдикату, достаточно доказывают это. Среди влиятельных групп американского финансового и промышленного капитала возникает течение в пользу возобновления нормальных дипломатических и экономических отношений между обеими странами. Официальная позиция правительства Соединенных Штатов по отношению к СССР продолжает, правда, оставаться враждебной в продолжение всего истекшего года. Государственный департамент, руководимый нашим непримиримым

врагом Юзом, как было отмечено выше, пытался воспрепятствовать заключению советско-китайского соглашения. Американский посланник в Пекине, Шерман, счел нужным, из'являя согласие на передачу здания бывшего русского посольства советскому полпреду, оговорить, что это согласие не означает признания СССР Америкой, что явилось самой враждебной демонстрацией против СССР. В своем отчете о внешней политике Соединенных Штатов, опубликованном осенью, Юз оправдывает политику непризнания СССР, вновь ссылаясь на коммунистическую пропаганду, единство советского правительства с Коминтерном, и т. д. Однако осенью имели место несколько фактов, весьма ослабивших ряды противников признания. Одним из этих фактов явилась смерть председателя сенатской комиссии по иностранным делам Лоджа, место которого автоматически занял вице-председатель этой комиссии Бора, виднейший из сторонников признания СССР и сближения между обеими странами. Одним из первых актов нового председателя сенатской комиссии по иностранным делам было его выступление, в котором он высказался за созыв всеобщей конференции по разоружению и экономическим вопросам с участием СССР и за признание последнего Америкой. Весьма важным фактом является также смерть председателя американской федерации труда Гомперса, который был столпом реакционной профсоюзной бюрократии и злейшим врагом первого социалистического государства. Наконец, переизбрание Кулиджа на президентских выборах развязывает ему руки в области внешней политики, освобождая Кулиджа от зависимости от государственного секретаря Юза и необходимости считаться с его мнением и желаниями (поддержка Юза была необходимой для Кулиджа для обеспечения его избрания на президентских выборах). Все это создает ситуацию, более благоприятную для перемены курса американской политики по отношению к СССР. Будущее покажет, как скоро осуществится эта перемена, однако необходимость ее все более проникает в сознание правящих классов Соединенных Штатов.

Подводя итоги всему сказанному, мы можем констатировать что истекший год был годом небывалого усиления экономического и политического влияния Америки в мировом масштабе,—годом ее мирового наступления. В Европе американская экспансия выразилась в принятии плана Дауэса, открывающего обширные возможности для американского финансового капитала, и в кредитовании ряда европейских государств, дающем, в свою очередь, возможность оказывать все большее влияние на их политику. На Дальнем Востоке американский империализм энергично конкурирует с другими державами за экономическое овладение Китаем. В пределах Нового Света он расширяет

и упрочивает свое фактическое господство над центральной и южной Америкой. Наконец, он консолидирует свое экономическое могущество путем внутреннего законодательства и усиливает свою военную мощь и боевую подготовку.

Можно ожидать, что в последующие годы мировая экспансия Америки будет продолжаться в связи с общими экономическими условиями в этой стране. Правда, результаты американской политики могут оказаться различными в зависимости от разнообразных факторов. Это зависит от того, будет ли продолжительным англо-американское сотрудничество, или оно даст трещины уже в ближайшие годы, останется ли Европа раз'единенной и раздираемой последствиями версальского договора, или же на европейском континенте создастся политическая комбинация, могущая служить противовесом англо-американской мировой гегемонии, замедлится ли национальное об'единение Китая, или наоборот, ускорится, и не создастся ли на Дальнем Востоке ситуация, которая затруднит проведение экономических планов американского империализма,—и от многих других обстоятельств. Однако, несомненно, что общая тенденция мировой политики Соединенных Штатов, отмеченная нами выше, будет проявляться все более отчетливо, и стремление этой страны к экономической экспансии и доминирующему политическому влиянию в мировом масштабе будет одним из важнейших факторов мировой политики в течение ближайшего исторического периода.

Ю. К.

К десятилетию мировой войны

Вудро Вильсон.

I.

Политики и историки давно уже старательно разыскивают персональных „виновников“ страшной бойни 1914—1918 г. г. и находят их десятками и сотнями. От этой задачи они неизменно переходят к другой—к поискам виновников исхода бойни. Здесь пред ними значительно более легкая работа. Каковы бы ни были ошибки верховного германского командования и германского правительства, приведшие к крушению империи Вильгельма II, не они решили судьбу Германии; решило ее вмешательство в европейский конфликт Соединенных Штатов Америки. В тот момент, когда обе воюющие стороны совершенно обессилели и истекли кровью, а их денежный мешок безнадежно опустел и стал „бумажником“ в худшем смысле этого слова, из-за Атлантического океана двинулось во Францию два миллиона здоровых и свежих американских „боев“. И это была только первая партия. Без особенного напряжения Соед. Штаты могли бы выставить, согласно закону 18 мая 1917 г., армию в десять миллионов человек. Армию свою Соед. Штаты, сказочно разбогатевшие на союзнических заказах, снабдили на славу бесчисленными танками, аэропланами, автомобилями, пушками, пулеметами, железными шлемами, пишущими машинками, папиросами, шеколадом, летучими театрами и кабарэ и проч. и проч. Воевать этой армии пришлось недолго, и военные потери ее по сравнению с потерями других стран оказались ничтожными. На 2,5 миллиона убитых русских, на 2 милл. убитых германцев, на 1.400.000 французов—общие потери американцев убитыми, умершими от ран и от болезней исчислялись в официальном отчете от 28 ноября 1918 г. всего-на-всего в 50.965 чел. (впрочем—плюс 2.204 умерших „от других причин“). Еще нагляднее становится незначительность потерь Америки в людском составе, если взять статистику, приведенную

в наших газетах в день десятилетия великой войны. Согласно ей Россия потеряла за время войны убитыми, ранеными и взятыми в плен 10.800.000 чел., Германия — 7.490.000 чел., Австро-Венгрия—5.220.000, Франция—4 672.535, Великобритания—3 084.018, Италия—1.800.000, а Соед. Штаты только лишь—148.000 чел. Ко времени заключения мира выгоды военного и экономического положения Америки дали себя особенно живо чувствовать: она получила возможность категорически диктовать свои условия не только побежденным противникам, но и победителям-союзникам. В этот период президент Соед. Штатов, покойный ныне Вудро Вильсон, приобрел неслыханное влияние на ход дел почти всего мира. Казалось, что одного слова его достаточно, чтобы сразу в любую сторону повернуть корабль всей мировой истории. Но так только казалось, разумеется. Преодолеть законы истории и экономики ему не было суждено, и в конце-концов из творца истории он превратился в трагическую фигуру не им написанной пьесы и был убран со сцены за ненадобностью еще раньше, чем уйти с нее его заставила долгая болезнь.

Но как бы то ни было, с именем Вильсона слишком много связано в истории мировой войны 1914—1918 г.г. и в период создания Версальского мира, чтобы в юбилейную дату десятилетия этой войны особо не вспомнить о нем. Поскольку исход войны в той или иной мере зависел от отдельных людей, от Вильсона он зависел неизмеримо больше, чем от кого бы то ни было другого. Сам Вильсон не дожил до этой даты всего лишь несколько месяцев (скончался 3 февраля этого года). Некрологи, посвященные ему в журналах и газетах всего мира, напомнили тогда читателям и его биографию и его роль в течение всего мирового кризиса. Но у нас смерть его прошла почти неотмеченной, и о жизни и деятельности последнего из „великих" американских президентов у нас попрежнему или ровно ничего не знают или знают очень мало. Не будет лишним поэтому, если мы—пусть лишь в самых основных чертах — восполним в предлагаемых ниже строках этот пробел, соединив вместе и общие биографические данные о Вильсоне и данные о его роли в начавшейся ровно десять лет тому назад войне.

II.

Вудро Вильсон, сын пастора, родился в Стоутоне (штат Виргиния) 28 декабря 1856 г., обучался с 1879 г. по 1882 г. юридическим наукам в университете Виргинии и затем стал адвокатом в Атланте (штат Георгия). Адвокатская карьера ему, однако, не далась, и он решил стать ученым.

Научно-преподавательская деятельность его протекала последовательно в колледже Брайн-Моур (Bryn Mawr) с 1885 по 1888 г. (история и политическая экономия) в университете Вестлайна (Westleyan) с 1888 г. по 1890 г. и затем с 1890 по 1910 г. в университете Принстона. С 1902 г. по 1910 г. он был президентом (ректором) Принстонского университета. Научной специальностью Вильсона было государственное право, и в этой области перу его принадлежит ряд работ, получивших широкое распространение не только в Соед. Штатах, но и за границей. („Государство", „Правление Конгресса в Соед. Штатах", ср. также его биографии Линкольна и Вашингтона). Однако, это не был оригинальный ученый. Он не создавал и не отстаивал никаких новых теорий, не выискивал по архивам неизданных документов, бросающих новый свет на важные события, и не занимался анализом текстов под тем или иным собственным углом зрения. Все это не интересовало его. Напротив, ему было интересно показать своим читателям, каковы практические недочеты американской конституции и какие нужны практические реформы, чтобы впредь правительство функционировало лучше. Или же он описывал конституционное устройство разных стран, чтобы дать изучающим публичное право нужный им основной фактический материал. Уже в качестве президента университета Вильсон проявил кипучую, упрямую энергию и волю к реформаторству. Тотчас же по вступлении в должность он предпринял полную реорганизацию не только всей системы университетского преподавания, но и порядка учебной жизни студентов и даже студенческих нравов. Против него поднялась сильная оппозиция, но он не смутился и одержал ряд крупных побед в начатом деле демократизации университета. В конце-концов оппозиция жертвователей университета и богатых родителей учащихся взяла все же верх, и Вильсону пришлось уйти в отставку. Зато он обратил на себя внимание и своей деятельностью и своими политическими воззрениями некоторых кругов, а в частности — Джорджа Харвея, известного в Америке журналиста (позже—посла Соед. Штатов в Лондоне), редактора и владельца влиятельного журнала „North Atlantic". Харвей, передовой демократ, как раз в это время подыскивал кандидата в президенты, которого ему нужно и удобно было бы поддерживать. Выбор его остановился на Вильсоне, и он провел его в губернаторы штата Нью-Джерсей в надежде иметь его после своим послушным орудием. Новое положение сразу сделало Вильсона известным широкому американскому политическому миру, тем более, что здесь он в еще более широком масштабе, чем на университетском поприще, развернул свои дарования реформатора. Всего-навсего за один год своего губернаторства он провел длинный

ряд важных законов, в частности—в области борьбы с очень мало похвальными политическими нравами страны и с господством так называемых „bosses“—присяжных политиканов, руководящих политической жизнью в Соед. Штатах. Им был проведен далее закон, предписывающий публичность собраний политических партий в штате и устанавливающий более приемлемый порядок назначения партийных кандидатов. Благодаря ему прошел закон, значительно усовершенствовавший систему местного самоуправления в Нью-Джерсей. Он же подчинил более сильному контролю финансовые общества.

Проводя свои реформы почти с чисто революционными быстротой и настойчивостью, Вильсон в то же время был убежденным противником всяких революций. В нем нельзя было обнаружить ни малейшей симпатии даже к Великой французской революции. Он с похвалой отзывался о Берке за то, что он „уловил разрушительное начало в революции“, и со своей стороны усиленно подчеркивал заразительность и опасность революционного начала. С этими своими качествами он оказался весьма подходящим кандидатом для демократической партии во время президентских выборов 1912 г., и вот летом этого года с'езд партии в Балтиморе выставил его имя, против имен республиканских кандидатов. На выборах 5 ноября 1912 г. Вильсон прошел 435 голосами против 88 голосов, поданных за Рузвельта, и 8—за Тафта. Таким успехом новый президент был обязан в значительной мере резкому расколу в рядах республиканской партии, причиненному борьбой Рузвельта против Тафта, и основанием первым из них особой „прогрессивной“ республиканской партии. Сыграло свою роль и то, что Вильсону оказал в решительную минуту поддержку неизменный и очень влиятельный, но всегда незадачливый кандидат демократов Брайан (вошедший в правительство Вильсона статс-секретарем). Таким образом, после Клевленда Вильсон оказался первым президентом из лагеря демократов со времени гражданской войны (или вторым за последние 60 лет). На выборах 1916 года шансы Вильсона, казалось, были невысоки. Республиканцы снова об'единились, и их кандидат Юз первые три дня шел далеко впереди него. Все были убеждены, что победа осталась за Юзом, и московский городской голова Н. Гучков, преисполненный административно-политического рвения, уже послал ему даже поздравление с избранием в президенты. Но Вильсон все-таки вышел из борьбы победителем. На этот раз успех его об'яснялся главным образом тем, что он энергично противостоял всем попыткам втянуть Америку в европейскую войну и, значит, вполне отвечал господствовавшим в его стране настроениям. К тому же, сторонники его с полным основанием могли

ссылаться на тот факт, что при нем Соед. Штаты достигли небывалого экономического расцвета. Наконец, как на заслугу Вильсона указывалось на то, что он удержал страну от войны с Мексикой, которая казалась неизбежной, но которая не обещала принести ей ни чести, ни выгод. Один из главнейших сторонников Вильсона, знаменитый автомобильный король Генри Форд, заявлял в то время в своих речах: „Кто не хочет мира и кто стремится подвергнуть опасности благосостояние страны, пусть голосует против Вильсона"...

В качестве президента союза Вильсон с присущей ему энергией продолжал ту свою политику, которой он создал себе имя в качестве губернатора Нью-Джерсей и которая в основе своей сводилась к борьбе против неограниченного влияния трестов. Пользуясь всей полнотой своей власти, он легко устранял со своего пути все препятствия и парализовал всякую оппозицию до оппозиции конгресса включительно. Достигал он этого по преимуществу тем, что, хорошо владея и пером и словом, обращался непосредственно к общественному мнению всякий раз, как нуждался в его поддержке. В дополнение к этому он воскресил старый обычай „ежегодных посланий" президента к конгрессу, лично читая их и выступая в конгрессе в других важных случаях.

Как на главнейшие его реформы внутреннего характера следует в первую очередь указать на: 1) введение налогов подоходного, на наследства и на собственность; 2) создание резервных банков (Federal Reserve Banking Law) в целях обеспечения коммерческого и промышленного кредита и его децентрализации; 3) создание особого кредита для фермеров и земледельцев, долгосрочного и за небольшой процент; 4) поддержку федерального правительства при постройке хороших дорог; 5) создание торговой комиссии; 6) введение прямых выборов сенаторов населением; 7) создание особого бюро попечения о детях; 8) законодательство, обеспечивающее безопасность работ в копях; 9) понижение тарифов; 10) ряд рабочих законов.

III.

Мировое имя Вильсон приобрел в качестве пророка и глашатая того „международного идеализма", который нашел свое выражение в знаменитых мирных условиях 8 января 1918 г. или „14-ти пунктах Вильсона", и который высшего своего апогея достиг в борьбе за создание Лиги Наций.

Уже в своем январском обращении к сенату в 1917 г. Вильсон решил говорить не только как „обыкновенное лицо" и „ответственный глава одного из великих правительств", но и „от имени либеральных умов, от имени тех,

кто в каждой нации является другом человечества во всем его целом". Американский народ—писал он—не может не играть выдающейся роли в восстановлении „всеобщего мира". „К этой роли он вправе считать себя нарочито подготовленным... Мир, который предстоит заключить в итоге беспримерной в истории войны, должен получить одобрение всего человечества... Представляется совершенно необходимым, чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантией прочности состоявшегося соглашения. Эта сила должна быть могущественнее не только каждой из ныне воюющих наций, но даже и любой коалиции в прошлом и в будущем".

В „14-ти пунктах" приведенные мысли вылились в ряд строго определенных правовых требований: Пункт первый—„открытое обсуждение условий мира", после которого „дипломатия будет действовать открыто и на глазах общественного мнения". Пункт второй—„полная свобода морей". Пункт третий—„Устранение... всех экономических барьеров и установление равенства условий торговли для всех наций". Пункт четвертый—разоружение „до пределов, строго необходимых для поддержания внутренней безопасности". Пункт пятый—справедливое разрешение колониальных вопросов в интересах туземного населения. Пункт четырнадцатый:—„Должна быть создана всеобщая Лига Наций с международными гарантиями для обязательного обеспечения политической независимости и территориальной целости одинаково и больших и малых государств".

К этим своим 14-ти пунктам (отразившим в основном показную сторону традиционной дипломатии Соедин. Штатов), к участию в войне, а затем и к разгрому Германии Вильсон пришел лишь в порядке длинной и постепенной эволюции.

В самом начале войны (18 августа 1914 г.), в ответ на занятие немцами Бельгии, Вильсон заявлял: „Соед. Штаты должны быть нейтральными... Мы должны быть беспристрастными и в наших чувствах и в наших действиях".

8 декабря 1914 г., определяя главную задачу своей страны во время европейского конфликта, он говорил: „Развивать нашу жизнь и наши ресурсы, снабжать наш собственный народ и народы мира, благодаря пышному богатству наших полей и наших торговых рынков, обогащать торговлю наших Штатов и всего мира—вот что всегда будет привлекать к себе наше внимание и вызывать наш энтузиазм".

10 мая 1915 г., выступая в Филадельфии перед группой только что натурализовавшихся американских граждан, Вильсон высказал мысль, что „иногда человек оказывается

слишком горд, чтобы сражаться" („too proud to fight") и этим поднял целую бурю как в американских общественных и политических кругах, так в особенности в политических кругах стран Антанты.

В конце мая 1916 г., во время верденских боев, которые могли иметь решающее значение для исхода войны, Вильсон на открытии „Лиги для достижения мира" говорил о европейской войне: „Ее причины и ее цели нас не касаются. Нам неинтересно ни отыскивать, ни исследовать те темные источники, из которого хлынули ее ужасы".

Еще 18 декабря 1916 г. Вильсон обращался к воюющим с предложением формулировать их требования по отношению к будущему миру и находил, к немалому возмущению своих будущих союзников, что цели обоих борющихся лагерей „по существу одинаковы".

Мало этого, в речи, произнесенной в сенате 22 января 1917 г., т.-е. меньше чем за две недели до разрыва дипломатических сношений между Америкой и Германией (совершившемся 3 февраля), Вильсон одним из главных условий мира признал требование, чтобы война кончилась „без победителей и побежденных" и чтобы мирный договор явился одинаково приемлемым не только для всех воюющих, но и для всех народов вообще.

И несмотря на все это, выступление Соед. Штатов на стороне противников Германии отнюдь не явилось неожиданностью. Справедливо указывалось в свое время, что „упорное" нежелание Вильсона вмешаться в европейский конфликт было лишь тактическим приемом: пусть создастся впечатление, что не президент заставил страну взяться за оружие, а страна заставила своего президента сделать это. Так и случилось: когда война была, наконец, об'явлена Германии Соед. Штатами (6 апреля 1917 г.), „вся страна", как говорится в таких случаях, „поддержала" решение Вильсона.

Основных причин для этого наиболее решительного шага Вильсона было две. Первою причиной был всеобщий страх перед военным и экономическим могуществом руководительницы центрально-европейской коалиции. Боевые успехи решительно склонялись на сторону Германии, а мартовская революция в России сразу вывела из строя одного из главнейших ее противников. При таком положении вещей вместо желанного мира без победителей и побежденных „легко мог" появиться мир, принесенный, согласно обещанию Вильгельма II, на острие штыков и подписанный на барабане. За этим миром должен был последовать, согласно господствовавшему представлению, еще больший чем до войны рост экономического могущества Германии. Для Америки не составляло тайны необычайно быстрое промышлен-

ное и торговое развитие Германии перед войной. Там знали, что за два десятилетия, с 1890 по 1911 гг., Германия заняла по добыче каменного угля первое место после Соед. Штатов и Англии, при чем в смысле роста угольной промышленности значительно обогнала эту последнюю (в Англии увеличение за указанный период на 49%, в Германии—на 162%). За тот же период производство чугуна увеличилось в Германии более чем в три раза, и в этом отношении она обогнала даже и Соед. Штаты (показавшие увеличение немногим меньше, чем в три раза). Железа и стали Германия стала производить перед войной вдвое больше чем Англия и со стороны количества производства их уступала пальму первенства лишь одним только Соед. Штатам. Обороты внешней германской торговли за 30 лет, с 1880 по 1910 гг., увеличились с 5,83 миллиардов марок до 16,95 миллиардов, а к началу войны достигли 22 миллиардов. По своим размерам обороты эти уступали лишь английским (соотношение: 21 к 27) и значительно превосходили обороты всех остальных стран. При таком положении вещей Германия—победительница в Европе могла легко стать угрозой для экономического процветания Америки, вытеснить ее со всех мировых рынков и захватить даже и американскую торговлю и промышленность. Опасность увеличивалась от обилия в составе населения Соед. Штатов лиц немецкого происхождения. По данным официальной переписи 1910 г. на общее количество населения Соед. Штатов в 91.972.266 чел. 13.515.886 чел. (или 14,7%) приходилось на долю лиц, родившихся вне пределов страны, а кроме того 12.916.311 чел. (или 14%) составляли лица, рожденные в Америке от родителей иммигрантов. Из указанного числа иностранных иммигрантов в 13.515.886 чел. 18,5% приходилось на выходцев из Германии и 12,4% на выходц. из Австрии. На общее количество иностранного белого населения Соед. Штатов в 1910 г., исчисленное в 32.243.382 чел. родом из Германии было ни много ни мало 8.282.618 чел. и родом из Австрии 2.001.559 чел. Опасность дальнейшей германизации Америки в случае торжества германского милитаризма была налицо для американских националистов. Страх перед германской пропагандой охватил с самого начала войны все северо-американские штаты; по церквам, театрам, ресторанам и даже школам по всей Америке с мужчин и женщин стала приниматься подписка о верности их правительству Штатов. Как на беду, в руки американского правительства попала секретная инструкция германского министра иностранных дел Циммермана от 19/I—1917 г., посланная через германского посла в Америке гр. Бернсдорфа германскому посланнику в Мексике. В этой инструкции предлагалось обещать Мексике в случае выступления Соед. Штатов против Германии финансовую помощь

и возвращение ей перешедших к Соед. Штатам бывших мексиканских штатов Нов. Мексики, Техаса и Аризоны, а за это Мексика, со своей стороны, должна была об'явить войну своему северному соседу. В нужный момент правительство Вильсона преподнесло эту инструкцию американской публике и, как можно было заранее предвидеть, эффект в смысле усиления германофобских настроений в Америке оказался поразительный.

Итак, первой главной причиной вмешательства Вильсона в войну было действие на него общего страха перед призраком германской победы и последствий ее для Америки. Если даже не всем была ясна опасность „мирового владычества" Германии, столь несомненная для руководящих американских кругов, то зато совершенно конкретною представлялась та материальная опасность поражения союзников, которую в одну минуту можно было прикинуть с карандашем в руках. По официальным подсчетам долги союзников Америке к концу 1918 года исчислялись в следующих цифрах:

Англия	4.175.981.000	долл.
Франция	2.436.427.000	„
Италия	1.310.000.000	„
Россия	325.000.000	„
Бельгия	252.895.000	„
Сербия	12.000.000	„
Греция	39.554.036	„
Румыния	6.666.666	„
Итого	8.558.523.702	долл.

Значительная часть этих долгов была налицо уже к моменту вступления Америки в войну, и вот все они, несомненно, пошли бы на смарку, если бы победителями оказались не союзники, а враждебная им коалиция. Правда, и после победы союзников указанный долг не только не уменьшился, но по прошествии целых 5 лет возрос до 10 миллиардов долларов (по подсчету „The Guarantee Trust Co. of N. J." общая задолженность Америке других государств в связи с войной составляла в 1921 г. 10.141.268.000 долл.); однако, кто же мог предусмотреть такой неприятный пассаж в то время умилительной междусоюзнической дружбы!

Второй главной причиной вмешательства Америки в европейскую войну было об'явление Германией 1 февраля

1917 г. беспощадной подводной войны со всеми последствиями этой войны. Эффект этого нового обстоятельства оказался трояким. С одной стороны, подводная война парализовала столь выгодную для Америки торговлю ее с союзническими странами и грозила торгово-промышленным кризисом. С другой стороны, потопление пароходов-гигантов „Лузитания" и „Суссекс", вместе с которыми погибло большое число американских граждан, представилось американцам как прямой вызов со стороны Германии и как вопиющее нарушение ею норм международного права. С третьей стороны, успешное потопление германскими субмаринами многочисленных американских торговых судов и блокада ими американских берегов ясно показала, что океан уже не служит более надежной гарантией безопасности западного полушария, как о том любили говорить американские президенты в начале прошлого века, и что Америка не может уже считать себя стоящей вне мировых и европейских политических событий.

К этим главным причинам сам собой прицепился вслед затем целый ряд причин производных и второстепенных: ненависть против германской реакции, жажда „справедливого демократического мира", возмущение по поводу разгрома бедных крошек Бельгии и Сербии (беспардонное хозяйничание союзников в нейтральной Греции не в счет), дружба к Франции и кровная связь с Англией и проч. и проч.

IV.

Выступление Америки на стороне держав согласия решило участь войны, и Германия в ночь с 4 на 5 октября 1917 г. обратилась к Вильсону с просьбой о мире на основе его пунктов. 5-го ноября, т.-е. через месяц, Вильсон сообщил Германии о согласии всех союзников заключить с нею мир на основе этих пунктов. Что получилось в действительности и в какой мере Германия оказалась жертвой самого циничного обмана со стороны победителей, знает всякий, хоть немного знакомый с основами Версальского договора.

Вопреки твердо установившейся традиции, согласно которой президент Соед. Штатов не покидает во время своего президентства территорию союза, Вильсон поехал в Париж, чтобы лично диктовать свои условия мира и руководить созданием столь дорогой ему Лиги Наций. По мнению очень многих, это было одной из крупнейших его ошибок. Он не только сошел со своего пьедестала, с которого так удобно было управлять европейскими кабинетами, не только напрасно ввязался в путаницу будничной работы этих кабинетов, но—что еще хуже—он сделал это после того как его

партия потерпела поражение на выборах в конгрессе (в палате представителей республиканцы получили большинство в 39 голосов, а в сенате большинство в 2 голоса). В этих результатах выборов для Вильсона заключалось серьезное предостережение. Однако он не обратил на него внимания и даже не ввел в состав своей делегации на мирной конференции ни одного представителя оппозиции. 3-го марта сенатор Лодж сообщил ему, что 37 сенаторов-республиканцев возражают против проекта Лиги Наций в том виде, как он был выработан в Париже и настаивают на внесении в него ряда изменений. Вильсон и на это не обратил внимания, заявив, что он не желает привозить из Парижа „труп мирного договора" и что те, кто противится его Лиге Наций, „глухи к требованиям всего человечества".

Настойчивость Вильсона принесла свои плоды: согласно единодушному свидетельству осведомленных лиц, Лига Наций своим существованием обязана всецело ему. Но зато сенат Соед Штатов не дал ему своего разрешения из-за этой Лиги на ратификацию мирных договоров Версальского и Сен-Жерменского; это—в особенности из-за ст. 10 ее статута, требующей обязательного военного вмешательства членов Лиги в военные конфликты, а также из-за того, что Америке было предоставлено в Лиге всего-на-всего одно место, тогда как Британская империя получила в ней, благодаря своим доминионам, 6 мест (а со включением в Лигу Ирландии в 1923 г.—7 мест).

Такого рода отказ сената в ратификации знаменовал собой крушение всей политики „великого президента", а вслед затем привел к совсем уже конфузному для Вильсона отдельному мирному договору Америки с Германией, прямо выговорившему для Соед. Штатов сохранение всех выгод для них насильнического Версальского мира и вообще признание почти всех его постановлений, кроме тех, что относятся к Лиге Наций, „Организации Труда", территориальным изменениям в Европе и некоторых других. Из кумира толпы и „единоличного вершителя мировых судеб" Вильсон сразу превратился в жертву самых ожесточенных нападок со всех сторон и совершенно замкнулся в своей вашингтонской резиденции. Все припомнилось ему теперь: и подавление свободной мысли и свободного слова во время войны, и террор в отношении широких масс лояльных американских граждан, и подкуп прессы, и заключение в тюрьму политических противников, и вручение судеб страны недобросовестным чиновникам и судьям.

Со своей стороны, рабочий класс также имел основания для недовольства Вильсоном. Когда летом 1919 года американские железнодорожники представили протест правительству против обратной передачи железных дорог

в частные руки, и выдвинули требование повышения заработной платы, Вильсон предложил им представить их требования директору железных дорог. Последний, посоветовавшись с Вильсоном же, уведомил железнодорожников о повышении заработной платы на 4 цента (8 коп) в час— сумма совершенно недостаточная. Эта мера вызвала негодование рядовых железнодорожников, и по всей стране Вильсон получил название „четырехцентового Вудро". С этим названием он и сошол в могилу.

Sic transit gloria mundi.

ХРОНИКА

ЕВРОПА.

Австрия.

Внутреннее положение. Находящееся в полной финансовой зависимости от союзников, в лице комиссара Лиги Наций Циммермана, австрийское правительство еще в 1923 году приложило все усилия к сбалансированию бюджета и укреплению валюты. В этой области, действительно, были достигнуты существенные успехи, и австрийская крона была стабилизована. Однако, Австрия не смогла выполнить требования Лиги Наций о сбалансировании „нормального" бюджета на 1924 год в размере 350 миллионов крон, после чего должен был быть снят финансовый контроль союзников. Несмотря на произведенное сильнейшее сокращение штатов государственных служащих, снижение субсидий безработным и повышение налогов, Австрия смогла представить на состоявшейся в середине июня в Женеве сессии Совета Лиги Наций только такой бюджет, расходная часть которого составляла 530 миллионов крон, а доходная — даже не была точно определена и лишь характеризовалась австрийским правительством, как „имеющая превысить расходы". В виду этого, после произведенного в сентябре обследования специальной комиссией Лиги Наций экономического положения Австрии, было решено продлить финансовый контроль и на 1925 год, признав возможным увеличение бюджета только до 495 миллионов.

Финансовая политика австрийского правительства Зейпеля поставила страну в критическое экономическое положение. Рост дороговизны, безработица, промышленная депрессия, пассивный торговый баланс, вот — плоды „оздоровления" австрийских финансов. Весною начались массовые крахи крупнейших австрийских банков, спекулировавших на падении кроны. По официальным сведениям, за первую половину 1924 года обанкротилось свыше 500 банков, акционерных обществ и торгово-промышленных фирм. Невероятную панику вызвал крах виднейшего австрийского банка Кастильони.

Разумеется, положение рабочего класса в Австрии стало крайне тяжелым. Безработица особенно усилилась после экономической эвакуации Рура, когда Австрия лишилась поддерживавших ее промышленность германских заказов. В середине декабря число безработных достигло 125 тысяч. Вместе с тем, в виду чрезвычайно возросшей дороговизны, обесценилась и без того незначительная субсидия, выдававшаяся правительством безработным. Правда, правительство согласилось повысить эту субсидию на 10%, но одновременно провело понижение ее по разрядам. Пособия были лишены все безработные 18-летнего возраста. Такую же меру правительство предполагало провести и в отношении безработных моложе 21 года. Вместе с тем, буржуазия повела кампанию за упразднение 8-ми часового рабочего дня и уменьшение зарплаты. Рабочие в своей борьбе терпели поражения, главным образом, благодаря предательской роли социал-демократов. Так был проигран ряд забастовок рабочих и служащих, в том числе крупная забастовка венских металлистов, продолжавшаяся около 2-х недель и захватившая свыше 150 тысяч рабочих.

Австрия и СССР. 25 февраля были восстановлены дипломатические сношения между Австрией и СССР. Этому акту предшествовали довольно продолжительные переговоры, в которых Австрия выдвигала положение о необходимости специального признания СССР де-юре, а советское правительство, напротив, указывало, что это признание заключается в Брест-Литовском договоре,

и потому требуется только заявление о возобновлении сношений. Победила точка зрения СССР. Летом между обоими государствами состоялся обмен посланниками, при чем советское правительство назначило в Вену т. Аусссма, а австрийское в Москву—г. Поля. 24 декабря австрийскому президенту вручил свои верительные грамоты новый советский посланник тов. Иоффе.

Албания.

Постоянный об'ект империалистических интриг — Албания должна была в 1924 году подвергнуться особенно сильным потрясениям. 11-го июня албанским националистам удалось свергнуть старое реакционное правительство и образовать свой кабинет во главе с видным деятелем национального движения Фан Ноли. Однако, уже скоро новое правительство встретилось с чрезвычайно серьезными затруднениями, вызванными заинтересованными державами. Албанские соседи—Италия, Юго-Славия и Греция — стремились к разделу Албании на сферы влияния. При этом Италия была заинтересована в обеспечении за собой влияния в Дураццо, Валоне и на всем берегу Адриатического моря, Юго-Славия—в средней и северной Албании и в Скутари, а Греция—в южной Албании. В свою очередь, Великобритания добивалась нефтяных концессий в Албании, конкурируя в этом вопросе с Италией.

Встретив со стороны Фан Ноли противодействие, эти державы решили его свергнуть „военной рукой". С севера в Албанию вторглись отряды, вооруженные Юго-Славией, при поддержке Италии. Во главе повстанцев встал бывший албанский премьер Ахмед-Зогу. В то же время на юге начали наступление другие отряды, поддерживаемые Грецией. Правительственные войска стали терпеть поражение за поражением. В декабре правительство Фан Ноли оказалось в совершенно критическом положении. Пытаясь получить поддержку Англии, оно согласилось передать английской группе капиталистов нефтяные концессии. Фан Ноли также пошел на разрыв дипломатических сношений с СССР, ибо Великобритания, Италия и Юго-Славия настаивали на отъезде советского посланника. В результате, 18 декабря Полномочный Представитель СССР тов. Краковецкий, только за 4 дня до этого прибывший в Албанию, уехал со всем штатом миссии обратно.

Тем не менее, все эти мероприятия правительства Фан Ноли не спасли. К концу декабря Ахмед-Зогу окончательно разбил правительственные войска и занял столицу Албании—Тирану. 28 декабря Фаноли бежал в Италию.

Бельгия.

27 февраля подало в отставку правительство Теннса. Во главе составленного в начале марта нового кабинета стал опять Теннс, а портфель министра иностранных дел был поручен Гимансу. Политика нового правительства ничем не отличалась от предшествующего, особенно в отрасли борьбы с рабочими за капиталистические интересы. Правительство оказывало всяческую поддержку промышленникам, выступая в качестве „посредника" и принуждая рабочих соглашаться на самые невыгодные условия.

Положение же рабочего класса Бельгии значительно ухудшилось. Несмотря на то, что дороговизна сильно возросла, промышленники повели кампанию за снижение зарплаты. Борьба рабочих оканчивалась, в большинстве случаев, неудачей, главным образом, благодаря предательской роли социал-реформистов. В частности, необходимо отметить вспыхнувшую в августе крупную забастовку углекопов в Боринаже, продолжавшуюся около 2-х месяцев. Хотя было ясно, что успех забастовки зависит от присоединения к ней углекопов других районов, реформистские лидеры приложили все свои силы к локализации движения и добились согласия ЦК горнорабочих Боринажа на принятие решения смешанной комиссии о снижении зарплаты на 8%. Так как ЦК категорически отказался передать этот вопрос на референдум рабочих, последним пришлось возобновить работу. После провала забастовки, буржуазия почувствовала себя крепче.

Зарплата в Боринаже была фактически уменьшена не на 8%, а на 20%. Были уволены многие из бастовавших рабочих, подозреваемые во „вредной агитации". Кампанию за снижение заработной платы капиталисты повели по всей стране.

Болгария.

Весь истекший год политика белого террора реакционного правительства Цанкова не прекращалась. На основании закона „об охране государства", рабочие газеты закрывались одна за другой. Инсценируя раскрытие нелегальных „противозаконных" организаций, правительство производило массовые аресты деятелей коммунистической и крестьянской партий. Особенно усилился террор к концу лета, когда под влиянием правительственных репрессий, участились партизанские выступления крестьян. В августе сообщалось о многочисленных расстрелах родственников крестьян, якобы участвовавших в партизанских отрядах.

В сентябре внутреннее положение Болгарии еще больше обострилось, в связи с массовыми убийствами македонских вождей. В первых числах сентября в Македонии (в Горна-Джумайя) состоялась конференция для обсуждения наметившихся за последнее время разногласий. Представитель оппозиции Алеко Василев, выступивший с резкой критикой деятельности Тодора Александрова, лидера правых македонцев и фактически агента Цанкова, был застрелен во время речи. Несколько дней спустя Тодор Александров был убит сторонниками Василева. После убийства Александрова начались массовые убийства левых македонцев, членов крестьянской партии и коммунистов. Правительство Цанкова решило использовать убийство Александрова для расправы со всеми своими противниками. За короткий срок (2 недели) насчитывали до 50 убийств видных болгарских политических деятелей, в том числе коммунистического депутата Хаджи Димова, анархиста Пенкова, македонских лидеров Квачева, Атанасова и др. Равным образом не прекращались репрессии против рабочих организаций. Так, пользуясь законом „об охране государства", правительство распустило независимые профсоюзы.

Со всем этим необходимо сопоставить внешнюю политику Цанкова. В двадцатых числах декабря он предпринял поездку в Белград и Бухарест для совещания с Юго-Славским и Румынским правительствами о совместных мероприятиях против „большевистской опасности". Целью этой поездки было осуществление предпринятых по инициативе Англии мероприятий, направленных к созданию единого антисоветского блока Балканских государств, и поддержания колеблющегося положения реакционных балканских правительств. Хотя в Белграде, вследствие старых югославо-болгарских разногласий по вопросу о сербской Македонии, Цанков был принят довольно недружелюбно, — тем не менее, балканская пресса сообщала, что между югославским и болгарским правительствами был подписан тайный договор о создании единого антибольшевистского фронта.

Великобритания.

Правительство Рабочей Партии. Происшедшие в конце 1923 года перевыборы английского парламента решили падение консервативного правительства Болдуина. В новой палате консерваторы составляли меньшинство и могли бы остаться у власти только при поддержке либералов. Но этой поддержки они не получили, и 22 января Болдуин вручил королю прошение об отставке. Через два дня рабочей партией был составлен новый кабинет с Макдональдом во главе. С самого начала своего существования правительство очутилось в чрезвычайно затруднительном положении. Пришедшее к власти, благодаря, своего рода, „попустительству" буржуазии, оно более всего боялось возбудить сомнение в своей „благонадежности". Но, вместе с тем, оно испытывало на себе, особенно в серьезные моменты, давление рабочих кругов и вынуждено было с последним считаться. Такая, в достаточной мере неудобная позиция сидения между двумя стульями обусловила всю деятельность прави-

тельства рабочей партии. Несмотря на рост безработицы, которая в 1924 году достигла громадных размеров (на 25 августа число безработных в Англии составляло 1.152.000 человек, т.-е. около 12% всех английских рабочих). Макдональд не мог предпринять никаких радикальных в этой области мер, ибо последние должны были бы неминуемо задеть интересы имущих классов. Равным образом, деятельность „рабочего“ правительства ничем не отличалась от деятельности всех прочих буржуазных правительств в таком животрепещущем для рабочего класса вопросе, как вопрос о дороговизне, индекс которой достиг в том же августе 172 (за 100 принимается довоенный уровень). Вся деятельность Макдональда в области внутренних реформ сводится, главным образом, к биллям о безработице и о жилищном строительстве. Эти два законопроекта, с существенными к тому же поправками, оказались для буржуазии приемлемыми, получили поддержку либералов и были приняты Палатой Общин. Но дать реальное облегчение английскому рабочему классу они, как указано выше, не могли.

Однако, правительство лишь до тех пор могло опираться на либералов (а без их поддержки оно оказывалось в меньшинстве), пока оно не затрагивало существенных основных интересов буржуазии. Подписание англо-советского договора и последующие события вскрыли классовые противоречия, и поражение правительства стало неизбежным. Бой был дан буржуазными партиями, впрочем, не по этому вопросу, а по другому, сравнительно, мелкому—по делу Кэмпбелла. Сущность этого дела заключается в следующем. 31 июля лондонская полиция произвела набег на помещение ЦК британской компартии, произвела обыск и арестовала редактора коммунистического органа „Workers Weekly“ тов. Кэмпбеля. На основании его антимилитаристической статьи, ему предъявили обвинение в „ведении агитации за измену в армии и флоте“. Однако, поднятая компартией кампания и протесты, заявленные рабочими по всей стране, подействовали на правительство. На судебном заседании прокурор отказался от обвинения. Тов. Кэмпбель был оправдан. Это дело и послужило предлогом для консерваторов, дабы свалить правительство. Они внесли в Палату резолюцию, предлагающую признать, что в деле Кэмпбеля „поведение правительства его величества заслуживает порицания“. Либералы, великолепно учитывающие, что поражение правительства вызовет перевыборы парламента, на которых они потерпят крах, пытались выйти из положения внесением поправки, согласно которой должна была быть назначена особая парламентская комиссия для расследования обстоятельств отказа прокурора от обвинения Кэмпбеля и выяснения, было ли на прокурора оказано давление со стороны правительства. Правительство, однако, решило против этой поправки либералов выступить так же решительно, как и против резолюции консерваторов, признав, что между этими двумя предложениями существенной разницы нет. В заседании Палаты Общин от 8 октября, после бурных прений, поправка либералов, поддержанная консерваторами, была принята большинством 364 против 198 голосов. Результатом этого голосования был роспуск парламента и назначение новых выборов на 25 октября. Избирательная кампания с самого начала до конца проводилась под лозунгом борьбы рабочего класса с буржуазией. Об этом говорили во всех своих выступлениях и лидеры рабочей партии и лидеры консерваторов. Либералы, правда, не хотели бы этот классовый характер выявлять, но новые выборы явились для них наименьшим злом, ибо смена правительства, без роспуска парламента, была бы уже явной диктатурой класса и еще больше обострила бы классовый антагонизм.

В кругах рабочей партии готовились к избирательной кампании с большим энтузиазмом. Передовая статья органа рабочей партии „Daily Herald“ того времени указывала, что рабочие стали лицом к лицу с реакционной коалицией. Рабочая партия призывала к решительной борьбе и развила большую деятельность. Происходившая в это время конференция рабочей партии, увлеченная общим настроением рабочих масс, приняла довольно решительный тон и вынесла ряд радикальных резолюций. Она категорически высказалась за принятие договора с СССР; потребовала национализации шахт и рудников и введения государственного контроля над электрическими станциями. Также было принято постановление о введении специального налога на капиталы

свыше 5.000 фунтов и требование о национализации английского банка, который хотя и является центральным банковым учреждением Англии, но находится в руках частных капиталистов. По национальному вопросу конференция приняла резолюцию, требующую прекратить преследования рабочих на Востоке, и выражающую мнение, что настал момент для введения в Индии подлинного самоуправления. Конференция обратилась с призывом к рабочему классу повести решительную избирательную борьбу и добиваться получения абсолютного большинства на выборах. Но вместе с тем, очевидно, желая обезопасить себя от нападок со стороны буржуазии и обвинения в „левизне", конференция приняла постановление, запрещающее принимать в рабочую партию коммунистов. Это решение не было, правда, неожиданным и обусловливалось всей предыдущей оппортунистической политикой рабочей партии.

Что же касается позиции буржуазных партий, то они очень скоро после начала кампании пришли к соглашению о том, чтобы не выставлять конкурирующих кандидатур, т.-е. в тех местах, где против кандидатов рабочей партии борются консерваторы, либералы своего кандидата не выставляют, и наоборот. Буржуазный блок был проведен почти во всей стране, что, разумеется, в значительной мере увеличило шансы консерваторов. К избирательному маневру следует причислить также известный инцидент с так называемым „письмом Зиновьева". Возникший почти накануне самых выборов, он явился в руках консерваторов большим козырем против рабочей партии. Буржуазия стала пугать обывателей призраком красной опасности и повела агитацию за „устойчивое правительство". В выборах приняло участие, между прочим, большое число женщин, которые „в защиту своего очага" голосовали за консерваторов.

Выборы закончились решительной победой консерваторов; они получили 412 мест, рабочая партия—151, и либералы—40. Характерно, что такой решительной победы консерваторы добились, несмотря на то, что рабочая партия получила на нынешних выборах голосов на 1 миллион больше, чем в прошлый раз. Распределение голосов было следующее: за консерваторов было подано 7.597.894 голоса, за кандидатов рабочей партии 5.501.934, за либералов 3.105.325 и за коммунистов—45.504. На прошлых же выборах консерваторы имели 5.359.690 голосов, либералы—4.251.000 и рабочая партия—4.348.000.

Падение Макдональда стало неизбежным, и 4 ноября он вручил королю прошение об отставке кабинета. В тот же день консерватор Болдуин принял предложение сформировать правительство.

Англия и СССР. Одним из первых актов правительства Макдональда было признание СССР. 1 февраля Великобританское правительство препроводило тов. Раковскому копию ноты, которая на другой день была вручена в Москве тов. Чичерину британским агентом Ходжсоном. В ноте содержалось безоговорочное признание СССР de jure со стороны Великобритании и предлагалось созвать конференцию для урегулирования ряда вопросов, в том числе о взаимных претензиях, дореволюционных договорах, пропаганде и пр.

Эта конференция открылась в Лондоне 14 апреля 1924 года. Работы конференции протекали все время в чрезвычайно трудных условиях. Группа капиталистов, об'единенная в так называемый „комитет держателей русских ценностей", добивалась таких „уступок" от советского правительства, на которые последнее пойти ни в коем случае не могло, и потому она напрягала все силы к срыву соглашения с СССР. Переговоры советской делегации с „комитетом" к положительным результатам не привели. „Рабочее" же правительство, испытывая сильное давление буржуазии, долго не решалось на самостоятельные действия.

Наконец, под влиянием широких рабочих масс, правительство Макдональда решило не задерживать переговоров из-за явного саботажа комитета кредиторов и вступило на путь соглашения с советской делегацией. К началу августа месяца переговоры уже значительно продвинулись вперед. Но затем произошел разрыв, хотя и продолжавшийся всего несколько часов, но, вместе с тем, ясно показавший всю нерешительность и шаткость позиции Макдональда, испытывавшего на себе противоположное влияние английской буржуазии, с одной стороны, и рабочего класса, с другой. 4 августа открылось пленарное заседание конференции, которое продолжалось без перерыва 20 часов,

т.-е. до 7 часов утра 5 августа. Советская делегация тщательнейшим образом разбирала статью за статьей английской редакции договора и вносила при этом различные поправки. Великобританская делегация упорно возражала против всех советских предложений, все время ссылаясь на императивный мандат, полученный от кабинета. Но тем не менее, советская делегация добилась ряда существенных изменений. В конце концов, было достигнуто соглашение по всем пунктам, за исключением одного. (Статья английского проекта договора, которая предусматривает процедуру заключения в будущем второго договора, после того, как будет установлена сумма, причитающаяся великобританским держателям займов в качестве компенсации за довоенные долги, и различным британским кредиторам, за так называемые мелкие претензии, а также после того, как будет оформлен британский заем). Так как соглашения по этому вопросу достигнуто не было, конференция была об'явлена закрывшейся.

Лишь только стало известно о разрыве переговоров, сразу выявилось все более и более растущее негодование со стороны влиятельных рабочих кругов. Это негодование достигло апогея 5 августа вечером на заседании парламентской фракции рабочей партии. На этом заседании тов. Раковского просили изложить советскую точку зрения. Некоторые видные члены парламентской группы рабочей партии угрожали сложить с себя депутатские полномочия и снова выставить свои кандидатуры на выборах, чтобы повести против правительства борьбу исключительно по вопросу о договоре с СССР. В конце концов, группа членов рабочей партии, выступившая в качестве посредника, начала переговоры с Понсонби, в результате чего произошла новая встреча Понсонби с тов. Раковским. 6 августа была найдена приемлемая для обоих сторон формула спорной статьи, и 8 августа торговый и общий договоры были подписаны Со стороны Великобритании договор подписали Макдональд и Понсонби, со стороны СССР—Раковский, Иоффе, Томский и Радченко.

После подписания договоров, на заключительном заседании конференции. тов. Раковский огласил декларацию, состоящую из следующих 5 пунктов: 1-й пункт, указывая на твердое намерение советского правительства следовать по пути укрепления всеобщего мира, предлагает созвать в ближайшем будущем международную конференцию по разоружению. 2-й пункт выражает протест СССР по поводу насильственного захвата Бессарабии. В 3-м пункте содержится протест против захвата Румынией по Сэн-Жерменскому договору северной части Буковины, которая населена украинцами и населению которой не было предоставлено права самому определить свою судьбу. 4-й пункт декларации касается вопроса о Восточной Галиции, которой также не предоставили права национального самоопределения и насильственным путем присоединили к Польше. Наконец, 5-й, и последний, пункт декларации предлагает британскому правительству взять на себя инициативу пересмотра соглашения о проливах, заключенного на Лозаннской конференции, имея в виду, что это соглашение представляет собой прямую угрозу безопасности советских портов Черного моря.

Англо-советский договор вызвал бешеную оппозицию буржуазии. В поднятой кампании были забыты прежние разногласия между либералами и консерваторами, образовавшими теперь единый фронт против соглашения с СССР.

Роспуск английского парламента, хотя и произошел формально по другому поводу (дело Кэмпеля), фактически был вызван, главным образом, расхождением по вопросу об англо-советском договоре. Поражение рабочей партии и приход к власти консерваторов предопределили судьбу договора. Последний ратифицирован парламентом не был, и нотой от 21 ноября консервативное английское правительство уведомило Раковского о том, что оно отказывается представить договор на рассмотрение парламента и на утверждение королю.

„Письмо Зиновьева". 24 октября, в самый разгар избирательной борьбы, Грегори, консервативный помощник „рабочего" министра, обратился к тов. Раковскому с нотой, в которой указывал, будто Исполкомом Коминтерна было послано Центральному Комитету британской компартии некое секретное письмо за подписью Зиновьева, призывающее к вооруженной борьбе против британского правительства. Нота была составлена в самых резких и недопустимых тонах. Разумеется, эта нота была ловким избирательным маневром со стороны консерваторов, которые стремились возбудить общественное мнение против

СССР и доказать неправильность позиции Макдональда, защищавшего англо-советский договор. Немедленно по получении ноты тов. Раковский ответил министерству иностранных дел, что, так называемое „письмо Зиновьева“ представляет собой грубую подделку. Раковский указал, что подложность письма доказывается не только содержанием, но и формой документа, ибо нигде нельзя встретить наименования „III-й Коммунистический Интернационал“, как сказано в этом документе, а также Зиновьев, являющийся председателем Исполнительного Комитета Коминтерна, никогда не подписывается, как председатель „Президиума“. Аналогичное заявление было опубликовано Центральным Комитетом Британской Компартии, заявившим, что он никогда такого письма не получал, а тов. Мак-Манус, которому приписывалась вторая подпись на этом письме, заявил, что он никогда этого „письма“ не подписывал. Позиция Макдональда в этом вопросе была весьма двусмысленной. После двухдневного молчания он выступил с туманными об'яснениями, из которых следовало только, что нота ему представлялась на предварительный просмотр и он с ней согласился, но, с другой стороны, он рассчитывал, что ему пришлют ее на подпись, а не отправят Раковскому немедленно. По вопросу о подлинности письма он так и не сказал ничего определенного и ограничился обещанием произвести расследование. Эта позиция еще более подорвала положение Макдональда, ибо, с одной стороны, она отшатнула от него широкие рабочие круги, возмущенные использованием подложного письма для нападок на СССР, а, с другой, дала повод консерваторам обвинять рабочую партию в „большевизме“.

Советское правительство предложило Великобритании передать расследование вопроса о подложности письма беспристрастной комиссии. Однако, британское правительство на это не пошло. Макдональд, правда, создал комиссию для расследования этого дела, но она, просуществовав несколько дней (до отставки кабинета), оставила вопрос открытым, констатировав лишь, что подложного письма никто не видел, а копия, которой оперировало министерство иностранных дел, никем заверена не была. Вся рабочая печать Англии единодушно высказалась за то, что письмо является подделкой, но консерваторы, тем не менее, продолжали настаивать на его подлинности. В ноте от 21 ноября Чемберлен отверг предложение советского правительства о расследовании дела и заявил, что правительство в подлинности письма не имеет никаких сомнений. Выступивший же в Палате Общин министр внутренних дел Джонсон Хигс заявил, что правительство имеет „бесспорные“ доказательства подлинности письма, но не может их опубликовать, ибо боится подвергать опасности некое „лицо“, находящееся в СССР. Ссылаясь на это выступление, советское правительство предложило третейское разбирательство, заявив, что гарантирует этому „лицу“ беспрепятственный выезд из СССР. Однако, и на этот раз английское правительство отклонило советское предложение и, нотою от 25 декабря, Чемберлен уведомил тов. Раковского, что „правительство его величества не имеет ничего добавить к своему предыдущему заявлению по этому делу“.

Лондонская конференция. 16 июля в Лондоне, под председательством Макдональда, открылась междусоюзническая конференция, результатом которой было подписание протокола о проведении в жизнь плана Дауэса. Конференция выделила 3 комиссии. Из них первая обсуждала вопросы о случаях нарушения Германией своих репарационных обязательств и о санкциях, которые могут быть на нее наложены. В работах этой комиссии, кроме представителей союзников, принимали также участие американцы в составе дипломата, юриста, финансиста и эксперта по репарационному вопросу. Вторая комиссия обсуждала вопрос об эвакуации Рура и третья о репарационных поставках в натуре.

Решающее влияние на работу конференции оказали представители англо-американских финансовых кругов, обеспокоенные тем, что „санкции“ могут угрожать получению возмещений по займу. Банкиры потребовали определенных гарантий, до получения которых они категорически отказались предоставить заем.

Окончательные результаты переговоров союзников представляются в следующем виде.

Первая Комиссия, обсуждавшая вопрос об установлении случаев нарушения Германией своих обязательств, к конце концов, высказалась за следующий

порядок: союзные правительства обязуются не принимать никаких ни совместных ни сепаратных мер до тех пор, пока не будет установлено нарушение обязательств. Задача этого установления возлагается на репарационную комиссию с участием представителя Соединенных Штатов. Если комиссия единогласно установит нарушения, то вопрос, тем самым, разрешается, но если единогласие достигнуто не будет, то каждый член комиссии может апеллировать к специальному трибуналу из трех лиц. Этот трибунал избирается репарационной комиссией по единогласному решению, а, при отсутствии последнего, назначается председателем постоянной палаты международного Суда. Председателем трибунала должен быть американский гражданин.

Вторая комиссия, обсуждавшая вопрос об эвакуации Рура, пришла к решению о том, что экономическая эвакуация, т.-е. восстановление в оккупированной зоне административного и финансового управления Германии, производится к 5 октября 1924 года. Военная эвакуация Рура официально не обсуждалась на конференции. Тем не менее под давлением Англии и Америки французское и бельгийское правительства обязались вывести войска из Рура через год, т.-е. летом 1925 г.

Наконец, третья комиссия, продлила поставки натурой за пределы срока, предусмотренного Версальским договором.

Для разрешения споров как между самими союзниками, так и между союзниками и германским правительством по вопросам касающимся поставок натурой и деятельности комитета по переводу репарационных платежей за границу (транспортный комитет) предусмотрена процедура арбитража.

16 августа Лондонское соглашение (облеченное в форму протокола с четырьмя приложениями) было парафировано (предварительно подписано инициалами), а 30 после принятия германским рейхстагом необходимых по плану Дауэса законопроектов, соглашение было окончательно подписано.

Конгресс профсоюзов. 24 августа закончилась конференция левого меньшинства английских профсоюзов, непосредственно предшествовавшая конгрессу трэд-юнионов. Конференция единодушно приняла программу движения оппозиционного меньшинства, которая заключается в организации рабочих масс Великобритании с целью свержения капитализма и установление социалистического строя. Был составлен новый Исполнительный Комитет оппозиционного меньшинства, председателем которого был избран Том Манн, генеральным секретарем Поллит, и казначеем Джордж Флетчер. Конференция обратилась к открывающемуся конгрессу трэд-юнионов с манифестом, выражающим протест против плана Дауэса и характеризующим английское правительство, как слугу капиталистического государства и защитника интересов торговых и промышленных кругов.

Очередной годичный конгресс английских трэд-юнионов открылся в Гулле 1 сентября. На конгрессе участвовало 724 делегата, представляющих около $4^1/_2$ миллионов членов трэд-юнионов. На конгрессе присутствовали делегаты от профсоюзов других стран, в том числе и делегация советских профсоюзов во главе с тов. Томским. Советская делегация была принята весьма тепло, и речь тов. Томского, выступившего с приветствием конгрессу. была встречена шумными аплодисментами, перешедшими в овации. Конгресс принял ряд постановлений, из которых необходимо отметить следующие: конгресс единогласно признал необходимость ратификации англо-советского договора и поручил Генеральному Совету повести в этом смысле решительную борьбу. Конгресс также уполномочил Генеральный Совет принять все необходимые меры, через посредство Амстердамского Интернационала, к тому, чтобы соединить различные течения рабочего движения и добиться единого профессионального фронта. Конгресс признал необходимым уменьшить число профессиональных союзов, дабы создать более благоприятные условия для борьбы с капитализмом. Конгресс избрал новый Генеральный Совет, в который, за небольшим исключением, вошли все прежние члены. Председателем нового Генерального Совета был избран Свелс, деятель профсоюза машинистов. Свелс состоит членом Генерального Совета с 1921 года и считается сочувствующим левому крылу.

Делегация английских трэд-юнионов в СССР. На первом же заседании нового Генерального Совета английских трэд-юнионов была назначена особая делегация для поездки в СССР, по приглашению ВЦСПС,

с целью изучения профессионального движения и экономического положения советских республик. В делегацию вошли члены Генерального Совета Персель, Бен-Тиллет, Бромлей, Финдлей, Герберт Смит, Тернер и Брамли. Делегация несколько задержала свой от'езд в связи с перевыборами парламента и выехала в Москву только в начале ноября. Она пробыла в СССР свыше месяца, ознакомившись самым широким образом с положением советских республик, об'ехав ряд промышленных районов. Делегация расследовала вопрос о „письме Зиновьева" и убедилась в подложности этого документа. Она также была в Грузии и констатировала вздорность распространяемой врагами советских республик клеветы о чинимых, якобы, насилиях над грузинским народом.

По возвращении в Англию делегация немедленно опубликовала свой краткий предварительный отчет о поездке, в котором она подчеркнула мощь советского правительства и его заслуги в деле возрождения экономической жизни СССР. Подробный доклад делегация обещает представить в ближайшем будущем.

Англо-египетский конфликт. Восточная политика правительства Макдональда ничем по существу не отличалась от классической политики империализма его буржуазных предшественников. Достаточно напомнить несколько фактов: указ индийского вице-короля об исключительных мерах для подавления революционного движения в Бенгалии, вмешательство в китайские дела, наконец, воздушная бомбардировка беззащитных туземных селений в Ираке. Характерны дебаты в Палате Общин, возникшие по поводу иракских событий. В ответ на интерпелляцию по этому вопросу товарищ министра воздухоплавания в кабинете Макдональда, видный член независимой рабочей партии и „пацифист" Лич заявил, что в Ираке „происходили лишь небольшие маневры воздушного флота", при чем было сброшено несколько бомб. И затем, под шумные аплодисменты консерваторов, добавил: „я не могу сказать, что нынешнее правительство в данном случае в какой бы то ни было степени отступило от политики прежнего правительства".

Наиболее значительным событием в области восточной политики Великобритании за истекший год был конфликт с Египтом; возникший при „рабочем" и продолжавшийся при консервативном правительстве. Нарождающееся в Египте стремление к национальной независимости вызвало требование об уводе из Египта и Судана английских войск, пребывание которых делает независимость Египта пустой фразой. Англия же решительно этому воспротивилась. Оккупация ею Египта обусловливается желанием сохранить под своею непосредственной властью район Суэцкого канала. В суданском же вопросе оказались заинтересованными могущественные британские капиталистические об'единения. Дело в том, что находящуюся в Судане обширную Жезирскую равнину (между Голубым и Белым Нилом) представляется весьма выгодным использовать для разведения хлопка, что и осуществляется влиятельным „Суданским Синдикатом Плантаций", среди директоров которого, между прочим, находится сын Асквита. Вопрос об ирригации Жезирской равнины и явился причиной англо-египетских разногласий. Англичане, стремясь широко развить и интенсифицировать свое хлопководство, намерены орошать равнину водой Голубого Нила, и притом в неограниченном размере. Орошение же это неизбежно отрицательно отразится на ирригации Египта, что, конечно, имеет огромное значение для египетских крестьян. Встречая в этом вопросе противодействие со стороны египетского правительства, Англия решила оставить управление Суданом всецело в своих руках и распоряжаться там уже только по своему усмотрению. В августе месяце английское правительство усилило британский гарнизон в Судане, а затем, вследствие имевших место волнений, об'явило там военное положение.

Для урегулирования всех этих разногласий, 25 сентября в Лондон прибыл египетский премьер Заглул-Паша—виднейший деятель египетского национального движения. В переговорах с Макдональдом он выставил требование эвакуации всех английских войск из Египта и Судана и отмены всякого контроля Англии над египетским правительством. Охрану Суэцкого канала Заглул-Паша предложил поручить Лиге Наций. Макдональд египетские предложения отверг, и переговоры были сорваны. 8 октября Заглул-Паша выехал из Лондона.

Приход к власти консерваторов, разумеется, не изменил положения Египта в лучшую сторону. Наоборот, воспользовавшись удобным предлогом

правительство Болдуина окончательно подчинило себе Египет. 19 ноября в Каире в английского генерал-губернатора Судана Ли-Стэка была брошена бомба, и на другой день Ли-Стэк умер. Принесенными египетским правительством извинениями британское правительство не удовлетворилось. 22 ноября верховный британский комиссар в Египте Алленби передал Заглулу Паше ноту, требующую, кроме извинении и наказания виновных, уплаты возмещения в размере 500.000 фунтов стерлингов, запрещения всяких политических демонстраций и отозвания египетских войск из Судана. Нота также настаивала на сохранении института юридических и финансовых советников. Ответ требовался в течение 24-х часов. Заглул Паша согласился выполнить все пункты английского ультиматума, кроме требований об уводе войск из Судана и о советниках. Основываясь на неисполнении этих пунктов, Алленби отдал приказ об удалении египетских войск из Судана силой, а также о занятии британскими войсками Александрийской таможни. В результате этих событий Заглул Паша 24 ноября подал в отставку. Протест египетского парламента по поводу действий Англии, адресованный Лиге Наций, последнею даже не рассматривался, под тем предлогом, что этот протест „имеет неофициальный характер и не исходит от такого правительства, которое состоит членом Лиги".

Пришедший на смену Заглул Паше, новый премьер — Зивар полностью капитулировал. Все требования Англии были Зивар Пашей выполнены к 1 декабря.

Венгрия.

Происходившие в Берлине советско-венгерские переговоры закончились 12 сентября подписанием договора о возобновлении дипломатических сношений. До конца года договор ратифицирован Венгрией не был, и, по декабрьским сообщениям будапештской печати, он будет внесен на рассмотрение Национального Собрания в январе 1925 года.

Внутренняя жизнь Венгрии за истекший год бедна событиями. Проводившееся „финансовое оздоровление" вызвало промышленный кризис и рост безработицы. Стремясь переложить бремя „оздоровления" на плечи пролетариата, предприниматели начали сокращать производство и производить массовые увольнения рабочих. К середине года в деревообделочной промышленности безработица увеличилась на 20%, а в полиграфической—на 30%. По подсчету профсоюзов, число безработных среди промышленных рабочих в августе достигало 50 тысяч. Белый террор реакционного венгерского правительства не прекратился. По всей стране продолжались гонения на рабочие организации, разгон собраний, аресты и т. п.

Германия.

Правительство и рейхстаг. После подавления революционного движения осени 1923 года, германское правительство напрягло все свои силы на то, чтобы окончательно расправиться с рабочими и, в первую очередь коммунистическими организациями. Осадное положение и чрезвычайные полномочия командующего рейхсвером генерала фон-Секта продолжались до 1 марта 1924 года. Многочисленные аресты коммунистов, судебные преследования, конфискация газет и т. п. следовали одно за другим. 8-ми часовой рабочий день фактически был отменен. И только „укрепив" таким образом свое положение, правительство решило ослабить режим и отменить осадное положение (оставив, впрочем, в силе запрещение уличных собраний и демонстраций). К этому же времени (15 февраля) истекли исключительные полномочия правительства, и рейхстаг возобновил свои занятия. Однако, эти занятия были не очень продолжительными. Социал-демократы выставили требование об отмене ряда правительственных мероприятий, проведенных на основании расширенных полномочий, но правительство, продолжая „твердый курс", на уступки не пошло. Так как разногласия продолжались, 13 марта рейхстаг был распущен, и на 4 мая были назначены новые выборы.

В развернувшейся предвыборной кампании правительственные партии использовали все средства, дабы обеспечить себе успех. Разумеется, были предприняты „испытанные“ средства борьбы с коммунистами: аресты коммунистических депутатов, разгон собраний и пр. Тем не менее, именно, коммунисты одержали на выборах крупную победу, увеличив в 4 с лишним раза количество своих мандатов. Результаты майских выборов представляются в следующем виде: социал-демократы—100 мест (прежде 173), националисты — 96 мест (прежде 62), центр—65 (прежде 68), коммунисты — 62 (прежде 15), народная партия — 44 (прежде 66), тевтонцы—32, демократы — 28 (прежде 39), баварская народная партия—16, баварский крестьянский союз — 10, союз аграриев — 9, католическая партия—5, „социалистическая партия Кунце“—4.

Правительство оказалось в крайне затруднительном положении. Партии, на которые оно опиралось, т.-е. народная партия, центр и демократы, получили, в общей сложности, из 472 мест в Рейхстаге всего 137. Будучи в меньшинстве, правительство должно было вступить на путь расширения коалиции, включив одну из крупных партий справа (националистов) или слева (социал-демократов). Но ни те ни другие не пожелали вступить в правительство, боясь ответственности за принятие плана Дауэса, которое было уже поставлено в порядок дня. Министерский кризис разрешился тем, что вышедший 26 мая в отставку кабинет Маркса вернулся 4 июня к власти в прежнем составе и получил в рейхстаге вотум доверия. Таким образом, твердой опоры в рейхстаге правительство не имело и вынуждено было все время балансировать, добиваясь различными уступками благоприятных для себя результатов голосования.

Особенно резко это положение выявилось в вопросе о проведении в жизнь плана Дауэса. Против него решительно возражали националисты. Между тем, от националистов зависел исход голосования важнейшего законопроекта — о железных дорогах,—ибо для его принятия требовалось не простое, а квалифицированное большинство в $^2/_3$ голосов. Правительство Маркса вступило в переговоры с националистами, пообещав последним ряд уступок (включение их в правительство, отказ Германии об ответственности за войну, аграрные пошлины и пр.). В результате, 29 августа при третьем чтении законопроекта о железных дорогах половина фракции националистов голосовала за его принятие и тем дала требуемое большинство.

В проведении плана Дауэса, в сущности, заключались все задачи, которые правительство возлагало на рейхстаг майского созыва. В дальнейшем он сделался для правительства „бесполезной помехой“, и уже вскоре был поднят вопрос о новом роспуске рейхстага. Непосредственной причиной роспуска явился затянувшийся на 6 недель министерский кризис, из которого не было никакой возможности выйти при существовавшем соотношении сил в рейхстаге. 9 октября было официально об'явлено, что план реорганизации кабинета путем включения в него националистов и социал-демократов не удался, а 20 октября германский президент Эберт подписал декрет о роспуске рейхстага.

Но и новые выборы, состоявшиеся 7 декабря, не разрешили кризиса, ибо соотношение партий осталось почти без изменения. Места в новом рейхстаге распределились следующим образом: социал-демократы получили 131 место, националисты—103, центр—69, народная партия—51, коммунисты — 45, демократы—32, баварская народная партия—19, хозяйственная партия — 17, тевтонцы—14, аграрии и ганноверцы—4.

Лишь только выяснились результаты выборов, кабинет Маркса подал в отставку. До конца года германский правительственный кризис разрешен не был, ибо переговоры с отдельными партиями не привели к окончательным результатам. Однако, положение несколько определилось в связи с предложением Маркса образовать деловой кабинет, куда бы вошли „беспартийные, но достаточно авторитетные лица“. Националисты, от решения которых зависело создание имеющего прочное большинство кабинета, дали заверения, что такая комбинация может их удовлетворить. Вероятно, националисты в правительство войдут и после открытия рейхстага, которое назначено на 5 января 1925 года, министерский кризис, наконец, разрешится.

Германия и союзники. 14 января в Париже состоялось первое заседание комиссии экспертов, образованной согласно ноябрьскому постановле-

нию репарационной комиссии. На комиссию экспертов была возложена задача установить платежеспособность Германии и изыскать способы оздоровления германских финансов. Председателем этой комиссии был избран американец генерал Дауэс, именем которого и был впоследствии назван выработанный комиссией план. Комиссия после 3-х месячной работы, в течение которой она также выезжала в Берлин для ознакомления с экономическим положением Германии, — приняла план, налагающий на Германию, и притом на ее рабочий класс, невероятно тяжелое иго. Высказавшись, с одной стороны, за прекращение Рурской оккупации и за представление Германии займа, комиссия экспертов, с другой стороны, выставила такие требования, как передача железных дорог в частные руки и союзнический контроль над их эксплоатацией, контроль над германскими финансами и т. п.

Германские правящие круги единодушно высказались в пользу принятия плана экспертов. Сопротивление националистов было преодолено соответствующими уступками (см. выше), и, после подписания Лондонского соглашения, план Дауэса начал проводиться в жизнь.

В начале сентября в Берлин прибыл уполномоченный генерального агента по репарациям американец Фразер, который начал получать германские взносы в счет репараций. Для уплаты этих сумм германскому правительству был предоставлен в октябре заем в 800 миллионов марок. Условия займа крайне тяжелые. Прежде всего невероятно высокое комиссионное вознаграждение банкиров, взявших на себя распространение займа и получивших за эту комиссию от $4^1/_2$ до 5%. Затем необходимо иметь в виду, что хотя Германия фактически получает 800 миллионов марок, она должно уплачивать проценты на сумму в 960 миллионов. Таким образом, несмотря на то, что номинально учетный процент займа равен 7, в действительности американцы получают 8,;18%, а европейские участники — 7,96% (американская часть займа будет оплачиваться с особым начислением в 5%). Именно, эти не выгодные для Германии условия были причиной чрезвычайно быстрой реализации займа. В Нью-Йорке, например, он был расписан в течение чуть ли не одного часа.

Что же касается оккупированных областей, то после проведенной согласно лондонскому протоколу экономической эвакуации Рура, административное и фискальное единство Германии было восстановлено. Военная эвакуация, вероятно, будет осуществлена весной 1925 года. Вместе с тем, Франция добилась продления английской оккупации Кельнской зоны, очевидно, желая, чтобы английские войска из Кельна были эвакуированы не раньше, чем французские из Рура. В связи с этим „совет послов" 28 декабря постановил, под предлогом невыполнения Германией обязательств по разоружению, продлить оккупацию Кельна после установленного Версальским договором срока—10 января 1925 года.

Из других фактов германо-союзнических отношений необходимо отметить заключение 2 декабря в Лондоне договора между Германией и Великобританией о торговле и мореплавании. Основанный на общем принципе благоприятствования, договор регулирует вопросы о морском праве, таможенных тарифах, акционерных обществах и т. д.

Имевшие место франко-германские торговые переговоры пока к положительным результатам не привели.

Германия и СССР. Истекший год начался под знаком оживления и расширения торговых отношений между Германией и СССР. Наше торговое представительство в Берлине развило чрезвычайно интенсивную деятельность и провело ряд крупнейших коммерческих операций.

Однако, в мае месяце германо-советские взаимоотношения были подорваны возникшим по вине германских властей конфликтом. 3 мая берлинская полиция под предлогом розысков некоего Боценхардта, оказавшегося германским провокатором, вторглась в помещение торгпредства СССР и произвела там грубый обыск. Несмотря на протесты нашего полномочного представителя тов. Крестинского, германские власти обыска не приостановили, нарушив тем самым экстерриториальность торгпредства. Больше того, была нарушена личная неприкосновенность ответственных работников торгпредства, обладающих дипломатическим иммунитетом. Вообще полиция вела себя беспримерно. Взламывались шкафы, открывались портфели, и все это, якобы, под предлогом

поисков укрывшегося от полиции Боценхардта. Несколько сотрудников полпредства было арестовано.

Решительный протест советского правительства по поводу происшедшего инцидента сразу не привел к надлежащим результатам. Германское правительство не решилось дать необходимого удовлетворения и, главным образом, оспаривало принцип экстерриториальности торгпредства. Поэтому конфликт затянулся на 3 месяца, в течение которых германо-советские отношения значительно пострадали. Полномочный представитель СССР тов. Крестинский выехал из Берлина в Москву, аппарат торгпредства был свернут, и торговые сделки с германскими фирмами были прекращены. Германская промышленность потерпела значительный ущерб.

Наконец, германское правительство решило принять все советские требования, и 29 июля советником полномочного представительства СССР в Германии тов. Бродовским и германским министром иностранных дел Штреземаном был подписан протокол об урегулировании конфликта. Согласно протокола, германское правительство выразило сожаление по поводу обыска и подтвердило экстерриториальность торгпредства. После ликвидации конфликта германо-советские взаимоотношения мало по малу восстановились в полном об'еме. Значительно оживилась и торговая деятельность. Во второй половине 1924 г. можно было считать последствия конфликта окончательно изжитыми.

В ноябре в Москве открылась германо-советская конференция по заключению торгового договора. До конца года на конференции не было достигнуто каких-либо конкретных результатов.

Рабочее движение. Начавшийся жестоким разгулом реакции 1924 г. был весьма тяжелым для рабочего класса Германии. 8-часовой рабочий день был фактически упразднен. По опубликованным в начале июня официальным данным, из 46.122 обследованных предприятий на 5% рабочая неделя превышала 54 часа и на 33½%—48 часов. Что же касается числа рабочих, то из 2.450 человек, занятых в этих предприятиях,—13% работают свыше 54 часов в неделю, и 54,7%—свыше 48 часов. Эта безотрадная картина положения германских рабочих усугубляется колоссальной безработицей, в сильнейшей степени расстраивающей ряды пролетариата. На 1 января в Германии безработных и частично занятых рабочих насчитывалось до 6 миллионов, а вместе с семьями 18 миллионов. К весне число безработных несколько сократилось,дойдя до 5 миллионов.

Борьба германского пролетариата за 8-часовой рабочий день была безуспешна. Ряд забастовок, вспыхнувших на этой почве в различных промышленных областях, кончился в общем победой капиталистов, благодаря, главным образом, предательской роли с.-д. вождей.

Впрочем, рабочие массы начали уже изживать прежние иллюзии и постепенно отходят от социал-демократов. На происходившем в июле в Берлине партейтаге германской социал-демократии выяснилось, что партия за год потеряла около 15% своего состава. Ряд прошедших в минувшем году скандальных для социал-демократов судебных процессов (Эберта—Ротхарда, Бармата и др.) бесповоротно скомпрометировал целый ряд с.-д. вождей.

Компартия Германии за 1924 год значительно окрепла, что вызвало со стороны правительства, не говоря об обычных репрессиях, несколько совершенно „исключительных мероприятий". 4 июля, с согласия председателей рейхстага и прусского ландтага, был проведен обыск в помещениях коммунистических фракций обеих палат. Обыск не дал никаких компрометирующих компартию материалов, что, тем не менее, не помешало буржуазным кругам повести ожесточенную анти-коммунистическую кампанию. 23 октября, после роспуска рейхстага, был отдан приказ об аресте всех 62 коммунистических депутатов. Наконец, германское правительство пыталось переарестовать почти всех кандидатов, выставленных компартией на последних выборах в рейхстаг.

Голландия.

Весною минувшего года в Берлине начались переговоры между представителем Голландии и советским послом в Германии о восстановлении между Голландией и СССР дипломатических сношений. Эти переговоры, однако, не

привели к положительным результатам из-за заявленных Голландией невыполнимых претензий по вопросу об уплате советским правительством царских долгов.

Греция.

Внутреннее положение. Находившиеся у власти в течение первых двух месяцев 1924 года венизелисты вынуждены были в начале марта, под влиянием Военной Лиги, уступить место мелкобуржуазной республиканской партии. Сформированное 9 марта правительство Папанастасиу взяло на себя, в первую очередь, разрешение вопроса о государственном устройстве Греции. Национальное Собрание 25 марта высказалось в пользу республики, постановив, что окончательно форма правления будет установлена путем плебисцита. Плебисцит состоялся в середине апреля и дал большинство за республику. Президентом новой Эллинской Республики был избран Кондуриотис.

Однако, после того, как внутренний кризис был разрешен, крупная буржуазия, считая роль республиканского правительства законченной, повела против кабинета Папанастасиу решительную кампанию. Пользуясь колеблющейся позицией правительства, правые элементы возбуждали в Национальном Собрании и, главным образом, в армии и флоте сильное анти-правительственное движение. Особенно резкое недовольство в капиталистических кругах вызвала нерешительная политика кабинета в деле подавления вспыхнувших в мае забастовок. В то же время возникло брожение среди флотских офицеров, в связи с проведенным правительством повышением некоторых офицеров, активно боровшихся за республику. Правительственные репрессии успеха не имели, и, наоборот, само правительство должно было уступить, уволив в отставку морского министра.

В результате, 20 июля кабинет Папанастасиу получил в Национальном Собрании вотум недоверия, и к власти вернулась крупная буржуазия с венизелистом Софулисом в качестве премьера. Новое правительство, составленное из представителей всех буржуазных партий Национального Собрания, за исключением группы Папанастасиу, повело открытую политику защиты капиталистических и крупно-землевладельческих интересов. Оно просуществовало до октября месяца, когда его сменило еще более правое правительство Михайлопуло, которое, впрочем, мало чем отличалось от предыдущего.

Греция и СССР. 8 марта греческое правительство через своего посланника в Берлине передало советскому правительству ноту о признании СССР де-юре. Вскоре оба государства восстановили дипломатические сношения. Советским посланником в Грецию был назначен тов. Устинов, и греческим в Москве—г. Маврудис.

Дания.

Реакционная политика либерально-консервативного правительства Неергарда, доведшего страну непомерными налогами и пошлинами до крайне тяжелого положения, вызвала резкое недовольство широких народных масс. Состоявшиеся 11 апреля выборы в фолькетинг (парламент) принесли правительству поражение, и кабинет Неергарда подал в отставку. 25 апреля социал-демократом Стаунингом было сформировано новое правительство, в котором все портфели были заняты эсдеками, за исключением министра иностранных дел графа Мольтке—беспартийного. Своей ближайшей задачей „рабочее правительство" Стаунинга поставило сокращение безработицы и стабилизацию датской валюты. Однако, ему не только не удалось улучшить денежного курса, но, наоборот, в июле имело место новое катастрофическое падение кроны. Стаунинг тогда последовал примеру своего буржуазного предшественника и возобновил, при поддержке большинства фолькетинга, многие прежние налоги.

18 июня Дания признала СССР де-юре. Датским посланником в СССР был назначен г. Скау.

В конце года в Копенгаген прибыл советский посланник тов. Кобецкий.

Ирландия.

Осенью минувшего года был разрешен затянувшийся вопрос об ирландско-ольстерских границах. Суть дела в том, что Ольстер, выделенный из Ирландии в самостоятельную государственную единицу, и находящийся всецело под властью английских консервативно-клерикальных групп, отказался назначить своих представителей в комиссию по определению границ с Ирландией. На состоявшейся 2 августа конференции между южной Ирландией и Ольстером соглашения достигнуто также не было. Особая юридическая комиссия британского правительства признала, что в этом вопросе Ольстер саботирует выполнение англо-ирландского договора, и поэтому было решено провести закон об ирландско-ольстерских границах через британский парламент. Между прочим, необходимость скорейшего разрешения этого вопроса обусловливалась для рабочей партии тем, что проволочка могла бы вызвать падение ирландского правительства Косгрева (умеренного) и усилить ирландских республиканцев. 30 августа британское правительство внесло в палату общин—билль, который предусматривал, что в случае отказа Ольстера назначить своего представителя в пограничную комиссию, этот представитель будет назначен Великобританней. 2 октября законопроект был принят в третьем чтении палатой Общин и 9 числа того же месяца—палатой лордов.

Испания.

Марокканская авантюра чрезвычайно неблагоприятно отразилась на положении Испании. Вождь рифов Абдель Крим нанес испанцам ряд поражений, которые во втором полугодии превратились в полный разгром. Испанские дела приняли столь неблагоприятный характер, что во французских влиятельных кругах был возбужден вопрос о вмешательстве Франции в марокканский конфликт.

В связи с военными неудачами, поколебалось положение „директории" Де-Ривера, вызвавшей серьезное недовольство всех слоев населения своими колоссальными расходами на военные нужды, увеличением налогов, гонениями на печать и т. п. В качестве возможного кандидата на пост главы правительства, в случае падения Де-Ривера, называли генерала Беренгера, заявившего себя сторонником восстановления конституции.

Италия.

Внутренняя политика правительства. 1924 год в области внутренней политики фашистского правительства характеризуется беспрерывной неослабевающей и ожесточенной борьбой с оппозиционными фашизму партиями и идеями. Существовавшая еще с 1921 года палата депутатов, созванная при правительстве Джолити, оказалась к началу 1924 года естественно не отвечающей интересам политики Муссолини и состояла, в большинстве своем, из нефашистских элементов. Муссолини либо нужна была палата с фашистским большинством, либо он мог вообще без таковой обойтись. 24 января он распускает палату, назначает на 6 апреля новые выборы, об'явив новый закон о выборах, по которому фашистскому большинству обеспечивается $^2/_3$ голосов в Палате, и фиксирует открытие новой палаты на 24 мая. Результаты выборов дали, как и рассчитывал Муссолини, значительную „победу" фашистам и филофашистам-либералам за счет потерявших большое количество мест, оппозиционных партий: народной католической партии, реформистов, ниттианцев и социалистов-максималистов. Из оппозиционных партий только коммунисты выиграли 3 места, по сравнению с предыдущими выборами, а республиканцы выиграли одно место. Победу коммунистов следует особо подчеркнуть, учитывая ту обстановку и те трудности, в которой пришлось проводить компартии избирательную кампанию. Создав, таким образом, тяжелое положение для деятельности в палате оппозиционных партий, Муссолини этим не удовольствовался и немедленно после открытия палаты начинает вести

цинично-открытую и беспощадную борьбу с малейшими попытками оппозиции противиться всем тем мероприятиям, которые Муссолини вводил. Заседания палаты представляли собою сплошной скандал, не лишенный иногда и рукопашных схваток. Самые элементарные права оппозиции на обычные узаконенные парламентарские функции и интерпелляции попирались фашистским большинством самым беспощадным образом. Пресса ведет друг против друга ожесточенную кампанию. Но Муссолини этим не удовольствовался. Желанием его было добиться совершенно обезвредить и заставить молчать оппозицию. С этой целью предпринимается целый ряд фашистско-бандитских налетов и разгромов редакций оппозиционных газет, клубов оппозиционных партий, центров рабочих и коммунистических организаций. Атмосфера накаливается до-нельзя и обострение борьбы достигает кульминационной точки после убийства в конце июля социалистического депутата, секретаря ЦК социал-реформистской партии Маттеоти. Убийство Маттеоти вызвало взрыв протеста и негодования против политики фашистской партии не только во всех положительно оппозиционных кругах Италии, но и во многих рабочих и социалистических организациях всех европейских стран. Убийство Маттеоти сплотило все антифашистские партии и толкнуло их на целый ряд угроз, предупреждений фашизму и даже действий против правительства Муссолини. После убийства Маттеоти, Муссолини, несомненно косвенно в нем участвовавший, несколько меняет свою линию поведения и начинает лавировать и итти на уступки оппозиции, боясь уйти слишком далеко в своем преследовании антифашистских партий и не быть вынужденным в один прекрасный день вовсе уйти от власти. Он обещает снарядить строгое следствие по делу об убийстве Маттеоти и в связи с этим следствием, начинает приносить жертву оппозиции и снимать с ответственных стратегических постов одного за другим крупных фашистских деятелей. Таковыми оказались прежде всего начальник отдела печати кабинета министров Росси, редактор фашистской официозной газеты „Corriere Italiano“, небезызвестный Думини, знаменитый по своей жестокости в карательных фашистских экзекуциях, товарищ министра внутренних дел Финчи и даже генерал Де-Боно—начальник всей фашистской полиции. К концу отчетного года, подбодренная всеми этими уступками Муссолини и общей его растерянностью, оппозиция становится еще настойчивее, резче в своих выступлениях и даже уж начинает готовиться к ликованию победы над „изжившим себя“ и отмирающим фашизмом. Муссолини, на которого уже даже не действуют такие факты, как убийство, несомненно оппозицией, фашистского депутата Казалини, идет все более и более на уступки оппозиции и в декабре месяце обещает в палате провести новый избирательный, более либеральный, закон. Конец отчетного года нас приводит вплотную к весьма близкой развязке борьбы двух сторон. Или Муссолини возьмет верх, тогда воцарится в стране беспощадный террор против оппозиции и диктатуры фашизма, или победит оппозиция—тогда Муссолини должен будет уйти и уступить власть блоку оппозиционных партий. **Внешняя политика и взаимоотношения с СССР.** В области внешней политики самым крупным событием за отчетный год является заключение торгового договора и признание СССР де-юре. Почва к этому признанию подготовлялась Муссолини еще с конца 1923 года, когда он, выступая с декларацией по вопросу об итало-советских взаимоотношениях, сказал, что не видит более никаких препятствий к восстановлению нормальных дипломатических отношений с СССР, и действительно, 7 февраля отчетного года Муссолини обменялся с советским правительством нотами о признании СССР де-юре. Немедленно было возвращено нам Италией здание нашего посольства в Риме, а нами было возвращено итальянцам здание итальянского посольства в Ленинграде. В конце марта нашим послом в Риме был назначен тов. Юренев, а итальянским послом в Москве назначен граф Манцони. Одновременно с торговым договором, подписанным нашим бывшим полномочным представителем в Италии тов. Порданским, в день признания СССР де-юре им были заключены соглашение о навигации и таможенная конвенция СССР с Италией.

Торговый договор заключен нами на 3 года с автоматическим продлением в случае отсутствия отказа одной из сторон от договора. Он содержит в себе целый ряд пунктов, регулирующих правовое положение торгового пред-

ставительства СССР в Италии и выгодных для нас положений в установившихся между СССР и Италией торговых взаимоотношений. Попытка Чемберлена склонить Муссолини к созданию единого, вместе с Англией, фронта против СССР не имела, очевидно, успеха, ибо Муссолини не видел никакого смысла, в интересах самой же Италии, портить взаимоотношения с СССР. Следует тут же отметить, что охлаждение румыно-итальянских отношений произошло, между прочим, и по той причине, что Италия не поспешила выразить твердого намерения ратифицировать, по примеру Англии и Франции, протокола об аннексии Бессарабии Румынией.

Из других событий в области внешней политики следует отметить заключение в январе 1924 года договора о дружбе с Юго-Славией и дополнительного к нему соглашения о Фиуме, по которому город и порт Фиуме отходят к Италии, а рядом лежащий порт Барос с дельтой отходят к Юго-Славии. Затем, Италия в марте месяце заключила договор с Чехо-Словакией, которым регулируется целый ряд торговых юридических и финансовых вопросов, интересующих обе стороны.

Наконец, в начале этого года Италия заключила торговый договор с Албанией.

Латвия.

16 января пал кабинет крестьянского союза, во главе с Мееровицем, вызвавший недовольство финансовых и промышленных кругов своей двусмысленой политикой в деле установления торговых сношений с СССР. Боясь конкуренции советского хлеба, крестьянский союз был против заключения договора с СССР. Промышленные же круги, наоборот, рассчитывали на то, что русское сырье поможет им восстановить промышленность и поэтому стремились к соглашению с советским правительством. Однако и новое правительство, составленное 25 января Самуэльсом, проявило в отношении СССР колебания и нерешительность. В тот момент, когда переговоры о заключении советско-латвийского договора о ненападении и транзите были уже почти закончены, Латвия неожиданно выдвинула совершенно новый вопрос—об арбитраже, что фактически явилось оттяжкой переговоров.

С открытием осенней сессии латвийского сейма положение правительства Самуэльса сильно пошатнулось. В начале же декабря возникли серьезные разногласия между буржуазными партиями и социал-демократами, и правительственная коалиция распалась. В результате, кабинет Самуэльса подал в отставку.

15 декабря членом крестьянского союза Зельманом было образовано новое правительство, в которое также вошел в качестве министра иностранных дел Мееровиц. Программа нового кабинета, опирающегося на правое крыло сейма, заключается в сбалансировании бюджета и обеспечении „безопасности государства".

Литва.

Назревавший с начала года правительственный кризис разрешился 8 июня отставкой кабинета Гальвановского. Непосредственной причиной отставки явилось отклонение сеймом законопроекта о постройке железных дорог за счет английского займа. 18-го, после неудачной попытки представителя народников-селян Слижевича, было образовано христианско-демократическое правительство министром юстиции Туменасом.

Политика нового кабинета ничем не отличалась от политики предыдущего. Внутри страны продолжались преследования национальных меньшинств и рабочих организаций. Ряд забастовок был подавлен полицией. Демонстранты избивались и арестовывались. В сентябре, во время предвыборной муниципальной кампании, правительство произвело по всей Литве обыски и аресты, с целью устранить нежелательных кандидатов, главным образом, коммунистов. Особенной силы правительственный террор достиг к концу года, когда, ободренная, вероятно, успехом эстонского правительства, литовская буржуазия решила, в свою очередь, пойти на серьезные действия. 20 декабря военно-по-

левой суд приговорил пятерых обвиняемых в распространении в казармах коммунистических прокламаций—к неслыханному наказанию: четверо из них были приговорены к расстрелу, а 5-ый, 17-летняя девушка, к пожизненной каторге. Приговор вызвал всеобщее возмущение. К президенту республики была отправлена делегация, выразившая протест и потребовавшая пересмотра дела. В результате, под давлением со стороны различных общественных групп, 23 декабря президент отменил смертный приговор, заменив его каторгой. Дело, повидимому, будет пересматриваться.

В области внешней политики литовского правительства за истекший год можно отметить состоявшуюся 19—22 мая в Ковне конференцию представителей Литвы, Латвии и Эстонии. На конференции был разрешен вопрос об облегчении паспортных формальностей при переездах из одной страны в другую, а также было поручено специальной комиссии разработать проект таможенного союза этих трех государств.

Норвегия.

Значительное увеличение международного значения СССР к началу 1924 года поставило перед Норвегией вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений с советским правительством. Пример Англии и Италии явился решающим толчком, и 16 февраля норвежское правительство официально сообщило о признании им СССР де-юре. Вскоре состоялся обмен дипломатическими представителями; норвежским посланником в СССР был назначен г. Якхельн (впоследствии г. Урби), а советским в Христиании—т. Коллонтай.

В области внутренней политики Норвегии за истекший год необходимо отметить долго назревавшую отставку правого кабинета Берге. В середине июля норвежский парламент отклонил правительственный законопроект об отмене запрета спиртных напитков, и 25-го июля Берге подал в отставку. Новый либеральный кабинет был составлен Мовинкелем, удержавшим за собой портфель министра иностранных дел.

В августе был распущен стортинг (парламент). 20 октября состоялись новые выборы, на которых перевес, правда незначительный, получили консерваторы. Распределение мест в стортинге следующее: консерваторы—54 (на выборах 1921 г.—57), крестьянская партия—22 (прежде—17), либералы, радикалы и народная партия—36 (прежде—39), социал-демократия—8 (прежде столько же), рабочая партия—24 (прежде—29) и коммунисты—6. Если бы Трамель, лидер рабочей партии, не отклонил предложения коммунистов о едином фронте на выборах,—общее число рабочих депутатов доходило бы до 60.

В июле стортинг принял законопроект о переименовании с 1 января 1925 г. столицы Норвегии Христиании в Осло (старинное название города).

Польша.

Внутреннее положение. Самым важным и крупным вопросом в продолжение всего 1924 года, занимавшим умы польского правительства, является вопрос о финансах или, точнее, вопрос о срочной необходимости реорганизовать финансовую политику польского правительства и ввести радикальную финансовую реформу. Катастрофическое падение польской марки достигло к началу отчетного года кульминационного пункта, и надо было принять особые меры, чтобы этому состоянию положить предел. С этой целью сейм представил премьеру Грабскому неограниченные полномочия, и последний немедленно приступил к реорганизации польских финансов. Невероятные трудности стояли на пути. Увеличение налогов не удалось полностью провести в жизнь, не удалось составить действительного бездефицитного бюджета. Нельзя было уменьшить расходов на армию и уменьшить дефицитность железных дорог. А только одни две последние статьи составляли за 1923 г. две трети всех государственных расходов Польши. Как радикальная мера к оздоровлению финансов, при создавшихся обстоятельствах, потребовался внешний заем. Польше удалось в марте получить таковой от Италии на невероятно тяжелых условиях.

Заем в 400 миллионов итальянских лир был дан на 20 лет по 7% годовых под гарантию табачной монополии и при условии, что Польша будет покупать в Италии 60% всей ее потребности в заграничном табаке. Характерна роль во всей этой работе по проведению финансовой реформы английского советника по финансовым делам Юнга, который не был согласен с мероприятиями Грабского и который видел болезнь польских финансов не столько в падении польской марки, сколько в дефицитности бюджета, в огромной трате государственных средств и в дефицитности железных дорог. Не будучи в состоянии „спеться" с Грабским, Юнг уехал в Англию.

Из обрисованного состояния польских финансов ясно вытекает состояние всей польской промышленности за истекший год. Все возрастающая дороговизна жизни, отсутствие русского рынка для сбыта товаров заставляют закрывать целый ряд предприятий во всех областях промышленности, сокращать зарплату, работать неполную неделю и т. д. Результатом явились крайнее обнищание пролетариата, безработица, целый ряд крупнейших забастовок как в текстильной промышленности, так и в угольной, в особенности в Верхней Силезии, Домбровском и Краковском районах. Если прибавить к этому, что урожай в 1924 году был на 30% хуже прошлогоднего, то картина разрухи и развала промышленности и безнадежного экономического положения рабочего класса будет полной. Казалось бы, что при таком положении страны польское правительство должно было бы сосредоточить все свое внимание и вложить все свои силы в дело восстановления хозяйственной мощи страны. Но если мы окинем хотя бы беглым общим взглядом политику жесточайшего преследования польским правительством населения окраинных областей—украинцев, белоруссов и галичан—и систему неслыханного, не знающего границ по своей наглости и дикости белого террора,—то мы глубоко усомнимся в том, насколько все „мероприятия" польского правительства скоро приведут к „оздоровлению" страны. Недаром эта политика угнетения национальных меньшинств вызвала не только вполне понятные протесты со стороны советского правительства, но и протест германского правительства, коллективный протест французских ученых и целый ряд выступлений на страницах европейской печати с описаниями ужасов польской системы белого террора. Белорусские и украинские школы, церкви и кооперативы закрываются, их национальные языки преследуются. Происходит насильственное заселение окраин поляками, стоющее государству огромных денег, печать этих окраин преследуется, украинские и белорусские депутаты в сейме за малейший протест и критику политики польского правительства на окраинах обвиняются в государственной измене и арестовываются. Польские тюрьмы буквально битком набиты „крамольниками" из бастующих рабочих, коммунистов, комсомольцев и окраинных националистов. В тюрьмах избивают самым жестоким образом, и нередки случаи самоубийств и смерти от об'являемой голодовки жертв польского белого террора.

Внешняя политика Польши. Следует отметить, что во взаимоотношениях Польши и Франции наступило заметное охлаждение. Заключенный в Италии заем прежде всего свидетельствует о новой ориентации Польши в ее внешней политике, если к тому же в особенности учесть, что во Франции произвело весьма неблагоприятное впечатление это событие. Польша ищет сближения с Англией, и продолжает свои давнишние попытки организовать союз прибалтийских государств.

Однако в обоих этих направлениях польская дипломатия не могла за истекший год добиться сколько-нибудь значительных успехов. Что же касается взаимоотношений с СССР, то прошедший год оставляет желать много лучшего. Травля СССР в польской прессе—случаи избиения сотрудников нашего посольства в Варшаве достаточно характеризуют ненормальность наших взаимоотношений. Назначенный посланником в Москву г. Даровский, после двухмесячного пребывания был отозван, и все лето и осень Польша не имела у нас посланника, только в конце года на этот пост был назначен г. Кенчинский. Начатые Даровским торговые переговоры в Москве не увенчались успехом, и они с его от'ездом прекратились, не возобновившись до конца отчетного года. Зато заключены между СССР и Польшей железнодорожное и почтово-телеграфное соглашения и консульская конвенция.

Назначенный в январе министром иностранных дел бывший польский посол в Париже Замойский сменяется в конце июля Скржинским. Нашим посланником в Польше, вместо т. Оболенского, назначен в октябре месяце т. Войков.

Румыния.

Наиболее крупным событием для Румынии за минувший год, несомненно, была румыно-советская конференция. После долгих споров о месте предстоящих переговоров, обе стороны 7 февраля остановились на Вене. Занятия конференции открылись торжественным заседанием 27 марта 1924 г. Не считая этого заседания, конференция собиралась всего три раза, и закончилась разрывом 2 апреля. Причиной краха переговоров явился, как и следовало ожидать, бессарабский вопрос. Румыны вначале безуспешно пытались обойти этот вопрос, доказывая, что захват ими Бессарабии „узаконен". Советская делегация, руководимая тов. Крестинским, опровергла румынские аргументы и предложила, чтобы население Бессарабии, путем плебисцита, само определило свою судьбу. Учитывая, что результаты плебисцита будут, безусловно, в пользу СССР, румыны отказались обсуждать предложение советской делегации. На этом Венская конференция и закончилась. Реальной победой советской делегации было разоблачение перед всем миром захватнической политики Румынии, не принявшей обоснованного и справедливого предложения СССР.

Немедленно после провала Венской конференции, румынское правительство, на ряду с шовинистическими выпадами и угрозами против СССР, начало повсюду искать себе союзников и, главное, займов. Однако, тяжелое финансовое положение Румынии, колоссальная безработица, дороговизна и общая экономическая разруха, не могли способствовать предоставлению международными капиталистами кредитов, и румынские надежды потерпели фиаско.

Внутри же страны положение продолжало обостряться. Вследствие неудовлетворительного урожая и спекуляции, вызванной падением румынской валюты, с июля начал ощущаться сильный недостаток хлеба. Промышленная депрессия также значительно увеличилась. Опасаясь крупных волнений, правительство об'явило некоторые особенно „опасные" области, и, в первую голову, Бессарабию, на осадном положении. Однако, партизанские выступления, несмотря на правительственный террор, даже усилились. Официально сообщалось о ряде взрывов, поджогов, нападений на чиновников и т. п. Особенно интенсивную деятельность проявляли партизаны в Бессарабии, где имели место нападения на железнодорожные станции и правительственные учреждения. В районе Татарбунара в сентябре происходили кровопролитные сражения между партизанами и регулярными войсками. Характерно, что даже по официальным сообщениям партизаны пользовались повсеместной поддержкой крестьянского населения Бессарабии.

Финляндия.

Проводя последовательную реакционную политику, финляндское правительство арестовало всю коммунистическую фракцию сейма. В связи с этим, социал-демократы об'явили бойкот сейма, и парламентская работа была совершенно нарушена. В заседаниях могло участвовать немногим больше половины всего числа депутатов. Под давлением социал-демократов, финский президент Стольберг вынужден был, даже против желания буржуазных партий, распустить сейм и назначить новые выборы. Недовольное этим мероприятием президента правительство 16 января подало в отставку, и впредь до перевыборов парламента был образован „деловой" кабинет во главе с Каяндером. Хотя процесс коммунистов закончился оправданием обвиняемых, компартия должна была перейти на нелегальное положение, ибо коммунистическая деятельность была признана судом „опасной для государства".

Прошедшие 6—7 апреля перевыборы сейма дали 38 мест сторонникам коалиции, 17—прогрессистам, 44—аграриям, 23—шведской партии, 60 социал-

демократам и 18—коммунистам. 31 мая был сформирован новый кабинет с Ингманом в качестве премьера и Прокопе—министром иностранных дел.

В области внешней политики можно отметить некоторое усиление среди буржуазии тенденции к заключению военного союза с прибалтийскими государствами, направленного против СССР. После прихода к власти консервативного правительства в Англии, а в особенности после поездки Чемберлена в Париж и Рим, где он, повидимому, предложил создать анти-советский фронт, финская буржуазия повела интенсивную кампанию против СССР, возобновив свои обычные измышления о „красном империализме" и пр. Серьезную поддержку буржуазия получила от социал-демократов. Так, при обсуждении в сейме бюджета ведомства обороны, соц.-демократ Ляйно настаивал на укреплении обороноспособности Финляндии и предлагал воздержаться от сокращения вооружений. Со всем этим необходимо сопоставить выступление финского представителя в Лиге Наций Энкеля, предложившего вмешаться в „спор между Грузией и СССР", на что последовал решительный протест советского правительства.

Португалия.

За истекший год в Португалии имел место ряд восстаний, подорвавших и без того неустойчивое положение правительства. Наиболее крупным было движение в августе—сентябре 1924 года, руководимое радикалами. Португальскому правительству удалось арестовать наиболее видных радикальных лидеров, а попытка повстанцев захватить военное министерство и военную телеграфную станцию в Лиссабоне окончилась неудачей. Однако, анти-правительственное движение не прекращалось, распространяясь по всей стране.

В ноябре к власти пришло новое правительство, опирающееся на левые элементы. Своими ближайшими задачами оно поставило укрепление финансов, создание государственного банка, улучшение путей сообщения, распределение крупных поместий между малоземельными крестьянами, оказание поддержки производственной и потребительской кооперации и профсоюзам и ряд других социальных реформ. Вместе с тем Португалия, судя по опубликованному 1 декабря заявлению нового премьера, намерена признать СССР де-юре и восстановить между обоими государствами нормальные дипломатические сношения.

Франция.

Внутреннее положение страны. К началу 1924 года положение правительства Пуанкарэ сильно пошатнулось. Финансовые затруднения и ухудшение внешнего положения Франции, как результат рурской оккупации, заставили Пуанкарэ пойти на целый ряд уступок Англии и Америке по вопросу о создании комиссии экспертов по рассмотрению германских платежей, по вопросам о восстановлении военного контроля и пр. С другой стороны, сильное и непрерывное падение франка, вздорожание жизни, недовольство населения и в особенности рабочего, заставило правительство подумать о некоторой перемене политического курса, чтобы не быть вынужденным уйти от власти и уступить место блоку левых партий. С этой целью Пуанкарэ предпринимает целый ряд мероприятий для стабилизации франка, пытаясь внести кажущееся успокоение среди недовольной массы чиновничества, мелких рантье, городского мелкого буржуа, исхлопотав внешний заем в Англии и Америке, хотя и на тяжких условиях (ценою взноса в обеспечение довольно крупной суммы денег из валютного фонда государственной казны). Затем Пуанкарэ сменяет целый ряд министров из национального и левого блоков, воспользовавшись неудачными результатами голосования в палате депутатов закона о пенсиях, и даже решается на рискованный шаг подать в отставку, с тем, однако, что, получив через день предложение от Мильерана сформировать новое правительство, пригласить в правительство новых лиц, взяв ловкий курс на „центр", казавшийся ему наиболее популярным для предстоящей предвыборной кампании. Но все это было не надолго. Французский франк, который удалось правительству Пуанкарэ стабилизировать на весьма недолгое время, опять медленно и верно покатился вниз; дороговизна жизни продолжала возрастать, обогащение крупной индустриальной

буржуазии за счет обнищания не только пролетариата и средних слоев населения, но и крестьянства; целый ряд экономических забастовок на крупных предприятиях и в разных отраслях промышленности и общее революционизирование масс—все это подготовило несомненный успех левого блока на предстоящих выборах в палату депутатов, состоявшихся 11 мая, после чего 1 июня Пуанкарэ вынужден был окончательно уйти в отставку. Президент республики Мильеран сделал неудачную попытку остаться у власти, но твердое решение конгресса радикалов и радикал-социалистов, составивших большинство в палате депутатов, не принимать от президента Мильерана поручения составить новое правительство, опрокинуло вслед за Пуанкарэ и Мильерана. 8 июня представитель национального блока Франсуа Марсель составил по поручению Мильерана, после отставки Пуанкаре, новое правительство, которое продержалось всего 2 дня и должно было уйти в отставку, после чего большинство палаты депутатов, твердо преследуя свою цель, добилось, наконец, 11 июня отставки Мильерана. 13 июня был избран президентом республики Гастон Думерг. а 14 июня, по поручению Думерга, Эррио сформировал новый кабинет министров, в котором он сохранил за собою пост министра иностранных дел. Состав нового кабинета министров следующий: председатель совета министров и министр иностранных дел—Эррио, министр юстиции—Рену, внутренних дел—Шотан, финансов—Клемантель, военный министр—генерал Нолле, морской—Дюмениль, торговли и промышленности—Рейнальди, общественных работ—Пейтраль, народного просвещения—Альберт, труда и здравоохранения—Годар, колоний—Даладье, земледелия—Кейль, пенсий—Лапьер, освобожденных областей—Дальбье. Состав этот существует до сих пор, хотя о смене и уходе в отставку некоторых министров, в том числе и Эррио, упорно носились слухи в разных кругах Франции, в особенности в конце 1924 года, в связи с болезнью Эррио. Будущими кандидатами в председатели совета министров и министра иностранных дел назывались Пенлеве, Бриан и, даже, Кайо. Новое правительство Эррио сразу же энергично и многообещающе огласило декларацию с целым рядом пунктов программы своей будущей деятельности как в области внутренней, так и в области внешней политики. 4-летнее хозяйничанье Пуанкарэ оставило тяжелое наследие новому правительству во всех областях хозяйственной жизни страны, и Эррио, по крайней мере на словах, обещал принять энергичные меры к тому, чтобы вывести страну из тяжелого положения. Эррио обещал немедленно разработать план финансовой реформы, с целью борьбы с беспрерывным падением франка и с целью удешевления предметов первой необходимости. В конце августа палата депутатов приняла закон о предельных ценах. Однако, финансовая реформа так и не была проведена в жизнь и даже подробно не разработана до самого конца отчетного года. Франк, хотя и перестал так катастрофически падать, как при правительстве Пуанкарэ, однако, он не стабилизировался, и кривая франка показывает, до конца года непрерывное, хотя и медленное, падение. Большинство обещаний правительственной декларации остались невыполненными, как, например, обещание всеобщей политической амнистии и восстановления в правах железнодорожников, уволенных за забастовку в 1920 году. Правительство Эррио применило амнистию к бывшим министрам Мальви и Кайо, но тов. Садуля, вернувшегося во Францию, посадило в тюрьму, а тов. Гильбо сделало грозное предупреждение, что его постигнет та же участь, если и он попытается вернуться на родину. Вопрос же о восстановлении в правах железнодорожников так и не разрешен до сих пор.

В области внешней политики Эррио обещал, прежде всего, отозвать представителя Франции при Ватикане, в вопросах Лиги Наций принять целый ряд решений о расширении роли интернационального бюро труда при Лиги Наций и расширении роли международного трибунала в Гааге.

В вопросах франко-германских отношений Эррио представил следующую программу будущих намерений правительства: принятие доклада экспертов, полное и безусловное выполнение Германией плана Дауэса, эвакуация Рура только после передачи Германией обусловленных залогов и установление твердого контроля над разоружением Германии.

Наконец, внешне-политическая программа Эррио включала признание СССР. Этот пункт своей программы Эррио провел в жизнь лишь 28 октября,

после долгой и довольно упорной борьбы с оппозицией меньшинства в парламенте.

Взаимоотношения с СССР. Первая половина 1924 года при „твердой“ политике Пуанкарэ — не предвещали никаких улучшений во взаимоотношениях СССР с Францией. Характерными примерами этой политики являются: грубое вмешательство Пуанкарэ в дело осуждения киевских шпионов из „центра действия“, давление оказанное им на решение французского суда по делу Буанатьян-Опторг (в результате чего суд вынес решение в пользу бывших русских собственников), и, наконец, ратификация протокола об аннексии Бессарабии Румынией накануне советско-румынской мирной конференции в Вене. Но целый ряд признаний СССР де-юре со стороны многих крупных и мелких держав, упорная и энергичная кампания сенатора Де-Монзи, начатая им немедленно по возвращении его из поездки по СССР летом 1923 года, за возобновление сношений с СССР в интересах самой же Франции, нашумевший меморандум трехсот крупных промышленников, выразивших пожелание, в целях налаженния торговых отношений, о необходимости признания СССР де-юре—все это подготовило почву к тому, что, когда в июне к власти пришел Эррио и в своей декларации 17 июня в области внешней политики об'явил решение нового правительства признать СССР де-юре,—он встретил единодушное одобрение левого большинства парламента, огромного большинства общественного мнения и в особенности рабочего класса Франции.

Последующие затем 4 с лишним месяца прошли в этом вопросе в подготовительной работе. В сентябре Эррио назначил комиссию во главе с Де-Монзи по „изучению вопроса о признании СССР“, наконец, 28 октября Франция и СССР обмениваются нотами о признании СССР де-юре, о немедленном возобновлении нормальных дипломатических отношений и обмене немедленно послами. Нашим представителем назначен т. Красин, который со всем составом посольства выехал в Париж в конце ноября. Французским послом в Москве был назначен Жан Эрбетт, бывший редактор газеты „Тан“.

Немедленно после признания, французское правительство передало нам наше посольское здание в Париже, мы, со своей стороны передали представителю французского правительства здание французского посольства в Ленинграде. С приездом т. Красина в Париж началась новая эра оживленных взаимоотношений с Францией. Рабочие организации и компартия, в особенности, приветствовали т. Красина и в лице его весь СССР на страницах своей прессы, и в уличных демонстрациях, и в манифестациях. Однако, одновременно с этим французские реакционные круги начали враждебную к СССР кампанию, изображая общественному мнению Франции советское посольство как источник вредной заразы, могущей угрожать „спокойствию и благополучию“ страны. Посещение Парижа Чемберленом дает повод еще более углубить эту ожесточенную кампанию и распространить ее даже отчасти и на правительственную прессу. Вместе с тем Де-Монзи и Эррио начали недвусмысленно намекать на предстоящие непреодолимые трудности открытия франко-советских переговоров, обещанного сразу после признания, а затем отсроченного на неопределенное время,— трудности, проистекающие из того, что Франция будет твердо и решительно настаивать на уплате нами всех военных и царских долгов, а также компенсации за национализированную собственность. Наконец, французское правительство, несмотря на признание, упорно отказывалось передать нам наш черноморский флот, уведенный Врангелем и находящийся в Бизерте.

Рабочее движение и компартия. Внутреннее положение страны, обрисованное выше, падение франка и вызываемое, в связи с этим, значительное вздорожание предметов первой необходимости, падение среднего уровня заработной платы, обнищание пролетариата и обогащение крупных промышленных кругов,—создает в высшей степени благодарную почву для активного развития и роста рабочего движения и усиления борьбы рабочего класса с предпринимателями, под руководством, в первую очередь, компартии, а затем и профсоюзов. С одной стороны, можем отметить целый ряд с'ездов, конгрессов и конференций рабочих всех отраслей промышленности, несомненно указывающих на возрастающую мощь рабочего класса, с другой—целый ряд блестяще проведенных забастовок портовых, сельскохозяйственных и других рабочих

организаций, свидетельствуют о быстром революционизировании масс. Особенно, например, блестяще прошла забастовка рыбаков в Дуарнене. Компартия за отчетный год организовалась, окрепла, очистилась от негодного и чуждого элемента. Блестяще проведенная демонстрация рабочих-коммунистов в Париже, в день переноса тела Жореса в Пантеон, ярко свидетельствует об итогах и успехах развития коммунистического движения во Франции за истекший 1924 год.

Чехо-Словакия.

Внутреннее положение Чехо-Словакии в минувшем году не отличалось большой устойчивостью.

Растущая дороговизна и безработица, поход капиталистов против 8-часового рабочего дня вызвали заметное полевение промышленного пролетариата и бедняцких слоев крестьянства Чехо-Словакии. Сильно возросло влияние коммунистов за счет падения престижа социал-демократии, скомпрометировавшей себя участием в коалиционном правительстве. Особенно ярко это выявилось во время выборов в Прикарпатской Руси, крестьянство которой почти совершенно не имеет земли, тогда как переселяющиеся туда чехи получают лучшие участки. Выборы принесли крупную победу коммунистов, а правительственная коалиция потерпела полное поражение. Вообще, национальная проблема продолжает оставаться одним из наиболее острых политических вопросов Чехо-Словакии. В Словакии усилились автономистские тенденции, и в начале июня там образовалась новая крестьянская партия, выставившая своим главным требованием автономию Словакии. Оживилась также политическая деятельность немцев. В г. Брно весною была создана новая немецкая партия, потребовавшая, в качестве условий для немецко-чешского сотрудничества, уравнения прав языков, прекращения ассимиляторской политики правительства в немецких областях и т. п.

Внутри же правительственной коалиции уже с самого начала года намечались серьезные трения. Крупное замешательство в рядах мелко-буржуазных партий произвело сообщение Бенеша об умалчивавшемся прежде, так называемом, „долге за освобождение" союзникам. В связи с этим фактом, начала повсюду терпеть поражения национал-социалистическая партия, состоящая, главным образом, из чиновников, мещанства и „рабочей аристократии". Что же касается социал-демократов, то от них, как указано выше, рабочие массы все более и более отходят, убеждаясь во вредности их соглашательской политики. С другой стороны, положение коалиции было подорвано наметившимися уже с начала года разногласиями между промышленными и аграрными партиями. Дело в том, что сравнительно крупная промышленность Чехо-Словакии не может сбывать своих товаров, оказывающихся, в виду резкой валютной разницы, слишком дорогими для соседних стран. Защищая свои интересы, промышленники добились введения высоких протекционных пошлин, что вызвало дороговизну на промышленные изделия в самой Чехо-Словакии. В то же время на продукты сельского хозяйства протекционных пошлин введено не было, несмотря на то, что сбыт их на внешних рынках точно также затруднен высокой чехо-словацкой валютой. В виду этого, в начале мая аграрная партия выставила ультимативное требование либо отменить пошлины на промышленные товары, либо ввести их и на хлеб. При этом аграрии заявили, что до разрешения вопроса, они отказываются участвовать в коалиционной политике. Выделенная парламентом специальная комиссия не пришла ни к какому результату и, боясь дальнейшего обострения кризиса, правительство в конце июля распустило парламент.

К концу года положение коалиции еще более пошатнулось. В середине декабря образовался оппозиционный парламентский блок из всех буржуазных немецких и мадьярских партий и словацких клерикалов. К тактике блока примкнули также немецкие социал-демократы, которые, впрочем, заявили, что сохраняют за собой свободу действий. В это же, приблизительно, время официально откололось от аграриев правое крыло, во главе с Прашеком, бывшим председателем сената (оставившим свой пост в связи с разоблачением его участия в панаме винокуренного треста). Группа Прашека приступила к организации новой партии под лозунгом „долой коалицию с марксистами". В связи

со всем этим, во влиятельных чехо-словацких кругах предсказывали предстоящее падение коалиционного кабинета Швеглы и перевыборы парламента.

В области внешней политики Чехо-Словакии за истекший год можно отметить заключение договоров с Францией (25 января) и с Италией (28 мая) „о взаимной поддержке". В отношении СССР чехо-словацкое правительство все время занимало нерешительную и двусмысленную позицию, то заявляя об отсутствии принципиальных возражений к признанию СССР, то высказываясь против признания, выдвигал обычные инсинуации о связи совправительства с Коминтерном и пр. Торговые взаимоотношения между двумя странами протекали нормально. В середине июля в Прагу прибыл вновь назначенный полпред СССР тов. Антонов-Овсеенко.

12—13 июля в Праге происходила конференция Малой Антанты. О принятых решениях официально ничего не было сообщено.

Швейцария.

„Свободное" и „демократическое" швейцарское правительство продолжает борьбу с коммунистическими организациями. Был уволен с государственной службы коммунист Шеррер на том основании, что коммунисты стремятся к ниспровержению существующего строя и состоять на государственной службе поэтому не могут. Была арестована вся коммунистическая организация в Монтре. За выступление во время августовских антивоенных демонстраций в Швейцарии правительство заключило в тюрьму германского коммунистического депутата Томаса и французского депутата Ильбера. Арестованные содержались под крайне суровым режимом; к ним никого не допускали, даже адвокатов.

Однако, швейцарская компартия за последний год значительно окрепла. Состоявшийся в середине декабря в Базеле партийный с'езд принял ряд важных решений: о работе в профсоюзах, об организации ячеек на фабрично-заводских предприятиях, об укреплении связи и о сотрудничестве коммунистов с беднейшими слоями крестьянства. Также было принято постановление о численном увеличении партии.

1 сентября в Женеве открылась 5-я сессия Лиги Наций. Из решений сессии можно отметить резолюции о желательности созыва международной конференции по разоружению, а также проявленное Лигой вмешательство во внутренние дела СССР решением по вопросу о грузинском „восстании". Особо следует указать на подписание Францией и Великобританией, так называемого, „женевского протокола" о взаимной помощи, вызвавшего сильное недовольство английских доминионов, и обреченного, тем самым, на неудачу.

Швейцарское и французское правительство подписали соглашение о передаче на третейское разбирательство спора о так-называемых женевских свободных зонах, которые Франция пыталась до этого отметит односторонним решением, опираясь на ст. Версальского договора. Передача вопроса на разбирательство третейской инстанции является несомненным успехом швейцарского правительства.

Швеция.

Милитаристическая политика реакционного кабинета Трюггера, предложившего довести военные расходы до 140 миллионов крон в год, вызвала решительную оппозицию левого крыла риксдага. Несмотря на запугивания „красной опасностью", риксдаг принял предложение социал-демократов об отпуске военных кредитов в размере всего 50 миллионов. Именно, этот вопрос был главной причиной провала правых на происходивших в конце сентября перевыборах парламента. В результате выборов, правительство Трюггера пало, и 18 октября Врантингом был образован социал-демократический кабинет.

Из внешнеполитических событий Швеции, наиболее крупным является восстановление сношений с СССР. Хотя правительство Трюггера и не особенно в этом вопросе торопилось, оно под давлением деловых кругов, усилившимся после признания СССР Великобританией и Италией, должно было ускорить

ведшиеся между тов. Осинским и шведским представителем Левгреном переговоры. 15 марта был подписан советско-шведский торговый договор, и одновременно шведский министр иностранных дел вручил тов. Осинскому ноту о признании СССР де-юре. 3 мая договор был ратифицирован риксдагом. Между обеими странами были установлены дипломатические сношения, при чем шведским посланником в Москве был назначен г. Гейденштам и советским в Стокгольме—т. Осинский. В конце года, вместо т. Осинского, полпредом СССР в Швеции был назначен тов. Довгалевский.

Эстония.

На прошедших в январе муниципальных выборах крупную победу одержал „единый фронт трудящихся", куда входят компартия и другие революционные рабоче-крестьянские группы. В крупных эстонских городах (Ревель, Нарва, Юрьев и др.) блок получил свыше трети голосов, а во многих мелких местечках—даже абсолютное большинство. Буржуазия, естественно, не могла остаться пассивной. По протесту министра внутренних дел Эйнбунда, выборы были судом отменены.

Тот же Эйнбунд вызвал резкий конфликт между Эстонией и СССР своим интервью с журналистами, в котором он заявил, что советское правительство находится в тесной связи с Коминтерном и оказывает материальную поддержку эстонским коммунистам. Полномочный представитель СССР тов. Старк заявил протест против выступления Эйнбунда и потребовал представления документальных данных, коими Эйнбунд, якобы, располагал. 27 февраля эстонское правительство выразило свое сожаление по поводу „непроверенных утверждений министра внутренних дел", и, тем самым, конфликт был официально исчерпан.

Однако, этот конфликт окончательно подорвал положение правительства Пятса, пошатнувшееся еще в связи с отказом парламента дать вторичную ссуду русско-балтийскому заводу, в делах которого был лично заинтересован сам премьер. В результате, 10 марта Пятс подал в отставку, и 26 был утвержден новый кабинет во главе с Аккелем.

Новое правительство не только не ослабило, но еще более усилило репрессии против рабочих и коммунистических организаций. Рабочие газеты подвергались почти ежедневной конфискации, редактора арестовывались; задержанные в начале августа на антивоенной демонстрации 19 рабочих были приговорены к $1^1/_2$ месячному тюремному заключению; в августе же, по распоряжению министра внутренних дел, были закрыты в Ревеле все профессиональные организации и конфисковано их имущество; за „противогосударственные речи", на собраниях ревельский военный суд приговорил пятерых рабочих к каторге на сроки от 8 до 10 лет.

Эти гонения на рабочих, находившихся к тому же в ужасных материальных условиях, вследствие дороговизны, безработицы и непрекращающегося падения эстонской валюты, вызвали взрыв народного негодования. Особенной силы возмущение достигло после прошедшего в ноябре процесса по делу арестованных в январе 149 коммунистов. Эстонская „юстиция" применила к обвиняемым неслыханно тяжелые наказания, один из них—Ян Томп, „оскорбивший" суд заявлением, что он видит в этом процессе только классовую расправу,—был предан военно-полевому суду и расстрелян.

В декабре в Эстонии вспыхнуло вооруженное восстание. 1 числа, рано утром восставшими были захвачены железнодорожная станция, почтамт, штаб местных войсковых частей, полицейский участок. Повстанцы проникли также во дворец главы государства, которому, однако, удалось скрыться в помещении дворца, пока не подоспела помощь. Попытка захватить главный штаб окончилась неудачей. Через несколько часов в результате боя с регулярными войсками повстанцы были разбиты. В последующие дни бои с повстанцами продолжались еще в нескольких местах страны, при чем повстанцы отступили в леса. Эстонское правительство об'явило Ревель на осадном положении с передачей всей власти генералу Лайдонеру. Были введены в действие военно-полевые суды, которые в течение нескольких дней приговорили к расстрелу около

60-ти человек. Эстонское правительство расстреляло врача Полякова, оказавшего медицинскую помощь повстанцам. Было зверски убито много беззащитных женщин и детей. Число арестованных к 5 декабря достигло 300 человек и в последующие дни еще более увеличилось. Всего в течение декабря было расстреляно до 300 рабочих. Затем нескольким стам рабочим предложено было покинуть страну.

В связи с событиями, эстонский кабинет подал в отставку, и 16 декабря было окончательно сформировано новое правительство во главе с националистом Яксоном. В правительство вошли также социал-демократы, которые, таким образом, солидаризировались с политикой белого террора, проводимой эстонской буржуазией.

Юго-Славия.

В результате парламентских выборов 1923 года значительно усилилась Хорватская крестьянская партия (Радича). Хотя скупщина ставила утверждению мандатов этой партии всяческие препятствия, она уже в феврале должна была утвердить около 20 мандатов (всего партия Радича провела в скупщину до 70 кандидатов). Потеряв в скупщине большинство и имея еще в перспективе утверждение новых мандатов Радича, реакционный кабинет Пашича 12 апреля подал в отставку. Однако, после длительного кризиса, продолжавшегося больше месяца, правительство 19 мая вернулось к власти в прежнем составе, несмотря на крайнее недовольство оппозиции. Когда же, в конце мая, было утверждено еще 43 мандата, партия Радича и правительство, тем самым, оказалось в скупщине в абсолютном меньшинстве, оно не остановилось перед нарушением конституции и распустило парламент на 5 месяцев. В течение этого срока Пашич рассчитывал расправиться со своими противниками и изменить ситуацию в свою пользу. Действительно, правительство предприняло ряд серьезных репрессий против оппозиции, и, главным образом, против рабочих организаций (независимая рабочая партия, профсоюзы и пр.) и партии Радича. Против самого Радича было возбуждено прокуратурой дело по обвинению в государственной измене. Оппозиция, со своей стороны, повела решительную борьбу против Пашича. Особо необходимо отметить состоявшуюся в то время поездку Радича в Москву и вступление его партии в крестьянский интернационал, оказавшее большое влияние на дальнейшее развитие крестьянского движения в Юго-Славии. Внутреннее положение особенно обострилось в начале июля, когда Пашич предложил королю распустить парламент и назначить перевыборы. Однако, учитывая опасность этого мероприятия для самих же себя, правые круги высказались против предложения Пашича, и последний 17 июля подал в отставку.

Новый кабинет был сформирован одним из видных противников Пашича, лидером демократической партии Любой Давидовичем. Кроме демократов, в правительство вошли представители словенских клерикалов, боснийских мусульман и один радикал-диссидент. Радич обещал Давидовичу свою поддержку и правительство, таким образом, получило в скупщине большинство.

Но правительство Давидовича не смогло разрешить внутреннего кризиса, и вся его политика проходила под знаком двойственности и нерешительности. Проведя, с одной стороны, ряд уступок автономистам (восстановление Хорватского областного правительства в Загребе, прекращение дела Радича, назначение новых губернаторов и др.) оно никак не соглашалось прекратить начатый Пашичем поход против рабочих организаций, и, в особенности, против независимой рабочей партии. Декрет правительства об открытии закрытых Пашичем профсоюзов был проведен только на бумаге. В действительности, почти все профсоюзы были под запретом. Созывавшиеся рабочие собрания распускались, и сама НРП оставалась на $^3/_4$ нелегальной.

Тем не менее, правительство Давидовича было крайне нежелательным для реакционных элементов, группирующихся вокруг Пашича. Сильнейшее беспокойство овладело этими элементами тогда, когда на очереди стал вопрос о вхождении в правительство партии Радича. Они приложили все усилия к тому, чтобы повлиять на правительственные партии и заставить их отказаться от

сотрудничества с Радичем. Радикальные выступления Радича против дворцовой камарильи, оказывавшей давление на парламент, были использованы для того, чтобы напугать правительство „воинственными планами“ Радича.

В конце-концов, переговоры о вхождении партии Радича в правительство кончилось неудачей, и правительственное большинство распалось. 16 октября кабинет Давидовича подал в отставку, и после длительных, но безуспешных попыток умеренного радикала Поваиновича создать „концентрационное“ правительство, к власти явился Пашич. Скупщина была распущена и были назначены новые выборы.

В избирательную кампанию правительство возобновило ожесточенную борьбу против рабочих организаций и Радича. Связав свой внешнеполитический лозунг создания единого антибольшевистского фронта с внутренним положением, Пашич вступил на путь решительных репрессий. 15 декабря на основании закона об охране государства была распущена независимая партия. Был произведен ряд обысков в квартирах коммунистов. 18 декабря юго-славское правительство распустило словенские союзы горно-рабочих. Наконец, 24 декабря правительство постановило распустить партию Радича и арестовать ее лидера за присоединение к крестьянскому интернационалу. Этот декрет, правда, до конца года не был опубликован, ибо правительство Пашича видимо надеялось на раскол партии Радича и выход из рядов последней оппортунистических элементов. В самом конце месяца юго-славское правительство запретило выставление кандидатских списков партии Радича.

* * *

10—14 января в Белграде происходила конференция Малой Антанты, на которой было достигнуто соглашение относительно предоставления займа Венгрии. По вопросу о признании СССР определенных решений вынесено не было.

АЗИЯ.

Аравия.

Геджас.

Посольство в СССР. (См. СССР).

Нашествие вахабитов.

Потерпев неудачу при своем нападении на Трансиорданию, вахабиты в сентябре стремительно обрушились на владения короля Геджаса Гуссейна. Последний не мог противостоять их натиску, имея в своем распоряжении значительно более слабые военные силы и терпя недостаток в военных припасах. Незадолго до этого английское правительство прекратило субсидию, ранее уплачивающуюся Гуссейну. Одновременно была прекращена и субсидия правителю вахабитов Ибн-Сауду — султану Неджда, который получал субсидию взамен обязательства не нападать на владения геджаского короля. Таким образом, прекращение субсидии Ибн-Сауду было как бы косвенно разрешением со стороны британского правительства Ибн-Сауду напасть на бывшего союзника Англии—короля Гуссейна. Положение последнего вскоре стало весьма критическим. Он обратился за помощью к Великобританскому правительству. Однако, этот призыв был безрезультатным и встретил категорический отказ британского правительства, заявившего о своем нейтралитете и нежелании вмешиваться в „религиозный“ спор. Король Гуссейн принужден был передать власть своему сыну Али и уехал за границу. Новый король принял лишь титул „короля Геджаса“, тогда как Гуссейн именовал себя „королем Аравии“, каковой титул за ним отказывалось признать английское правительство, а также претендовал на звание калифа. (См. Турция).

Однако, отречение Гуссейна не улучшило положения Геджаса. 14 октября ваххабиты овладели священным городом Меккой, вынудив короля перенести свою резиденцию в Джедду.

Месопотамия.

Апрель ознаменовался работами учредительного собрания, созванного для выработки основных законов Ирака. Наиболее важным вопросом, сразу вставшим на очередь, был вопрос о ратификации подписанного в 1922 году англо-иракского договора и специальных соглашений, приложенных к нему. (Содержание этих соглашений—см. „Международн. Летопись", 1924 г., № 4).

В связи с внесением в учредительное собрание англо-иракского договора обострилась вражда между его сторонниками,—приверженцами англичан и короля Фейсала—и их противниками. Против договора велась серьезная агитация, при чем в качестве главного аргумента против ратификации отмечалось, что договор фактически предоставляет Великобритании продолжительный контроль над управлением Ирака и в то же время не дает последнему никаких гарантий в отношении защиты его границ.

Однако, правительство приняло меры, чтобы добиться скорейшей ратификации договора, и в ночном заседании 10—11 июня последний был ратифицирован 38 голосами против 25. В заключении резолюции учредительного собрания говорится, „этот договор теряет силу, если Великобритания не охранит всех прав Ирака в Моссульском вилайете".

Ратификация договора явилась следствием послания Макдональда багдадскому правительству. Английский премьер заявлял, что в случае отклонения Учредительным Собранием англо-иракского договора он потребует от Совета Лиги Наций новых полномочий для осуществления британского мандата на Месопотамию. Это предостережение было понято в Багдаде, как угроза лишить Ирак всякой независимости и подчинить обычному режиму колонии.

Следующим после ратификации англо-иракского договора шагом британского правительства, направленным к усилению английского господства в Ираке, была смена кабинета (август).

Во главе нового правительства стал верный сторонник англичан Язин-Паша-Эль-Хашими. Программа нового кабинета предусматривает точное осуществление англо-иракского договора и сотрудничество с англичанами. В числе внутренних мероприятий, намеченных новым правительством, входит „завершение приготовлений к защите всей страны и в частности, Моссульского вилайета".

(Спор о границах Ирака с Турцией см. Турция).

Сирия.

Реорганизация управления.

Французский верховный комиссар Сирии генерал Вейган в июле возвестил о новых мероприятиях, намеченных французским правительством в отношении Сирии.

Входившие в сирийскую федерацию государства Дамаск и Алеппо об'единяются в одно Сирийское государство. Алавайа и Джебель Друз остаются раз'единенными. В Ливане должность губернатора упраздняется, и глава государства будет избираться советом представителей в согласии с верховным комиссаром. Главы департаментов будут ответственны перед советом представителей. Государство Алавайа реорганизуется на таких же началах. В государстве Сирии учреждается парламент, перед которым министры будут ответственны. До новых выборов главой государств назначен Субхи Бей Балахат, б. президент сирийской федерации. Столицей государства избран Дамаск.

Поездка Вейгана в Палестину.

Генерал Вейган, верховный комиссар Сирии, в ноябре посетил Палестину, где он имел совещание с британским верховным комиссаром. Согласно заявлениям,

сделанным Вейганом, целью его поездки являлось укрепление англо-французского сотрудничества на Ближнем Востоке.

Новый верховный комиссар.

В декабре был смещен верховный комиссар, генерал Вейган. Верховным комиссаром Сирии назначен генерал Саррайль, бывший главнокомандующий союзными армиями на Востоке во время мировой войны.

Афганистан.

Англо-афганский конфликт и повстанческое движение.

Результатом враждебных афганскому правительству интриг явилось реакционное движение против эмира в Южном Афганистане. Руководимое муллами и поощряемое иностранными агентами, восстание началось в долине Хоста, где был вырезан правительственный гарнизон и перебиты чиновники, и затем охватило районы Кандагара, Газни и Джеллагабада, где был убит губернатор. Ближайшим толчком к восстанию послужила введенная эмиром новая система налогов и всеобщая воинская повинность. Повстанцы выпустили прокламации с требованием отмены всех изданных эмиром законов (противоречащих, по их мнению, корану).

К середине июня регулярным войскам эмира удалось подавить восстание, но в начале августа оно вспыхнуло с новой силой. Поддерживаемые английскими агентами, повстанцы выдвинули нового претендента на престол, двоюродного брата эмира, Абдул Керима, проведшего всю жизнь в Индии на жаловании у английского правительства. Большинство повстанцев, во главе с Абдул-Керимом укрепилось в Альтимурском проходе, и в районе Хосты опять началось брожение, вскоре вылившееся в восстание Ахмедзаев. Однако, успехи правительственных войск в Джаджи и Мейдане поправили дело. Новые подкрепления, посланные эмиром в Логар, заставили повстанцев отступить в горы с большими потерями, а Абдул Керим перешел на сторону эмира и стал сражаться в его войсках.

При помощи других афганских племен, откликнувшихся на зов эмира, правительственным войскам удалось разоружить повстанческие поселения. В начале ноября афганская комиссия в Англии опубликовала в лондонской прессе сообщение о ликвидации восстания.

Индия.

Национальный договор, борьба в Законодательном собрании за Сварадж, борьба вокруг бюджета, освобождение Ганди,—см. „Международная Летопись“, 1924 г., № 2 и 3.

Протекционистский билль.

Правительство Индии в апреле разработало проект билля касательно покровительства стальной индустрии (см. „Межд. Летопись“, 1924 г. № 4). Билль был одобрен Законодательным Собранием на специальной сессии в Симле в мае и июне.

Обследование ведомств Индии. Отклонение доклада комиссии Ли.

Королевская комиссия по обследованию правительственных ведомств Индии под председательством лорда Ли в мае представила свой отчет. Он предлагает значительное ускорение „индианизации“ различных административных постов. Согласно проекту английские и индийские чиновники через 15 лет должны составлять по 50% общего числа служащих. 12 сентября после ожесточенных прений собрание 68 голосами против 46 постановило отклонить доклад комиссии Ли в целом.

Отклоненный собранием законопроект был проведен генерал-губернатором в Государственном Совете.

Крушение диархии в Бенгале.

После упорной борьбы между свараджистами, предводительствуемыми Дасом, и бенгальским губернатором лордом Литтоном, Законодательный Совет Бенгаля 26 августа отверг полностью сметы на жалованье министрам (ср. „Межд. Летопись“ № 3).

Вследствие этого, министры вышли в отставку, и губернатор вновь взял в свое управление ведомства, переданные в ведение Совета конституционным актом 1919 года.

Национальное движение. Ганди и свараджисты.

Основным пунктом расхождения между Ганди, освобожденным из тюрьмы в начале года (см. „Межд. Лет.“, 1924 г., № 2), и лидерами свараджистов явился вопрос об участии в законодательных органах.

Программа Даса-Неру (свараджистов) заключается в следующих четырех пунктах: 1) отклонение бюджета, потому что народ имеет право голосовать всего лишь одну седьмую часть сметы, которая может быть восстановлена властью вице-короля; 2) отклонение правительственных законодательных предложений, даже благотворных по своим последствиям; 3) предложение резолюций, мероприятий и законопроектов, необходимых для здорового развития национальной жизни и последовательного вытеснения бюрократии; 4) осуществление определенной экономической политики, предотвращение растраты общественного имущества и пресечение деятельности, ведущей к эксплоатации.

Разногласия между Ганди и свараджистами в резкой форме проявились на всеиндийском конгрессе в Ахмедабаде, состоявшемся в конце июня. Программа Ганди сводилась к тройному бойкоту правительственных учреждений (школ, судов и законодательных органов) и к осуждению насильственных методов.

Дебаты между Ганди и свараджистами окончилась по большинству пунктов победой вторых.

Ганди после продолжительной полемики со свараджистами, в середине сентября выпустил воззвание, призывающее все группы, представленные в индийском конгрессе, к ликвидации разногласий и об'единению. Ганди обвинял правительство Индии в том, что оно через своих агентов провоцирует раздоры в среде населения и столкновения в различных городах между индусами и мусульманами.

В конце ноября под председательством Ганди собрался индийский национальный конгресс. Конгресс 2 декабря ратифицировал соглашение сторонников Ганди со свараджистами. По этому соглашению сторонники Ганди отказываются от своей тактики бойкота и поручают свараджистам представлять конгресс в индийском законодательном собрании.

Всеиндийская конференция свараджистов.

В августе в Калькутте состоялась всеиндийская конференция свараджистской партии. Постановления, принятые партией, сводятся к обязательству, где возможно отвергать бюджеты, и отказывать в ассигнованиях „до тех пор, пока система управления не будет изменена в согласии с нашими правами“. Члены партии не должны также принимать правительственных постов.

Рост революционного движения.

Осенью отмечено усиление деятельности террористических и других конспиративных революционных организаций в различных областях Индии, в особенности в Бенгале.

В конце октября правительство Индии предприняло массовые репрессии для подавления революционного движения в Бенгале. Был издан особый декрет вице-короля, в дополнение к обычному уголовному закону Бенгаля. В силу этого декрета полиция 25 октября произвела поголовные обыски в Калькутте и других городах, при чем было арестовано много свараджистов.

Китай.

О Китайско-Сов. отношениях, гражданской войне, перевороте, финансах и др. см. ст. Галковича „Китай в 1924 г.“.

Учреждение Советского посольства в Пекине.

Обменом нот между т. Карахаиом и китайским министром иностранных дел СССР и Китай в целях укрепления дружественных взаимоотношений на основании принципов равенства, взаимности и справедливости, постановили учредить посольства в Пекине и Москве; т. обр., полпред СССР в Пекине, равно как и китайский дипломатический представитель в Москве, возводятся в ранг послов.

Соглашение СССР с Чан-Дзо-Лином.

В сентябре заключено соглашение между СССР и правителем Маньчжурии Чан-Дзо-Лином, по которому последний признает русско-китайский договор в части, относящейся к Восточно-Китайской железной дороге, обязуется допустить осуществление прав, полученных советским правительством по этому договору.

Стихийное бедствие.

В результате страшнейших гроз и ливней уровень реки Хуан-Хе высоко поднялся, следствием чего явилось страшное наводнение в окрестностях Тяньтзиня. Следствием этого была гибель целых семейств и тысяч жертв. Миллионы людей остались без крова.

Состояние китайских финансов.

Доктор Иен, председатель комиссии по реорганизации финансов, представил отчет о финансовом положении Китая. Из отчета явствует, что расходы государства в 17 раз превышают его доходы.

Отставка премьера.

2 июня вышел в отставку премьер Сун-Бао-Цзи. Временным премьером был назначен Веллингтон-Ку. Однако окончательный выбор пал на министра финансов д-ра Иена, назначение которого 12 сентября было одобрено парламентом.

Программа нового правительства.

Программа временного правительства, ставшего у власти в результате октябрьского переворота, предусматривает обширную реорганизацию администрации, армии и судебной системы, что потребует пересмотра конституции. В качестве ближайшего мероприятия был намечен созыв конференции „лучших людей Китая“. На совещании вождей политических партий приглашен в числе прочих и Сун-Ян-Сен.

Лишение императора титула.

5 ноября приказом временого правительства был изменен режим, установленный для бывшего маньчжурского императора соглашением между маньчжурской фамилией и китайской республикой. Император лишен его титула и привилегий, выселен из дворца, при чем ему предоставлено право селиться где угодно, при условии, что это место будет под охраной республики.

Китайское правительство в ответной ноте изъявило готовность соблюдать международные договоры.

Новый президент.

Туан-Дзи-Джуй в конце ноября был официально водворен в качестве „главы исполнительной власти“ китайской республики. Временный кабинет, назначенный Фен-Ю-Сяном, сложил свои полномочия, и было образовано вре-

менное правительство в составе главы исполнительной власти и кабинета в помощь ему.

Новым премьером был назначен Тан-Шао-И, премьер первого правительства республики и бывший член независимого правительства Кантона, ныне придерживающийся консервативных воззрений.

Министром путей сообщения был назначен кантонец Хе-Хун-Шо. Прочие три портфеля—предоставлены членам анфуистской партии.

Южно-Китайское правительство. Деятельность Сун-Ят-Сена.

Вмешательство империалистических держав в дела Кантона с целью воспрепятствовать политическому строительству южного Китая, неоднократно имели место в истекшем году. Так, в конце августа во время поддержанного иностранными агентами восстания купцов против правительства Сун-Ят-Сена, представители британского правительства явно приняли сторону повстанцев. Британский консул в Кантоне заявил, что бомбардировка правительственными кантонскими войсками городских районов, занятых повстанцами, повлечет за собой немедленные морские действия со стороны всех, находящихся в гавани британских военных судов. Сун-Ят-Сен по этому поводу опубликовал манифест, разоблачающий хищнические притязания британского империализма в отношении Китая и его интриги против кантонского правительства.

Крупным событием во внутренней жизни Кантона было осуществленное в конце октября подавление реакционного движения местного купечества. Кантонские купцы устроили забастовку, выставив против правительства вооруженные отряды добровольцев, во главе с так называемыми „тиграми", предводительствуемыми Чан-Лим-Паком. После ожесточенных уличных боев, сопровождавшихся бомбардировкой мятежных кварталов и сильными потерями, мятежники разгромлены и очистили город.

Поездка Сун-Ят-Сена.

Сун-Ят-Сен в середине ноября выехал из Кантона в Пекин.

Перед своим отъездом из Кантона, Сун-Ят-Сен опубликовал манифест, в котором он возвещал программу минимум партии Гоминдан, в виде аннулирования неравноправных договоров и ряда административных реформ. Сун-Ят-Сен в своем манифесте призывал также к созыву национального собрания. Сун-Ят-Сен прибыл 31-го декабря в Пекин.

Монголия.

Смерть Хутухты.

В половине мая умер глава Монгольского государства богдыхан (Хутухта). Впредь до созыва монгольского парламента („Великого Хурулдана") верховная государственная власть целиком перешла к народному правительству.

Провозглашение республики.

В связи с кончиной богдыхана центральный комитет монгольской народной партии (правительственной) единогласно постановил установить в Монгольском государстве республиканский образ правления.

Великий Хурулдан.

В конце 1924 года состоялся созыв первого монгольского парламента— „Великого Хурулдана". Последний утвердил новый режим Монголии в качестве республики и санкционировал мероприятия правительства народной партии.

Персия.

Республиканское движение в Персии.

Вопрос о перемене политического режима встал на очередь в начале 1924 года, благодаря энергичной кампании за провозглашение республики, поднятой в персидском обществе и печати республиканской партией. Однако, первая же попытка республиканцев привлечь широкие массы к участию в движении показала, что республиканская партия Тедждедот не имеет достаточной опоры в массах.

2-го апреля премьер Риза-Хан опубликовал декларацию, гласившую, что после совещания с месопотамским и тегеранским мунж-техидами он решил отказаться от мысли учредить в настоящее время республику в Персии и предлагает народу также воздержаться от требования немедленного установления республиканского строя.

Правительственный кризис.

7-го апреля премьер Риза-Хан заявил меджлису о своей отставке и об отъезде из Тегерана. 8-го апреля, после долгих прений, меджлис большинством в 86 голосов из 106 выразил доверие Риза-Хану и постановил просить его вернуться на пост премьера при условии подчинения конституционным законам и постановлениям меджлиса. После переговоров с делегацией меджлиса Риза-Хан согласился на все условия и вернулся на пост премьера.

Персидско-американский конфликт.

18-го июля утром в Тегеране был убит фанатичной толпой американский консул Роберт Витнэй Имбрей, пытавшийся сфотографировать религиозную процессию у священного колодца.

Персидское правительство приняло энергичные меры против вдохновителей убийства, при чем Тегеран был об'явлен на военном положении. 21 июля дипломатический корпус пред'явил персидскому правительству ноту с требованием гарантий личной и имущественной неприкосновенности для иностранных граждан. В своем ответе на ноту дипломатического корпуса, персидское правительство указало, что убийство американского консула—событие совершенно исключительное и необычное и подчеркнуло серьезность принятых правительством мер. После оживленных прений дипломатический корпус принял предложение представителя СССР, считать удовлетворительными ноту персидского правительства и принятые меры. Американское посольство в Тегеране вручило персидскому правительству ноту, в которой говорится, что правительство Соединенных Штатов ставит сохранение американского дипломатического и консульского представительства в Персии в зависимость от действий персидского правительства по улаживанию конфликта. Оно протестует против того порядка вещей, который привел к убийству американского консула и требует принесения персидским правительством официальных извинений, оказания убитому погребальных почестей и уплаты надлежащего вознаграждения со включением в него также расходов по посылке в Персию военного судна с целью принять тело убитого. Персидское правительство выполнило требования американцев и после приведения в исполнение смертного приговора над предполагаемыми убийцами консула Имбрея американский государственный департамент заявил, что он считает инцидент ликвидированным.

Сиам.

Сиам заключил предварительное экономическое соглашение с Германией. Германские подданные вновь получили право селиться в Сиаме и заниматься там торговлей и промыслами. По отношению к импорту, экспорту, таможенному тарифу и промышленной собственности применяется принцип наибольшего благоприятствования.

Турция.

Упразднение халифата (см. „Международная Летопись“ № 3).

Моссульский вопрос.

В мае началась в Константинополе англо-турецкая конференция для определения границ Турции с британской подмандатной территорией—Месопотамией или Ираком. Английская делегация, возглавляемая бывшим верховным комиссаром Месопотамии Перси Коксом, настаивала на удержании Моссульского вилайета в пределах Месопотамии, в то время как Турция, представленная на конференции председателем национального собрания Фетхи-Беем, требовала возвращения этой насильственно отторгнутой англичанами турецкой области.

5-го июня конференция прервалась, причем турки отказались принять английское предложение о передаче моссульского вопроса на третейское разрешение Лиги Наций. В конце августа, после дальнейших переговоров Турция согласилась на посредничество Лиги. В сентябре в Женеву прибыла турецкая делегация во главе с Фетхи-Беем, чтобы представить требования турок на рассмотрение Лиги Наций. Турки заранее изъявили готовность подчиниться решению Лиги Наций. Совет Лиги постановил назначить комиссию из 3-х „беспристрастных“ лиц для всестороннего обследования вопросов о границах Моссула. Впредь до окончательного разрешения этого вопроса Лигой Наций обе стороны обязуются соблюдать, в качестве предварительной границы, линию, существовавшую в момент заключения Лозаннского договора,—как это установлено ст. 3 этого договора. Между тем между сторонами в связи с продвижением турок в пределы бывшего Моссульского вилайета возник спор. Английское правительство, после нескольких безрезультатных нот, 29 октября предъявило Турции ультиматум, требуя в двухдневный срок отвода турецких сил в исходное положение и угрожая, в противном случае, применить военные силы. В ответ турецкое правительство представило примирительную ноту, в которой оно выражало готовность подчиниться тому толкованию постановления Совета Лиги Наций о соблюдении status quo, которое будет сделано самим Советом. Английское правительство согласилось на это дополнительное посредничество Лиги.

29-го октября совет Лиги Наций принял резолюцию, согласно которой британское и турецкое правительства, впредь до окончательного определения границы между Турцией и Ираком, обязуются соблюдать положение, существовавшее в момент подписания Лозаннского договора. К решению приложена карта, на которой начертана линия, признаваемая этой предварительной границей. Обе стороны должны не позднее 15-го ноября очистить все местности, занятые ими вопреки постановлению предшествующей части резолюции и впредь не переступать предварительной границы.

Решение совета, единогласно вынесенное, было принято обеими спорящими сторонами.

Образование оппозиционной партии.

Группа членов Великого Национального Собрания во главе с бывшим премьером Реуф-Беем, входивших в правительственную народную партию, в ноябре откололась от нее, образовав новую оппозиционную партию, под названием республиканской. В программу новой партии входит введение всеобщего прямого избирательного права, избрание префектов, вместо назначения их правительством, и упразднение президентского права вето.

Смена кабинета.

Конец ноября ознаменовался выходом в отставку, по болезни, главы турецкого правительства Исмета-Паши и образованием нового кабинета. Формирование последнего взял на себя Фетхи-Бей, президент Великого Национального Собрания, взявший также портфель министра обороны. Президентом

палаты вместо Фетхи-Бея был избран генерал Киазим-Паша. Прочие министерские посты распределены следующим образом:

внутренних дел—Педжеб-Бей;
финансов—Абдул-Каеик-Бей;
иностранных дел—Шукри-Кая-Бей;
общественных работ—Фейзи-Бей;
юстиции—Махмуд-Эссад-Бей;
просвещения—Шукри-Сараджоглу-Бей;
гигиены—д-р Мазер-Бей;
торговли—Али-Дженани-Бей;
земледелия—Гассан-Фетхи-Бей.

Япония.

Советско-японские переговоры.

В середине мая в Пекине начались переговоры между дипломатическими представителями Японии и СССР. Официальным делегатом со стороны Японии назначен японский посланник в Китае Есидзава, со стороны советского правительства—тов. Л. М. Карахан.

Запрещение японской иммиграции в Америку.

Решение американского конгресса относительно японской иммиграции (см. Соед. Штаты) было встречено японскими правительственными кругами и общественным мнением, как выражение недружелюбия по отношению к Японии и как оскорбление для национального достоинства японцев, которых конгресс поставил на одну доску с индусами и китайцами.

В Японии весьма усилились анти-американские настроения. В различных городах имели место анти-американские демонстрации. Американский посол в Японии, Вудс, просил освободить его от занимаемой должности. В качестве официального мотива его отставки указаны семейные обстоятельства, но в местных кругах не сомневаются, что уход Вудса связан с японо-американским конфликтом по поводу иммиграции.

28-го мая министерство иностранных дел выпустило официозное сообщение, выражающее глубокое сожаление японского правительства по случаю принятия Соединенными Штатами постановления об исключении японской иммиграции.

Японское правительство уполномочило своего посла в Вашингтоне представить протест американскому правительству.

Представители обеих японских палат приняли 28-го мая резолюцию, энергично протестующую против анти-японского законодательного акта Конгресса.

Визит генерал-губернатора Индо-Китая.

В мае имело место посещение Японии Мерленом генерал-губернатором французского Индо-Китая. По случаю визита, министерство иностранных дел сообщило, что визит Мерлена имел целью обсуждение вопроса о распространении японо-французского торгового договора на Индо-Китай. В частности, обсуждался вопрос о таможенных тарифах.

Япония и Сингапурская база.

В апреле вся японская пресса приветствовала решение британского правительства отказаться от проекта Сингапурской базы; выражалось, однако, опасение, что сооружение базы только временно приостановлено и будет возобновлено при ближайшем консервативном кабинете, так как в английской морской политике намечается тенденция к перенесению центра тяжести из Северного моря в Тихий океан, чтобы упрочить британскую гегемонию на Дальнем Востоке. Эти опасения вскоре оправдались, т. к. с возвращением к власти

консерваторов в ноябре британское правительство решило возобновить сооружение базы. Это решение вызвало сильное недовольство и тревогу в японских политических кругах, усмотревших в нем угрозу для безопасности Японии и недружелюбный шаг по отношению к ней.

Вопрос о посольстве в Китае.

В связи с возведением полпреда СССР в Китае в ранг посла, японское правительство решило, по сообщениям прессы, возвести в будущем году в тот же ранг своего посланника в Пекине.

Япония в Лиге Наций.

На пятом собрании Лиги Наций в Женеве японская делегация представила возражения против некоторых пунктов протокола об арбитраже, безопасности и разоружении, ссылаясь на возможность конфликта с Соединенными Штатами по иммиграционному вопросу и вмешательства в китайские дела (см. Лига Наций).

Внутренняя политика.

Первый месяц в 1924 г. ознаменовался для Японии правительственным кризисом. Сформировать новый кабинет было предложено принцем-регентом председателю тайного совета, 74-летнему графу Кихура (Состав кабинета см. „Межд. Летопись", 1924, № 1).

Обострившаяся оппозиция против правительства со стороны более прогрессивных элементов повела к официальному расколу партии Сей-ю-кай (крупные аграрии и дворянство). Правительственная партия Сей-ю-кай раскололась, при чем часть ее, образовавшая новую партию „Сей-ю-хонто", решила поддерживать правительство, а остальная часть стала в оппозицию. Не имея большинства в нижней палате, правительство распустило ее и назначило новые выборы.

Парламентские выборы.

10-го мая состоялись выборы в японский парламент. Выборы протекали очень бурно, при ожесточенной борьбе сторонников правительства с партиями оппозиции—Кенсейкай, Сей-ю-кай и клубом какушин. Партия кен-сей-кай, одержала победу в наиболее важных избирательных округах. Правительственная партия сей-ю-хонто потерпела полное поражение.

Окончательные результаты выборов представляются в следующем виде: партия Кенсейкай получила—142 места в палате; Сей-ю-кай—89; Сей-ю-хонто—102; независимые—54, клуб Какушин—29; партия „деловых людей"—9.

Отставка кабинета Кийуры. Новое правительство.

6-го июня кабинет Кийуры, потерпевший поражение на выборах, подал в отставку. Формирование нового кабинета принц-регент поручил лидеру партии Кенсейкай виконту Такааки Като.

Виконт Като (Кенсейкай) — премьер; барон Шидехара (беспартийный, бывший посол в Вашингтоне)—министр иностранных дел; Вакатуки (Кенсейкай)—министр внутренних дел; Хамагуси (Кенсейкай)—министр финансов; генерал Угаки (беспартийный) — министр военный; адмирал Такараде (беспартийный)—министр морской; Иокота (Сей-ю-кай)—министр юстиции; Акада (беспартийный)—министр просвещения; Такахаси (лидер Сей-ю-кай)—министр земледелия и торговли; Иукай (лидер Каку-Шин)—министр почт и телеграфов; Сенгоку (Кенсейкай)—министр путей сообщения.

К концу июня Като огласил следующую программу своей партии (Кенсейкай): 1) Реформа государственного управления с нравственной точки зрения, 2) Реорганизация административной системы, 3) Сокращение государственных расходов и улучшение национальных финансов с целью стабилизации цен, 4) Немедленное принятие всеобщего избирательного права, 5) Улучшение усло-

вий местных общин, 6) Срочное восстановление местностей, разоренных прошлогодним землетрясением. Относительно внешней политики в программе говорится:

„Наша партия, в согласии с Народным Собранием, решила помогать правительству и добиться принятия надлежащих и действительных мер для урегулирования неразрешенных вопросов между Японией, с одной стороны, и Америкой, Россией и Китаем, с другой, и определить раз навсегда политику, которой надлежит следовать в отношении этих стран в будущем".

Наконец, программа предусматривает реорганизацию палаты пэров, отмечая единодушное желание этой реформы среди нации и даже среди части самой палаты, и выражает надежду на скорейшее проведение этой реформы.

АМЕРИКА.

Бразилия.

Британская миссия в Бразилии.

В течение февраля по стране совершила поездку приглашенная бразильским правительством британская финансовая миссия во главе с Эдвином Монтегю. Цель путешествия заключалась в ознакомлении с состоянием финансов и вообще народного хозяйства Бразилии, чтобы выяснить возможность предоставления ей займа Англией. В начале марта английская финансовая миссия отбыла обратно в Англию.

Представительство при Лиге Наций.

Президент Бразильской республики решил организовать в Женеве постоянное представительство при Лиге Наций. Представитель Бразилии в Женеве будет иметь ранг и прерогативы посла. Представителем назначен Рауль Фернандес.

Выборы в парламент.

В феврале в Бразилии имели место выборы для обновления всего состава палаты депутатов и одной трети федерального сената. Правительственные кандидаты победили во всех штатах.

Восстание в С.-Паоло.

В начале июля в штате Сан-Паоло вспыхнуло восстание военного характера. Повстанцы временно овладели столицей штата. Восстание к концу июля было подавлено правительственными войсками. Во время восстания погибло несколько тысяч человек, причинены значительные убытки. Правительством были произведены массовые аресты.

Канада.

(Инцидент с торгпредством СССР—см. М. Л. 1924 г. № 4).

Канада и Лозаннский договор.

26-го мая в Лондоне была официально опубликована переписка, имевшая место между великобританским и канадским правительствами по поводу лозаннских переговоров.

В свое время до подписания договора канадское правительство подчеркнуло, что по его мнению, только канадский парламент может решить, в какой мере Канада связана Лозаннским договором. Договор в январе 1923 г. был подписан одними британскими уполномоченными. Год спустя Канада была

запрошена, ратифицирует ли она договор и специальные конвенции, заключенные в Лозанне. На это канадский премьер-министр ответил (24/III с. г.) следующее: „Так как канадское правительство не было приглашено послать своих представителей на Лозаннскую Конференцию, не участвовало в ее работах ни прямо, ни косвенно, и не подписало вследствие этого договора, министры считают, что они не могут предложить на одобрение парламента мирный договор с Турцией и приложенную к нему конвенцию".

Отношения с метрополией.

Правительство Канады решило назначить министра (члена кабинета) в Лондон, который одновременно будет и верховным уполномоченным для Канады и ее представителем в Лиге Наций.

Мексика.

Гражданская война—см. М.Л. 1924 г., №№ 1—3.

Конфликт с Великобританией.

В июле произошел инцидент между мексиканским и английским правительствами. Причиной его послужил приказ мексиканского правительства о высылке Кунарда Кумминса, британского дипломатического агента. Последний в течение нескольких лет проживал в стране, не будучи официально аккредитован при правительстве Обрегона, так как оно не было признано английским правительством. В качестве мотива его высылки мексиканское министерство иностранных дел заявило, что Кумминс систематически посылал неточную информацию своему правительству относительно событий, происходящих в Мексике. Кумминс отказался подчиниться, заперся в здании британского посольства и в течение нескольких дней находился в осаде, так как входить в дом и выходить из него воспрещалось всем, кроме членов дипломатического корпуса. Действия мексиканского правительства вызвали резкий протест со стороны Англии. В качестве посредника выступило правительство Чили, посланник которого является старшиной дипломатического корпуса.

В результате правительство Обрегона дало свое согласие приостановить исполнением приказ о высылке Кумминса, чтобы дать время британскому правительству добровольно отозвать его.

В конце концов английское правительство согласилось отозвать Кумминса, при чем охрану британского посольства в Мексике и его архивов взяли на себя Соединенные Штаты.

Президентские выборы.

6-го июля в стране состоялись президентские выборы. Из двух конкурировавших кандидатов—генерала Каллеса, поддерживавшегося Обрегоном, и генерала Анджела Флореса, победителем оказался первый. Новый президент официально вступает в должность лишь с нового года. В августе он посетил Европу.

Установление дипломатических сношений с СССР.

В середине августа правительства СССР и Соединенных Штатов Мексики постановили в результате переговоров, имевших место между полпредством СССР и мексиканским посольством в Берлине, установить нормальные дипломатические отношения и обменяться с этой целью посланниками. Полпредом СССР в Мексике назначен тов. Пестковский, мексиканским посланником в СССР—проф. Базилио Вадилло.

Соединенные Штаты Америки.

Отношения с СССР, иммиграционный билль, поездка Юза в Европу, отказ от принятия договора о взаимной гарантии, отказ от признания Танжерской конвенции, испытание обороны, движение за усиление флота—французский

военный заем для Франции, подписка на германский заем, притензии на участие в репарациях налог на американцев за границей—см. статья Л. Иванов. Мировая экспансия Соединенных Штатов в 1924 г.

1. Торговые сношения с СССР.

Переговоры председателя Всероссийского Текстильного Синдиката т. Погина о кредитах закончились согласием „Чэз Банка“ представить их под гарантию Госбанка. Нью-Йоркские банки согласились также распространить свои кредиты на хлопковые погрузки синдиката.

14-го января „Аркос“ образовал в Нью-Йорке общество под названием „Аркос Америка“ (предс. И. Шерман, представитель Аркоса в Нью-Йорке). Американские банки выразили готовность представить „Аркосу“ кредит в целях развития торговли между Америкой и СССР.

В целях увеличения и расширения торговых оборотов две организации, заинтересованные в торговле СССР с Америкой—„Аркос—Америка“ (агенты Аркоса в Соединенных Штатах) и „Компания обмена продуктами“, слились в одно общество под именем „Торговая Корпорация Амторг“.

Алкогольные договоры.

В январе было подписано соглашение с Великобританией по вопросу о борьбе с контрабандным ввозом в Америку опьяняющих напитков (смотри „Международная Летопись“ 1924 г. № 1). Соглашение вскоре было ратифицировано. В течение следующих месяцев были заключены аналогичные соглашения с рядом других стран.

Ирландский дипломатический представитель в Вашингтоне.

Обменом нот между британским послом в Вашингтоне Говардом и государственным секретарем Юзом решен в положительном смысле вопрос о назначении в Вашингтон полномочного министра Ирландского свободного государства, который будет представлять этот доминион во всех делах, относящихся исключительно к нему. Представительство по делам, имеющим значение для других частей британской империи, остается в руках британского посла.

(Нефтяная панама—см. М.-Л. 1924, №№ 1—4).

Избирательная кампания.

Конвент республиканской партии.

10-го июня в Кливеленде открылся конвент республиканской партии для выбора кандидатов на предстоящих президентских выборах.

Так как избрание Кулиджа кандидатом в президенты было еще ранее предрешено, то вопрос сводился к тому, какое лицо будет выставлено республиканцами в качестве кандидата в вице-президенты. 12-го июня Кулидж был официально избран кандидатом на пост президента, получив 1.065 голосов из общего числа 1.109, тогда как за Лафоллета было подано 34, а за Хирама Джонсона—всего 10 голосов. Вслед за тем был избран кандидат в вице-президенты, при чем таковым оказался генерал Чарльз Дауэс, председатель комиссии экспертов, выработавший доклад по репарационному вопросу.

Одновременно с избранием кандидатов была прочитана партийная избирательная программа.

Программа предусматривает присоединение Америки к Постоянной Палате Международного Суда, подтверждает отказ от вхождения в Лигу Наций, высказывается за сотрудничество с другими нациями, „без обременительных союзов“, восхваляет доклад экспертов по репарационному вопросу и высказывает пожелание о созыве новой международной конференции для ограничения сухо-

путных сил, а также химических и подводных средств войны. Часть программы, относящаяся к внутренней политике, весьма бесцветна и ограничивается общими фразами, не намечая никаких серьезных реформ или нововведений.

13-го июня Конвент закрылся.

Конвент демократической партии.

23-го июня собрался Конвент демократической партии в Нью-Йорке под председательством сенатора Уольша, стоявшего во главе комиссии по обследованию нефтяной панамы.

Борьба велась, главным образом, между двумя кандидатами—Мак Аду, зятем Вильсона и министром финансов в его правительстве, и Смитом, губернатором Нью-Йорка. Эта борьба, в свою очередь, связывалась с двумя другими вопросами—об отношении демократической партии к Ку-Клукс-Клану и религиозной проблемой. Мак Аду пользуется симпатиями в среде Ку-Клукс-Клана, в то время как Смит является его непримиримым противником, будучи к тому же по своему вероисповеданию католиком. Таким образом, борьба между сторонниками Мак Аду и Смита являлась вместе с тем и борьбой сторонников Ку-Клукс-Клана с его противниками и ультра-протестантов с католиками. В результате конференция долго не могла притти к соглашению и относительно избирательной платформы партии и относительно личности кандидата. Программа, выработанная 29-го июня, ограничивалась в отношении внутреннего управления осуждением республиканской администрации и выставлением лозунга „честного правительства"; не выдвигая никаких серьезных реформ, она лишь высказывалась за немедленное дарование независимости Филиппинам.

Программа отмечала желательность ограничения вооружений, но в то же время подчеркивала необходимость поддержания на надлежащей высоте средств обороны до достижения международных соглашений. Предусматривается возможность народного референдума по вопросу о вступлении Соединенных Штатов в Лигу Наций. После этого перешли к баллотировкам. Избрание кандидата затруднялось избирательным правилом демократической партии, по которому официальному кандидату требуется получить не менее $^2/_3$ голосов. Между тем, и Смит и Мак Аду имели приблизительно по равному числу сторонников в конгрессе.

Многочисленные баллотировки, произведенные в конце июня и в начале июля были безрезультатными. В результате компромисса между двумя лагерями с'езда оказался избранным при 103 баллотировке третий кандидат—Джон Дэвис, бывший посол Соединенных Штатов в Лондоне.

С'езд прогрессистов.

4—5-го июля в Кливеленде состоялся предвыборный с'езд прогрессистов: кандидатом на пост президента избран сенатор Роберт Лафоллетт, вице-президента—сенатор Уиллер.

Левое крыло прогрессистов, настаивавшее на немедленной организации третьей партии, потерпело неудачу. Избирательная программа, одобренная с'ездом, включает: национализацию водной энергии и железных дорог, высокое дополнительное обложение доходов, а также высокие налоги на наследства и имущества; отмену чрезмерных таможенных пошлин, особенно на контролируемые трестами предметы потребления; проведение законов для облегчения коллективных закупок фермерами, рабочими и потребителями; непосредственный общественный контроль над федеральными банками, создание правительственной корпорации для кредитования фермеров; ограничение власти судов с отменой права их вмешиваться в споры об условиях труда, международное сотрудничество для мирового экономического восстановления, пересмотр Версальского договора, переговоры о договорах о запрещении войны, отмена воинской повинности, сокращение вооружения и введение референдума для решения вопросов о войне и мире.

С'езд фермерско-рабочей партии.

17 июня открылся с'езд фермерско-рабочей партии в Сен-Поле (штат Миннезота). Перед открытием с'езда произошел конфликт между коммунистами и консервативными лидерами фермеров. Последние настаивали на исключении „Уоркерс парти“ и на поддержке кандидатуры Лафоллетта, в то время как коммунисты настаивали на немедленном образовании классовой партии и выставлении самостоятельных кандидатов.

Первый же день конференции ознаменовался успехом коммунистов, так как председателем с'езда был избран Чарльз Тейлор (Монтана), а вице-председателем Дункан Мак Дональд (Иллинойс),—оба кандидаты „Уоркерс парти“. В результате коммунистическая партия добилась отклонения кандидатуры Лафоллетта и выставления самостоятельных кандидатур, а также принятия выставленной ею предвыборной программы. Последняя предусматривает: национализацию монополизированных отраслей крупной промышленности и демократическое управление ею фермерско-рабочим правительством, национализацию банков, отмену чрезвычайных полномочий администрации, меры социальной охраны, минимум заработной платы и максимум рабочего дня, передачу земли в собственность обрабатывающим ее, национализацию транспорта, полное равноправие полов, прекращение эксплоатации негров, запрещение детского труда, признание СССР, признание независимости Филиппин, предоставление колониям права на самоопределение, невмешательство в дела других стран ради взыскания долгов или спасения вложенных туда капиталов. Все фермерские и рабочие организации, не входящие в состав „Уоркерс парти“, порвали с этой партией, отозвав своих представителей из комитета, избранного в Сен-Поле и решили поддерживать Лафоллетта. В виду этого „Уоркерс парти“ выставила на выборах самостоятельного кандидата в лице Фостера.

Конференция социалистической партии.

Конференция социалистической партии в Кливеленде постановила поддерживать кандидатуру Лафоллетта, отказавшись, таким образом, от выставления самостоятельного кандидата. Американская федерация труда, возглавляемая Гоммерсом, точно также высказалась в пользу Лафоллетта.

Выборы.

4 XI после усиленной предвыборной кампании в стране состоялись президентские выборы.

Как только стали известными результаты голосования, выяснился колоссальный успех кандидата республиканской партии. Кулидж был избран подавляющим большинством, получив 15.718.789 голосов из общего числа голосовавших и 379 сторонников в избирательной коллегии, насчитывающей 531 члена. Кандидат демократической партии Дэвис получил 8.378.962 голоса и 139 выборщиков, наконец, и кандидат прогрессистов, сенатор Лафоллетт—4.822.319 голосов и всего 13 выборщиков (одна лишь делегация штата Висконсин).

Таким образом, президентом Соединенных Штатов был избран Кальвин Кулидж, а вице-президентом Чарльз Дауэс.

Одновременно с президентскими выборами происходили перевыборы палаты представителей и одной трети сенаторов, а также выборы губернаторов в 34 штатах. В результате республиканская партия получила абсолютное большинство, хотя и небольшое в палате представителей (247 республиканцев против 183 демократов, 3 членов фермерско-рабочей партии и 2 социалистов) и улучшила свое положение в сенате. В новом сенате оказалось 55 республиканцев, из них 4 прогрессиста, 40 демократов и 1 член фермерско-рабочей партии.

Из 34 вновь избранных губернаторов 21 оказались республиканцами и 12—демократами.

Послание президента Кулиджа конгрессу и годовой отчет секретаря финансов.

(См. „Международная Летопись“, 1925 г., № 7.)

Смерть сенатора Лоджа.

9-го ноября скончался, в возрасте 74 лет, сенатор Лодж, председатель сенатской комиссии по иностранным делам. Покойный был одним из столпов республиканской партии и оказывал особенно большое влияние на внешнюю политику Соед. Штатов. Он с давних пор был главным лидером так наз. „джинго истов“ (крайних империалистов и шовинистов).

Со смертью Лоджа должность председателя сенатской комиссии палаты представителей автоматически переходит к сенатору Бора, который до сих пор был вице-председателем этой комиссии.

Выступление сенатора Бора.

11-го ноября сенатор Бора произнес речь в Гаррибурге (Пенсильвания), в которой он заявил, что он не верит в действительное восстановление Европы вплоть до признания Советской России Соединенными Штатами. Далее Бора заявил, что Соед. Штаты не войдут в Лигу Наций или в „какой-либо иной политический союз в Европе“, но будут продолжать „отдельные конференции по экономическим вопросам для исполнения своих серьезных обязательств перед Европой“.

Одной из таких конференций, подразумеваемых сенатором Бора, должна явиться встреча аккредитованных представителей американского и советского правительства.

По вопросу о признании СССР существует резкое разногласие между Бора и государственным секретарем Юзом, являющимся, как известно, непримиримым противником признания.

Кончина Гомперса.

13-го декабря скончался Самуэль Гомперс, президент Американской Федерации Труда. На место Гомперса президентом федерации труда избран 20-го декабря Вильям Грин, лидер тред-юниона шахтеров.

Финансовые мероприятия.

Палата представителей на заседании 19-го февраля отвергла налоговой проект секретаря финансов Меллона, предусматривавший значительное сокращение налогов на прибыль. Большинством—222 голосов против 196—принято предложение демократов, внесенное Гарнером из Техаса. Из числа голосовавших за предложение 203 были демократы и 19—прогрессивные республиканцы. План Гарнера предвидит 2% обложение доходов ниже 5.000 долларов, 4% обложение доходов от 5.000 до 8.0000 долларов и 6%—для доходов свыше 8.000 долларов (ранее эти цифры были соответственно: 4%—для доходов свыше 4.000 и 8%—для доходов свыше 8.000). Что касается налогов на „сверх-прибыль“, то план Гарнера устанавливает максимум в 44% вместо существующих 50%. Таким образом, принятый проект предусматривает весьма значительное сокращение налогов на небольшие доходы и не столь значительное сокращение налогов на крупные прибыли, как предполагалось первоначально.

23-го апреля сенат принял билль о солдатских наградах, предусматривающий оплату страхования ветеранов мировой войны.

Попытка президента наложить свое вето на билль о вознаграждении участников мировой войны не удалась. 17-го мая палата представителей большинством 313 голосов против 78 вновь приняла билль, а 19-го он прошел большинством 69 голосов против 26 в сенате (при чем Лодж, Куртис и другие лидеры республиканцев голосовали против Кулиджа). Таким образом, билль сделался законом, собрав при вторичном голосовании нужные две трети в обеих палатах. Общая сумма, которая должна быть выплачена по этому закону, исчи-

сляется минимально в 2.280.758.542 доллара, которые должны быть выплачены путем ежегодных ассигнований до 1945 года. Вознаграждение получает приблизительно 3.500.000 ветеранов (участников мировой войны), из которых 400.000 получат по 50 долларов наличными, а остальные будут застрахованы.

Новая поправка к конституции.

9-го июня сенат одобрил поправку к конституции, уполномочивающую правительство ограничивать, регулировать или воспрещать работу детей до 18-летнего возраста. Эта мера была ранее одобрена палатой представителей и, таким образом, ныне должна поступить на утверждение штатов.

Нефтяная панама.—См. „Международная Летопись", 1924 г., №№ 1, 2, 3 и 4.

Чили.

Новое правительство.—См. „Международная Летопись" № 2.

Военный переворот.

В сентябре в стране произошел фашистский военный переворот. У власти стал кабинет, составленный, главным образом, из военных, во главе с генералом Альтамирано. Вступление его во власть ознаменовалось арестом ряда радикальных депутатов парламента. Президент Алессандри вышел в отставку и выехал за границу.

АФРИКА.

Британская Восточная Африка.

Проект об'единения управления.

(См. „Международную Летопись" 1924 г., № 4).

Обследование Восточной Африки.

В середине августа из Англии выехала в Восточную Африку назначенная правительством комиссия в составе председателя Ормсби Гора (консерватор, б. товарищ министра колоний) и четырех членов. Комиссия должна об'ехать все британские восточно-африканские владения (Кению, Уганду, территорию Танганайку, землю Ньясса, Северную Родезию) для всестороннего ознакомления с различными отраслями их администрации и народного хозяйства.

Египет.

Парламентские выборы и открытие парламента.

(См. „Международная Летопись" 1924 г., №№ 1—3).

Англо-египетские переговоры.

В начале года англо-египетские отношения, казалось, стали улучшаться. Английское рабочее правительство согласилось освободить почти всех политических заключенных (139 из 145). Однако, дальнейших уступок со стороны Англии не последовало.

19-го апреля Кларк Кэрр, заместитель британского резидента в Египте, передал Заглулу-Паше предложение Макдональда прибыть на конференцию в Лондон.

25-го июля Заглул-Паша выехал в Европу, однако, лишь 8-го сентября было получено официальное приглашение приступить к переговорам.

25-го сентября переговоры начались. Однако, вследствие выяснившейся непримиримости точек зрения обеих сторон, переговоры прервались, и уже 3-го октября Заглул-Паша выехал обратно в Египет. В своем послании верховному уполномоченному в Египте, лорду Алленби, Макдональд кратко излагает ход переговоров и подчеркивает невозможность удовлетворить египетские требования относительно возвращения Судана, эвакуации египетской территории британскими войсками и отказа Англии от охраны Суэцкого канала и контроля над политикой в Египте. Заглул-Паша в своем выступлении 20-го сентября в Александрии сообщил, что он настаивал на передаче охраны Суэцкого канала Лиге Наций, в виду того, что он был признан международным водным путем соглашением 1888 года. Однако, это предложение встретило категорический отказ Макдональда.

Волнения в Судане.

Население Судана активно проявило свое желание к воссоединению с Египтом. Это стремление в августе проявилось в ряде вспышек, подавленных англичанами. По этому поводу имел место обмен нотами между английским и египетским правительствами, при чем английское правительство подтвердило свои намерения сохранить управление Суданом на основе соглашения 1899 года.

Убийство генерала Ли-Стэка. Британский ультиматум.

19-го ноября английский генерал-майор Ли-Стэк, генерал-губернатор Судана и Сердар (главнокомандующий египетской армии), подвергся нападению нескольких неизвестных и, будучи смертельно ранен, скончался в ближайшую-же ночь. Нападавшим удалось бежать. Заглул-Паша, узнав о происшедшем, тотчас-же лично выразил свое сожаление лорду Алленби. Египетское правительство приняло энергичные меры к расследованию преступления и задержанию виновных.

Однако, все эти меры не помешали Великобритании использовать убийство в качестве предлога для осуществления империалистических планов в отношении Египта и Судана. 22-го ноября лорд Алленби представил Заглул-Паше в крайне грубой и оскорбительной форме ультиматум британского правительства, содержавший следующие требования: 1) принесение извинений за преступление, 2) осуществление следствия и наказания преступников с максимальной энергией, 3) запрещение на будущее время всех политических демонстраций, 4) уплата Великобритании возмещения в 500 тыс. фун. стерлингов. 5) распоряжение о выводе из Судана всех египетских офицеров и чисто-египетских воинских частей, 6) согласие на расширение, орошаемой суданским правительством, площади в районе Жезира с 300 тыс. федданов до неограниченной цифры, 7) согласие на оставление английских финансовых и юридических советников и сохранение полномочий европейского департамента министерства внутренних дел.

Египетское правительство в ответной ноте согласилось удовлетворить первые четыре требования, относительно остальных оно не ответило категорическим отказом, отметив лишь, заключающиеся в этих требованиях, правонарушения.

Британское правительство, не удовлетворившись этим ответом, приступило к осуществлению своих требований, не дожидаясь согласия египетского правительства. Британские гарнизоны в Александрии, Каире и Судане были усилены воинскими частями, срочно переброшенными с Мальты и Гибралтара. В Александрию и Порт-Саид прибыло несколько крупных военных судов. 27-го ноября британские войска заняли александрийскую таможню.

Отставка Заглула-Паши и новый кабинет.

Тотчас-же по получении этого известия Заглул-Паша вышел в отставку. Формирование нового кабинета было поручено Ахмету-Паше-Зивару, председа-

телю сената. В ночь на 25-е октября сенат и палата депутатов приняли обращение к парламентам всего мира и к Лиге Наций с протестом против действий Англии и с просьбой о вмешательстве. Однако, новое египетское правительство не поддержало протеста своего парламента. Это правительство было образовано в следующем составе: Ахмет-Паша-Зивар—премьер, министр внутренних и временно иностранных дел, Ахмет-Бей-Кабеша—просвещ. и временно юстиции, Осман-Паша-Мохаррам — общественных работ, Магомет-Саид-Абу-Паша-Али—земледелия, Магомет-Паша-Ситки—богоугодн. заведений, Юссер-Паша-Каттаун—финансов, Накле-Эль-Моталь—путей сообщения, Магомет-Садик-Паша-Хения—военный.

25-го ноября заседания парламента были отсрочены на один месяц. По требованию англичан были произведены многочисленные аресты, при чем в числе арестованных находилось несколько депутатов.

Удаление египетских войск из Судана.

Англичане приступили к насильственному удалению из Судана египетских воинских частей. Сопровождавший удаление египетских частей бунт 11-го суданского батальона в Хартуме был подавлен англичанами, при чем повстанцы были частью расстреляны из пулеметов, частью разоружены и преданы военному суду.

1-го декабря Египетское правительство приняло все оставшиеся еще невыполненными английские требования, вследствие чего английская таможня, занятая отрядом английских моряков, была эвакуирована 2-го декабря.

Правительство об'явило парламент распущенным, и назначило новые выборы.

По этому поводу Вафд опубликовал манифест за подписью Заглула-паши. Манифест обвиняет правительство Зивара-паши в неконституционности.

Новый губернатор Судана.

Новым генерал-губернатором Судана, по предложению английского правительства, назначен Джеффи-Арчер, бывший в последнее время губернатором Уганды.

Французская Северная Африка.

Беспокойство Франции.

Успехи Абд-Эль-Крима и быстрое вытеснение испанцев из их зоны (см. ниже) вызывают значительное беспокойство среди правительственных и военных кругов Франции в связи с опасением, что повстанческое движение марокийских племен может перекинуться и на французскую зону. Эти опасения усиливаются вследствие агитации, ведущейся в пограничной части французской зоны сторонниками Абд-Эль-Крима, открыто призывающими к священной войне.

В Тунисе в течение последних месяцев истекшего года отмечено возникновение и быстрое развитие националистического движения. Последнее вдохновляется примером Рифа и имеет своей целью добиться самоуправления для Туниса. Движение вызывает серьезное беспокойство французских правительственных кругов. Генеральный резидент в Тунисе Люсьен Сент, выезжал в конце ноября в Париж со специальным докладом о создавшемся положении.

В Испанском Марокко.

В испанском Марокко в начале года возобновилась давняя борьба местных племен против испанских войск и властей. Местные племена возобновили наступление против испанских постов и операционных баз.

В начале июня рифанцы под умелым предводительством Абд-Эль-Крима одержали новые успехи в борьбе с испанскими войсками. Отряды Абд-Эль-

Крима при содействии восставших местных племен оттеснили испанцев к Тетуану и отрезали часть их сил от своей базы.

В течение августа ожесточенные бои повстанцев с испанскими войсками распространились на всю испанскую зону. Несмотря на подкрепления, непрерывно посылаемые из Испании (в начале сентября в одной лишь западной части испанской зоны было до 100.000 войск), положение испанской оккупационной армии становилось все более критическим. Она несла жестокие потери как в боях с повстанцами, так и от болезней. Повстанцы успешно нападали на испанские укрепления и отряды войск, нанося испанцам постоянные поражения, захватывая пленных и артиллерию. В начале сентября отряды мавров стали появляться под стенами самой столицы испанской зоны—Тетуана. Одновременно они окружили находящуюся южнее крепость Шешуаны и принудили испанцев оставить ряд их выдвинутых постов.

В конце сентября и в начале октября испанцы сделали последнюю попытку спасти свое положение и поднять престиж в испанской зоне Марокко. Крупные силы (до 150.000), сосредоточенные в районе Тетуана, повели наступление на юг. Им удалось временно освободить Шешуан.

Однако вскоре, сознавая невозможность далее удержать Шешуан и всю южную часть зоны, Прима-Де-Ривера отдал приказ об ее эвакуации, при чем был очищен Шешуан.

Эвакуация южной части испанской зоны Марокко происходила при больших затруднениях. Испанские войска, отходившие от Шешуана, страдали от распутицы и бездорожья вследствие сильных дождей и подвергались со всех сторон атакам мавров, неся тяжелые потери. Начавшиеся было в октябре переговоры с Абд-Эль-Кримом были прерваны, вследствие требований, выдвинутых Абд-Эль-Кримом и сводившихся к эвакуации всей испанской зоны, за исключением Цеуты и Мелиллы, и к уплате 20 миллионов песет контрибуции, а также выкупа за 1.200 испанских пленных, находящихся в его руках.

13-го декабря положение осложнилось внезапным восстанием местных племен в Анжере (около Гибралтарского пролива), что создало угрозу в тылу испанской армии, занимавшей Тетуан. Повстанцы сразу одержали большие успехи. Попытка испанцев ликвидировать восстание до конца декабря успеха не имела.

Танжер.

Новый режим.

Новый режим Танжера, установленный конвенцией 1923 года, до сих пор не вошел в силу, вследствие того, что ряд государств (в том числе Италия и Соединенные Штаты) отказался признать конвенцию.

Сооружение порта в Танжере.

Вследствие ратификаци танжерской конвенции (см. „Международную Летопись“ за январь 1924 г.) британским правительством и испанской директорией, решено немедленно приступить к сооружению порта в Танжере, постройка которого тормозилась в течение 14 лет трениями между различными заинтересованными державами и дипломатическими интригами. Работы в Танжере должны начаться в самом ближайшем будущем.

Родезия.

Новый статус Северной Родезии.—См. „М. Л.“ 1924 г. № 24.

Южно-Африканский союз.

9-го января опубликован текст закона, названного „Class areas Bill“ 1924 г. и направленного к ограничению прав в Южной Африке азиатов. Новым законом предоставляется городским властям и министру внутренних дел устанавливать места, в которых определенные категории лиц не должны владеть

недвижимостью или даже допускаться на жительство. Комиссия из трех членов, назначенная министром, должна решать, желательно или нет применение закона в каждом отдельном случае.

Лишение индусов муниципального избирательного права.

Несмотря на протесты местного индусского населения, в Натале введен в действие новый закон, лишающий индийцев на будущее время возможности приобретать право голоса на муниципальных выборах. Таким образом, муниципальное избирательное право остается лишь за индусами, имеющими его ныне. В случае продолжительного существования нового закона последний должен привести индийский элемент к полному лишению избирательных прав.

Договор националистов и рабочей партии.

Крупнейшим событием в Южно-Африканском союзе начала истекшего года был пакт между местной рабочей партией и партией националистов (буров).

Пакт был заключен с целью совместной борьбы против правительственной южно-африканской партии на предстоящих парламентских выборах. Эти выборы состоялись скорее, чем ожидалось.

Правительственный кризис и новые выборы.

7-го апреля южно-африканский парламент был распущен и назначены новые выборы.

Как только начались выборы, 17-го июня, сразу же обнаружились успехи партий договора и неудачи правительства в целом ряде округов.

Был забаллотирован сам премьер-генерал Сметс.

Поражение южно-африканской партии было особенно серьезным в Трансваале, где она потеряла всех своих сторонников среди голландского населения, сплошь отдавших свои голоса партиям договора. Оранж и ранее принадлежал националистам. В двух других провинциях—Капской и Натале, сторонники Сметса в общем удержали свои позиции, несмотря на блок рабочих с националистами, которому удалось завоевать лишь северные округа Капской провинции. В общем южно-африканская партия получила 53 места в палате, националисты—63 и рабочая партия—18.

23-го июня генерал Сметс официально вручил генерал-губернатору прошение об отставке, которое было принято. В тот же день формирование кабинета предложено лидеру националистов генералу Герцогу.

Лидеры рабочей партии Кресвель и Бойдель вошли в правительство, при чем первый из них получил портфель министра обороны и труда.

Националисты у власти.

Глава нового правительства Герцог 2-го июня заявил, что новый кабинет будет охранять интересы всех слоев общества. Он подчеркнул также, что в глазах правительства (националистов) Великобритания всегда будет „первым и главным другом“ и целью его правительства будет сотрудничество с Великобританией и отдельными доминионами.

Лойяльность националистов в отношении империи еще более ярко проявилась во время имевшего место в августе и сентябре посещения союза британской парламентской делегацией во главе с министром колоний Томасом.

ОКЕАНИЯ.

Австралия.

Сингапурская база.

В начале года австралийское правительство выразило резкое недовольство отказом британского рабочего правительства от постройки сингапурской базы (см. „Международная Летопись“ 1924 г., № 3). В связи с этим, австралийскими правительственными кругами было с удовлетворением встречено решение консервативного правительства, вернувшегося к власти в ноябре, о возобновлении постройки базы.

Новая столица.

30 января в новой столице австралийской федерации Камберре состоялось первое заседание федерального кабинета. Окончательное перенесение столицы из Мельбурна на новое место должно состояться, самое большее, в течение трех лет.

Австралия и имперское предпочтение.

Новый английский бюджет, внесенный в апреле Сноуденом на обсуждение палаты общин, вызвал большое неудовольствие австралийских правительственных кругов вследствие того, что он предусматривает отказ от принципа имперского предпочтения во внешней торговле Англии. В своем выступлении 1 мая, австралийский премьер Брюс заявил: „Я опасаюсь, что мы вынуждены будем обратиться к другим странам, помимо Великобритании. Некоторые люди, повидимому, воображают, что мы в Австралии всегда будем безмолвствовать, что мы будем продолжать предоставлять преимущества на наших рынках британским мануфактуристам; но мы не можем делать этого, если мы получаем ответ от Великобритании, показывающий, что она не расположена давать нам прибыль, равноценную прибыли, которую мы предоставляем ей“.

Успехи рабочей партии.

Выборы.

На выборах в парламент Южной Австралии рабочая партия одержала решительную победу, завоевав большинство шести членов в палате, состоящей из 46 членов. Новым премьером является лидер рабочей партии Генн.

На выборах в Западной Австралии рабочая партия завоевала 26 мест, а все остальные вместе—24. Таким образом, министерство Митчеля потерпело поражение и вынуждено было уйти в отставку.

В Виктории, самом консервативном из штатов австралийского союза, министерство националистов было вынуждено выйти в отставку вследствие того, что поддерживавшая его фермерская партия соединилась с оппозиционной рабочей партией. Формирование кабинета поручено лидеру последней—Прендергасту. В настоящее время из шести штатов австралийского союза в пяти власть находится в руках рабочей партии.

Соглашение националистов и фермеров.

На конференции националистской и фермерской партий 23 июля достигнуто соглашение об образовании блока на следующих общих выборах, в противовес рабочей партии.

Новая Зеландия.

Генерал-губернатором Новой Зеландии назначен Джемс Форгессон, вместо адмирала Джеллико, срок назначения которого истек в текущем году.

Союз Советских Социалистических Республик.

Кончина Владимира Ильича Ленина (Ульянова).

21/I в 6 час. 50 мин. вечера, в Горках, близ Москвы, скончался председнарком СССР, организатор Российской Коммунистической Партии (большевиков) и III Интернационала, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). 22/I Центральный Комитет РКП выпустил воззвание „К партии, ко всем трудящимся“, в котором писал: „Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками. Умер человек, под боевым водительством которого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране, смела сопротивление врагов, утвердила прочно господство трудящихся в бывшей царской России. Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость международного пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России. Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг“... 22/I в 11 часов утра, открывая заседание XI С'езда Советов, Калинин сообщил о смерти Ленина. После заслушания бюллетеня врачей С'езд решил об'явить 21 января днем траура, составил комиссию по организации похорон и выпустил воззвание ко всем трудящимся Союза ССР. На другой день все газеты вышли в траурной рамке с портретами В. И. Ленина и статьями старых подпольщиков, освещающих его жизнь и деятельность. 23/I в 6 часов утра, горкинские крестьяне простились с любимым Владимиром Ильичем. В 9 часов члены ЦК переложили тело Вл. Ильича со стола в свинцовый гроб, выложенный красной материей. В почетном карауле были—Зиновьев, Бухарин, Томский, Рудзутак. В 10 часов вынесли из дома и на руках к 11 часам доставили к станции, где установили в вагон на специальном возвышении, украшенном красными и черными лентами. Всюду на промежуточных станциях рабочие, крестьяне и дети из школ встречали поезд. С развернутыми черно-красными знаменами и обнаженными головами молча провожали они вагон, в котором покоилось дорогое для них тело вождя и учителя. В час дня, 23 числа, поезд с телом Ленина прибыл на Саратовский вокзал, а оттуда покойный был перенесен в Дом Союзов, где всем трудящимся давалась возможность проститься со своим вождем и учителем. Улицы, окружающие Дом Союзов, трое суток были запружены необозримыми толпами народа. Рабочие организации Москвы и провинции, служащие, крестьяне из подмосковных деревень и дальние, студенты, интеллигенция, дети и просто граждане, люди разных национальностей, разных убеждений и профессий, разных возрастов и социальных положений,—все стекались сюда, чтобы в последний раз проститься с гигантом-человеком, перевернувшим новую страницу истории. В лютый мороз по 4—5 часов кряду стояли эти огромные процессии.

26-го в траурной обстановке открылся II С'езд Советов Союза ССР и первые два заседания его 26—30 были целиком посвящены памяти Владимира Ильича. С речами выступали Калинин, Н. К. Крупская (жена Владимира Ильича), Зиновьев, Сталин, Бухарин, Клара Цеткин, Томский, Каменев и целый ряд беспартийных рабочих и крестьян. Все выступавшие характеризовали В. И., как гениального вождя русского и мирового пролетариата и как исключительного человека и товарища. По предложению тов. Рыкова, С'езд постановил:

I. Лучшим памятником Владимиру Ильичу Ленину будет широкое массовое распространение его сочинений, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся. 2-й С'езд Советов предлагает институту Ленина принять самые срочные меры к выпуску доступных народу избранных сочинений В. И. Ленина в миллионах экземпляров на различных языках, в особенности,

на восточных, с тем, чтобы в первую очередь были изданы те сочинения, которые имеют особенно важное значение для широких слоев рабочих и крестьян. Вместе с тем, институт Ленина поручает так же срочно выпустить полное собрание сочинений тов. Ленина в строго научном духе.

II. Имя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Совета Народных Комиссаров РСФСР, Владимира Ильича Ульянова (Ленина) неразрывно связано с героической борьбой трудящихся за установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах.

Имя первого председателя рабоче-крестьянского правительства будет всегда жить в умах и сердцах как его современников, так и в грядущих поколениях. Под непосредственным руководством Владимира Ильича рабочие и крестьяне положили в революционные дни Октября начало всех дальнейших завоеваний трудящихся. Образ великого вождя должен быть увековечен для всех грядущих поколений и служить постоянным напоминанием и призывом к борьбе и окончательной победе коммунизма.

В этих целях С'езд Советов Союза ССР постановляет:

1) Соорудить от имени Союза Советских Социалистических Республик в столице Союза ССР и РСФСР, в гор. Москве, а также в столицах других союзных республик — Харькове, Тифлисе, Минске и в городах: Ленинграде и и Ташкенте—памятники В. И. Ленину.

2) Поручить ЦИК'у Союза ССР и его президиуму разработать и утвердить соответствующие проекты памятников, установить сроки их сооружения в отдельных городах и отпустить необходимые средства.

3) 2-й С'езд Советов Союза ССР постановляет создать при ЦИК'е Союза ССР специальный фонд имени В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям, в особености жертвам гражданской войны и голода.

С этой целью поручить ЦИК'у Союза ССР определить размер фонда, форму помощи и систему мероприятий по осуществлению указанной помощи.

4) Об'явить 21 января днем траура.

5) Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями ВЦИК Союза ССР и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, С'езд постановляет:

а) Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

б) Склеп соорудить у Кремлевской стены, на Красной площади, среди братских могил борцов Октябрьской революции.

После этого, по предложению Калинина, С'езд утвердил переименование Петрограда в Ленинград и, по предложению Бухарина, принял обращение ко всем трудящимся. 23—27 по всей территории СССР были днями великого траура. Во всех населенных местах устраивались митинги, шествия, вечера воспоминаний и доклады о жизни и деятельности В. И. Ленина. Смерть Вл. Ильича всколыхнула беспартийные массы. Ряд районов и заводов выносили постановления о приевоении им имени Ленина. Всюду имели место массовые заявления о желании вступить в РКП. 27/I состоялись похороны В. И. Ленина. В течение дня и позднего вечера рабочие стройными колоннами проходили около гроба, установленного на Красной площади, прощаясь со своим вождем. Двадцатипятиградусный мороз не удержал Москвы от последнего прощания с Ильичем. Необыкновенной была Красная площадь в этот день. Она умолкла. Умолкла перед гробом, стоящим на трибуне, и лишь миллионы ног скрепели по мерзлому снегу.

Ровно в 4 часа, в течение пяти минут, был исполнен орудийный салют. В это время гроб был снесен в склеп. Пять минут воздух пронизывал жалобный вой фабричных и заводских гудков.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Какие государства признали СССР в 1924 г.

(Порядок хронологический).

1. Англия, 2 февраля.
2. Италия, 7 „
3. Норвегия, 13 февраля.
4. Мексика, 4 марта.
5. Греция, 8 „
6. Швеция, 15 „
7. Геджас, 24 апреля.
8. Китай, 31 мая.
9. Дания, 19 июня.
10. Канада (британский доминион), 23 июня.
11. Албания, 15 июля.

Советско-английские отношения.

21 января 1924 г. в Англии было образовано рабочее правительство, которое включило в свою программу признание СССР. 2 февраля в 2 часа дня английским торговым представителем Ходжсоном была вручена нота Наркоминделу Г. В. Чичерину о признании de jure СССР, а также о том, что он назначается поверенным в делах. Сообщение о признании СССР Англией было сделано тов. Литвиновым II Всесоюзному С'езду, который принял по этому поводу декларацию. 8 февраля, была вручена нашим полномочным представителем в Англии, тов. Раковским Макдональду, ответная нота. В основу ответа легла декларация II Всесоюзного С'езда. В ответной ноте сообщалось: о назначении тов. Раковского поверенным в делах и о том, что Советское Правительство намерено в ближайшем будущем послать в Лондон своих представителей для решения спорных вопросов, в том числе вопроса о предоставлении займа СССР. Через некоторое время ЦИК'ом СССР была назначена специальная делегация в следующем составе: председатель—Раковский, тов. председателя — Литвинов, генеральный секретарь — Ротштейн, членов: — Иоффе, Янсона, Шейнмана, Томского, Кутузова и Радченко. По состоянию здоровья от'езд генерального секретаря делегации Ротштейна состояться не мог. 9 апреля Советская делегация приехала в Лондон, и 14 апреля состоялось первое заседание Советско-Английской конференции. Начавшись в апреле, переговоры закончились в августе. 8 августа советско-английский договор был подписан. По договору СССР обязался дать частичное удовлетворение британским гражданам, а британское правительство соглашалось на предоставление гарантии займа СССР на английской бирже. Не только реакционно-буржуазная часть Англии была недовольна этим договором, но в СССР также наблюдалось сильное недовольство им на почве некоторых уступок, сделанных Советским правительством Англии. Так, на II сессии ЦИК СССР в Москве целый ряд видных советских деятелей выступил против договора. Новое консервативное правительство Англии, пришедшее на смену Макдональду, отвергло договор от 8 августа. Положение между СССР и Англией еще больше обострилось благодаря так называемому „письму Зиновьева" от 15 сентября. Это было подложное письмо, использованное консерваторами во время парламентских выборов в целью напугать английского обывателя призраком русской пропаганды. Советское правительство протестовало против действий английского правительства и нотою от 8 ноября предложило передать разбор дела с письмом на специальное третейское разбирательство, которое и должно было установить подлинность или подложность письма. До конца 1924 года политика консервативного правительства была резко недружелюбной по отношению к СССР.

Советско-германский конфликт [1]).

3 мая в здание Советского торгпредства в Берлине вторгся большой отряд полицейских. Полиция произвела тщательный обыск, при чем искали и в книжных шкафах и письменных столах торгпреда Стомоньякова и его заместителя Туровского. Обыском руководил лично правительственный советник Вейс. Таким образом, германским правительством была нарушена экстерриториальность Советского торгпредства. 3 мая полномочный представитель СССР в Германии Крестинский обратился к министру иностранных дел Штреземану с протестом против действий германской полиции. В ответной ноте от 4 мая Штреземан об'яснял поведение полиции якобы сокрытием торгпредством немецкого коммуниста Борнгарта. Начавшийся конфликт в мае об'яснялся моментом выборов в германский рейхстаг, желанием реакционных элементов сделать выпад против Советского правительства и понизить успех коммунистов на выборах. Во время обыска было арестовано 8 сотрудников, из них 3 были освобождены 6 мая. В знак протеста против действий берлинской полиции торгпредство отказалось от участия в Кельнской ярмарке. Полномочный представитель СССР в Германии Крестинский уехал из Берлина в Москву 7 мая, торгпред Стомоньяков 8 мая. 9 и 12 мая состоялись свидания германского посла в СССР Брокдорф-Ранцау с Литвиновым, от имени Советского правительства последний настаивал на: а) принесении извинения германским правительством за действия полиции, б) подтверждении прежнего договора 1921 г., экстерриториальности Торгпредства, в) наказании инициаторов и руководителей обыска. На XIII Съезде РКП Наркомвнешторг Красин выступил с речью, посвященной русско-германскому конфликту. Речь тов. Красина сводилась к тому, что СССР ни на какие уступки не пойдет. Конец мая месяца был занят в Германии борьбою разных партий за составление нового кабинета. 4 июня министерство было сформировано вновь Марксом, к этому времени относится начало работ связанных с планом Дауэса, отсюда и временное затишье в русско-германском конфликте. 30 июня управление торгпредства уволило 72 сотрудника, из них 12 переведены в другие страны. 1 июля состоялось свидание тов. Литвинова с Штреземаном. Сущность конфликта сводилась к желанию срыва Германией монополии внешней торговли СССР путем лишения иммунитета советского торгпредства. Так как Советское правительство осталось твердо в своих первоначальных заявлениях, то 29 июня конфликт был разрешен подписанием специального протокола Бродовским и Штреземаном. В нем подтверждалось об экстерриториальности торгпредства, вытекающем из соглашения 6 мая 1921 г.

Советско-итальянские отношения.

Переговоры о торговом договоре, которые начались еще в 1923 году, закончились 6 февраля подписанием торгового договора. 7 февраля СССР был признан Италией de jure, при чем правительство Муссолини вместе с признанием СССР, в отличие от Англии, предложило обмен послами. Советским представителем в Италию был назначен Иорданский, послом Италии в СССР граф Манцони. 8 марта состоялся обмен ратификациями торгового договора. Италия является одной из держав, которая не ратифицировала Бессарабский протокол и этого делать не собирается, в связи с желанием сохранить дружественные отношения с СССР. В течение истекшего года между двумя странами развивались нормальные, как торговые, так и дипломатические отношения.

Взамен отозванного Иорданского, послом СССР в Италию был назначен тов. Юренев.

---

[1]) См. Летопись, № 1 за 1925 г.

Советско-Китайские отношения за 1924 год [1]).

1921 г. осенью, в Москву прибыла Китайская миссия.

9 августа 1922 г. тов. Иоффе в Харбине.

2 сентября 1922 г. тов. Иоффе был принят в министерстве иностранных дел Китая и потребовал открытия нормальных отношений на базисе заявлений Карахана от 1919 и 1920 г.г.

6 сентября 1922 г. открылась Чанчуньская конференция в Японии, куда и приехал Иоффе.

14 октября 1922 г. меморандум тов. Иоффе кит. прав. о необходимости ликвидации белогвардейских банд.

3 ноября требования Иоффе об аресте управляющего В.-Кит. жел. дор. Остроумова.

После нотных дискуссий 18 января 1923 г. тов. Иоффе выехал в Шанхай, а оттуда в Японию. 26 января 1923 г. состоялось свидание главы южного правительства Китая Сун-Ят-Сена с А. А. Иоффе, на котором оба пришли к взаимному соглашению. 31 января 1923 г. две ноты Наркоминдел о перенесении переговоров в Москву, но через некоторое время—согласие на их продолжение в Шанхае, в конце марта С. Т. Ван был назначен главою китайской комиссии для переговоров.

В конце июля Карахан назначен главою русской миссии в Китае.

2 сентября 1923 г. Карахан приехал в Пекин.

7 сентября 1923 г. Карахан в Мининделе.

10 октября 1923 г. нота Карахана относительно продажи пароходов, увезенных Старком из Владивостока.

В ноябре 1923 г. переговоры с Китаем уже начались.

21 марта 1924 года было достигнуто соглашение между Караханом и С. Т. Ваном, но под давлением держав кабинет, несмотря на предоставление права подписи соглашения Вану, его не подтвердил.

Через некоторое время возобновились переговоры между Велингтоном Ку, министром иностранных дел Китая, и Караханом, и 31 мая соглашение было подписано.

В основу соглашения легли декларации сов. правительства от 1919 г. и 27 сентября 1920 г.

Соглашение касалось также В.-Кит. ж. д. и Монголии, а также части русской боксерской контрибуции. Соглашение было полное. Несмотря на яростные протесты представителей держав, соглашение было с радостью встречено всеми слоями Китайского народа. Но скоро возник инцидент с получением здания быв. царского посольства. Карахан хотел получения его непосредственно от Пекинского правительства, дипломатический корпус настаивал на необходимости обращения Карахана к дипломатическому корпусу. 19 июля Караханом посланы верительные грамоты о назначении его СССР послом в Китай Велингтону Ку, а 31 июля вручение их президенту.

Притти к соглашению с Пекинским правительством по всем вопросам, включая и вопрос о Восточно-Китайской ж. д., означало иметь только формальное познание так называемого центрального правительства, на самом деле, для реального проведения вопроса о Вост.-Кит. ж. д. требовалось добавочное соглашение с Чжан-Цзо-Лином, дудцзюном трех северных китайских провинций. Так как Пекинское правительство ничего не могло в этом отношении добиться, то Караханом были самостоятельно с ведома Пекинского правительства предприняты переговоры с Чжаном, которые и кончились взаимным соглашением 20 сентября. 3 октября состоялось первое заседание правления Восточно-Китайской ж. д. С советской стороны членами правления являются: тов. Клышко, Серебряков, Ракитин, Данилевский, консул в Мукдене Розенберг. Постановлением нового правления были уволены: управляющий дорогой Остроумов, его помощник Оффенберг, заведующий земельным отделом Гондатти.

---

[1]) См. статью о Китае.

а также служащие Михайлов и Обальско. Управляющий дорогой назначен тов. Иванов, помощником Эйсмонд. Заведующими отдельных частей: Дикий и Балашов. Правителем дел Яцунский. 5 октября над Советским Союзным Генеральным Консульством был поднят флаг. И в тот же день был поднят флаг на отданное полномочному предст. здание советского посольства.

Советско-румынская конференция [1]).

27/III в Вене в здании нижне-австрийского ландтага открылась советско-румынская конференция, закончившаяся 2 апреля и не приведшая ни к каким результатам.

Конференция имела целью разобрать следующие вопросы: 1) территориальные, 2) финансовые и экономические, 3) юридические и политические. Председателем советской делегации являлся Крестинский, румынской делегации— Ланга Раскапу.

Румынская делегация выдвинула следующие положения:

а) Румыния признает СССР де-юре, а СССР признает присоединение Бессарабии к Румынии.

б) Румыния отказывается от части своего запаса золота в Москве, а также от требования возмещения части запаса, принадлежащей частным лицам.

в) Румыния согласна заключить торговый договор на принципе наибольшего благоприятствования, с тем, что СССР примет обязательство воздержаться от всякой пропаганды в румынских областях.

Советская делегация потребовала плебисцита в Бессарабии и только затем считала необходимым перейти к обсуждению других вопросов. 31 марта тов. Крестинский заявил:

„Мы предлагаем румынской делегации отказаться от постановки нам всяких предварительных требований и приступить к совместному обсуждению условий организации плебисцита в Бессарабии".

После небольшого перерыва румынская делегация сделала категорическое заявление о невозможности плебисцита в Бессарабии и заявила, что „в виду позиции Советского правительства румынская делегация считает необходимым прервать настоящую конференцию".

На этом конференция и закончилась.

Советско-французские отношения.

12 марта французский парламент ратифицировал бессарабский протокол, а 15 марта тов. Чичериным была послана нота на имя Пуанкаре с протестом против действий французского правительства и парламента. В своем ответе от 20 марта Пуанкаре ссылался на тот факт, что бессарабский протокол был ратифицирован другими государствами, подписавшими этот протокол и что присоединение Бессарабии к Румынии является актом свободного волеизъявления молдаванского народа в лице „Сфатул Церия". Переписка закончилась новым ответом Советского правительства, который, изложив всю фактическую историю „свободного волеизъявления", заканчивался следующими словами: „Солидаризируясь с ними (румынским правит.) накануне Венской конференции по внушению французского правительства,—французский парламент берет на себя ответственность за все последствия, которые отсюда вытекают". Обострение советско-французских отношений усиливалось политикою французского посланника Флерио в Китае, направленной к тому, чтобы всячески тормозить советско-китайские переговоры, а после того, как они были закончены, и договор был 28 марта подписан представителями советской и китайской делегации, Флерио активно выступил с нашумевшею нотой протеста против советско-китайского

[1]) См. М. Л. № 4 за 1924 г.

соглашения. Эта нота послужила одним из поводов отсрочки подписания договора Китаем. Цепь активных выступлений Пуанкаре против СССР закончилась его нотою по поводу процесса так называемого „Центра действия“ в Киеве. В ответной ноте тов. Чичерин после оценки этого очередного выступления писал: „Советское правительство неоднократно заявляло о своей готовности начать с французским правительством переговоры о соглашении, конечно, без всяких предварительных условий, и оно принимает к сведению, что французское правительство не только не пошло ему навстречу, но усилило за последнее время враждебный характер своей политики по отношению к СССР“.

В начале мая состоялись выборы нового французского парламента, и 1 июня Пуанкаре подал в отставку, которая Мильераном была принята. Было составлено новое правительство Марсаля, просуществовавшее всего несколько дней, после которого к власти пришел Эррио, сторонник признания СССР Францией. Декларации нового правительства от 17 июня в своей части, касающейся СССР, гласила: „Трагические события и идейные расхождения отделяли нас от Московского правительства, но не заставили нас забыть, что русский народ в течение долгого времени проливал кровь на общих полях сражений. Уже в настоящее время мы готовимся к возобновлению нормальных сношений с СССР при соблюдении условий, которые налагают на нас уважение к договорам. Прежде чем выработать формулу, которая охраняла бы французские интересы, мы должны принять известные меры предосторожности и собрать сведения, которые уже и начали собирать“. Эта декларация, несмотря на свое принципиальное согласие признать СССР, откладывала это дело на некоторое время, а через несколько дней после опубликования декларации стало известным, что французским правительством согласовывается часть декларации, касающаяся СССР, с американским правительством. Междусоюзническая конференция явилась в свою очередь отсрочкой признания. Франция ушла целиком в западно-европейские дела, а в отношении СССР было известно намерение французского правительства, как и раньше, установить единство линии с Соединенными Штатами. Между тем, цифры торговых сношений между СССР и Францией увеличивались, и реальная обстановка требовала ускорения момента признания СССР. Вот почему обмен нотами по вопросу о визировании паспортов французским подданным (15—18 июля) между Эррио и Чичериным явился симптомом наступающего приближения момента признания СССР Францией. В сентябре французским правительством была выделена комиссия по русскому вопросу. В состав комиссии входили председателем де-Монзи, юрис-консультом Фромажо, один представитель министерства иностранных дел и Нуланс. 16 октября комиссия сделала доклад правительству, который заканчивался требованием—немедленного признания СССР „de jure“. 28 октября последовало признание СССР Францией, а через непродолжительное время последовало назначение послов. Советским послом во Францию был назначен тов. Красин, а послом Франции в СССР—г-н Ж. Эрбетт.

Советско-японские переговоры [1]).

После трех попыток договориться с Японией в Дайрене, Чан-Чуне и Токио—20 мая открылись в Пекине русско-японские переговоры.

Целью переговоров являлось возобновление нормальных отношений и признание СССР де-юре Японией, а также урегулирование территориальных и других вопросов.

Со стороны СССР участвует Карахан, со стороны Японии посланник в Китае Иошизава.

23 мая Гото, ведший переговоры с Иоффе, в палате перов заявил о необходимости немедленного признания СССР.

---

[1]) Подробно см. № 3 „М. Л.“ за 1925 г.

До 23 мая состоялось 7 заседаний, переговоры велись по вопросам:
а) о возобновлении дипломатических сношений;
б) об эвакуации северного Сахалина;
г) о Николаевском инциденте.

В виду неполучения инструкций от своего правительства Ишизава 20 июня выехал в Токио. В это время произошла перемена кабинета в Токио. 1 июля новый премьер-министр Като и министр иностранных дел Шидехара заявили на открытии парламентской сессии о необходимости договориться с СССР. 18 августа прерванные от'ездом Ишизава переговоры снова начались, но уже в средине сентября переговоры снова застряли, благодаря чрезмерным требованиям японского правительства по вопросу о концессиях на Сахалине.

В октябре переговоры были снова прерваны, так как японский представитель Ишизава запросил инструкции от своего правительства. В виду неполучения им ответа от своего правительства в течение целых 2-х недель тов. Карахан обратился к нему 22 октября с соответствующим запросом. Пунктом главного расхождения к этому моменту является вопрос о Сахалинской нефти. В то время, когда японцы требовали больше половины наличных нефтяных источников в свои руки, СССР соглашался только на 40%. Конечно, вопрос вообще о дальневосточной политике играл в замедленной работе японского кабинета в этих вопросах большую роль. Принятие проекта постройки Сингапурской базы английским консервативным правительством, эмиграционный закон С. Ш. против японцев, такие же законы австралийского союза, Новой Зеландии, создают не весьма выгодное положение для Японии на Дальнем Востоке. Эти причины вместе с противоречием японских интересов с англо-американскими в китайских делах, все-таки заставляют Японию серьезно ставить вопрос о признании СССР и о соглашении с ним[1]).

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

II Союзный с'езд Советов.

30 января открылся и 2 февраля закончил свои работы II Всесоюзный с'езд Советов. На с'езде присутствовало 1.540 делегатов, из них 90% коммунистов и 10% беспартийных. С отчетом правительства выступил тов. Киселев. В своей речи он указал на ликвидацию каких бы то ни было контр-революционных групп внутри Союза, а касаясь положения сельского хозяйства отметил правильный путь в его развитии. Бывшие в прошлом году кризисы промышленности и транспорта разрешены. Страна стала богаче хлебом, сырьем и товарами и деньгами. Благосостояние рабочего класса и крестьянства улучшилось и поднялось. С докладом о конституции СССР выступил тов. Енукидзе. Сравнивая союзную конституцию с существующими за границей, он сказал „всюду и везде одна из палат превалирует над другой палатой во всех законодательствах мира. У нас же принцип построения обеих законодательных палат совершенно иной. Один строится на принципе классового пропорционального представительства, другой строится на принципе национального представительства". Замнаркомфин М. К. Владимиров отметил, что в 1922—23 г. было достигнуто некоторое бюджетное равновесие и что таковое в 1923—24 г. перешло в накопление. Реформу Наркомфин намерен кончить не позже февраля или марта. С'езд также заслушал доклад Цюрупы и Смилги о сельскохозяйственном банке. После принятия резолюций по вышеуказанным докладам С'езд избрал 414 членов союзного Совета и к ним 220 кандидатов и 100 членов национального Совета. 2-го февраля состоялось заседание союзного ЦИК'а, на котором избран президиум в составе 21 члена и 19 кандидатов. Председателями ЦИК'а избраны:

---

[1]) Уже 20 января 1925 г. Япония признала СССР де-юре.

Калинин М. И., Петровский Г. И., Нариманов Н. Н., Червяков А. Г. и секретарем Енукидзе А. С.

Совет Народных Комиссаров утвержден в следующем составе:

Председатель—А. И. Рыков.

Заместитель Председателя Совета Труда и Обороны и Председателя Совнаркома—Л. Б. Каменев.

Председатель Госплана—Цюрупа В. Д.
Орахелашвили М. Д., Чубарь В. Я.
Наркоминдел—Г. И. Чичерин.
Наркомвоен—Л. Д. Троцкий.
Наркомвнешторг—Л. Б. Красин.
Наркомпуть—Я. Э. Рудзутак.
Наркомпочтель—И. И. Смирнов.
Наркомтруд—В. В. Шмидт.
Наркомпрод—И. И. Брюханов.
Наркомфин—Г. Я. Сокольников.
Председатель ВСНХ—Ф. Э. Дзержинский.

Денежная реформа.

Декретом ЦИК Союза ССР от 5 февраля были выпущены казначейские билеты в 1, 3, 5 рублей золотом, что означало перевод к единой твердой валюте и окончательное изъятие из оборота падающего совзнака. Последнее было осуществлено декретом ЦИК Союза ССР и Совнаркома СССР от 14 февраля, который гласил:

а) прекращается с 15 февраля печатание советских бумажных знаков, стоимость которых не обозначена в твердой валюте;

б) выпущенные уже в оборот дензнаки сохраняют законную силу впредь до их выкупа;

в) валютное управление Союза ССР, а равно и другие запасные фонды на местах прекращают выпуск этих знаков в обращение; оставшиеся на фабриках заготовления госзнаков, в валютных управлениях и других местах фонды подлежат уничтожению.

22 февраля СТО постановил перейти в марте к замене совзнаков монетою и казначейскими билетами.

Постановлением Президиума ВЦИК от 22 февраля Наркомфину СССР поручено приступить к чеканке монеты достоинством в 10, 15, 20 и 50 к. и в 1 рубль серебряной и в 1, 2, 3, 5 коп. медной

Наркомфину поручено к 1 января 1925 г. общую сумму отчеканенной монеты довести до 100 миллионов рублей.

Наркомфин на основании соответствующих постановлений СТО Союза ССР выпускал казначейских билетов в 1924 г.

5 февраля	20.000.000	руб.
22 „ разрешен 2-й выпуск казначейских знаков на сумму	30.000.000	„
21 марта	25.000.000	„
30 апреля разрешен 5-й выпуск	40.000.000	„
12 июня разрешен СТО Наркомфину выпуск казнач. руб. зол.	25.000.000	„
23 июля	50.000.000	„

Постановлением II сессии ЦИК СССР прекращена эмиссия казначейских знаков.

С 1 июня существует золотой паритет рубля в отношении доллара.

На 1 июля в обращении было 500 зол. руб; до 1 января 1925 г. кредитная эмиссия была напечатана в сумме 200 милл. рублей.

Хозяйство СССР в 1924 г.

1923—1924 хозяйственный год является годом роста нашего хозяйства. Этому росту в известной степени помешал неурожай.

Несмотря на обстоятельство, что посевная площадь в 1924 г. достигла 88 % довоенной, все же урожай был меньше, нежели в 1923 г. на 10%. Однако же,

товарный голод в течение 1924 г. доказывает, что покупательная способность основной массы населения—крестьянской—увеличилась. Действительно, если 1924 г. является неурожайным годом, то для всех отраслей сельского хозяйства, кроме зернового, он все же показывает повышательную тенденцию. Так, например, в области технических культур мы имеем большой прогресс по сравнению с 1922 и 1923 годом. Помещаемая ниже таблица с достаточной наглядностью доказывает это быстрое увеличение посевных площадей технических культур [1]).

	Хлопок.	Лен.	Сахарная свекла.
	(В тыс. десятин).		
Так, в 1922 г.	52	818	169
„ „ 1923 г.	165	844	226
„ „ 1924 г.	419	1.056	320
% повыш. по отн. 1922 г. . .	804	130	189

Тот же самый рост был заметен и в области коневодства и животноводства. Крупный рогатый скот увеличился на 32% в 1922 г., овцы достигли довоенных цифр, количество свиней увеличилось на 200% по сравнению с 1922 г. Если взять отдельные части СССР, например Украину, то здесь эта повышательная тенденция выделяется еще с большей рельефностью. К тому же, сельскохозяйственный налог в 1923—24 хоз. году составлял только 4% всего дохода сельского хозяйства.

Вследствие роста покупательной способности крестьянства мы видели в 1924 г. оживление во всех отраслях промышленности. Остановимся в первую голову на столь главной отрасли хозяйства, как топливо. Добыча нефти, по данным т. Рыкова [2]), достигла 65% довоенной и составляет 360 милл. пуд.

Экспорт нефти, по его же данным, достиг 85% довоенного. По позднейшим сведениям [3]) добыча нефти увеличилась на 75% довоенной.

Приблизительно таким же высоким является увеличение добычи угля в истекшем году. Добыча угля в 1923—24 хоз. году достигает 53% довоенной (данные тов. Рыкова). Так, в марте 1921 г. месячная добыча угля равнялась 53 милл. 500 тысяч пудов, а в октябре 1924 г. месячная добыча равнялась 91 милл. пуд. (цифры тов. Смилги). Всего угля было добыто 885 милл. пудов.

Увеличение добычи нефти и угля шло таким быстрым темпом, что в середине 1924 г. предложение превышало спрос и топливная промышленность стояла перед кризисом сбыта. Только твердость плановой политики руководящих советских органов ввела в нормальное русло месячную выработку угля и нефти и теперь к концу года, конечно, никаких опасностей уже нет, тем более что один из главных потребителей угля—метало-промышленность—расширяет свою деятельность. В области металлургии мы также замечаем большой прогресс по сравнению с другими годами. Так в 1921—22 г. было выплавлено 10 милл. пуд. чугуна, в 1923—24 г. 40 милл. пуд.—увеличение в 10 раз. Месячная выплавка в 1921 г. составляла 930 тыс. пуд., а в 1924 г.—4.260 тыс. пуд., т.-е. увеличение на 539% (цифры т. Смилги). То же самое мы видим в выработке мартена и прокатки металла, месячная продукция которых достигла в 1924 г. 5.060 тысяч, что дает по сравнению с 1921 г. увеличение на 541%. Еще в 1922—23 году выработка мартена составляла 27—36 милл. пуд., а в 1923—24 хоз. году 60 милл.

Наиболее заметным является увеличение текстильной промышленности. В истекшем году она достигла 68% довоенного, а в некоторых своих частях достигла и довоенных размеров, ни одна отрасль промышленности столь быстро не восстанавливается, как текстильная.

---

[1]) Речь тов. Рыкова на Всесоюзном с'езде профсоюзов.
[2]) Доклад на Всер. с'езде профсоюзов.
[3]) Статья тов. Смилги в журнале „Плановое хозяйство“ № 1 за 1925 г.

Внешняя торговля за 1923—24 г. превысила цифры 1922—23 г. на 114%.

Общий процент товарного оборота за 1923 — 24 хоз. год достиг 50%. Всего рабочих, занятых в государственной промышленности, на 1 октября 1924 г. насчитывалось 1.425.900 человек. На ряду с ростом промышленности и всего хозяйства в целом, шло увеличение заработной платы рабочих. Заработная плата в 1913 г. составляла в среднем за месяц 25 рублей, а за последний квартал 1923—24 хозяйственного года она достигала 17 р. 70 к. Из всех вышеприведенных цифр ясно видно, что положение советского хозяйства в 1922—24 хоз. году значительно улучшилось и что к 1924—25 году налицо имеются все данные для его дальнейшего и не менее быстрого развития. Только на почве этого роста стало возможно окончательное укрепление нашего червонца. Это укрепление нашего червонца, как и рост всего советского хозяйства, зафиксировано не только в отчетах правительственных деятелей СССР, но и в отчете английской делегации тред-юнионов, в буржуазной прессе, а также в факте котировки червонца на целом ряде иностранных бирж.

Размежевание Средней Азии.

После образования Советской власти и в Туркестане, и в Хорезме и в Бухаре деятельность ее была подвержена постоянным трениям. Трения возникали, главным образом, из-за распределения главного блага—воды. Кроме того, разный хозяйственный, а вместе с тем и культурный уровень частей, часто искусственно об'единенных, вызывали межнациональные раздоры, правда более мелкого характера нежели при царской власти. Национальное размежевание Средней Азии впервые даст возможность развиваться отдельным народностям и в хозяйственном и в культурном отношениях. Вопрос о вхождении Бухарско-Народной Советской Республики и Хорезмской Народной Республики в состав Союза Сов. Соц. Республик и вопрос о размежевании Туркестана были решены на V Всебухарском курултае, на с'езде Советов Хорезмской Республики, на 2-й сессии ЦИК'а Туркреспублики. 2-я сессия Союзного ЦИК'а утвердила размежевание. В результате размежевания на территории Средней Азии образовались Туркменская ССР и Узбекская ССР с Таджикской автономной республикой в составе ее, входящие в СССР Кара-Киргизская автономная область, оставшаяся в составе РСФСР, и Кара-Калпакская автономная область, входящая в состав Киррепублики.

Туркменская ССР составилась из всей Туркменской области, вилайетов и беклств Бухары и Хорезма. Она граничит с Афганистаном и Персией—с одной стороны, Киргизской автономной республикой, Кара-Калпакской автономной областью и Узбекистаном—с другой. Республика делится на округа: Полторацкий, Мервский, Ташаузский, Чарджуйский, Керкинский. Территория Туркменской республики занимает площадь в 388.325 кв. верст, с населением в 1.000.000—1.100.000 душ. По национальности распределение приблизительно следующее: туркмен—80,9%; узбеков—8,6%; русских—4,5%.

Узбекская ССР составилась из частей Туркестана и Бухары (вилайеты: Бухарский, Керминикский, Нуратинский, Каршинский, Шахрзябский, Кухарский, Вайсунский, Самр-Ассианский, без Харатагского тумана и Ширабатский без Келифского тумана).

Округами входящими в состав Узбекской республики, являются: 1) Заревшанский, 2) Кашка-Дарьинский, 3) Шурханский, 4) Самаркандский, 5) Ташкентский, 6) Ферганский и 7) Хорезмский.

Число жителей в Узбекистане—5.600.000 душ, разделяющихся по национальному признаку следующим образом: узбеки—60%, таджики—20%, киргизы и кара-киргизы—8,3%, прочие—11,7%.

Узбекская республика представляет из себя наиболее мощную почву хозяйственную единицу в Средней Азии. Основным национальным доходом являются доходы от сельского хозяйства, в первую очередь земледелия, а затем скотоводства.

Под хлопком в 1923/24 г. на территории теперешней Узбекской республики было засеяно 277.000 десятин. 87% хлопка, вывозимого из Средней

Азии, приходится на Узбекистан, а хлопок составляет 72% всего экспорта средне-азиатских республик. В отношении путей сообщения Узбекская республика, сравнительно с другими республиками Средней Азии, также находится в лучших условиях, имея на своей территории длину железнодорожной линии в 1.843 версты. Узбекская Сов. Соц. Республика лежит между вновь созданной Туркменской республикой и областями, отошедшими в Кирреспублике. С юга она граничит с Афганистаном и отчасти Индией. Южную часть Узбек. ССР составляет выделенная в ее составе на правах автономной республики Таджикская Автономная республика.

Таджикская автономная республика об'единяет часть Восточной Бухары, часть Самаркандского уезда, Ура-Тюбинский уезд и Памир. Площадь ее равна—76.000 кв. верст. Населения—559.714 душ, в том числе: таджиков—65,4%, узбеков—32,4%, киргиз—2,2%.

Из двух оставшихся в пределах РСФСР автономных областей Кара-Киргизская автономная область составилась из частей Джетысуйской области, Сыр-Дарьинской, Ферганской и всей восточной части Памирского района. Эта область пограничная с Китаем и Индией. Площадь автономной области равна приблизительно 202.673 кв. верстам, с населением в 798.770 душ (по переписи 1917—20 годов), подразделяющимся по национальностям следующим образом: кара-киргиз — 505.775 чел. (т.-е. около 64%), узбеков—123.133 чел., киргиз—14.324 чел., русских—135.892 чел., прочих—19.646 чел.

Основной источник национального дохода—скотоводство, составляющее 64% всего областного дохода, на долю земледелия приходится лишь 36%.

Кара-Калпакская автономная область, вошедшая ныне в состав Кирреспублики составилась из части Туркменской области и части Хорезма. Преобладающее население—кара-калпаки—представляют из себя одну из самых многочисленных и отсталых национальностей Средней Азии. Отдаленность от жел.-дор. узлов создает тяжелые условия для развития государственной, а вместе с ней и экономической жизни этой автономной области. Область находится в югу от Аральского моря.

В результате размежевания Средней Азии отошли некоторые районы бывш. Туркестанской республики, населенные киргизами. Районы эти следующие: 1) Сыр-Дарьинская область: Ак-Мечетский уезд, Аулие-Атинский, Казалинский, часть Мирзачульского, часть Ташкентского, Туркестанский и Чимкентский; 2) Джетысуйская область: Алма-Атинский уезд, Джаркентский, Лепсинский, часть Пишкекского и Талды-Курганский; 3) Самаркандская область: часть Джизакского уезда. Количество населения, отошедшего к Киргизии, составляет 1,485.125 чел., с национальным подразделением: киргиз—975.179 чел., т.-е. около 65%, узбеков—147,283 чел., русских—292.407 чел., прочих—88.256 чел.

Таким образом, в результате национально-территориального размежевания Средней Азии вместо прежних Туркреспублики, Бучары и Хорезма создался ряд самостоятельных государственных единиц, размежеванных по национальному признаку.

Образование Молдавской С. С. Республики.

В течение всего 1924 года бессарабы по всей СССР, с одной стороны, а с другой, жители, оставшейся под Советской властью части Бессарабии, входившей в состав Украины, на своих многочисленных собраниях единодушно требовали образования самостоятельной советской социалистической Республики из оставшейся части Бессарабии. После того, как вопрос окончательно назрел, III сессия Украинского ЦИК'а в своем заседании от 29 октября решила принять следующее постановление:

Принимая во внимание твердо выраженную волю рабочих и крестьян Советской Молдавии и исходя из незыблемых основ конституции СССР, III сессия ВУЦИК'а восьмого созыва постановляет:

1) образовать в составе Украинской Социалистической Советской Республики Автономную Молдавскую Советскую Социалистическую Республику;

2) границы Молдавской республики установить:

а) с северо-запада—по северо-западной границе поселенных отводов Грушки и Окницы, Велико-Косницкого района, Тульчинского округа, Подольской губернии, следуя затем по границам—Каменского района, Тульчинского округа, Подольской губернии, оставляя в стороне село Балканы и местечко Загнидков, следуя дальше в направлении сел Писаревки и Петровки, Крыятинского района, Балтинского округа, Одесской губернии, далее следуя в направлении ст. Борщи и сел: Гидерим, Посицелых и Осиповки;

б) с востока—по восточной границе села Михайловки, в направлении города Ананьева, Валегоцулова, Антоновки, Еленовки, Новоалександровки, слободы Плосской, Граденицы, г. Тирасполя и хутора Слободзейского, далее по Кучерганскому лиману через озеро Плосское, в направлении хутора села Троцкого;

в) с запада и юго-запада—по государственной границе СССР;

3) Поручить образуемой ВУЦИК'ом смешанной комиссии из представителей Молдавской ССР и губисполкомов Одесской и Подольской губерний точное определение границ Автономной Молдавской ССР с предоставлением его на окончательное утверждение в президиум ВУЦИК'а;

4) временное определение основ государственного устройства и конституционных взаимоотношений Автономной Молдавской ССР с УССР возложить на президиум ВУЦИК'а, уполномочив последний по выработке этих основ представить таковые на утверждение первого с'езда советов Молдавской ССР и по одобрении последним представить на окончательное утверждение Всеукраинского с'езда советов;

5) для организации органов власти на территории Молдавской ССР и для созыва всемолдавского с'езда советов рабочих, селянских и красноармейских депутатов организовать временный революционный комитет, которому предоставить всю полноту власти на территории Молдавской ССР до созыва первого с'езда советов.

Утверждение личного состава временного ревкома поручить президиуму ВУЦИК'а.

29 октября на заседании президиума ВУЦИК'а был утвержден состав революционного комитета автономной Молдавской Социалистической Советской Республики. Ревком состоит из старых революционеров-молдаван, проведших большую часть своей общественно-политической деятельности в Бессарабии в борьбе с царским режимом, а затем с румынскими оккупантами.

Председателем ревкома назначен тов. Старый—по происхождению молдаванин, а по профессии рабочий-железнодорожник. Тов. Старый—партийный работник, со стажем с 1901 года. В 1917 г. он был выставлен кандидатом в учредительное собрание от Бессарабии по об'единенному списку интернационалистов и большевиков. В 1918 году, преследуемый румынской охранкой, т. Старый перебрался на Украину, где принимал видное участие в борьбе против петлюровцев, а затем и в партийной работе. До последнего времени тов. Старый заведывал партийной работой на транспорте одесского узла. Тов. Старый кончил в 1923 г. Свердловский университет.

Член ревкома и зам. председателя тов. Строев, молдаванин по происхождению, по профессии—юрист. Тов. Строев—партийный работник с 1904 года. В 1910 г. за революционную деятельность он был выслан из Петербурга. В 1917 г. тов. Строев был членом бессарабского губисполкома и секретарем губпрофсовета. В последние годы тов. Строев состоял референтом по молдавским делам в Наркоминделе УССР, а с 1923 г.—членом верховного суда УССР.

Другой член ревкома—тов. Криворуков, молдаванин по происхождению, по профессии—рабочий-столяр, бывший в 1905 г. матросом на восставшем броненосце „Потемкин". В 1919 году тов. Криворуков стоял во главе первого советского правительства в Бессарабии. Член ревкома тов. Бучушкану, молдаванин, по профессии народный учитель, сын крестьянина, в 1918 году был товарищем председателя крестьянской фракции сфатул-церия. Член ревкома

тов. Бадеев—по профессии рабочий-садовник. В революционном движении тов. Бадеев принимает участие с 1903 года. Член ревкома Екатерина Арборе, румынка по происхождению, по профессии врач, была видной партийной работницей в Румынии. Тов. Арборе была выслана румынским правительством из Румынии и до последнего времени занималась партийной работой в Молдавии. Членом ревкома, также председатель одесского губисполкома—товарищ Иванов. После перенесения на некоторое время столицы республики в Балту последняя была вновь перенесена в конце года в Тирасполь.

Восстание в Грузии.

28—29 августа в Закавказьи, в Чиатурах, было выступление меньшевиков. 28 августа отряд численностью в 30 человек напал на спящий город Чиатуры, арестовал несколько товарищей-руководителей местн. организации РКП. В восстании принимало участие все местное дворянство. После занятия Чиатур отряд организовал „временное правительство". То же самое случилось в Сенакском уезде. Отдельные выступления были в Гаре-Кахетии, Сортачали, в Зугдидском уезде и в горной части Гурии. Восстание было местными силами ликвидировано 29 августа. Восстание было организовано группою видных меньшевиков, возвратившихся специально для этой цели в Грузию из-за границы. Среди них К. Андроникашвили, И. Дживахашвили, М. Богоришвили, Джипария, М. Цхиели, все они и составили во время восстания комитет „независимости Грузии". 4 сентября в Шиордвинском монастыре были задержаны: председатель К-та Коте Андроникашвили и секретарь Инсон Джавахашвили. У арестованных было обнаружено несколько тысяч французских золотых франков. Кроме них были арестованы: член военной комиссии ЦК меньшевиков Георгий Джапарио, а также Михаил Сишконелли и Михаил Воришвили. 2-го сентября сдался ЧК Аджаристана. Один из организаторов восстания, Гизо Анджебаридзе, заявил, что восстание должно было начаться еще 15-го августа, но было отложено вследствие ареста Джугели на 28 августа.

Несмотря на полную ясность вопроса об организации восстания, иностранная пресса подняла кампанию. Гвоздем ее явилось выступление французского делегата социалиста-меньшевика Поля Бонкура на заседании Лиги Наций в Женеве 11 сентября, которым от имени французской, бельгийской и английской делегаций была предложена и Лигою принята следующая резолюция:

„Собрание, возвращаясь к резолюции 3-го собрания от 22 декабря 1923 г. относительно Грузии, приглашает Совет внимательно исследовать события в этой части света и использовать все представляющиеся средства, чтобы сделать возможным возвращение этих стран к нормальному положению путем мирных средств и в согласии с международным правом".

От Совета Народных Коммиссаров ССС Грузии.

(Правительственное сообщение).

Правительство считает необходимым в целях точной информации населения о происшедших вчера событиях в Грузии сообщить следующее:

Авантюристы из подпольного ЦК меньшевиков и паритетного комитета, возглавляемого князем Андрониковым, несмотря на неоднократные их заявления о том, что они отказываются от вооруженной борьбы с советской властью, делают теперь отчаянные безумные попытки вооруженной рукой свергнуть рабоче-крестьянскую власть. С этой целью 28 августа, в 4 часа утра, меньшевистскими бандитами произведено нападение на Чиатуры. Эта банда состояла из представителей паритетной контр-революции: бывших полковников, князей, дворянчиков и промышленников. Благодаря принятым нами мерам, это выступление быстро ликвидировано, и в Чиатурах восстановлена нормальная жизнь. Главари и виновники восстания захвачены, все они понесут суровую кару.

В некоторых других пунктах Грузии меньшевиками совершены такие же бандитские выступления, которые уже ликвидированы силами самих трудящихся. Правительством приняты меры к охране твердого порядка, спокойствия и безопасности населения.

29 августа 1924 года. Тифлис, дворец.

Дело Савинкова.

В 20-х числах августа ОГПУ на территории СССР был арестован Борис Викторович Савинков. Савинков был одним из самых активных врагов рабоче-крестьянской России. Виднейший революционный деятель царской России, он был одним из тех террористов, которые в начале 90-х годов устроили целый ряд актов, напугавших в свое время царистскую Россию: убийство московского генерал-губернатора дяди Николая II—князя Сергея и других несколько покушений на самого царя. Был осужден к смертной казни, но бежал из тюрьмы, жил в эмиграции с 1911 года. С февральским переворотом 1917 года сначала работает управляющим делами военного министерства, потом военным министром. Поддерживал Корнилова. После октябрьского переворота из месяца в месяц активно выступал против советской России. Устроил знаменитое восстание в Ярославле 1918 г., был последовательно участником выступлений белогвардейских генералов против советской России. Уполномоченный Колчака в Париже и т. д. После поражения генералов устраивал небольшие набеги на СССР.

Состав суда: председатель тов. Ульрих. Члены суда: т.т. Камерон и Кушнирюк.

В ответах на вопросы Савинкова выяснилось, что им:

1) было получено 200.000 руб. на террористическую работу против деятелей РСФСР от президента Чехо-Словацкой республики Массарика.

2) Что восстание в Ярославле им было начато по предложению французского посла Нуланса.

3) Лево-эсеровское восстание было начато по предложению французских агентов.

4) Что Черчилль называл армию Деникина „своей армией".

5) Что Ллойд-Джордж вел переговоры с Савинковым против РСФСР накануне Генуэзской конференции.

6) Что ему было предложено Пилсудским формирование русской народной армии.

7) Что налеты на РСФСР предпринимались с ведома Пилсудского после подписания мира Польшей с РСФСР.

8) Что ему было предложено до ареста свидание с Эррио и Макдональдом, после их прихода к власти.

28 августа постановлением суда Борис Викторович Савинков был приговорен к смертной казни, но, принимая во внимание его раскаяние, суд постановил ходатайствовать о смягчении ему наказания.

ЦИК СССР в своем постановлении от 29 августа смертную казнь отменил и заменил 10 годами тюремного заключения. Арест и раскаяние Савинкова вызвало большую тревогу как среди белогвардейских кругов, так и лиц, замешанных в русской контр-революции из видных деятелей иностранных государств.

Процесс Малиновского.

Начиная с конца августа, общественное мнение СССР интересуется рабкоровским и селькоровским движением. Этот интерес усиливается еще тем обстоятельством, что селькоры и рабкоры, раскрывая целый ряд больших и мелких преступлений в печати, вызывают месть изобличенных ими людей. Отсюда и цепь убийств селькоров, в первую голову рабкоров. Одним из таких

случаев было убийство сельского корреспондента николаевской газеты „Красный Николаев“ Григория Малиновского, который был убит своим братом Андреем. Убийство было предпринято сельскими властями. Суд открылся 7 октября и кончился 23 октября. Был вынесен приговор следующий: Андрей Малиновский, Семенович, Веселовский, Попандопуло-отец, Тугута и милиционер Стецук приговорены к расстрелу. Посталати и Иванов—к 3 годам лишения свободы. Попандопуло-сын — на 3 года 4 месяца лишения свободы.

Принимая во внимание, что Андрей Малиновский, Семенович и Веселовский явились слепыми орудиями в руках власти—суд расстрел заменил им заключением на 7 лет.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Русская журнальная литература по международной жизни и политике за 1924 г.

Список сокращенных обозначений журналов.

Название.	Сокращение.
Большевик	Б.
Вестник Финансов	В. Ф.
Внешняя Торговля	Вн. Т.
Жизнь	Ж.
Звезда	З.
Коммунистический Интернационал	Ком. Ин-л.
Красный Архив	Кр. Ар.
Красный Интернационал Профсоюзов	Кр. Ин-л Пр.
Красная Новь	Кр. Н.
Международная Жизнь	М. Ж.
Международная Летопись	М. Л.
Молодая Гвардия	М. Гв.
Народное хозяйство Средней Азии	Нар. Х-во Ср. А.
Новый Восток	Н. В.
Печать и Революция	П. и Р.
Плановое Хозяйство	Пл. Х-во.
Рабочий журнал	Раб. Ж.
Россия	Р.
Русский Современник	Р. С.
Социалистическое Хозяйство	Соц. Х-во.
Спутник Коммуниста	Сп. К-та.
Экономическое Обозрение	Эк. Об.

I.

Общие вопросы международной политики.

1. **Адрианов С.** От парламентаризма к диктатуре. (Р. № 1).—2. **Амтер И.** Коммунистический Интернационал и Компартия Америки. (Ком. Ин-л № 1).—3. **Агеев С.** Из международного движения почтово-телеграфных работников. (Кр. Ин. Пр. № 5).—4. **Алуф А.** Международное движение медработников. (Кр. Ин. Пр. № 6).—5. **Аренс.** Лондонская Конференция. (М. Ж. № 4—5).—6. **Аренс.** Репарационный вопрос по докладу комиссии экспертов. (М. Ж. № 2—3).—7. **Аренский А.** В международном комитете пропаганды швейников. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—8. **Арсентьев П.** Как реформисты на международном конгрессе обошли вопрос об единстве. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).—9. **Богданов П.** Итоги стокгольмского конгресса Интернационала строителей. (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).—10. **Бела-Кун.** К 60-летней годовщине I Интернационала. (Ком. Ин-л № 7)—

11. **Блискавицкий Н.** Современный милитаризм. (Сп. К-та № 4—5).—12. **Бухарин Н.** Второй Интернационал под флагом „левого коммунизма". (Б. № 5—6). 13. **Бураго Б.** Наступление строительного капитала и задачи строителей. (Кр. Ин. Пр. № 5).—14. **Варга Е.** Экономические причины и следствия мировой войны. (Ком. Ин-л № 5—6).—15. **Вардин Ил.** Мировая война, социал-демократия и большевизм. (М. Ж. № 6).—16. **Вардин Ил.** Российский пролетариат и мировая война. (Ком. Ин-л. № 5—6).—17. **Вартавер С.** Торговые и торгово-промышленные отношения между Германией и Соедин. Штатами Северной Америки. (Соц. Х-во кн. II).—18. **Вельтнер А.** Международная конференция по рабочему просвещению. (Кр. Инт-л Пр. № 9 — 10).—19. **Верховное командование** в первые дни революции. Предисловие В. И. Невского. (Кр. Ар. т. V).—20. **Войтинский Г.** Октябр. революция и колониал. и полуколон. народы. (Н. В. кн. 6).—**Вуйович В.** IV Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи. (Ком. Ин-л № 7).—22. **Г. В.** Первая тихоокеанская Конференция Транспортников. (Ком. Ин-л № 7).—23. **Геккерт Ф.** III Конгресс Красного Профинтерна. (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).—24. **Геллерт Л.** Тихоокеанская конференция транспортников в Кантоне. (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).—25. **Граще И.** Борьба революционных химиков за 8-час. рабочий день. (Кр. Инт. Пр. № 6).—26. **Гримм Э.** Доктрина „открытых дверей" и американская политика в Китае. (М. Ж. № 4—5).—27. **Гримм Э.** К истории русско-болгарских отношений. (Н. В. кн. 5).—28. **Гримм Э.** Китайский вопрос от Симоносекского мира до мировой войны (1895—1914). (Н. В. кн. 6).—29. **Дербер П.** Японская эмиграция и Соединенные Штаты. (Н. В. кн. 6.)—30. **Дмитриев Г.** Основные моменты профдвижения на Балканах. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—31. **Дмитров Г.** Ленин и революционное рабочее движение на Балканах. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—32. **Его же.** Европейская война и рабочее движение на Балканах. (Ком. Ин-л № 5—6).—33. **Дневник** А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.). (Кр. Ар. т. V).—34. **Договор** Латвии и Эстонии от 1-го декабря 1923 г. (М. Л. II).—35. Договоры государств Малой Антанты. Танжерский вопрос. Итало-греческий конфликт. Ликвидация соглашения Лансинг-Ишии. Послание президента С. Ш. Америки Кулиджа конгрессу. Концессия Честера-Кеннеди в Анатолии. Постоянная Палата Международного Суда. (М. Л., 1).—36. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Италией. (М. Ж. № 2—3).—37. **Документы.** Внешняя политика СССР. Переписка Макдональда и Пуанкаре. Договоры арабских государств с Великобританией. Статут Лиги Наций. (М. Л. № 3).—38. **Домбаль Т., Чирков И.** Сельскохозяйственный пролетариат и Крестьянский Интернационал. (Кр. Ин. Пр. № 4).—39. **Дюнуа, Амедей.** Французский пролетариат и империалистическая война. (Ком. Ин-л № 5—6).—40. **Дени, Вильям Ф.** Как повлияла война на Америку. (Ком. Ин-л № 5—6).—41. **Зеликман.** Рабочее движение в капиталистических странах. (Б. № 1).—42. **Зиновьев Г.** Великий перелом. (З. № 4).—43. **Его же.** Как зародился Коминтерн и что он сделал за первые 5 лет. (Ком. Ин-л № 2).—44. **Его же.** Первое пятилетие Коминтерна. (Ком. Ин-л № 1).—45. **Его же.** К итогам конгресса Коминтерна. (Б. № 7—8).—46. **Его же.** Война и ленинизм. (Ком. Ин-л № 5 - 6).—47. **Иванов И.** Вашингтонская конференция и ее всемирно-историческое значение. (М. Л. 1).—48. **Иванов Б.** Концентрация сил капитала в деревообдел. промышленности. (Кр. Ин. Пр. № 6).—49. **Его же.** Международное движение деревообделочников на грани 1924 года. (Кр. Ин. Пр. № 1).—50. **Его же** Борьба за революционизирование производственных интернационалов. (Кр. Ин. Пр. № 6).—51. **Его же.** Иностранная хроника (апрель—июль). (М. Ж. № 4—5).—52. **Его же.** Иностранная хроника (январь—март). (М. Ж. № 2—3).—53. **Его же.** Иностранная хроника (конец 1923 г.) (М. Ж. № 1).—54. **Его же.** Иностранная хроника. (З. № 1).—55. **Ирандуст.** Борьба за Моссул. (М. Ж. № 4 - 5) — 56. **Калнин А.** Организационные задачи революционных профсоюзов. (Кр. Ин. Пр. № 6).—57. **Его же.** III конгресс и об'единение чехословацкого революционного движения. (Кр. Ин. Пр. № 9—10).—58. **Его же.** IV Международная конференция революционных горнорабочих. (Кр. Инт. Пр. № 7—8).—59. **Каконен Л.** Международное движение. (Сп. К-та № 9).—60. **Каспарова.** Женское движение на Востоке. (Н. В. кн. 6).—61. **Кайсаров В.** Мировая война (напряжение и потери). (З. № 4).—62. **Китайгородский.** Поли-

тика империализма в нефтяном освещении. (М. Гв. № 7—8). — 63. **Его же.** Вопрос о капитуляциях на Лозаннской конференции. (Н. В. кн. 5). — 64. **Колонтай А.** Война (отрывки из дневника 1914 г.) (З. № 4).—**Коларов В.** Национальный вопрос на Балканах. (Ком. Инт. № 3—4). — 66. **Его же.** Три интернационала. (Сп. К-та № 1). — 67. **Его же.** Пятилетие Коминтерна. (Ком. Ин-л № 1). — 68. **Красный Ю.** Международный крестьянский Совет (Крестьянский Интернационал). (Ком. Ин-л № 3—4). — 69. **Кряжин В.** Ближневосточный вопрос, Черное море и СССР. (Н. В. кн. 5).—70. **Кин Д.** Россия в мировой войне. (Сп. К-та № 4—5). — 71. **Кон Фэликс.** Капиталистический террор. (Ком. Инт. № 1).—72. **Его же.** Конвенция о режиме в проливах. (М. Ж. № 1).—73. **Коростелев А.** За единство профдвижения. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—74. **Кошева.** Коммунистическая партия Польши и Коминтерн. (Ком. Ин-л № 1).—75. **Куусинен.** Под русским руководством. (Ком. Ин-л № 1). — 76. **Лебедев Л.** Среди текстильщиков. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).—77. **Ленин Н.** Третий Интернационал, его место в истории. (Ком. Ин-л. № 1).—78. **Лехнен.** Война и Коминтерн. (Ком. Ин-л. № 5—6). — 79. **Лисовский П.** Иностранная хроника. (З. № 6). — 80. **Лозовский А.** Перед III конгрессом Профинтерна. (Кр. Ин. Пр. № 6).—81. **Его же.** Борьба за единство мирового профдвижения. (Кр. Инт. Пр. № 7—8). — 82. **Его же.** Международное рабочее движение и III конгресс Коминтерна. (Б. № 5—6). — 83. **Его же.** Основные проблемы мирового профдвижения перед V конгрессом Коминтерна. (Ком. Ин-л № 3—4).—84. **Мануильский Д.** К вопросам тактики. (Ком. Ин-л № 7). — 85. **Его же.** Итоги V Всемирного Конгресса. (Сп. К-та № 4—5).—86. **Мартынов А.** Мировая война и мировая социалистическая революция. (Ком. Ин-л № 5—6).—87. **Его же.** Материалы Национального Комитета „Руки прочь от России". (М. Ж. № 2—3). — 88. **Его же.** Материалы и документы истории отношений международного социализма к войне. **А. Малецкий.** Предисловие. I Интернационал, II Интернационал. Канун войны 1914 г. Война. Манифест Коммунистического Интернационала к мировому пролетариату (к десятилетию империалистической войны). (Ком. Ин-л № 5—6). — 89. **Майский И.** Международное обозрение. (З. № 1). — 90. **Его же** Война и политика. (З. № 4).—91. Международная хроника. (М. Л. № 3).—92. Международная хроника. (М. Л. II). — 93. **Менкес М.** Распад Малой Антанты. (М. Ж. № 2—3). — 94. **Минит С.** Ураганное десятилетие. (З. № 4).—95. Мировая политика. (Б № 7—8). — 96. **Мехонотин К.** Красные профсоюзы и физическое развитие рабочего класса. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—97. **Морозов Н.** К характеристике современного положения европейского пролетариата. (М. Гв. № 1). — 98. **Монмуссо Г.** После смерти Ленина. (Кр. Ин. Пр. № 4).—99. **Мерфен, Ден.** Десять лет. (Ком. Ин-л № 5—6). — 100. **Его же.** Они опутали рабочих сетью лжи. (Ком. Ин-л № 5—6). — 101. **Н. П.** Как началась война (воспоминания и документы). (З. № 4). — 102. **Нариманов Н.** Ленин и Восток. (Н. В. кн. 5). — 103. **Нейрат Алоис.** Старо-австрийский социал-патриотизм. (Ком. Ин-л № 5—6). — 104. **Осинский Н.** Мировое хозяйство и кризисы. (Соц. Х-во кн. I и II) (начало см. „Соц. Х-во" 1923 г. кн. 7—8). — 105. **Павлович М.** Ленин и народы Востока. (Н. В. кн. 5). — 106. **Его же.** Восстание в испанском Марокко и его международные последствия. (Кр. П. № 7—8). — 107. **Его же.** Химическая война. (Кр. Н. № 3). — 108. **Его же.** Румыния в мировой войне и бессарабский вопрос. (М. Гв. № 6).—109. **Панкратова А.** Борьба за единство мирового профдвижения. (Б. № 10). — 110. **Пасиаль.** Конгрессы Коминтерна. (Сп. К-та № 1).—111. **Пасналь П.** Под руководством третьего Интернационала. (Ком. Ин-л № 1).—112. **Пашуканис Е.** Рур и репарации. (М. Л. № 1). — 113. **Его же.** Германские репарации и межсоюзническ. долги. (М. Л. II).—114. **Посткрипт.** Исторические параллели. (М. Ж. № 1). — 115. **Политический календарь** (январь—сентябрь). (М. Ж. № 4—5). — 116. Постановления VI конференции Балканской коммунистической федерации по национальному вопросу. (Ком. Ин. № 3—4). — 117. **Попов А.** К истории возникновения русско-сиамских отношений. (Н. В. кн. 6). — 118. **Его же.** Страницы из истории русской политики в Персии. (М. Ж. № 4—5). — 119. **Правила,** касающиеся контроля над радиотелеграфом во время войны и воздушной войны, намеченные комиссией юристов, имевшей поручение изучить вопрос о пересмотре законов войны и сделать по этому вопросу доклад. (М. Ж. № 1). — 120. **Прения** по докладу

И. А. Иванова (см. М. Л. I). (М. Л. II). — 121. **Проект** российской делегации регламента и прохождения судов через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор. (М. Ж. № 1).—122. **Политический календарь** (с 1 янв. 1923 г.—1 дек. 1923 г.). (М. Ж. № 1).—123. **Пятницкий О.** Организационные задачи секций Коминтерна. (Ком. Ин-л № 3—4). — 124. **Раден Карл.** Десять лет спустя. (Ком. Ин-л № 5—6).—125. **Радин С.** Общий взгляд на народы Балканско-Дунайской Европы. (И. В. кн. 6).—126. **Раден К.** Лондонская конференция. (Ком. Ин-л № 7).—127. **Рефлинг А.** Новая мировая война. (Р. II). —128. **Рой М.** Второй Интернационал и самоопределение народов. (Ком. Ин-л № 2). — 129. **Рубинштейн М.** Концентрация капитала и задачи рабочего движения. (Кр. Ин. Пр. № 5).—130. **Русско-Германский** договор 1905 г. (Кр. Ар. т. V). —131. **Сен. Катаяма.** Коминтерн и Дальний Восток. (Ком. Ин-л № 1). — 132. **Сирога Ирьо.** На границе двух миров. (Ком. Ин-л № 5—6). — 133. **Слуцкий Г.** Пустые разговоры и благочестивые пожелания (XXVII конгресс Международной федерации горнорабочих). (Кр. Инт. Пр. № 7—8). — 134. **Скотт, Чарльз Э.** Съезд индустриальных рабочих мира. (Кр. Ин. Пр. № 1).—135. **Смолянский.** Международное движение на смерть Ленина. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—136. Соглашение между Италией и Юго-Славией от 27 ноября 1923 г. (М. Л. II). — 137. **Спектатор.** Влияние войны на народное хозяйство. (З. № 4). — 138. **Сталин И.** К международному положению. (Ком. Ин-л № 7).—139. **Стюарт.** Коммунистический Интернационал и британское рабочее движение. (Ком. Ин-л № 1). — 140. **Таска, Анжело.** Пролетарское движение в Италии и война. (Ком. Ин-л № 5—6).—141. **Терначчини I.** Под знак серпа и молота. (Ком. Ин-л № 1).—142. **Юзефович** П. Русские профсоюзы и производственные интернационалы. (Кр. Ин. Пр. № 6).—143. **Юр.** Оккупация Рейна и Рура. (М. Ж. № 1). — 144. **Ф. Г.** Некоторые итоги войны. (Ком. Ин-л № 5—6).—145. **Финансовые совещания** союзников во время войны (доклад министра финансов П. Л. Барка). (Кр. Ар. т. V.). — 146. **Фостер В.** Три года Лиги Профессиональной Пропаганды. (Кр. Ин. Пр. № 6).—147. **Фостер В., Лозовский А.** Проект программы Лиги Профессиональной Пропаганды. (Кр. Ин. Пр. № 6).—148. **Хаин А.** Роль международных портовых бюро в организации моряков. (Кр. Ин. Пр. № 1).—149. **Хинчук Л.** XI Международный кооперативный конгресс в Генте. (Кр. Инт. Пр. № 9—10).—150. **Ходоров А.** Ленин и национальный вопрос. (И. В. кн. 5).—151. **Цеткин К.** Всемирное поле деятельности Коминтерна. (Ком. Ин-л № 3—4). — 152. **Чирков Ив.** Мирное движение сельскохозяйственных рабочих. (Кр. Ин. Пр. № 2—3). — 153. **Тальгеймер А.** О программе Коминтерна. (Б. № 7—8 .—154. **Штюрмер Г.** Женевская конференция Лиги Наций. Договор о „гарантиях“ и вопрос о „разоружении“. (М. Ж. № 4—5).—155. **Его же.** Англо-французские взаимоотношения в области Средиземного моря (Соц. Х-во кн. II, III, V).—156. **Шахновский Э.** Конференция портовых бюро. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—157. **Шапиро Б.** IX международный конгресс печатников. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).—158. **Шлаффер.** Германское рабочее движение и война. (Ком. Ин-л № 5—6).—159. **Шюллер Р.** Коминтерн и создание Коммунистического Интернационала молодежи. (Ком. Ин-л № 1).—160. Хроника международных событий. (М. Л. I).

II.

Общие вопросы международной экономики.

161. **Батуев М.** Конъюнктура мирового рынка в 1923 г. (Соц. Х-во кн. III).—162. **Букшпан Я.** О протекционизме. (Э. Об. № 12). — 163. **Бухарин Н.** Противоречия современного капитализма, (Б. № 10). —164. **Бухарцев Д.** Кризис мирового судоходства (Соц. Х-во кн. II).—165. **Вансов В.** Поход против 8-часового рабочего дня в металлическ. индустрии. (Кр. Ин. Пр. № 5).—166. **Вансов В.** План Дауэса и металлисты. (Кр. Инт-л Пр. № 12). — 167. **В. Кр.** Мировой кризис текстильного сырья и задачи сельского хозяйства СССР. (Эк. Об. № 12.).—168. **Гольденберг Э.** Германское хозяйство и репарации. (Соц. Х-во кн. V).—169. **Дашевский Г.** Нефтяной империализм на Ближнем Востоке. (И. В. кн. 6).—170. **Древницкий В.** План Дауэса в действии. (Кр. Инт-л Пр. № 12).—

171. **Загрецков М.** Жилищная политика Запада. (В. Ф. № 12).—172. За рубежом (иностранная хроника). (Эк. Об. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 13, 15, 16, 17—18, 20, 21).—173. Иностранная хроника (еж. „Иностранный отдел") (Хроника финансовой жизни иностр. государств). (В. Ф. № 1, 2, 4—5, 6, 7, 8, 9—10, 11, 12).—174. **Ипатьев В.** Химическая промышленность во время войны. (З. № 4).—175. **Капелюш Ф.** Государственные долги и государственное банкротство. (М. Ж. № 1).—176. **Кайсаров В.** Железные дороги в Африке. (П. В. кн. 6).—177. **Кистенев С.** Финансовое положение Европы. (М. Гв. № 6).—178. **Кузнецов К.** План Дауэса, его осуществление и его осуществимость. (В. Ф. № 9—10).—179. **Л. П.** Мировой лесной рынок и экспорт леса из СССР. (Эк. Об. № 21).—180. **Павлович М.** Великие рельсовые и морские пути в послевоенный период. (П. В. кн. 6).—181. **Перлин Л.** Вывоз капитала из Соединенных Штатов после войны. (Соц. Х-во кн. III).—182. **Попов-Татива Н.** Японские и английские планы железнодорожных строительств в Китае. (П. В. кн. 6).—183. Проект экспертов. (Б. № 7—8) —184. **Рубинштейн М.** Колонизация Европы американским капиталом. (Б. № 12—13).—185. **Стрист С.** Основные принципы новейших международных торговых договоров. (В. Ф. № 11).—186. **Скотт-Пиринг.** Нефть и микробы войны. (Раб. Ж. № 2, 3—4).—187. **Стецкий А.** Экономические пружины американского „наступления". (З. № 3). — 188. **Стрельцов.** Кризис мировой лесной торговли. (Вн. Т. № 15—16, 4-й год изд.). — 189. **Солдатов И.** Судьбы мирового рынка золота за последнее десятилетие. (Соц. Х-во кн. IV).—190. **Слуцкий Г.** Горняки и план Дауэса. (Кр. Инт. Пр. № 12). — 191. **Чижиков О.** Борьба за мировой льняной рынок и экспортная политика. (Эк. Об. № 2).—192. **Шателен М.** Финансирование мелкой электрификации за границей. (Пл. Х-во № 3). — 193. **Штейн Б.** Наступление англо-американского финансового капитала. (Б. № 12—13).—194. **Ходоров Е. А.** Китайско-Восточная жел. дор. (М. Ж. № 1). — 195. **Хубаров Б.** Железные дороги Африки. (П. В. кн. 5).—196. **Эринг Р.** Межрабпом и экономическая борьба. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).

III.

Международное право.

197. **Ключников Ю.** Международное рабочее право и Версальская организация труда. (М. Л. № 3).—198. **Его же.** Советская Россия перед иностранными гражданскими судами. (М. Л. 1).—199. **Мокринский С.** Политические преступления в международных договорах о выдаче преступников. (М. Ж. № 2—3).—200. **Сабанин Андрей.** Летняя сессия 1923 г. Академии Международного Права в Гааге. (М. Ж. № 1).—201. **Его же.** Новое в области права войны. (М. Ж. № 1).

10. Чехо-Словакия.

402. **Гайс А.** К проблеме единого большого союза в Чехо-Словакии. (Кр. Ин. Пр. № 6).—403. **Гайс И.** Вопросы профдвижения на втором с'езде компартии Чехо-Словакии. (Кр. Ин. Пр. № 12).—404. **Граше И.** Чехо-словацкие профсоюзы в 1923 году. (Кр. Ин. Пр. № 5).—405. **И. Г.** Рабочее движение. (Кр. Инт. Пр. № 9—10). — 406. **Его же.** Чехо-словацкое рабочее движение в 1923 году. (Кр. Ин. Пр. № 1).—407. **Кан Р.** Профсоюзы и компартия в Чехо-Словакии. (Кр. Инт. Пр. № 7—8).—408. **Крейбих К.** Национальный вопрос в Чехо-Словакии. (Ком. Ин-л № 3—4).

11. Япония.

409. **Дунаевский Л.** Крестьяне и батраки Японии. (Кр. Ин. Пр. № 1).—410. **Матов А.** Землетрясение в Японии. (Кр. Ин. Пр. № 2). — 411. **Попов А.** Рабочее движение после катастрофы. (Кр. Ин. Пр. № 4).—412. **Сен-Катаяма.** Корейский труд в Японии. (Кр. Ин. Пр. № 6). — 413. **Его же.** Профессиональное движение в Японии. (Кр. Ин. Пр. № 5).—414. **Его же.** Результаты выборов

в Японии. (Сп. К-та № 2—3). — 415. **Его же.** Стачка матросов в Кобе. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).

12. Прочие страны.

416. **А. В.** Референдум о рабочем времени. (Кр. Ин. Пр. № 4).—417. **Арбузян.** Положение в Палестине. (Ком. Ин-л № 3—4).—418. **Абузям.** Пробуждение еврейского рабочего. (Кр. Инт. Пр. № 12).—419. **Его же.** Современная Палестина и ее рабочее движение. (Кр. Ин. Пр. № 2—3). — 420. **Его же.** Фашизм в Палестине. (Кр. Ин. Пр. № 4).—421. **Его же.** Национальный вопрос в профессиональном движении Востока. (Кр. Ин. Пр. № 5).—422. **Аверул.** Рабочее движение в Румынии. (Кр. Ин. Пр. № 5).—423. **А. Н.** Профессиональное движение. (Кр. Ин. Пр. № 12).—424. **Амброза А.** Эстония сегодня. Очерк. (М. Гв. № 10).—425. **Астрохильдо.** Профессиональное движение в Бразилии. (Кр. Ин. Пр. № 6).—426. **Бадулеску.** Заработная плата, дороговизна и капиталистическая прибыль. (Кр. Ин. Пр. № 9—10). — 427. **Его же.** Профессиональное движение. (Кр. Ин. Пр. № 6).—428. **Его же.** Профессиональные союзы и рабочий класс в Румынии. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—429. **Баррейра А.** Современная Бразилия. (Кр. Ин. Пр. № 1).—430. **Биг-Бен.** Вооруженные силы Индии. (Н. В. кн. 5).—431. **Бошкович.** Положение в Юго-Славии. (Ком. Ин-л № 8).—432. **Булацель А.** Внешняя политика послевоенной Болгарии. (М. Ж. № 2—3).—433. **Ванеоз В.** Испанские металлисты и Конрад Илг. (Кр. Ин. Пр. № 4).—434. **Ванин И.** Судьбы голландской Ост-Индии. (Н. В. кн. 5). — 435. **Вельтнер А.** Экономическая борьба австрийских рабочих. (Кр. Ин. Пр. № 1).—436. **Его же.** Венгрия на рубеже 1924 г. (Кр. Ин. Пр. № 1). — 437. **Его же.** Чрезвычайный с'езд венгерских профсоюзов. (Кр. Ин. Пр. № 5).—438. **Его же.** Всеобщая забастовка печатников. (Кр. Инт. Пр. № 6).—439. **Его же.** Под знаком оздоровления. (Кр. Ин. Пр. № 4). —440. **Л-де-Вессер.** Профессиональное движение. (Кр. Инт. Пр. № 7—8).—441. **Волан Элис.** Положение рабочего класса и новые организационные формы в профдвижении. (Кр. Инт. Пр. № 12).—442. Государство, фашизм и рабочее движение. (Кр. Ин. Пр. № 4).—443. **Дмитров Г.** Болгарский вопрос и Коминтерн. (Ком. Ин-л № 7).—444. **Его же.** Рабочее движение под гнетом фашистской реакции. (Кр. Инт. Пр. № 7—8).—445. **Его же.** Болгарская Компартия и Коммунистический Интернационал. (Ком. Инл. № 1).—446. **Зафар-Хасан.** Аграрный вопрос в Индии. (Н. В. кн. 6).—447. **И. Ш.** С'езд швейцарских профсоюзов. (Кр. Инт. Пр. № 9—10). — 448. **И. Ш.** Раскольническая деятельность швейцарских социал-демократов. (Кр. Инт. Пр. № 9—10).—449. **Иранский.** Через военную диктатуру к национальному государству. (Н. В. кн. 5).—450. **Коларов В.** Врангелиада в Болгарии. (П. и Р. кн. II). — 451. **Его же.** Тактика Болгарской Коммунистической партии в свете событий. (Ком. Ин. № 1). — 452. **Его-же.** Дмитрий Благоев—основатель и вождь Болгарской Коммунистической партии (1855—1924). (Ком. Ин-л № 3—4).—453. **Косма А.** Рабочее движение. (Кр. Инт. Пр. 12). — 454. **Кряжин В.** Индия, по роману Рабиндраната Тагора. (П. и Р. кн. V).—455. **Левин Макс.** Большевизм в Швеции. (Ком. Ин. № 8).—456. **Лумивуоко И.** Состояние профессионального движения. (Кр. Инт. Пр. № 4).—457. **Его-же.** Обзор профессионального движения. (Кр. Инт. Пр. № 7—8).—458. **М. А.** Рабочее движение в Индонезии. (Кр. Инт. Пр. № 12).—459. **Маген Г.** Конференция независимых союзов. (Кр. Ин. Пр. № 1).—460. **Маурин И.** Рабочее движение при рабочей диктатуре. (Кр. Инт. Пр. № 7—8). — 461. **Маннер К.** Крестьянский вопрос в Финляндии. (Ком. Ин-л № 2).—462. **Мануильский Д.** К уходу Хеглунда. (Ком. Ин-л № 7)—463. **Мицкевич-Капсукас В.** Очерки современной Литвы. (Ком. Ин-л № 2).—464. **Нин А.** Экономический кризис и профессиональное движение. (Кр. Инт. Пр. № 12).—465. **Норд А.** Классовая борьба в Норвегии. (Ком. Ин. № 3—4). — 466. **Осетров В.** Духовенство в Персии. (М. Ж. № 1). — 467. **Сабо Д.** Восьмичасовой рабочий день. (Кр. Ин. Пр. № 1).—468. **Семенов В.** Рабочий класс и профессиональное движение. (Кр. Ин. Пр. № 1). — 469. **Сейгель Б.** Эволюция индийских национальных конгрессов. (Н. В. кн. 6). — 470. **Спектатор.** Австрия под контролем Лиги Наций. (М. Л. № 3).—471. **Стучка П.** „Демократическая" Латвия. (Ком. Ин-л № 2). — 472. **Пегельман Г.** Эстония. (Ком Ин-л № 2). — 473.

Профессиональное движение в Греции. (Кр. Ин. Пр. № 5).—474. **Пузиль В.** Рабочий класс и положение труда. (Кр. Ин. Пр. № 7—8).—475. **Пузиль-Пузлес В.** Положение промышленного пролетариата в Латвии. (Кр. Ин. Пр. № 6).—476. Положение рабочего класса и профессиональное движение. (Кр. Ин. Пр. № 4).—477. Рабочее движение. (Кр. Инт. Пр. № 12).—478. **Радич С.** Сербы и хорваты—два полюса так называемой Юго-Славии. (М. Ж. № 4—5).—479. **Рой М. Н.** Борьба против империализма в Индии. (Ком. Ин-л № 8).—480. **Тивель.** Вопросы индийской революции. (Б. № 1).—481. **Тимов С.** Финансовый кризис и национально-освободительная и классовая борьба в Румынии. (Б. № 12—13).—482. **Фаркаш Г.** Победа коммунистов на выборах в Прикарпатской Руси. (Ком. Ин. № 3—4).—483. **Федоров Р.** К событиям в Египте. (Б. № 15—16). — 484. **Фосс К.** Большевизация Коммунистической партии в Швеции. Сп. К-та № 7).—466. **Я. С.** Падающая валюта и локаутная система. (Кр. Ин. Пр. № 5).

Политика и экономика 4-х отдельных стран.

1. Великобритания.

202. **Аллинсон, Д.** Гулльский конгресс тред-юнионов. (Кр. Инт-л Пр.).—203. **Его-же.** Конференция революционных меньшинств английских профсоюзов. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).—204. **Беер, М.** Объединенная буржуазия против „Рабочей Партии". (Ком. Ин-л № 8).—205. **Больгар, А.** Английский пролетариат прежде и теперь. (Соц. Х-во, кн. IV).—206. **Брайен, Джон.** Борьба за власть в Англии. (Ком. Ин-л № 8).—207. **Вотинис, Н.** Из деятельности революционной оппозиции среди горнорабочих. (Кр. Ин. Пр. № 1).—208. **Галлахер, В. Джон Маклин.** (Ком. Ин-л № 1).—209. **Демский, Л.** Современная внешняя торговля Британской Индии. (Соц. Х-во, кн. IV).—210. **Ильинский, И.** Новая фаза в развитии Британской империи. (П. и Р., кн. 1).—211. **Ираздуст.** Британская имперская выставка. (Н. В., 6).—212. **Левидов, М.** Английские выборы, их причины и результаты. (М. Гв. № 1).—213. **Лозовский, А.** Английский реформизм у власти. (Кр. Ин. Пр. № 4).—214. **Майский, И.** Международное обозрение. Английские выборы. (З. № 5).—215. **Его же.** Международное обозрение. Рабочее правительство в Англии. (З. № 2).—216. **Мани, Том.** Члены Рабочей Партии у власти. (Кр. Ин. Пр. № 5).—217. **Мартынов, А.** Уроки выборов в Англии. (Ком. Ин-л № 8).—218. **Его же.** Еще к вопросу об уроках английских выборов. (Ком. Ин-л № 8) —219. **Манн, Том.** Дела английские. (З. № 3).—220. **Мерфи, Дж.** Полгода власти рабочего правительства. (Б. № 11).—221. **Палм-Датт.** Общие выборы и внешняя политика Англии. (Ком. Ин-л № 1).—222. **Палм Датт, Р.** Британский рабочий класс после выборов. (Ком. Ин-л № 8).—223. **Поллит Гарри.** В. И. Ленин и британский рабочий класс. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—224. **Его же.** Выборы в Англии. (Ком. Ин-л № 8).—225. **Его же.** Левое крыло в английском профдвижении. (Кр. Инт-л Пр. 12).—226. **Его же.** Очередные задачи революционного рабочего движения в Англии. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—227. **Его же.** Программная речь Макдональда. (М. Л. 11).—228. **Радек, К.** Рабочее правительство в Англии. (Ком. Ин-л. № 2).—229. **С. М.** Стачка докеров. (Кр. Ин. Пр. № 4).—230. **Его же.** Рабочая политика рабочего правительства. (Кр. Ин. Пр. № 5).—231. **Стюарт.** Рабочая партия у власти. (Сп. К-та № 1).—232. **Его же.** Рабочее правительство в Англии. (Б. № 1).—233. **Увира, Р.** Канада. (Соц. Х-во, кн. III).—234. **А. Чекин.** Английские силуэты. (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).—235. **Чекин.** Современная Англия. (Раб. Ж. № 3—4).—236. **Э. Б.** Британская имперская конференция 1923 г (М. Ж. № 1).

2. Германия.

237. **Адамович, М.** Транспортники в Гамбурге (Конгресс Международной федерации транспортников и конференция революционных транспортников). (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).—238. **Брандлер, Г.** Рабочая кооперация и профсоюзы. (Кр. Инт-л Пр. 12).—239. **Его же.** Ленин и германский пролетариат. (Кр. Ин. Пр. № 1).—240. **Его же.** Рабочая кооперация и профсоюзы. (Кр. Инт-л Пр. 12).—241. **В. Ф.** Новая денежная реформа в Германии. (Соц. Х-во,

кн. V).—242. **Гаммер, Макс.** Борьба за 8-часовой рабочий день. (Кр. Ин. Пр. № 1).—243. **Гербер, Р.** Сельское население Германии и революция. (Сп. К-та № 1).—244. **Зиновьев, Г.** Уроки германских событий и тактика единого фронта. (Ком. Ин-л № 1).—245. **Его же.** Германия накануне революции. (З., № 1).—246. **Кантер, Ян.** Государство и деловое сотрудничество, работодатели и профессиональные союзы. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—247. **Его же.** Стачечная борьба германского пролетариата в 1923—24 г. (Кр. Ин. Пр. № 6).—248. **Капелюш.** Диктатура буржуазии и „оздоровление" Германии. (Кр. И. № 3).—249. **Кистенев, С.** Денежное обращение в Германии. (Соц. Х-во, кн. 1).—250. **Его же.** Коммунистическая партия Германии и Коминтерн. Из речи представителя Исполкома Коминтерна на Франкфуртском с'езде компартии Германии. (Ком. Ин-л № 3—4).—251. **Левин, М.** Новый курс германской компартии. (Б. № 1).—252. **Ледер, Ц.** Германская революция и профсоюзы. (Ком. Ин-л № 3—4).—253. **(Лозовский, А.).** Задачи германских коммунистов в профдвижении. (Речь тов. Лозовского на с'езде Германской Компартии). (Кр. Ин. Пр. № 5).—254. **Его же.** Настоящее и ближайшее будущее профсоюзов и фабзавкомов в Германии. (Кр. Ин. Пр. № 1).—255. **М. Г.** С'езд германского союза металлистов. (Кр. Ин. Пр. № 4).—256. **Майский, И.** Международное обозрение. Куда идет Германия. (З. № 3).—257. **Маслов, А.** Тактические расхождения внутри Германской Коммунистической Партии. (Ком. Ин-л № 1).—258. **М. Л.** Чрезвычайный конгресс Унпона работников физического и умственного труда. (Кр. Инт. Пр. № 7—8).—259. **Мюнценберг, В.** Германский фашизм. (Ком. Ин-л № 3—4).—260. **Пайкратова, А.** Проблема профдвижения в Германии. (Б. № 12—13).—261. **Первушин, Н.** Концентрация германской промышленности. (Соц. Х-во, кн. III, IV).—262. **Его же.** Положение в германском профессиональном движении и ближайшие задачи коммунистической партии Германии (Резолюция Франкфуртского с'езда германской компартии). (Кр. Ин. Пр. № 5).—263. **Радек, К.** Роза Люксембург. (Сп. К-та № 1).—264. **Рейснер, Лариса.** Гамбург на баррикадах. (Ж. № 1).—265. **Реммеле, Г.** Вокруг борьбы пролетариата в Германии. (Ком. Ин-л № 1).—**Его же.** Итоги с'езда Германской Коммунистической Партии. (Ком. Ин-л № 3—4).—267. **Его же.** Итоги с'езда Германской Коммунистической партии. (Б. № 5—6).—268. **Розенберг.** Значение выборов в Германский рейхстаг. (Сп. К-та № 2—3).—269. **Тальгеймер, А.** Очередные задачи. (Б. № 10).—270. **Его же.** Выборы в германский рейхстаг и коммунистическая партия. (Сп. К-та № 2—3).—271. **Фишер, Рут. Ф. Тельман Кениг.** К вопросу о профсоюзах в Германии. (Кр. Ин. Пр. № 1).—272. **Фрейлих. П.** Выборы в германский рейхстаг. (Ком. Ин-л № 3—4).—273. **Его же.** Политические партии в Германии и выборы в рейхстаг. (Б. № 5—6).—274. **Цетнин, К.** Пять лет соглашательства. (Сп. К-та № 1).—275. **Шахновский, Э.** Стачка германских моряков в Англии и ее итоги. (Кр. Инт-л Пр. № 4).—276. **Штрассер Иза.** Женщины в промышленности и в профдвижении. (Кр. Инт-л Пр. № 12).—277. **Его же.** Стачка металлистов. (Кр. Инт. Пр. № 9—10).—278. **Эйнштейн, К.** Идейный распад Германии. (Р. 1).

3. Италия.

279. **Джерманетто, Джовани.** Атака фашистов против итальянской федерации работников морского транспорта. (Кр. Ин. Пр. № 1).—280. **Его же.** Восьмой конгресс федерации металлистов. (Кр. Ин. Пр. № 6).—281. **Его же.** Комедия парламентских выборов и профсоюзов. (Кр. Ин. Пр. № 4).—282. **Его же.** Перспективы профессионального движения. (Кр. Ин. Пр. № 1).—283. **Серрати, Дж.** Итальянский фашизм. (З. № 3).—284. **Его же.** Предательство Б. Муссолини (из воспоминаний 1914 г.). (З. № 4).—285. **Его же.** Заметки о положении в Италии. (Ком. Ин-л № 3—4).—286. **Терначчини I.** Эмиграция и фашистское правительство. (Кр. Ин. Пр. № 5).—287. **Ферри, Марио.** Итальянский рабочий. (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).

4. Китай.

288. **Базыкин, С.** Основы китайского земледелия. (Н. В., кн. 6).—289. **Виленский (Сибиряков), В.** Что происходит в Китае. (З. № 5).—290. **Воробьев, И.** Финансы Китая. (Н. В., кн. 5).—291. **Войтинский, Г.** Борьба в Китае.—292.

Его же. Интервенция в Китае. (Б. № 12—13).—293. **Его же.** Партия Гоминдан и китайская революция. (Б. № 1).—294. **Его же.** Положение на юге Китая и правительство Сун-Ят-Сена. (Ком. Ин-л № 7).—295. **Ивин, А.** Современный Китай. (Н. К., кн. 5 и 6).—296. **Кауфман, Л.** Японский империализм и Корея. (Н. Б., кн. 5).—297. **Лашкевич, Г.** Судебно-административная реформа в особом районе Маньчжурии (1920—1921). (М. Ж. № 1). —298 **Ли-Шин-Хуа.** Гражданская война и рабочий класс. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).—299. **Минусон.** Китайский узел. (М. Гв. № 9).—300. **Мусин.** Промышленость и пролетариат Шанхая. (Кр. Инт-л Пр. № 12).—301. **Попов, А.** Организации федерации железнодорожников. (Кр. Ин. Пр. № 6).—302. **Семенов.** Первый этап гражданской войны в Китае. (Ком. Ин-л № 8).—303. **Его же.** Окончание первого этапа гражданской войны в Китае (Н. В., кн. 6). —304. **Сен-Катаяма.** Гражданская война в Китае и рабочий вопрос. (Кр. Инт-л Пр. № 12).—305. **Ходоров, А. Е.** Новые пути в истории Китая. (Н. В., кн. 6).

5. Польша.

306. **Бранд, Э.** Капиталистическое „оздоровление" и проблема рабочего с'езда в Польше. (Кр. Ин. Пр. № 4).—307. **Валецкий, Д.** Национальный вопрос в Польше и Коммунистическая Партия Польши. (Ком. Ин-л № 7).—308. **Войткевич, М.** Борьба за реальную заработную плату. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—309. **Его же.** Накануне новых боев. (Кр. Ин. Пр. № 1).—310. **Красный, Ю.** Политическое положение Польши. (Сп. К-та № 7).—311. **М. Н.** Из опыта стачечной стратегии в Польше. (Кр. Ин. Пр. № 6.—312. **Раевский, С.** К эволюции общественных отношений. (Соц. Х-во, кн. 1).—313. **Радецкий, Е.** Уроки забастовки горнорабочих в польской Верхней Силезии. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).—314. **Сталин, Н.** О Компартии Польши. (Б. № 11).

6. Сев.-Амер. Соед. Штаты.

315. **Броудер, Ирл.** Безработица в Соед. Штатах. (Кр. Ин. Пр. № 5).—316. **Его же.** Сотрудничество классов в Америке. (Кр. Ин. Пр. № 1.—317. **Денив.** Профсоюзная пресса в Америке. (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).—318. **Деникс, Ю.** Перед президентскими выборами в Соединенных Штатах. (Соц. Х-во, кн. IV).—319. **Джексон, Джемс.** Негры в Америке (Ком. Ин-л № 8).—320. **Джонстон, Дж. В.** Горнорабочие должны бороться. (Кр. Ин. Пр. № 6).—321. **Ледер, З.** Американская сделка и профсоюзы. (Кр. Ин. Пр. № 9—10).—322. **Ольгин, М.** Современный американский рабочий. (Кр. Ин. Пр. № 6).—323. **Павлович, М.** Экономическое могущество Соединенных Штатов. (П. и Р., кн. 1).—324. **Синклер, Льюис.** Кто и почему выбирал Кулиджа. (З. № 6).—325. **С. С** За океаном. (М. Гв. № 9).—326. **Увпра, Рудольф.** Забастовочное движение американских рабочих в 1887—1921 г. (Кр. Ин. Пр. № 6).—327. **Увпра, С.** Письма из Америки. (П. и Р., кн. II).—328. **Фостер, В.** С'езд горнорабочих. (Кр. Ин. Пр. № 4).

7. СССР.

329. **Аренс.** Борьба вокруг советской нефти. (Соц. Х-во, кн.IV).—330. **Его же.** Акты и документы. Общий договор между Союзом Советских Социалистических Республик с Великобританией и Северной Ирландией, подписанный в Лондоне 8 августа 1924 г. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией и Северной Ирландией, подписанный в Лондоне 8 августа 1924 г. (М. Ж. № 4—5).—331. **Его же.** (Баланс внешней торговли СССР). (Вн. Т. № 11, 14 (4 год изд. № 32—33 3 год изд.).—332. **Болдырь, А.** Реализация экспортного плана в 1922—23 г. (Эк. Об. № 11).—333. **Бонч-Осмоловский, А.** Внешняя торговля Дальнего Востока за время войны и революции (Н. В. кн. 5).—334. **Б. Р.** Договоры СССР с Великобританией в их торгово-политическом значении. (Вн. Т. № 3, 4 год изд.).—335. **Буйневич, М.** Об экспорте

ферро-марганца и учреждении марганцевой монополии. (Пл. Х-во № 3).—336. **Габит, И.** Перспективы торговли на западно-китайской границе. (Нар. Х-во Ср. А., № 4).—337. **Гениг, И.** Экономические основы и перспективы наших товарных взаимоотношений с Китаем. (Эк. Об. № 20).—338. **Генин, И.** Экономические последствия юридического признания СССР Грецией. (Эк. Об. № 16).—339. **Годзишевский, Э.** Экспорт промышленных продуктов. (Соц. Х-во, кн. 11).—340. **Дипломат.** Англо-Советский договор. (Соц. Х-во, кн. IV).—341. **Его же.** Дипломатическая переписка СССР (июль 1923—январь 1924). (М. Л. 1).—342. **Защук, С.** Торговля с Северо-Восточной Персией. (Нар. Х-во Ср. А. № 4).—343. **Заненштраль-Пискорский.** Перспективы экономических отношений между Норвегией и СССР. (Эк. Об. № 17—18).—344. Эстонское народное хозяйство и экономические взаимоотношения между Эстонией и СССР. (Эк. Об. № 12).—345. **Ивин, А.** Китай и Советская Россия. (Кр. Н. № 3).—346. **Его же.** Интервью и заявления по вопросам внешней политики СССР (М. Л. 1).—347. **Кауфман, М.** Итоги и перспективы внешней торговли. (Эк. Об. № 12).—348. **Его же.** (Лесной экспорт СССР). (Вн. Т. № 34 (3 год изд.).—349. **Лозовский, А.** Шаг вперед (к образованию Англо-Русского Комитета Единства. (Кр. Инт-л Пр. № 12).—350. **Майский, И.** Как мы выполняем заветы Ленина (гл. II внешней о политике). (З. № 6).—351. **Мандельштам Одиссей, А.** Об англо-советском договоре. (М. Гв. № 7—8).—352. **Немченко.** Национальное размежевание Средней Азии. (М. Ж. № 4—5).—353. **Его же.** (Нижегородская ярмарка и внешняя торговля (Вн. Т. № 24—25, 3-й год изд.).—354. **Павлович, М.** Англия и признание СССР. (М. Гв. Кр. Н. № 2).—355. **Его же.** СССР и Восток. (Н. В., кн. 6).—356. **Его же.** (Перспективы торговли СССР с Францией). (Вн. Т. № 10 (4 год изд.).—357. **П. Л.** Иностранная печать о Ленине. (З. № 2).—358. **Поспелов,** Е. Пути в Западный Китай. (Нар. Х-во Кр. А. № 4).—359. **Постскрипт.** Наша диалектика (М. Ж. № 4—5).—360. **Его же.** (Русско-английские торговые отношения). (Вн. Т. № 14, 3 год изд.).—361. **Его же.** (Русско-германский торговый конфликт). (Вн. Т. № 19—20, 3 год изд.).—362. **Его же.** (Русско-германские торговые отношения). (Вн. Т. № 14, 4 год изд.).—363. **Его же.** (Русско-германская торговая конференция). (Вн. Т. № 8—9, 4 год изд.).—364. **Его же.** (Русско-итальянские торговые отношения) (Вн. Т. № 15—16, 17—18, 21, 3 год изд.).—365. **Его же.** (Русско-китайские торговые отношения). (Вн. Т. № 36 (3 год изд.).—366. **Его же.** (Русско-персидский торговый договор). (Вн. Т. № 26—27).—367. **Сандомирский, Г.** Венская конференция и судьбы „Великой Румынии" (М. Ж. № 2—3).—368. **Санталов.** Русско-великобританская торговля. (Эк. Об. № 7).—369. **Соболев. М.** Транзит, как проблема нашей торговой политики. (Эк. Об. № 11).—370. **Его же.** (Статьи о кредитовании внешней торговли СССР. (Вн. Т. № 4 (4 год изд.).—371. (Статьи о монополии внешней торговли в СССР). (Вн. Т. № 5—6 (4 год изд.).—372. **Усатенко-Червоенный.** СССР-Афганистан-Англия (Нар. Х-во Ср. А. № 4).—373. **Танин, М.** Советский союз и буржуазные государства. (Б. № 1).—374. **Шенинман, И.** Эволюция русского экспорта. (Соц. Х-во, кн. 1).—375. **Членов, С.** Лозанская трагикомедия. (П. и Р., кн. 1).—376. **Шимановский, С.** Проблема связи СССР с Западным Китаем. (Нар. Х-во Ср. А. № 4).

8. Турция.

377. **Астахов, П.** Экономические тенденции. Турция после отмены Халифата. (Соц. Х-во, кн. V).—378. **Астахов, Г.** Рабочее движение в новой Турции. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—379. **Его же.** Проблемы новой Турции (Ашар). (Н. В., кн. 5).—380. **Китайгородский.** Правительство Кемаль-Паши. (Сп. К-та № 1).—381. **Соколов, И.** Земельные отношения в Турции Канзимара. (Н. В., кн. 6),—382. **Штюрмер, Х. Г.** Турция после Лозанны. (М. Ж. № 2—3).

9. Франция.

383. **Вайан Кутюрье.** От бюрократической плутократии к фашизму. (Ком. Ин-л № 2).—384. **Дюбилье.** Задачи унитарных профсоюзов Франции. (Кр. Инт-л Пр. 12).—385. **Дюнуа, А.** Положение французской компартии. (Ком. Ин-л № 2).—386. **Его же.** Французские выборы. (Сп. К-та № 2—3).—386. **Дюре, Ж.**

Борьба политических сил во Франции. (З. № 3).—388. **Жан Мот, Ж.** Профессиональное движение. (Кр. Инт-л Пр. № 7—8).—389. **Его же.** Реформистские вожди раскалывают профсоюзы. (Кр. Инт-л Пр. № 9—10).—389. **Нин, Андрес.** Всеобщая конференция труда накануне конгресса\ (Кр. Ин. Пр. № 5).—390. **Его же.** Сессия национального Совета У.В.К.Т. (Кр. Ин. Пр. № 5).—391. **Павлович, М.** Французский империализм (З. № 6).—392. **Садуль, Ж.** Французская политика и выборы. (М. Ж. № 2—3).—393. **Его же.** Новая фаза в развитии французского империализма. (Кр. Н. № 7—8).—394. **В. С. Г.** Всеобщая конфедерация Труда и избирательная борьба. (Кр. Ин. Пр. № 1).—395. **Трэн, А.** Выборы во французский парламент и революционные перспективы. (Б. № 5—6).—396. **Его же.** Выборы во Франции и революционные перспективы. (Ком. Ин-л № 3—4).—397. **Его же** Франция после V конгресса. (Ком. Ин-л № 8).—398. **Э. А.** К вопросу об организации фабзавкомов. (Кр. Ин. Пр. № 1).—399. **Эрле А.** К вопросу о профсоюзном единстве во Франции. (Кр. Ин. Пр. № 1).—400. **Эрле, А.** Дороговизна жизни во Франции и падение франка. (Кр. Ин. Пр. № 2—3).—401. **Его же.** Фашизм во Франции. (Кр. Ин. Пр. № 4).

СОДЕРЖАНИЕ.

I. СТАТЬИ.

Стр.

Г. В. Чичерин.—Ленин и внешняя политика 3
К. Радек.—Итоги 1924 года в области международной политики . 11
Спектатор.—Мировая хозяйственная конъюнктура в 1924 г. . . 28
О. Иоффе.—Международное профессиональное движение в 1924 г. 60
Ю. В. Ключников.—Лига Наций в 1924 г. 82
Е. Б. Пашуканис.—Лондонская конференция и план экспертов . 110
Б. Штейн.—Торговые договоры СССР за 1924 г. 122
В. Гурко-Кряжин.—Ближний Восток в 1924 г. 127
Г. Сандомирский.—Балканы в 1924 году 148
М. Галкович.—Китай в 1924 г. 167
Л. Иванов.—Мировая экспансия Соединенных Штатов в 1924 г. 196
Ю. К.—К десятилетию мировой войны. 245

II. ХРОНИКА.

Европа. Азия. Америка. Африка. Океания 257

III. БИБЛИОГРАФИЯ.

Русская журнальная литература по международной жизни и политике за 1924 г. 322